

ISSN 1563-0223
Индекс 75878; 25878

ӘЛ-ФАРАБИ атындағы ҚАЗАҚ ҰЛТТЫҚ УНИВЕРСИТЕТІ

ҚазҰУ ХАБАРШЫСЫ

Филология сериясы

КАЗАХСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ имени АЛЬ-ФАРАБИ

ВЕСТНИК КазНУ

Серия филологическая

AL-FARABI KAZAKH NATIONAL UNIVERSITY

EURASIAN JOURNAL

of Philology: Science and Education

№3 (167)

Алматы
«Қазақ университеті»
2017

ХАБАРШЫ

ФИЛОЛОГИЯ СЕРИЯСЫ №3 (167)

ISSN 1563-0223
Индекс 75878; 25878

25.11.1999 ж. Қазақстан Республикасының Мәдениет, ақпарат және қоғамдық келісім министрлігінде тіркелген

Куәлік №956-Ж.

Журнал жылына 4 рет жарыққа шығады

ЖАУАПТЫ ХАТШЫ

Зуева Н.Ю. – ф. ғ. к., доценті (Қазақстан)

РЕДАКЦИЯ АЛҚАСЫ:

Әбдиманұлы Ө. – ф. ғ. д., профессор (ғылыми редактор)
(Қазақстан)

Күркебаев К.К. – ф. ғ. к., доцент (ғылыми редактордың
орынбасары) (Қазақстан)

Таева Р.М. – ф. ғ. к., профессор м.а. (редактордың
көмекшісі) (Қазақстан)

Түманова А.Б. – ф. ғ. д., профессор (редактордың
көмекшісі) (Қазақстан)

Алинтаева Л.Т. – ф. ғ. к., доцент м.а. (редактордың
көмекшісі) (Қазақстан)

Дарибаев С.Д. – ф. ғ. к., доцент (Қазақстан)

Джолдасбекова Б.У. – ф. ғ. д., профессор, ҰҒА
корреспондент-мүшесі (Қазақстан)

Донна Орвин – ф. ғ. д., профессор, Торонто университеті
(Канада)

Евдокимова С. – PhD, асс. профессор, Браун университеті
(АҚШ)

Жаң Жин Жин – ф. ғ. д., профессор, Пекин ұлттық
орталық университеті (Қытай)

Карағойшиева Д.А. – ф. ғ. к., PhD, доцент (Қазақстан)

Кибальник С.А. – ф. ғ. д., профессор, Орыс әдебиеті
институты (Ресей)

Мадиева Г.Б. – ф. ғ. д., профессор (Қазақстан)

Морхье Пост – PhD, асс. профессор, Берген университеті
(Норвегия)

Насие Йылдыз – ф. ғ. д., профессор, Гази университеті
(Түркия)

Риверс Уильям П. – ф. ғ. д., профессор, Ұлттық кеңес
және тілдерді дамыту жөніндегі халықаралық оқыту (АҚШ)

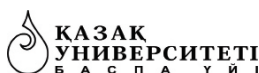
Салқынбай А.Б. – ф. ғ. д., профессор (Қазақстан)

Сэт А. Агбо – PhD, асс. профессор, Лейкхэд университеті
(Канада)

Сулейменова Э.Д. – ф. ғ. д., профессор (Қазақстан)

Темірболат А.Б. – ф. ғ. д., профессор (Қазақстан)

Кенжеқанова Қ.К. – PhD, техникалық редактор
(Қазақстан)

Ғылыми басылымдар бөлімінің басшысы

Гульмира Шаккозова

Телефон: +77017242911

E-mail: Gulmira.Shakkozova@kaznu.kz

Компьютерде беттеген

Айгүл Алдашева

Жазылу мен таратуды үйлестіруші

Мөлдір Өміртайқызы

Телефон: +7(727)377-34-11

E-mail: Moldir.Omirtaikyzy@kaznu.kz

ИБ № 11320

Басуға 14.09.2017 жылы қол қойылды.

Пішімі 60x84 ¹/₈. Көлемі 9 б.т. Офсетті қағаз. Сандық басылыс.

Тапсырыс № 5170. Таралымы 500 дана. Бағасы келісімді.

Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің

«Қазақ университеті» баспа үйі.

050040, Алматы қаласы, әл-Фараби даңғылы, 71.

«Қазақ университеті» баспа үйінің баспаханасында басылды.

© Әл-Фараби атындағы ҚазҰУ, 2017

1-бөлім
АУДАРМА ТЕОРИЯСЫ

Раздел 1
ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА

Section 1
THE THEORY OF TRANSLATION

Аллахвердиева Р.З.,

аспирант Бакинской академии хореографии,
Азербайджан, г. Баку, e-mail: rozazergerli77@gmail.com

ПЕРЕВОДЫ РУССКИХ ДРАМАТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ДЛЯ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ СЦЕНЫ

Спектакли русских драматургов, которые были продемонстрированы на сценах некоторых азербайджанских театров, сыграли немаловажное значение в национальном театральном искусстве. Автор, основываясь на архивные документы, воспоминания и на статьи периодически печатных изданий, приводит конкретные примеры, анализируя, как классические, так и современные русские драматические произведения, поставленные в азербайджанских театрах, а также автор смог проследить их важное взаимодействие в пути творческого развития видных азербайджанских деятелей сценического искусства. К тому же, автор, методом исследования и анализа изучил спектакли разных театров и их безоговорочно успешную постановку. Помимо того, что автор отдельно проследил пути творческого развития разных поколений режиссеров и актеров, плеяда которых, принимая участие в этих драматических произведениях, вложила важнейшую роль в становлении национального театрального искусства, также автор постарался изучить причины некоторых неудачных и слабых постановок. В данной статье, указывается роль и значение русской драматургии, а также ее взаимодействие и пропаганда.

Ключевые слова: театр, драматургия, искусствовед, произведения, переводы, литература.

Allahverdiyeva R.Z.,

Graduate student of Baku Academy of Choreography,
Azerbaijan, Baku, e-mail: rozazergerli77@gmail.com

Translations of russian dramatic works of literature for the Azerbaijani scene

The theatricals of the Russian dramatists that were shown on the stages of some Azerbaijanian theatres played a not insignificant value in a national dramatic art. Author, being base on the archived documents, remembrances and on the articles periodically the printed editions, makes concrete examples, analyzing, both classic and modern Russians the dramatics put in the Azerbaijanian theatres, and also an author was able to trace their important co-operation on the way of creative development of the visible Azerbaijanian figures of theatrics. Besides, author, studied the theatricals of different theatres and their unreservedly successful raising the method of research and analysis. Besides that an author traced the ways of creative development of different generations of stage-directors and actors, the plead of that, taking part in these dramatics, inlaid a major role in becoming of national dramatic art, separately, also an author tried to study of reason some unsuccessful.

Key words: theatre, dramaturgy, art critic, works, translations, literature.

Аллахвердиева Р.З.,

Баку хореографиялық академиясының аспиранты,
Әзірбайжан, Баку қ., e-mail: rozazergerli77@gmail.com

Орыс драмалық шығармаларының әзірбайжан сахнасына арналған аудармалары

Кейбір әзірбайжан сахналарында қойылған орыс драматургтарының спектакльдері ұлттық театр өнерінде маңызды мәнге ие болды. Автор мұрағат құжаттарына, мерзімді басылымдардағы мақалалар мен естеліктерге сүйене отырып, азербайжан театрларында қойылған классикалық

және заманауи орыс драмалық шығармаларын талдай отырып, нақты дәйектер келтіреді. Сонымен бірге сахна өнерінің көрнекті әзірбайжан өкілдерінің шығармашылық даму жолына әсер еткендігін тілге тиек етеді. Автор зерттеу және талдау әдіс тәсілдермен әртүрлі театр қойылымдарын және олардың сөзсіз табысқа жету себептерін анықтайды. Бұдан өзге, драмалық шығармаларға қатыса отырып, ұлттық театр өнерінің аяққа тұруы үшін маңызды роль атқарған әр кезеңдегі режиссерлар мен актерлардың шығармашылық дамуын бөлек қарастырған болатын. Сонымен қатар автор кейбір сәтсіз және әлсіз шыққан қойылымдардың себебін анықтаған. Осы мақалада орыс драматургиясы, және олардың әрекеттестігі мен маңызы көрсетіледі.

Түйін сөздер: театр, драматургия, өнертанушы, шығармалар, аудармалар, әдебиет.

Введение

Взаимодействие культур разных народов, во все времена, оказывали важную роль, в развитии человеческой нравственности, а также их этических и эстетических ценностей. Бесспорно, что и в основе развития национальных культур обусловлено лишь, таким качеством, как взаимодействие. Конечно же, национальная культура, прежде всего, развивается на основе самобытных и оригинальных ценностей. Видный русский критик В.Г. Белинский, принимая во внимание, важность значений национальных и общечеловеческих ценностей писал, что «способность творчества есть талант, а способность быть народным в творчестве – другой талант»¹. Также этому мнению придерживались самые талантливые деятели азербайджанского театрального искусства. Они развивали свою творческую деятельность, питаясь музой, которую получали из народного творчества и национальных ценностей. Однако стоит заметить и тот факт, что любая культура имеет важную взаимосвязь с культурами других народов. Так как каждая национальная культура обогащается благодаря элементам развития культур других народов. С этой точки зрения, можно анализировать и то, что ни одна национальная культура, не имея взаимосвязь, никак не может развиваться.

Эксперимент

Классики мирового масштаба неоднократно утверждали, что все аспекты и элементы нравственной жизни существуют нераздельно, а только лишь в процессе плодотворного взаимодействия друг на друга. Этим азербайджанские деятели театрального искусства способствуют созданию взаимосвязи национальных особенностей на межнациональном уровне, открывая при этом завесу решений новых эстетических про-

блем в устойчивых народных традициях. Таким образом, они, придерживаясь «национальных основ» вносят весомый вклад в развитие не только азербайджанской национальной культуры, но и культур разных народов мира, тем самым создавая благоприятную почву для их взаимодействия. К тому же они изучали общечеловеческие ценности на основе разных традиций. То есть в поисках совершенного репертуара, деятели азербайджанского театрального искусства, на профессиональную сцену ставили не только произведения национальных драматургов, но и непременно прибегали к трудам классиков, как мирового масштаба, так и русских драматургов.

Произведения таких классиков, как «Беглец», «Коварство и любовь» Ф. Шиллера, «Лекарь поневоле», «Скупой» Ж.Б. Мольера, «Отелло» В. Шекспира, «Альмансур» Х. Хейна, «Родина или Силистра» Н. Кемаля, «Кузнец Гаве» Ш. Сами, «Натан мудрый» Г.Э. Лессинга, «Султан Осман» Ф.М. Вольтера и другие не раз ставились на национальной сцене. Определенное влияние в деле развития и подъема азербайджанского театра, сыграла и русская драматургия. Изучение накопленной богатой традиции на основе культуры русского народа, литературы и искусства, прежде всего, расценивается, как историческое важное событие.

Деятели азербайджанского искусства, являясь истинными приверженцами Мирзы Фатали Ахундова, достойно продолжили и развили эту сферу жизнедеятельности. Видный режиссер Адиль Искендеров в своих трудах отмечает, что «в подъеме азербайджанского театра положительную роль сыграл русский театр, который является одним из ведущих в мире»². Деятели культуры Азербайджана, хоть и заочно были знакомы с творчеством видных мастеров русского театрального искусства, но все же влияние положительно отразилось на их творчестве.

¹ Белинский В.Г. О драме и театре. В 2-х томах. Том 1. – Москва: Искусства, 1983. – 446 с.

² Агаева Нармина. Азербайджанская театральная критика и проблемы развития театроведения. – Баку: «Эльм», 1997. – 355 с.

Джахангир Зейналов, Гусейн Араблинский, Абульфат Валиев, Мухаммед Альванди, Мехди бек Гаджинский, Мирзага Алиев, Сидги Рухулла, Марзия Давудова, Мустафа Марданов, Агасадыг Герайбейли, Фатима Кадри и другие мастера азербайджанского национального искусства поддерживали плодотворные творческие связи с русскими коллегами по сцене. «Принципы театрального дела и его правила мы должны изучить на основе традиций русского театра и русских артистов» – такое мнение определяло судьбу развития азербайджанского театра. Однако необходимо обратить внимание на то, что азербайджанские актеры не стали подражать, а напротив, изучая русскую школу актерского мастерства, к тому же своевременно стали обучать своих коллег по сценическому искусству. В укреплении театрального сотрудничества России и Азербайджана, особые вклады принадлежат Джахангиру Зейналову и Гусейну Араблинскому оба, которые основываясь на качества романтизма и на реалистические традиции, смогли создать в азербайджанском театре особую школу, как в России школа М.С. Щепкина и П.С. Мочалова.

По мнению Джахангира Зейналова, актерское мастерство это своеобразный наставник жизни, а это и есть искусство, которое лично для него приносит счастье. Также Дж. Зейналов считал, что профессиональная сцена – это его надежное дитя и потому является его истинным наследником. Как и М. Щепкин, который является реформатором русского театрального искусства, так и Дж. Зейналов также расценивал театр на уровне общественной организации, которая выполняет в этом направлении «важные дела». К тому же, Дж. Зейналов профессиональную сцену в своих трудах определяет, как «храм священного искусства». Тем самым защищая честь актерского мастерства, он всячески выступал против легкомысленных и бегущих за славой актеров. Отношение Джахангира Зейналова к комедийному жанру и исполнению безупречных ролей в театре, неким образом имеет схожесть с мнением М. Щепкина.

А вот для Гусейна Араблинского русский театр это университет. Он обладал большим и неиссякаемым творческим потенциалом, так как будучи, еще становясь у истоков театрального искусства, Г. Араблинский никогда не был студентом, который бы вызубрил все услышанное, напротив он отличался высоким интеллектуальным взглядом, острым умом и сторонником прогрессивных идей. Он никогда не приходил к

определенному творческому решению, полностью не осознав свои личные наблюдения и не восприняв глубокие чувства.

Видный театровед, ученый, доктор искусствоведения, профессор Ильхам Рахимли, также в своих трудах отмечает, следующее «в процветании азербайджанской театральной культуры, в формировании национального режиссерского и актерского состава, а также в развитии сценографии плодотворное влияние в этом деле проявили ведущие мастера русского сценического искусства»³.

Результаты и обсуждение

Азербайджанские актеры всегда принимали во внимание чуть ли необходимость обогащать и развивать личный опыт, талант, знания, культуру, тем самым отличаясь высокой интеллектуальной способностью. Они всегда руководствовались словами Нарима Нариманова: – «Читайте, расширяйте свои знания, так как никто не будет слушать безграмотного педагога, ибо артист и сам же является наставником». К тому же его профессия сложнее, чем педагог. Я не могу себе представить безграмотного артиста. Любите свою профессию, развивайте в себе мастерство, и не ждите, что старость с собой принесет Вам талант, способность, знания и ум. Вы сами должны постичь эти качества, проявив лишь усердие, труд и способность»⁴.

Естественно, азербайджанские актеры прекрасно понимали, что ведущий мировой, в том числе и русский театр, в этом направлении имеет большое значение. Поэтому они, чтобы укрепить «реализм, цель которого служить народу» стали расширять свою деятельность. Для этого стали переводить произведения, как русских драматургов, так и классиков Западной Европы и таким образом ставить на сцену. Если заглянуть в историю театра, то можно узнать, что в 1981 Дж. Унсизаде впервые на азербайджанский язык перевел произведение А.С. Пушкина «Борис Годунов». Затем С.М. Ганизаде в 1892 году перевел и поставил на сцену произведение Дяченко под названием «Жертва ради жертвы». А в 1894 году С.М. Ганизаде сделав перевод из произведений Л.Н. Толстого «Первый винокур», подготовил спектакль благодаря совместным

³ Ильхам Рагимли. Драматургия и театр. Баку. Ишыг, 1984, 32 стр.

⁴ Русская классическая драматургия на нашей сцене. – Баку: Издательство Азербайджанского Драматического театра. 1964 г. – 17 стр.

усилиям азербайджанских любителей театрального искусства.

А вот в 1892 году Нариман Нариманов впервые перевел комедию Н.В. Гоголя «Ревизор» и лишь в 1896 году на основе перевода поставил на сцену, в которой и сам с большим успехом сыграл роль городского начальника. В газете «Тарджуман» отмечается: «В Баку осведомленная и начитанная молодежь... похвально, что они проводят дружеские вечера и переводят на родной язык произведения. Мы рады, слышать, о том, что один из этих переведенных произведений является «Ревизор» Н.В. Гоголя». А еще в газете «Новое обозрение» было написано: «На основе перевода Наримана Нариманова была представлена незаменимая комедия Н.В. Гоголя «Ревизор». Эта комедия и игра актеров в ней настолько понравился азербайджанскому зрителю, что они просили сыграть спектакль еще один раз». Знаменитый революционер и государственный деятель Самедага Агамалыоглы в своих воспоминаниях отмечает: – «однажды, я узнал, что в театре в исполнении азербайджанской труппы... будет сыграна комедия Гоголя «Ревизор». Это уже был луч в темном царстве. Увидел больше, чем ожидал, так как язык и стиль Гоголя в переводе был не только полностью сохранен, но и даже сам спектакль прошел достаточно успешно и весело. Особенно образ городничего получился естественным. Его исполнил Нариман Нариманов, который и перевел это произведение. Азербайджанский зритель остался в восторге от убеждающей силы этой пьесы. Ибо все, что в ней происходило, прекрасно напоминало реальную жизнь. Это действительно стало невиданным событием в нашей жизни».

Произведение Н.В. Гоголя «Ревизор» и в последующие годы (1902, 1906 гг.) неоднократно ставился на сцену. Комедия литератора «Женитьба» в 1903 году, также была сыграна труппой азербайджанского театра. Успехи, приобретенные в этих спектаклях, намного приблизили труппу азербайджанского театра с русским театром, тем самым укрепился интерес к пьесам русских классиков.

Впервые в 1906 году азербайджанские актеры исполнили произведение «Первый винокур» Л.Н. Толстого, а в последующие годы, они на сцене театра представили «Священную войну» С.С. Ланского в 1906 г., «Евреи» Е.Н. Чирикова в 1908 г., «Я умер» И.И. Мясницкого в 1909 г., «Безденежье» И.С. Тургенева в 1910 г., «Кавказский цветок» Б.Ш. Бальсана, «В 1812 году» Бахметова в 1913 г., и другие.

К тому времени, азербайджанский театр накопил достаточно богатый опыт, чтобы ставить спектакли на основе произведений русских классических драматургов. Таким образом, национальный театр с одной стороны определил свой путь развития, а с другой стороны доказал, что насколько творчески талантливы наши мастера сценического искусства. Московское издательство того времени отмечало, что при просмотре на сцене Азербайджанского Государственного Драматического Театра произведений классиков русской драматургии, зритель истинно погружается в атмосферу русской жизни, что самое главное переживает и чувствует природу русского человека. Творческая группа Национального Государственного Драматического Театра настолько жизненно и красочно перевоплощало эти произведения на сцене, что зритель надолго оставался с чувством восторженности увиденным. И насколько прав Мамед Ариф, который, в своих трудах отмечает следующее: – «Азербайджанский Государственный Драматический Театр, пользуясь неиссякаемым богатством мировой классики, прежде всего, старается отразить те художественные образы, которые олицетворяют в себе истинные человеческие чувства и пылкие страсти. Потому как, ему по творческому духу истинно присуще такие большие ожидания и страстные переживания. На сцене этого театра такие художественные образы, как принцесса Данимарки, Отелло, Крал Лир, Ромео В. Шекспира, а также Франс, король Моор, Фердинанд Ф. Шиллера и другие настолько истинно были оживлены и пронизаны сопереживанием актерского мастерства, что эти качества заставило зрителей пережить все, как наяву». Известно, что азербайджанский театр всегда привлекали, такие качества, как глубокие страсти, переживания и даже общественные противостояния. И видимо, поэтому на азербайджанской сцене большим успехом пользовались те драматические произведения, которые отражали в себе этот мир качеств.

На сегодняшний день проведено немало исследований в области взаимодействия литературных, культурных и театральных связей России и Азербайджана. Поэтому к этой сфере, в своих трудах и воспоминаниях, особое внимание уделяли видные азербайджанские писатели, ученые, искусствоведы, драматурги, режиссеры и актеры.

Мыслители разных эпох говорили, что каждый народ всегда имеет возможность научиться у других народностей. В социуме

всегда наблюдалась особая тенденция, по которому общекультурные ценности обогащались, в процессе процветания национальной культуры каждого народа в отдельности. Таким образом, разные народы, развивая творческие связи и взаимовыгодные отношения, построенные на основе взаимопонимания, тем самым создают весомый вклад в развитие всемирной культуры.

Начиная с конца XIX века, самые видные актеры азербайджанской сцены понимали, что толчком развития общей культуры народа особое влияние может оказать передовая русская культура, искусство и театр. И потому актеры, плодотворно пользуясь этим богатым источником, точно так же, на основе этих же примеров, постарались воспитать зрителя. К тому же, они изучая разные методы русского театрального искусства, ставили на сцену самые лучшие произведения русских драматургов. Эти спектакли со временем сыграли важную роль в подъеме азербайджанского театра. В свое время, творческие успехи, достигнутые такими мастерами национального театрального искусства, как Гусейн Араблинский, Сидги Рухуллы, Аббас Мирза Шарифзаде, Мирзага Алиев, Марзия Давудова, Мустафа Марданов, Агасадыг Герайбейли, Фатма Гадри и другие, в определенной степени связаны с высшим профессионализмом Станиславского, Мочалова, Щеккина, Качанова, Книппера, Чехова, Москвина и др. Подобные творческие влияния, взаимовыгодные связи и отношения наблюдались и в последующие годы.

Азербайджанские театры, обладая большим опытом ставить спектакли классиков русской драматургии, также со временем, настолько развили этот опыт, что и сами стали создавать весомые русские спектакли.

Академик Мамед Ариф отмечает, что «Азербайджанская драматургия и театр всегда использовал моральную поддержку, которую получал от классиков Западной Европы и России. На протяжении долгих лет на национальной сцене, ставились произведения великих драматургов, породивших европейскими народами, таких как Шекспир, Мольер, Шиллер, а также и таких мастеров драмы, которых породил русский народ – Гоголь, Островский и Максим Горький. Их произведения удачно адаптировались на национальную сцену, и тем самым, обогащались благодаря богатым творческим традициям наших театров»⁵.

⁵ Ариф М.В. Г. Белинский. – Баку: Издательство детской и молодежной литературы. 1954. – 21 стр.

Писатель, драматург Мехди Гусейн особо отмечает факт, что издание великих произведений русской классической литературы на азербайджанский язык или же, их постановка на сцене является ярким примером межкультурных связей двух народов. Такие великие писатели России и Азербайджана, как А.С. Пушкин, А.А. Бакиханов, М.Ф. Ахундов, М.П. Бестужев и другие фундаментально укрепили исторические, литературные и дружеские отношения этих стран.

Также этого мнения придерживался мастер азербайджанского сценического искусства Мирзага Алиев. Он отмечает, что история национального театра был тесно связан с историей русского театра, драматургии и творчеством передовых деятелей русского театрального искусства. Школу творческого профессионализма местные режиссеры, актеры и художники прошли в процессе работы над произведениями русских драматургов.

Народный артист Азербайджана Сидги Рухуллы в своих трудах особо отмечает: «с того времени, когда в первый раз, я вступил на сцену, образы создаваемые мной из произведений русских драматургов, сыграли большое значение в творческом саморазвитии. На этих образах я испытал свое актерское мастерство и тем самым достиг творческих успехов...»⁶ и в последующие годы, мы все с большим интересом стали готовить спектакли на основе произведений русских драматургов. Играя в произведениях русских классиков, я высоко ценю их влияние на творчество выдающихся писателей». Эти слова можно отнести буквально ко всем артистам азербайджанского театра того времени.

Заключение

Азербайджанские театры заботились о том, чтобы всегда на взаимовыгодных условиях поддерживать связи с этой художественной школой. Они прекрасно осознавали, то что, каждый театр, будь это малый или большой, и, не взирая, на национальную принадлежность, обязан разрушить границы и выйти за рамки, тем самым развивая свое культурное влияние. В разные периоды, такая тенденция наблюдалась в театрах Англии, Франции, Германии и России. И если бы этого не случилось, то театры не смогли бы выполнить наложенную на них миссию и тем самым заполнить мировую

⁶ Али Султанлы. Из истории развития азербайджанской драматургии. – Баку: Азернешр. 1964 г. – 105 стр.

славу. Поэтому каждый из них, приближая свой театр к мировой культуре, стал не только поднимать уровень сценического искусства, но проявил желание обогатить репертуар произведениями переведенных из разных языков

мира. И если бы это не произошло, и азербайджанский театр до сих пор довольствовался бы лишь национальной драматургией, то он никогда не смог бы выйти за рамки обычно бытовой жизни.

Литература

- 1 Агаева Н. Азербайджанская театральная критика и проблемы развития театроведения. – Баку: Эльм, 1997. – 355 с.
- 2 Ариф М. В.Г. Белинский. – Баку, Издательство детской и молодежной литературы. 1954, – 75 с.
- 3 Ильхам Рахимли. Театр и драматургия. – Баку: Ишйг, 1984.– 425с.
- 4 Русская классическая драматургия на нашей сцене. – Баку: Издательство Азербайджанского Драматического Театра, 1946.– 56 с.
- 5 Али Султанлы. Из истории развития азербайджанской драматургии. – Баку: Азернешр, 1964.– 302 с.
- 6 Белинский В.Г. О драме и театре. В 2-х томах. Том 1. – М.: Искусство, 1983. – 446 с.

References

- 1 Agaeva N. (1997) Azerbajdzhanskaja teatral'naja kritika i problemy razvitija teatrovedenija. Baku: Jel'm, 355 s.
- 2 Arif M. (1954) V.G. Belinskij. – Baku, Izdatel'stvo detskoj i molodezhnoj literatury, 75 s.
- 3 İl'ham Rahimli. (1984) Teatr i dramaturgija. Baku: Ishyg, 425 s.
- 4 Russkaja klassicheskaja dramaturgija na nashej scene. (1946). Baku: Izdatel'stvo Azerbajdzhanskogo Dramaticheskogo Teatra, 56 s.
- 5 Ali Sultanly. (1964) Iz istorii razvitija azerbajdzhanskoj dramaturgii. Baku: Azerneshr, 302 s.
- 6 Belinskij V.G. (1983) O drame i teatre. V 2-h tomah. Tom 1. M.: Iskustvo, 446 s.

МРНТИ

Бейсембаева С.Б.,

к. ф. н., доцент Международного казахско-турецкого университета имени Х.А. Ясауи,
Казахстан, г. Туркестан, e-mail: saltanat_RB@mail.ru

НЕВЕРБАЛЬНЫЕ КОМПОНЕНТЫ КОММУНИКАЦИИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ КАЗАХСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ И ОСОБЕННОСТИ ИХ ПЕРЕВОДА

В статье рассматриваются невербальные компоненты коммуникации в художественных текстах казахских писателей и выявляются особенности их перевода. Для целей контрастивного исследования невербальных компонентов общения сопоставляются их языковые соответствия с учетом формального (внешнего) и содержательного аспектов кинем. Исследования выявили разнотипные лексические средства отражения кинесических элементов общения, фиксирующие жесты либо со стороны формы (техники) исполнения, в содержательном плане, включающем смысловой, прагматический аспекты, стилистические особенности употребления кинем, либо описывающие жесты в разных аспектах одновременно.

Ключевые слова: коммуникация, речь, кинесика, межъязыковые сопоставления, интерпретация, лакуна.

Beissembayeva S.B.,

PhD, A/Professor of the International Kazakh-Turkish University named after H.A. Yasawi,
Kazakhstan, Turkestan, e-mail: saltanat_RB@mail.ru

Non-verbal components of communication in the works of kazakh writers and peculiarities of their translation

The article considers non-verbal components of communication in the literary texts of Kazakh writers and identifies the features of their translation. For the purposes of contrastive research in non-verbal components of the communication consist language conformity between the formal (external) and content aspects of the kineme (smallest units). Research has revealed various lexical means of reflecting kinetic (linguistic) elements of communication, fixing gestures either from the form technique of execution in the content plan which includes the semantic, pragmatic aspects, stylistic features using of the kineme (smallest units) or describing gestures simultaneously in different aspects.

Key words: communication, speech, kinesics, cross-language comparisons, interpretation, lacuna.

Бейсембаева С.Б.,

Қожа Ахмет Ясауи атындағы Халықаралық қазақ-түрік университетінің доценті, ф.ғ.к.,
Қазақстан, Түркістан қ., e-mail: saltanat_RB@mail.ru

Қазақ жазушыларының шығармаларындағы бейвербалды компоненттер және оларды аудару ерекшеліктері

Мақалада қазақ жазушыларының шығармаларындағы бейвербалды компоненттерді және олардың аудару ерекшеліктері қарастырылады. Қатынастың бейвербалды компоненттерін қарама-қарсы қоя отырып зерттеу мақсатында олардың тілдік сәйкестіктері кинемалардың сыртқы формалық және мазмұндық аспектілері ескеріле отырып салыстырылады. Зерттеулер ым, ишараларды формасы (орындалу техникасы) жағынан, мағыналық, прагматикалық аспектілер де енетін мазмұндық қатынаста, кинемаларды қолданудың стилистикалық ерекшеліктері тұрғысынан атап көрсететін, не болмаса ым, ишараларды осындай түрлі аспектілерде бір мезгілде сипаттайтын қатынастың кинесикалық элементтерінің бейнеленуінің сан түрлі лексикалық құралдарын анықтады.

Түйін сөздер: арақатынас, сөйлеу, кинесика, тіларалық салыстырулар, түсіндіру, лакуна.

Введение

Параязык, функционируя совместно с лингвистическими единицами, влияет на объем и качество передаваемой информации, об этом свидетельствуют наблюдения за поведением собеседников в процессе речевого общения. По свидетельству Д. Эйберкромби, «хотя мы продуцируем речь органами речи, мы передаем информацию всем нашим корпусом...», «паралингвистические явления происходят одновременно с языком, взаимодействуют с ним и вместе с ним образуют целостную систему коммуникации» [1, 64].

Системы жестов ряда народов изучены достаточно полно. Например, жесты англичан были изучены А. Пизом [2]. Что касается исследований невербальных компонентов коммуникации в казахском языкознании, то они находятся на стадии развития.

Между тем, именно на Востоке можно встретить плодородную почву для проявления невербальных средств коммуникации. Всем известно, что именно на Востоке женщина долгие годы находилась в бесправном положении. И мужчина, хозяин дома, почти не разговаривал с женщиной, особенно при посторонних. А «неартикулируемые элементы (то есть интонация, мимика, жесты, выразительные движения) употребляются в тем большем количестве и приобретают тем большее значение, чем более имплицитным и недостаточным оказывается словарное предложение. Это именно они, вопреки видимости, превращают наиболее скудные высказывания в полные эксплицитные выражения» [3, 56].

Исследование жестовых систем, используемых в разных речевых коллективах, только начато. Поэтому естественно, что методика подобных исследований недостаточно разработана, тем более применительно к письменным источникам. Предложен, например, вариант межязыковых сопоставлений, в котором исследование языковых единиц отражения жестов сочетается с опросом информантов: жест – его значение – фразеологизм – его значение.

Применяя переводческий анализ в качестве способа выявления национальной специфики жестов, нужно исходить из следующих посылок:

1) поскольку значительные расхождения, обуславливающие неповторимую специфику общения разных речевых коллективов, равно как и долю участия в нем дополнительных средств передачи информации, обнаруживаются, наряду

с языковыми особенностями в невербальных факторах речи, последние отражаются в художественном тексте достаточно регулярно, объективно, полно.

2) опытный переводчик, знающий культуру, обычаи, особенности речевого этикета другого народа, стремится адекватно и полно передать специфику кинесических компонентов речи при переводе.

Для целей контрастивного исследования невербальных компонентов общения сопоставляются их языковые соответствия с учетом формального (внешнего) и содержательного аспектов кинем.

Наблюдения показали, что объект сопоставления, локализован, как правило, в синтаксических структурах больших, чем предложение, особенно в тех случаях, когда осознаются факты расхождений в жестовом поведении двух народов. Поэтому словесные выражения, переводящие явления кинетического кода в плоскость языка, обнаруживаются как в рамках микро- так и макроконтраста.

Исследования выявили разнотипные лексические средства отражения кинетических элементов общения, фиксирующие жесты либо со стороны формы (техники) исполнения, в содержательном плане, включающем смысловой, прагматический аспекты, стилистические особенности употребления кинем, либо описывающие жесты в разных аспектах одновременно.

Попутно отметим сложности словесного описания ряда жестов при переводе с казахского на русский. Основные причины, обуславливающие трудности при передаче кинем, сводятся к следующему:

1) отсутствие одно-однозначного соответствия жестов у казахов и русских по форме и по содержанию. Совпадение в ряде случаев может создать ложное впечатление об абсолютном тождестве соответствующих жестов. Сравним жест «воздеть руки» и «екі қолын көтеру», обозначающий обращение к богу. Нужно отметить, что кроме некоторых моторных различий, не препятствующих опознаванию жеста представителями обеих культур, имеются различия в их содержании, а именно: в казахском узусе он может быть интерпретирован несколько шире, чем в русском, так как помимо своего основного значения, общего для двух народов, он передает в общении казахов также акт проклятия.

- Қарғыс атсын ол күнді! – – Будь проклят этот день
деді Бұқар жырау *екі қолын* – – вскричал старый жырау,
жоғары көтеріп. – – Қайта *потрясая сухим кулаком*.
оралмасын, өшсін қарасы
сол қалпымен! [4, 303]

2) существование кинесических лакун разных типов, которые рассматриваются ниже.

В связи с лакунами возникает проблема их передачи при переводе: с одной стороны, желая сохранить национальную специфику жестикюляции, переводчик отыскивает способы передачи жеста при переводе, с другой стороны, копируя способ описания жеста в оригинале переводчик может в результате передать его неполно, что приведет к непониманию текста, либо к неверной интерпретации поведения персонажа в связи с отсутствием необходимых знаний у читателя.

3) языковое развитие так называемой «жестовой лексики», то есть дальнейшее развитие по законам того или иного языка лексических единиц обозначения жестов, имеющих прозрачную внутреннюю форму. В этом отношении особенно показательны случаи универбации словосочетаний, когда несколькословное наименование сокращается до однословной номинации, например: ауызды ашып жүру – ашықауыз, аяғын жәй басып жүру – жәйбасар. Основная трудность при передаче подобных однословных образований возникает в отношении внутренней формы, которая сохраняется в производном имени, указывая на соответствующий жест.

В рамках сопоставительного исследования параллельных текстов наиболее эффективным, по мнению некоторых ученых, является метод установления лакун. Данный метод можно интерпретировать двояко. С одной стороны, это способ выявления в тексте языковых и неязыковых явлений, по отношению к которым невозможно применить набор известных уже правил. Подобные факты сигнализируют о присутствии в тексте форм, не имеющих непосредственных коррелятов в языке перевода. Например, «*бет сипап, бата беру*», «*босаға керу*», «*мұрнын кесіп беру*» не имеют эквивалентов в русском языке. С другой стороны, метод лакун предполагает установление соотношения инварианты/варианты, где инвариант мыслится как некое речевое поведение со всеми присущими ему компонентами, которое характеризует представителя любой культуры, а варианты являются формами реализации инварианта, обладая некоторыми различиями и

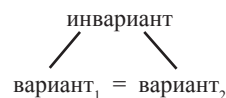
совпадениями, по сравнению с любыми другими лингвокультурными вариантами.

Показательными в этом отношении являются средства обозначения кинем в содержательном плане, которые ориентированы на функциональное назначение, а не форму исполнения жеста. Таков обычный способ фиксации экспрессивных жестов, которые по своему характеру более импульсивны и менее условны по сравнению с другими жестами. Именно поэтому в разных социумах обнаруживается значительное сходство между ними, что определяет легкость ассоциации соответствующих жестов-вариантов с инвариантами.

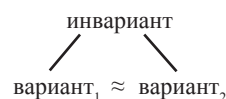
Эксперимент

Анализ единиц обозначения основных типов жестов свидетельствует о существовании трех видов соответствий в жестовой коммуникации в сопоставляемых культурах:

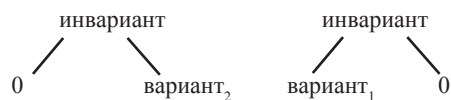
1) полное соответствие в функциональном назначении жеста, технике его исполнения и стилистическому употреблению:

2) частичное соответствие, при котором наблюдается расхождение в каком-либо из аспектов при сходстве остальных черт:

3) отсутствие соответствия, при котором наиболее очевидно выявляются интеркультурные кинесические лакуны:

Случаи полного совпадения кинем охватывают достаточно разнообразные виды жестикюляции. Это легко проследить на примере отражения условных жестов, обладающих означаемым, так и означаемым.

При этом учитывается лишь факт совпадения жестов со стороны «внешней семантики», техники исполнения, особенностей употребления.

В классификации жестовых средств по переводческому принципу жесты, жесты идентичные как в плане содержания, так и в плане выражения отнесены к «ареальным»/2/. Их совпадение обусловлено в какой-то степени схожими условиями практической деятельности, взаимовлиянием культур, анатомией человека (в особенности в отношении экспрессивных жестов)

Қостағы жылқыға кісі жіберіп, ат ауыстырам деп осында оралып ем, жүргелі отырмын! Абай жактырмай ернін шүйірді [5, 123]

Сейчас жигиты приведут из табуна новых, на них скорей доеду... Теперь и Аблай недовольно *выпятил губы*.

Нередко недостаточно эксплицированное со стороны формы описание жеста в оригинале конкретизируется при переводе.

Более полная передача жеста в подобном случае во многом определяется объемом тех фоновых знаний, которыми располагает переводчик. Для иллюстрации приведем следующий пример:

Міне, осындай ішкі есептермен Шұбар жүз қаралы атқамінерді көкқасқа сойып, қонақ еткен [5, 40].

Именно для этого Шубар и созвал в Жидебае около сотни атқамінеров – родовых старейшин, елюбасы – и, подчеркивая значительность встречи, заколол для них кок-касқа – серую кобылицу с отметиной на лбу. В древности такую лошадь закалывали перед началом какого-либо важного дела и давали торжественную клятву в верности друг другу, опуская пальцы в ее кровь. Впоследствии угощение мясом кок-касқа стало символом единомыслия и верности общему делу...

Случаи частичного совпадения кинем являются весьма распространенными, и в зависимости от расхождений в технике (форме) исполнения или содержательном плане можно говорить о моторных, либо функциональных вариантах соответствующего инварианта:

1) кинемы, совпадающие в своем функциональном назначении, но различающиеся в моторном аспекте. Для иллюстрации можно привести жест «қамшыны алдына тастау», что значит бросить вызов кому-либо, который совпадает в плане содержания с жестом «бросить в лицо перчатку».

– Ал егер жауап қайырмаса ше? – А если будут молчать?
– Мә, менің қамшым... – Вот моя *плеть*... *Брось* им ее тогда и скажи назад!
Жауап қайырмайтын болса *алдарына таста* да, өзің кейін шап! [4, 290].

В данном случае переводчик производит дословный перевод, что может вызвать неясности при интерпретации данного текста носителем языка перевода, поскольку данный жест является национально специфичным.

Можно привести более яркий пример соответствия жестов в функциональном отношении, но различающийся в моторном плане:

– Арсыз ба, Бұқар-еке! – О, наш жырау!.. Воин деді Науан ұста қос қолын *склонил голову* перед певкеудесіне қойып [4, 71].

Примеры моторного несоответствия можно наблюдать в ходе всей диссертации. Показателями являются жесты данные в переводе примеров, подчеркнутые волнистой линией.

2) кинемы, совпадающие в моторном плане, но не являющиеся эквивалентами в содержательном плане.

Для примера можно привести русский жест «руки в боки», который обозначает уверенность в себе, задорность и казахский жест «*екі бүйірін таяну*», который является табу в повседневной жизни, поскольку является ритуальным жестом и используется женщинами-казашками при оплакивании близкого человека.

«Басына Ыбырайдың қара бөкебайын бос салып, белі мықтап буулы *екі бүйірін таянып*:

Душар болды дерт қатты, Алғанын тастап сарбазым Науқастанды – дерт бат- Алыс жолға жөн тартты!... ты.

деп, Ыбырайдың жанынан артық көретін жары Зейнеп отыр еді» [6, 64].

Случаи отсутствия совпадения кинем в жестовой коммуникации двух народов представляют собой абсолютные лакуны, и, следовательно, им не могут быть подобраны соответствующие готовые корреляты при переводе. Такие жесты в упомянутой выше классификации жестов рассматриваются как жесты-реалии, которые являются характерными только для данной культуры. При передаче жестов-реалий переводчик сталкивается с одной из спорных проблем теории художественного перевода: сохранить жестовую лакуну или же не переводить ее совсем.

Часто переводчики не переводят жестовую лакуну совсем. Такой пример можно привести из перевода романа М.Ауэзова «Путь Абая»

Сондай картандау, ысқаяқ Он стал изображать не-
жеңге болып, түсін өзге-
ртіп, ернін сылып еткізген.
Және бетін жыртып, сы-
ғырайып тұрып:
– Омай, шикін, о несі
екен! “Жігітім” деп, “қара
қазақтың асылы” деп. О
немесі Абайдың әнеубіреу
қырыққан борбайланған
солдат баласы ма, бетім-
ау! [5,185].

Как видно из данного примера, жест «ернін сылып еткізу» был оставлен переводчиком без внимания.

При сохранении жеста естественно встает проблема выбора адекватного способа перевода: описательного (объяснительного) или буквального с необходимым комментарием.

Описательный способ неизбежно приводит к многословию, что пагубно влияет на текст. Сохранение лакуны в виде дословной передачи жеста, объясняемое стремлением автора передать национальное своеобразие оригинала, также имеет нежелательные последствия, в частности, создает трудности в интерпретации текста.

Текст оригинала содержит единицы, обозначающие жесты-лакуны с разной степенью эксплицитности. С этой точки зрения можно выделить 2 типа словесных описаний жестов-лакун: 1) полуэксплицитированные описания, которые, в свою очередь, могут быть двух видов:

а) в названии – обозначении содержится указание на технику исполнения жеста; его функциональное назначение должно быть конкретизировано с помощью микроконтекста или фоновых знаний.

Бреулер жағасын ұс- Одни, хватаясь за ворот в
тап, шошынып тындас- знак удивления, слушали
ты. Біреулер ішін тартып, с нескрываемой тревогой,
сүйсініп құлақ салды [5]. другие же – с удивлением,
с радостью.

б) обозначение указывает на функциональное назначение жеста, техника исполнения не эксплицитирована. Примером является жест «бата беру»

Бауыржан мен Салтанат- Они сыграли им свадьбу и,
қа той жасап, бата беріп, благославив, проводили.
шығарып салды.

2) эксплицитные обозначения жестов на внешнюю форму и семантику.

...Жәнібек хан нүкерлері- Хан Белой Орды Джаны-
мен таяу келіп қол құсырып бек, перед которым тре-
іліп сәлем берді: петали враги, подошел к
– Арсың ба, Асан ата! холму и, как сын перед
– Барсың ба, жарқыным? мудрым престарелым от-
Хан енді қазақ әдетімен цом, склонился в глубоком
алдымен құшағын айқас- земном поклоне. Такого
тырып, кеудесіне кеудесін еще не было в степи, чтобы
тигізіп, әуелі Асан қайғы- хан поклонился народному
мен сәлемдесті, содан соң певцу!..
барып Қотан жыраумен, – Здравствуйте, дед Асан!..
Қазтуғанмен амандасты – Здоров ли ты, наш све-
[4,207]. точ?!

По древнему казахскому обычаю, они трижды обня-
лись через плечо, как люди,
делающие одно и то же
дело.

В данном примере мы снова наблюдаем неточность перевода, поскольку техника исполнения кинемы «земной поклон» частично не совпадает с техникой исполнения кинемы, указанной в оригинале. В технике исполнения «земной поклон» правая рука опускается до земли, а в кинеме «қол құсырып іліп сәлем берді» руки скрещиваются на груди. В данном случае наиболее удобным способом передачи жеста в переводе является, по нашему мнению, буквальный перевод, поскольку в описании кинемы в оригинале хорошо раскрывается и внешняя форма и семантика жеста.

При переводе второго жеста “құшағын айқастырып, кеудесіне кеудесін тигізіп” автор пытается дать и полноценное описание техники исполнения, и раскрыть семантику жеста “они трижды обнялись через плечо, как люди, делающие одно и то же дело”. Но, к сожалению, в языке перевода дана неправильная интерпретация жеста. В данном примере речь идет о ритуальном жесте, используемом при смерти близкого человека, своего рода выражение соболезнования.

Результаты и обсуждение

Таким образом, исследования свидетельствуют о явном преобладании первого способа обозначения жестов-лакун. К сожалению, при восприятии иноязычного текста полуэксплицитированные описания создают определенные трудности для корректной интерпретации текста при недостаточном знании особенностей националь-

ной культуры и специфики речевого поведения носителей языка оригинала. Трудности могут быть различного характера. Так, интерпретация описаний жестовых лакун, обозначенных со стороны формы исполнения жеста, осложняется по причине существования кинем-омонимов и полифункциональных кинем. В отношении описания жестов, экслицированных со стороны содержания, возникают сложности из-за отсутствия однозначного соответствия между формой и содержанием жеста. Ведь одно и то же содержание может быть выражено разными кинемами в зависимости от общей обстановки, участников общения, полевых, межличностных факторов. Например, знаком приветствия может быть рукопожатие, легкий поклон, поцелуй.

При переводе приходится учитывать упомянутые трудности интерпретации текста, которые обусловлены языковой формой воплощения в оригинале жестов-лакун.

При переводе происходит частичная компенсация неполных обозначений жестов: в отношении описаний моторных характеристик жеста – в плане его функционального назначения, в отношении обозначений жеста с точки зрения его функционального назначения – в плане техники исполнения. Указанные виды компенсаций рассматриваются как соответственно функциональная и моторная компенсации.

Нередко при переводе одной и той же жестовой лакуны, неоднократно описываемой в тексте оригинала, предлагается несколько вариантов с разными видами компенсации.

Поскольку существование жестовой лакуны в речевом общении обуславливает соответствующую лексическую лакуну в языке перево-

да, передача ее описания на другой язык может осуществляться по-разному. Это определяется рядом факторов:

- 1) полифункциональным характером жеста-лакун;
- 2) стилистическими особенностями употребления жеста;
- 3) стремлением переводчика наиболее тонко и полно передать национальную специфику жеста, особенно, если он характерен для общества другого народа и, как следствие, неоднократно упоминается в тексте оригинала;
- 4) принципиальной возможностью использовать в зависимости от условий контекста моторную или функциональную компенсацию.

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод, что очень много интересных и ценных сведений об особенностях жестового поведения можно получить в результате исследования единиц отражения кинем в художественном тексте. Это, в первую очередь, относится к изучению национально-культурной специфики жестикуляции, которая может быть исследована как на материале одноязычных текстов, так и путем сопоставления параллельных тестов. Именно в последнем случае, отчетливо выявляется сходства и различия в жестовом поведении представителей разных культур.

В условиях отсутствия непосредственного контакта с представителями страны изучаемого языка результаты обработки материала литературных источников трудно переоценить в практике преподавания иностранного языка.

Литература

- 1 Эйберкромби Д. Параязык. – «communication in fase – to – fase interaction». Ln., 1972. – P.64
- 2 Пиз А. Язык телодвижений. – Минск, 1992. – 262 с.
- 3 Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. – Москва: Иностранная литература, 1955. – 416 с.
- 4 Есенберлин И. Кочевники. – Алматы: Жазушы, 1976
- 5 Ауэзов М. Путь Абая. – Алматы, 1961, – 804с.
- 6 Майлин Б. Произведения. – Алма-Ата, 1963.

References

- 1 Eybercrombie D. Parayazyk. «communication in fase – to – fase interaction». Ln. 1972. P.64 [In Russian]
- 2 Pease A. The language of body movements. Minsk. 1992. 262 p. [In Russian]
- 3 Balli Sh. General linguistics and questions of the French language. Moscow: Foreign Literature, 1955. 416 p. [In Russian]
- 4 Esenberlin I. Nomads. Almaty. 1976 [In Kazakh]
- 5 Auezov M. The Way of Abai. Almaty. 1961 [In Kazakh]
- 6 Mailin B. Works. Almaty. 1963 [In Kazakh]

Тен Ю.П.,

к. ф. н. доцент Казахского национального университета им. аль-Фараби,
Казахстан, г. Алматы, e-mail: yu.51@rambler.ru

ТЕМА РАЗДЕЛЕННОЙ НАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ ПРОЗЕ КОРЕИ И ПРОБЛЕМЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА

Тема разделенной нации одна из основных тем в современной корейской прозе после 50-х годов прошлого века. Разделение нации по идеологическому принципу привело к размежеванию единой национальной литературы. Литература любой страны имеет свои особенности, однако у литературы Кореи картина совершенно специфическая, связанная с расколом на два государства. На современном этапе исторического развития Кореи, страна все еще разделена на Южную и Северную, в обществе все еще существуют проблема разделенных семей, проблема родины для тех, кто попал на юг в годы войны (Чо Джон Рэ (조정래) «인간연습. Судьбы человеческие»), и желание человека перед смертью оказаться в родных местах (Ли Чже Ха «나그네는 길가에서도 쉬지 않는다. Странник не отдыхает в пути») – ведущая тема для многих современных литературных произведений Кореи.

Художественная литература Южной Кореи, как в целом, так и в отдельно взятых ее жанрах: поэзии, прозе, драматургии, малоизвестна зарубежным читателям. В последние годы усилиями российских корееведов на русском языке издан целый ряд поэтических антологий, новелл, рассказов, пьес. Однако при переводе на русский язык имеются некоторые трудности, которые рассмотрены в статье.

Ключевые слова: литература разделенной нации, Корейская война, тема разделенных семей

Ten Yu.P.,

Ph.D., A/Professor of al-Farabi Kazakh National University,
Kazakhstan, Almaty, e-mail: yu.51@rambler.ru

The title of divided nation in modern prose of Korea and problems of literary translation

One of the main themes in the contemporary Korean literature is the theme of the separated nation. The ideological division of the nation led to the diversion of the national literature. Literature of any country has its own specifics, but the Korean literature is truly unique as it reflects the split of the nation into the two states – North Korea and South Korea. To the present day the Korean peninsula continues being divided, the issue of the separated families and the questions of motherland for those who ended up on the South during the war period (Cho Chong Rae «Human Fates») remain acute. Another major theme of the contemporary Korean fiction is a human desire to revisit childhood places before death (Lee Che Ha «The voyager doesn't rest»).

South Korean literature has had limited exposure to the foreign readers. In the recent years a few novels, stories, plays have been translated and published in Russian due to the efforts of Russian academics. However, the translation process is associated with certain difficulties that are examined in this article.

Key words: literature of the separated nation, Korean War, theme of the separated nation.

Тен Ю.П.,

әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің доценты, ф. ф. к.,
Қазақстан, Алматы қ., e-mail: yu.51@rambler.ru

Қазіргі заманғы проза корей мен мәселелері әдеби аударма тақырып бөлінген ұлт

Бөлінгенұлт тақырыбыөткен ғасырдың 50-жылдарының кейін қазіргі Корей көркем әдебиетінің басты тақырыптарының бірі болып саналады. Идеологиялық принциптің ауысу нәтижесінде бірыңғай ұлттықкорей әдебиетінің бөлінуіне әкеліп соқты. Кез келген елдіңәдебиетіөзіне тән ерекшеліктері бар, Корей әдебиеті – Солтүстік және Оңтүстік Корей әдебиеті деп екіге бөлініп кеткен. Корей елінің тарихи дамуыныңқазіргі кезеңінде Солтүстік пен Оңтүстік деп бөлінеді. Чо Джон Рэ (조정래) «인간연습» (Адамдардың тағдыры), Ли ДжеХа «나그네는 길가에서도 쉬지 않는다» (Отанға апарар ұзақ жол).

Көркем Корей әдебиеті: проза, поэзия және драматургиясы бүкіл әлемге таныс емес. Соңғы жылдары орыс ғалымдардың арқасында корей тілінен орыс тілінен аударылып танылып жатыр. Дегенмен, орыс тіліне аударма жасауда да өз қиындықтары бар. Сол мәселелер туралы осы мақалада қарастырылған.

Түйін сөздер: Бөлінген ұлт әдебиеті, корей соғысы, бөлінген отбасылар тақырыбы.

Введение

На протяжении более шестидесяти лет на Корейском полуострове живет народ, разделенный на две Кореи. Эта история началась после Второй мировой войны, точнее после капитуляции Японии, когда Корея была разделена по 38-й параллели. В 1945 году, после поражения Японии во Второй мировой войне корейцы ожидали, что будет провозглашена национальная независимость [1, 2]. Корейцы освободились от колониальной зависимости, но реальной власти у них не было. В августе 1945 года было принято решение разграничить сферы военной ответственности на Корейском полуострове по 38-й параллели. Эта линия была выбрана неслучайно. Тридцать восьмая параллель была разделительной линией между частями японской армии: войска, находящиеся к северу от 38-й параллели, подчинялись командованию Квантунской армии, а к югу – 17-й армии. Американцы были заинтересованы в том, чтобы столица Кореи Сеул вошла в зону их ответственности. Поэтому Госдепартамент США настоял на том, чтобы вся территория к югу от 38-й параллели, включая столицу, вошла в состав американской зоны военной ответственности [2].

В 1948 г. на юге была образована Республика Корея (РК), на севере – Корейская Народно-Демократическая Республика (КНДР). Отношения между Северной и Южной Кореей обострились к 1950 г. Началась война. В 1953 г. Корейская война закончилась подписанием Соглашения о прекращении огня, где говорилось о разделении КНДР и Республики Корея так называемой «демилитаризованной зоной ДМЗ» – демаркацион-

ной полосой шириной в 4 км. Поскольку было подписано лишь соглашение о прекращении огня, то формально война продолжается до сих пор. В этой связи возникает закономерный вопрос: когда же КНДР и РК подпишут мирный договор?

После освобождения главной задачей творческой интеллигенции должно было стать возрождение национальной корейской литературы, однако в литературных кругах того времени наметился идеологический раскол, явившийся следствием сложной политической ситуации.

Идеологический конфликт между писателями достиг пика в противостоянии «Организации молодых писателей» («Чхон-нён мунхакка хёпхве») и «Лиги корейских писателей» («Чосон мунпхильга хёпхве»). Члены «Организации молодых писателей», наиболее известным из которых был Ким Дон Ни (1913-1995), настаивали на том, что национальная литература должна быть «чистой» литературой. Представители «Лиги корейских писателей» являлись приверженцами идеи возрождения национальной литературы на классовом, пролетарском уровне. Полемика нашла отражение в печати. Поэт Им Хва (1908–1953) выразил позицию левого крыла в статье «Идеологическое единство литературного движения и концепция национальной литературы» («Минджок мунхагый инёмгва мунхак ундонный сасанджок тхо-нирыль вихаё»). Он писал о том, что современная национальная литература должна базироваться на классовой идеологии. Идеология рабочего класса есть идеология народа, а идеология народа есть идеология нации. В ответ Ким Дон Ни в статье «Значение чистой литературы как национальной» («Сунсу мунха-

гый чини минджок мунхагый танмён кваджеросо») ратовал за то, что национальная литература, являясь частью мирового литературного процесса, должна основываться на гуманистических традициях Запада. То есть, позиция Ким Дон Ни, отражающая общее мнение правого крыла корейских писателей, заключалась в том, что литература ни в коем случае не должна быть инструментом в политической борьбе.

В те годы многие литераторы, в зависимости от своих идеологических пристрастий, перебирались либо на Север, либо на Юг. К моменту образования на территории корейского полуострова двух государств, сторонники правого крыла оказались на Юге, а левого – на Севере. Разделение нации по идеологическому принципу привело и к размежеванию единой национальной литературы.

В первые годы существования КНДР появляются многочисленные произведения, посвященные теме доблести, проявленной советскими воинами в годы Второй мировой войны. Постепенно литература становится одним из важнейших средств, помогающих «нести идеи партии в массы». Все чаще в произведениях встречаются словосочетания «новое время», «новая жизнь», что свидетельствует об отказе от прошлого, вызывающего болезненные воспоминания, и нацеленности на светлое, в духе социалистической идеологии, будущее [3, 71]. Северокорейские писатели близкие к идеям социализма, находились, как и весь народ, под влиянием развитой системы пропаганды, изменившей традиционное мышление. И отказ от старой тематики был в данной ситуации не случаен.

В то же время на юге Кореи продолжался процесс внедрения западных литературных достижений. После освобождения появляются все больше поэтов, противников традиционной лирики. Модернисты, критиковавшие консервативные методы, в 1949 году выпустили стихотворный сборник «Новый город и хор горожан» («Сэроун тосива симиный хапчан»). В числе авторов сборника были такие именитые поэты, как Пак Ин Хван (1926–1956) и Ким Су Ён (1921–1968).

Цель данной работы состоит в анализе литературного процесса разделенной нации. Художественная литература Южной Кореи, как в целом, так и в отдельно взятых ее жанрах: поэзии, прозе, драматургии малоизвестна зарубежным читателям. В последние годы усилиями российских корееведов на русском языке издан целый ряд поэтических антологий, новелл, рассказов, пьес.

Литература любой страны имеет свои особенности, однако у литературы Кореи – картина совершенно специфическая, связанная с расколом на два государства – Север и Юг Кореи. С расколом единой Кореи на Юг и Север появилась новая тема для литературного творчества – тема разделения, идеологического противостояния, которая обозначилась новым термином – «иундан мунхак» («литература разделенной нации»). В статье использованы фундаментальные труды по истории корейской литературы В.И. Ивановой, А.Ф. Троцевич, М.И. Никитиной, Л.Р. Концевича.

В русскоязычных текстах встречается самое разное написание корейских имен. Автор придерживается системы транскрипции Л.Р. Концевича и традиционное написание имен в три слога.

Эксперимент

Во второй половине 1950-х годов наблюдается перелом в развитии литературы Южной Кореи. Появляется поколение молодых авторов. Многие поэты и писатели оказались в действующей армии, принимали участие в боях, и этот личный жизненный опыт стал основой их творчества. Писателей, начало литературной деятельности которых пришлось на послевоенный период, отличал особый взгляд на происходящее. Война, разделение страны, вызванные ими хаос и разруха привели к обостренной чувствительности «поколения хангыль» («хангыль седэ»). Первого поколения, получившего образование на родном языке. Для них катаклизмы середины XXв. лишь фон, благодаря которому четче обрисовываются черты личности. Экзистенциализм, знакомый корейской литературе еще по довоенным временам, оказал заметное влияние на литературу 1950-х годов. Писатели нового поколения, которые занимались поисками смысла в обществе, где нарушены устои феодального общества, оказали заметное влияние на литературу 1950-х годов.

Послевоенная интеллигенция сосредоточила свое внимание на поисках свободы, своего собственного «я» и самооценки отдельной личности. Примером данного подхода может служить роман Чхве Ин Хуна «Площадь» (1961) [4, 4]. В романе Чхве Ин Хуна столкновения старого и нового в явлениях и процессах общественной жизни выделяются особенно ярко. Изданный в 1961 году роман, четко отразил настроения всего десятилетия. Писатель

освещает Корейскую войну под новым углом зрения. «Площадь» в романе писателя Чхве Ин Хуна символизирует свободу и равенство, и данное произведение стало своеобразным литературным символом страны. Главный герой романа Мён Чун сталкивается с трудностями, которые главным образом перекликаются с основными проблемами нации, описываемого в романе времени. Вечные вопросы – Как жить? Что делать? – стоят не только перед главными героями, но и всеми, кто мучим дилеммой – Где родина – Север или Юг? Остаться в Корее или эмигрировать? Продолжать жить или свести счеты? В отличие от закрытого места, открытая площадь символизирует общество. Главный герой Ли Мен Чжун пытается сохранить эти оба понятия, одно из которых принадлежит югу, а другое северу. Однако он приходит к выводу, что на юге нет никаких закрытых мест, а пулемётные установки существуют только на севере и таким образом узнает о лицемерии и фальши коммунистического режима. В центре этих двух значительно противоречащих друг другу, полярных идей – Корейская война.

Роман «Площадь» стал первым произведением корейской литературы, в котором автор обращается к теме двух разделённых Корей, всё это время считавшейся запретной в корейском обществе, этот факт серьёзно и объективно описывает недостатки обеих идеологических систем. Герой романа, осознав лживость северокорейской пропаганды, которая пытается оправдать собственное развязывание войны, переживает крушение иллюзий и одновременно осознаёт, что любовь к Ын Хе, которую он встретил на поле боя, есть единственная, самая ценная истина в его жизни. Однако война не даёт двум героям наслаждаться их чувствами. Будучи разлучён с Ын Хе, Ли Мён Чжун попадает в плен. А после освобождения из плена он оказывается неспособен выбрать между Югом с его капиталистическим обществом, погрязшим в коррупции и несправедливости, и Севером с его лживым и лицемерным коммунистическим порядком, где власть принадлежит народу лишь на словах, а на деле правит диктатор. Поэтому, в конечном счёте, он выбирает другой путь, другую страну. Главный герой понимает, что и коммунистическая идеология, которую принял Север, и капиталистические ценности, к которым приобщился Юг, есть, по сути дела, номинальные идеологии, навязанные откуда-то извне, а не избранные самостоятельно в силу внутренних потребностей корейского общества.

Роман «Площадь» имеет большой успех, стал бестселлером и литературным символом Южной Кореи 1960-х годов, роман, с которого начинается тема «разделенной нации» в Корее.

На современном этапе исторического развития Кореи, страна все еще разделена на Южную и Северную, в обществе все еще существуют проблема разделенных семей, проблема родины для тех, кто попал на юг в годы войны, и желание человека перед смертью оказаться в родных местах ведущая тема для многих произведений современных литературных Кореи.

Сюжет рассказа Ли Чже Ха «나그네는 길가에서도 쉬지 않는다. Странник не отдыхает в пути», прост и легко воспринимается массовым читателем [5]. По незначительным, на первый взгляд эпизодам, писатель касается проблемы разделенной нации. Главного героя «я» направляется в провинцию Канвондо, к которой прилегают приграничные районы Северной Кореи. «Я» направляется туда через три года после смерти жены, чтобы исполнить ее последнюю волю: развеять ее прах над приграничной рекой или приграничной акваторией моря. Жена толком и не знала откуда она родом, говорила где-то там, на восточном побережье, вблизи границы. Он готов исполнить долг перед женой, но его останавливает пограничник. В те годы отдельные участки восточного побережья охранялись от проникновения северян и были запретной зоной для обычных людей.

Непроста судьба жены главного героя, она не знает точно, где родилась, лишь предполагала, что где-то на восточном побережье. Во время поездки «я» встречает старика. В данном эпизоде передана, на наш взгляд, главная идея произведения. Вокруг все против того, чтобы старик последние годы провел вблизи родных мест. Его сын считает, что если отец его выбился в люди в Сеуле, то и родина его Сеул. Родина, родился, родители, родственники... – всё родственные слова и один корень. Вот и родина только одна – это то место, где человек родился. «Есть много стран на свете, а родина только одна» – не зря так говорят. Где бы ты ни жил, рано или поздно захочется узнать, посмотреть то место, где ты родился, где появился на свет. Частица родины всегда будет жить в тебе. Родина-это святое место. Много красивых мест на Земле, которые хочется посмотреть, даже пожить там какое-то время, но со временем всё равно тянет на родину. Люди, которые в силу каких-то обстоятельств покинули родину, даже в старости стараются вернуться, уж если не жить, то хотя

бы поклониться тем местам, где они родились. Любовь к родине, тоска по родине, тяга к родным местам – это естественные чувства, присущие нормальному человеку.

Необычен финал рассказа Ли Чже Ха. Шаманский ритуал призван утешить тех, кто после смерти хочет оказаться на родине, и для тех, кто при жизни не может попасть туда.

Иной путь героев и смысл жизни тех, кто побывал в застенках на Севере и вернулся на Юг, отражен в романе Чо Джон Рэ (조정래) «인간연습. Судьбы человеческие». Небольшой по объему роман, даже скорее повесть, охватывает в сюжетном времени события послевоенной Кореи [6, 23], боль разделенной нации, развал страны, которая служила идеалом для коммунистов Пак Дон Гона и его друга и соратника Юн Хека. Роман начинается с описания смерти Пак Дон Гона. Пак Дон Гон до кончины остается верен идеям демократии. «Он беспомощным движением онемевшего указательного пальца, как ребенок, выводит, на ладони Юн Хёка, какие-то слова. Юн Хек внимательно следит за движением пальца, и, наконец, Юн Хёк понимает, что его друг останется верен идеям коммунизма и идеи социалистического строя есть его, Пак Дон Гона, убеждения. После смерти друга, с которым он провел более тридцати лет страшной тюремной жизни на Севере, и теперь, после возвращения на родину Юн Хек теряет смысл жизни. Чувство одиночества и никчемность не покидали Юн Хёка. Даже после освобождения из тюрьмы «предателей», за ними продолжали следить, и мир был неспособен открыться им в полной мере. Люди не знали, в чём разница между «изменниками» и шпионами и всегда предпочитали держаться от них подальше для своей сохранности. Это были измученные социофобы, сформированные под гнетом законов. На такое положение дел нельзя винить общество. Так думали Пак Дон Гон, сам Юн Хёк и другие люди, подобные им. Ведь они стали изменниками только «внешне», а внутри они оставались преданными родине.

Юн Хёк одинок, он ведет скромную и замкнутую жизнь. Почти ни с кем не общается, но хозяйка трактира, куда он часто заглядывал, чтобы утолить голод, прилагала много усилий для того, чтобы узнать каким же человеком был Юн Хёк, почему он так одинок. Она хотела знать, был ли он учителем или профессором. Даже если он, как подобает человеку в возрасте, свободно говорил по-японски, всё же не каждый мог заниматься переводом книг. Как бы там ни было, как только интерес и доброта хозяйки начинали

расти, Юн Хёка охватывало все большее беспокойство. И это было лишь предзнаменованием того, что скоро опять придётся срочно съезжать. Чувство одиночества не покидало ни на минуту Юн Хёка. Он часто приходил к мысли, что тело его – сухой лист, в котором больше нет никакой силы. Ему казалось, что побелевшая кровь в его теле куда-то испарилась. Тело не чувствовало ни тяжести, ни формы. Для Юн Хёка смерть, конец жизни... Даже думать об этом было не так страшно. Как же много он размышлял об этом в тюрьме. Побег на Юг, арест, расследование, тюрьма... Его не покидала мысль: как было бы прекрасно, если бы прошедшие три дня в забвении действительно подарили бы ему возможность очутиться в «вечном сне». У Юн Хёка инстинктивно возникали и угрызения совести: для чего же я живу? Несмотря на осознание всей глупости подобных продолжительных раздумий, он не мог избавиться от них. В этом заключалась печаль жизни «разумного человека», выбравшего для себя определённую цель, которую можно было лишь прочувствовать. А эта цель создавалась на предположении определённого результата.

Чо Джон Рэ классик корейской литературы. Его произведения, «Тэбэксанмэк» (1983-1989) (Taebaek Mountain Range), «Ариранг» (1995) (Arirang), и «Ханган» (2007) (Han River) являют собой образец высокого художественного достоинства.

Чо Джон Рэ родился в 1943 году в провинции Чолла-Намдо. В 1970 году написал роман «누명 Напраслина», который опубликовал в «Современной литературе». С конца 1970-х годов темой его произведений стали Корейская война и тема разделенной нации. Чо Джон Рэ Лауреат многих престижных литературных премий: 1981, 1982, 1984, 1988, 1989, 1991, 1998, 2006, 2014 годы, в 2001 году две премии (광주시문 화예술상, 제9회 자랑스러운 보성인상), в 2003 году две премии (제1회동리상, 제7회만해대). В его произведениях, которые драматизируют реальность разделения, существует процесс, в котором классовая структура конфликта, традиционно встроенная в корейское общество, переплетается с конфронтационным процессом идеологии. Корейская война и разделение нации, противоречие социальной структуры, искажающей жизнь нации, снова искажается идеологией.

Чо Джон Рэ получил широкую популярность благодаря многотомному роману «태백산맥 Тэбэксанмэк», который является хрестоматийным произведением. Над романом «태백산맥 Тэбэк-

санмэк» Чо Джон Рэ начал работать в 1983 году и завершил его в 1989 году. События в романе охватывают период с 1948 года, армейского инцидента в Ёсу и до периода разделения нации после Корейской войны. Через выявление структурных противоречий, скрытые в корейском обществе, критику внутреннего противоречия, писатель явно приводит к тому, что невозможно преодолеть деление без преодоления исторических противоречий, присущих идеологической проблеме. Данное произведение рассматривается как одно из литературных достижений для преодоления разделения. Сам писатель, в предисловии романа «인간연습. Судьбы человеческие», пишет: «...Я написал данный роман с мечтой, что моя литература сможет решить проблему разделенной нации» [7, 220].

Результаты и обсуждение

Таким образом, произведения литературы Южной Кореи пока все еще мало известны русскоязычному читателю, что объясняется прежде всего языковым барьером или отсутствием (недостаточностью) опубликованных переводов. К достижениям российского корееведения, безусловно, относятся великолепные переводы классической корейской поэзии и прозы, а также их литературоведческий анализ Еременко Л., Ивановой В.; Елисеева Д.Д.; Никитиной М.И., Троцевич А.Ф.; Тэн А.Н, Солдатовой М.В. и других [8]. В первое десятилетие XXI века, благодаря усилиям Академии перевода корейской литературы (한국문학번역원. LTIK), список переведенных на русский язык произведений корейской литературы заметно расширился.

Заключение

Таким образом, перевод корейских фамилий и имен и их написание – одна из проблем перевода на русский язык. В русскоязычных текстах встречается разное написание корейских имен –

раздельное, слитное, через дефис, заглавными и прописными буквами второго компонента имени и т.д. В нашей работе мы придерживаемся написания корейских фамилий и имен в три слога заглавными буквами: Хон Бом До.

Различия есть также в транскрипции корейских фамилий. В настоящей работе автор придерживается системы транскрибирования слов корейского языка кириллицей, разработанной Л.Р. Концевичем. Написание фамилий и имен также требует унификации. Так, большинство русскоязычных авторов придерживаются принципа передачи фамилии отдельным слогом и имени-следующие два слога передают одним словом. Сравним: О Сан Вон → О Санвон; Чхве Ин Хун → Чхве Инхун; Ём Сан Гу → Ём Сангу. Даже в одной и той же работе можно встретить двоякое написание. Пак Вонсо и Пак Ван Со. Немалые трудности возникают при переводе фамилий и имен писателей. Трудно определить грамматический род по трем слогам, которые составляют корейскую фамилию и имя. Хотя данную проблему можно решить путем поиска биографии писателя в интернете. Обычно сведения о писателях сопровождаются фотоматериалами. Ср: На написание романа «Хребет Тхэбэк» у писательницы Чо Чжоннэ (курсив наш) ушло шесть лет непрерывной работы [9, 105]. Классик современной корейской литературы, писатель (Чо Чжон Рэ [Чжоннэ]), широко известен не только в Корее, он и за ее пределами.

Статья написана в рамках проекта Академии корееведения (AKS-2017-INC-2230007) «Подготовка специалистов в области литературы и создание учебников корейской литературы (в том числе «Литературы корейцев Казахстана»)».

The article was written within the framework of Korean Scholars Academy project (AKS-2017-INC-2230007) Korean literature (including the literature of the Koreans of Kazakhstan) and textbook specialist training

Литература

- 1 Ким Г.Н. Северная и Южная Корея: история разделения [Электронный ресурс]-режим доступа: <http://echo.msk.ru/blog/postnauka/1724700>, 2017.08.30.
- 2 Поражение Японии во Второй мировой войне [Электронный ресурс]-режим доступа: <http://postmark.ru/themes/vtoraya-mirovaya-voyna>, 2017.08.30.
- 3 Баймухамет Г.С., Айтбекова А.А., Балтабаева Г.С. Постмодернистская корейская литература // Международный студенческий научный вестник, 2015. – № 5, – С.71.
- 4 Чхе Ин Хун Площадь. – Москва, 2002. – 256 с.
- 5 Ли Чже Ха «나그네는 길가에서도 쉬지 않는다. Странник не отдыхает в пути» // Кореана, Сеул, 2006. – № 12. – 219 с.

- 6 Темирболат А.Б. Проблема хронотопа в современной прозе. – Алматы, 2003. –199 с.
- 7 Чо Джон Рэ [Чжоннэ] «인간연습» Судьбы человеческие». – Сеул, 2006. –219 с.
- 8 Еременко Л., Иванова В., Корейская литература. –М., 1964; Елисеев Д.Д. Корейская средневековая литература пхэсол. –М., 1968; Елисеев Д.Д. Новелла корейского средневековья. Эволюция жанра. –М., 1977; Никитина М.И., Троцевич А.Ф. Очерки истории корейской литературы до XIV в. –М., 1969; Троцевич А.Ф. Корейская средневековая повесть. –М., 1975; Тэн А. Традиции реализма в корейской классической литературе. –Алма-Ата, 1980; Никитина М.В. Корейская поэзия XVI-XIX вв. в жанре сиджо. –СПб., 1994; Троцевич А.Ф. История корейской традиционной литературы (до XX в.). Уч. пособие. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. –322 с.; Солдатова М.В. Становление национальной прозы в Корее в первой четверти XX века. –Владивосток: ДВГУ, 2004. –188 с.
- 9 Ким Г.Н. Современная южнокорейская проза как историко-страноведческий источник. – Алматы, Серия Востоковедение, 2009. – № 2, – С.105-111

References

- 1 Kim G.N. Severnaya i Yujnaya Korea: istoriya razdeleniya [Elektronnyy resurs] <http://echo.msk.ru/blog/postnauka/1724700>. –2017.08.30. (In Russian)
- 2 Porajeniye Yaponii vo Vtoroy mirovoy voine [Elektronnyy resurs] <http://postnauka.ru/themes/vtoraya-mirovaya-voyna> (In Russian)
- 3 Baymuxamed G.C., Aytbekova A.A., Baltabaeva G.C. Postmodernistkaya koreyskaya literature // Mejdunarodnyy studentcheskiy nauchnyy vestnik. – 2015. – # 5, – P. 71. (In Russian)
- 4 Chve In Hun Ploshad'. – Moskva, 2002. – 256 p. (In Russian)
- 5 Ли Чже Ха «나그네는 길가에서도 쉬지 않는다 // Koreana, –서울, 2016. – # 1 (12). – Pp.69-79
- 6 Temirbolat A.B. Problema xronotopa v sovremennoy proze. –Almaty, 2003. –199 p. (In Russian)
- 7 Cho Jong Re «인간연습» Sudbu chelovecheskiye». – 서울, 2006. –219 p.
- 8 Eremenko L., Ivanova B. Koreyskaya literature. – Moskva, 1964; Eliseev D.D. Koreyskaya srednevekovaya pxecol'. – Moskva, 1968; Eliseev D.D. Novella koreyskogo srednevekovya. Evolyuziya janra. – Moskva, 1977; Nikitina M.B., Trozevich A.F. Ocherki istorii koreyskoy literature do XIV v. – Moskva, 1969; Trozevich A.F. Koreyskaya srednevekovaya povest' – Moskva, 1975; Ten A. Tradizii realizma v koreyskoy klassicheskoy literature. –Alma-Ata, 1980; Nikitina M.B. Koreyskaya poeziya XVI-XIX vv. v janre sidjo. – CPb., 1994; Trozevich A.F. Istoriya koreyskoy tradizionnoy literatury. – CPb.: Izd-vo, 2004. –322 p.; Soldatova M.V. Stanovleniye nazionalnoy prozu v Koree v pervoy chetverti XX veka. –Vladivostok: DVGU, 2004. –188 p. (In Russian)
- 9 Kim G.N. Sovremennaya yujnokoreyskaya proza kak istoriko-ctranovedcheskiy istochnik. – Almaty, Seriya Vostokovedeniye. –2009. –# 2. –Pp.105-111. (In Russian)

2-бөлім
ӘДЕБИЕТТАНУ

Раздел 2
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Section 2
LITERARY CRITICISM

Алиева Г.Т.,

преподаватель (диссертант) Азербайджанского университета языков,
Азербайджан, г. Баку, e-mail: gunel_eliyeva_81@mail.ru

ПРИЗНАКИ МАГИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА В МАЛЫХ ПРОЗАХ И РОМАНАХ Ф. КАФКИ

Во второй половине XX века литература Латинской Америки превратила «магический реализм» в ведущий метод художественной литературы. Главные особенности магического реализма – не объяснение фантастических элементов, действующие лица принимают и не оспаривают логику магических элементов, часто используются символы и образы, искажение течения времени и т.д. Проза Кафки, объединяя сюрреалистические и абсурдные элементы создала самый наглядный пример магического реализма. Простота, принявшая образ мистического ужаса, прием странности, достигшее высокой степени и все это является особенными признаками творчества Кафки. Его абсурдный герой, живя в мире, трагическим, трогательным усердием, хочет открыть себе дорогу в мире людей, однако он в бедном и разбитом состоянии встречает свою смерть. В произведениях Кафки превращение существующей реальности в более глубокую реальность, и то что это реальность принимается не вызывая никакого удивления связано именно с эстетикой магического реализма.

Ключевые слова: экспрессионизм, магический реализм, конструкция, абсурдная логика, модернизм.

Aliyeva G.T.,

Teacher (Ph D Student), Azerbaijan University of Languages,
Azerbaijan, Baku, e-mail: gunel_eliyeva_81@mail.ru

Characteristics of Magic Realism in F.Kafka`s Short Stories and Novels

In the second half of the 20th century, Latin American literature turned “magical realism” into the leading method of fiction. The main features of magical realism are not the explanation of fantastic elements, characters accept and do not challenge the logic of magic elements, symbols and images are often used, distortion of the flow of time, etc. Kafka’s prose, combining surreal and absurd elements, created the most illustrative example of magical realism. Simplicity, which took the form of mystical horror, the reception of strangeness, reached a high degree and all this is a special sign of Kafka’s work. His absurd hero, living in the world, tragic, touching zeal, wants to open his way in the world of people, but he meets his death in a poor and broken state. In the works of Kafka, the transformation of existing reality into a deeper reality, and the fact that this reality is accepted without causing any surprise is connected precisely with the aesthetics of magical realism.

Key words: expressionism, magic realism, construction, absurd logic, modernism.

Алиева Г.Т.,

Әзірбайжан тілдер университеті, оқытушы (диссертант),
Әзірбайжан, Баку қ., e-mail: gunel_eliyeva_81@mail.ru

Ф. Кафкидің шағын прозалары мен романдарындағы магиялық реализмнің белгілері

XX ғасырдың екінші жартысында Латын Америкасының әдебиеті «магиялық реализмді» көркем әдебиеттің жетекші әдісіне айналдырды. Магиялық реализмнің басты ерекшеліктері фантастикалық элементтердің түсіндірілмеуі, кейіпкерлердің магиялық элементтерді қабылдап,

оның қисындылығына қарсы шықпауы, символдар мен образдар, уақыт ағымының бұрмалануы т.б. жиі қолданылады. Кафканың прозасы сюрреалистік және қисынсыз элементтерді біріктіре отырып, магиялық реализмнің нағыз көрнекі үлгісін бере алды. Мистикалық әзірейлінің образындағы қарапайымдылық, жоғары дәрежедегі әпенділік әдісі – осылардың барлығы Кафка шығармашылығының ерекшелігі болып табылады. Оның әпенде кейіпкері трагикалық және жантебіренерлік құлшынысымен адамдар әлеміне жол тапқысы келеді, алайда ол өз ажалын кедейшілікпен, жаралы күймен қарсы алады. Кафканың шығармаларында бар шындықтың тереңірек шындыққа айналуы, және осы шындықтың магиялық реализмнің эстетикасымен байланысты ешқандай таңдану туғызбай-ақ қабылдануы басым.

Түйін сөздер: экспрессионизм, магиялық реализм, құрылым, қисынсыздық, модернизм.

Введение

Литература XX века своими многими особенностями, несомненно, останется неповторимым событием в истории литературы. Одним из основных отличительных принципов новой прозы это – отрицание ею традиционного реалистического социального романа XX века, переход от социально-психологического анализа к синтезу, создание символической мировой модели, устремление писательского интереса к метафизическим проблемам, отклонение от конкретной рамки времени и пространства. С этой точки зрения, Ф. Кафка вошел в литературу XX века, как создатель нового модернистского поколения. Творческий метод Кафки является таким необъемлемым миром, что каждая попытка включить его в новые, создававшиеся литературные школы, в различные течения оказывалась неудачной. Таким образом, в таких заключениях как то, что Кафка является создателем экспрессионизма, наглядным примером абсурдизма, носителем философии экзистенциализма, новатором фантастического жанра и т.д. несомненно, есть справедливость. При этом, такие писатели, как Кафка не вмещаются ни в какие рамки и такие мастера не могут находиться внутри времени или течения.

Во второй половине XX века во всем мире литература Латинской Америки сделала невероятный скачок. Ряд корифеев Латино-Американской прозы нарушив «карту» традиционной мировой литературы, превратили «магический реализм» в ведущий метод художественной литературы. Но, следует отметить, что даже если культурные, ментальные, мифические особенности этого континента соответствуют «магическому реализму», термин «магический реализм», был введен в литературу французским критиком Эдмоном Жалу еще в 1931 году. Он писал: «Роль магического реализма состоит в отыскании в реальности того, что есть в ней странного, лирического и даже фантастического

– тех элементов, благодаря которым повседневная жизнь становится доступной поэтическим, сюрреалистическим и даже символическим преобразованиям» [7]. Автором выявлено что, главные особенности магического реализма – не объяснение фантастических элементов, действующие лица принимают и не оспаривают логику магических элементов, многочисленные детали сенсорного восприятия, часто используются символы и образы, преимущество человеческих чувств и сексуальности, искажение течения времени, течение времени циклично или кажется отсутствующим, прошлое контрастирует с настоящим и т.д. Как было отмечено выше, Кафка является одним из писателей, раскрывающих логику литературного процесса. Он построил полную новую литературную языковую систему как Достоевский, Арто, Платонов, и такие мастера не вмещаются ни в какую классификацию. Проза Кафки, объединяя с одной стороны традиции Хофмана, Клейца, с другой стороны сюрреалистические и абсурдные элементы XX века создала самый наглядный пример магического реализма. В связи с этим, Автором поставлена такая основная цель как анализ с ракурса магического реализма малой прозы и романов «Процесс», «Замок», составляющих творчество Кафки.

Эксперимент

В целом взятое творчество Кафки можно принять как целый текст. С этой точки зрения, достаточно привести в качестве примера его самый ранний рассказ «Описание одной борьбы», который не был опубликован при его жизни.

Здесь как будто собраны все написанные Кафкой произведения за всю его жизнь. Из этого текста Кафка, отделив несколько фрагментов, создает самостоятельное произведение с различными конструкциями и отдает его для печати. Литературный мир произведений Кафки принципиально являются неполными и фрагментарными. Фрагментарность же является не только при-

знаком стиля, а также внутренним состоянием, присущим писателю. Литературный мир Кафки внешне сосредотачивается внутри локального пространства. Здесь как будто существует две реальности. Литературный метод творчества Кафки, являясь магическим реализмом, объединяет в себе две уровни этого понятия. То есть, наряду с видимой реальностью, он должен был раскрыть второе, невидимое, загадочное существование и отражать это «реалистично» в своих произведениях. С другой стороны слово «магический» это способность соединения писателем разрушенных и развалившихся предметов и мира человеческих отношений, их оживление, а это и есть создание новой модели человеческих и мировых отношений.

Тем не менее, творчество Кафки не вмещается в аналитическую логику и причина тому – личные мотивы его героев всегда носят метафизический характер. Автор трех романов, ряда новелл, дневников, широких переписок Кафка превратился в самую большую психологическую загадку XX века. Родившийся в богатой еврейской семье, получивший высокое образование и работавший на хорошей работе Кафка, прожил загадочную, полную чувством страха ужасную, трагическую жизнь. Знаменитый немецкий писатель Г. Гессе, рассуждая малые прозы и притчи Кафки писал: «Вся его трагедия – он очень трагичный писатель – трагедия непонимания, точнее ложное понимание человека человеком, личности обществом, создателя человеком» [1, 252-253].

Кафка в своих дневниках писал: «Все появляется передо мной как конструкция... Я постоянно охочусь за конструкциями» [7]. Автором впервые обобщены сведения что, конструкции Кафки это иллюзии, в то же время они сконструированы из реальных деталей. В притче Кафки под названием «Мост» – мост является живым человеком и повествование построено таким методом, что «ложный повествователь» выступает под личным «я».

То есть здесь, субъект и объект полностью соответствуют друг другу, каждый персонаж превращается в общий. Созданная таким способом конструкция, то есть фантазия, в которую верят люди, превращается в воображаемый миф. Миф, созданный Кафка, традиционно не связан ни фольклорной, ни религиозной традицией, ни формой, ни содержанием. В Кафке любое субъективное состояние превращается в миф. Миф Кафки имеет свою логику, и эта логика является вечным состоянием всего того,

что присуще именно мифу. Это вечность связана с пространственной непроходимостью и временной неподвижностью. Обращение Кафки к притче может быть оценено также как «жанровая игра». В литературном мире, созданном Кафкой зависимость причина-результат, или не работает, или его раскрытие невозможно. В вышеуказанной притче «Мост» он, изменив аллегоричность, присущее притче, конструкцию намека «человек соответствует мосту», идентично заменяет уподобление. В этом случае дидактичность притчи, нравственное увещание словно становится под вопрос, потому что текст Кафки может иметь множественные, даже противоречащие друг другу толкования. Лаконичность языка Кафки, упрощение самых фантастических и невероятных событий – является одним из основных особенностей эго стиля. В новелле Кафки «Исправительная колония» власть, проблема насилия против личности интересует писателя в общечеловеческом смысле. Как всегда для Кафки власть безлика, однако вездесуща и непреодолима. Для Кафки власть – это олицетворение зла и абсурда. Новелла «Исправительная колония» является носителем особенностей магического реализма. Это можно доказать в результате анализа новеллы. Обычно в каждом произведении очень важно место и время происшествий каждого события. Здесь ни дата происшествия события, ни географическое расположение колонии не указано. Автор подчеркивает замкнутость колонии, а это в свою очередь дает гарантию на «чистоту» эксперимента, проведенного над героями. Все события, происходящие в исправительной колонии, читатель наблюдает сам. Эта система, основываясь на насилии, пытке и принципам, разрушающим личность, раскрывает внутреннее лицо тоталитаризма. В новелле образ путешественника единственный образ, который соединяет колонию общей жизнью. С этой точки зрения, реакция путешественника на происходящее вызывает большой интерес. Значит, основная цель притчи – это описание протеста против насилия, унижения личности человека, уродование его внутреннего мира, унижение человека другим человеком. Не случайность, что аппарат пыток выбран как, символ колонии. При создании формулы работы этого аппарата Кафка в целом раскрывает систему раздавления человека. Сначала он приводится в действие вручную, далее работает самостоятельно, а когда ломается его последняя двигательная часть, он разрушается. Это и есть следствие каждого разрушительного аппарата. Однако смысл

притчи этим не ограничивается. Законы в мире колонии до такой степени стали абсурдными, что каждый человек чувствует себя виновным. Если выразиться словами офицера «Виновность всегда неоспорима». В этом иррациональном уродливом мире между палачом и жертвой нет никакой разницы, в любой момент они могут превратиться друг в друга. Для офицера аппарат пыток – смысл его жизни и по этой причине он, отрицая его разрушение, добровольно принимает казнь вместо виновного. Путешественник как бы, заразившись аурой колонии, принимает за геройство этот поступок офицера. Однако он торопится убежать оттуда, чтобы в дальнейшем забыть эту проклятую колонию. В колонию назначают нового офицера. Говорят он, более гуманный человек, но здесь люди живут ностальгическими чувствами прошлого. Несомненно, созданный здесь метафорический мир содержит разные сгибы и значения и это направлено не только против тоталитаризма. Глубокие метафизические, экзистенциальные слои здесь связаны именно с многозначностью стиля Кафки. Литературный мир новеллы «Превращение» в то же время – это сцепление между собой нескольких миров. С одной стороны внешний деловой мир, который нехотя исполняет Грегор, и участвует ради благосостояния своей семьи, с другой стороны домашнее пространство Замзы, который из всех сил стремится сохранить свой нормальный внешний мир и мир самого Грегора. Эта первая двойка находится в противоречии с третьим центральным миром новеллы, и этот третий мир основан на законе конкретизации ужаса. В. Набоков об этом писал: «Прозрачность повествования, точная и серьезная интонация создает невероятный контраст с ужасающим содержанием рассказа. Его резкое черно-белое письмо не украшено никакими поэтическими метафорами, прозрачность его языка подчеркивает сумрачное богатство его фантазии» [2, 176].

Эта новелла формой напоминает реалистичное повествование, а на самом деле, основана на нелогичных законах сна. Индивидуализированный миф создает различные воображения. Такой миф является мифом, не нуждающийся ни в каких классических традициях и не связанных с ним, однако, в то же время являющийся мифом созданным мышлением XX века. Как и в настоящем мифе в «Превращении» проводится конкретно-чувственная персонификация психических особенностей человека. Грегор Замза в реальности бывший из поколения «малый человек» носит в себе чувства совести, ответствен-

ности, дружелюбности. Он принимает превращение, являющееся его личной трагедией, как невозможной в реальности и его единственное чувство – это чувство угрызения совести из-за того, что он ставит свою семью в трудное положение. В новелле внутренний мир Грегора развивается строгими рациональными законами, однако в творчестве Кафки, как и у многих писателей XX века рационализм превращается в абсурд. Кафка очень убедительно описывая физическое состояние героя, показывает его зависимость от телесной оболочки и это повествование превращается в абсурд. Простота, принявшая образ мистического ужаса, прием странности, достигшее высокой степени и все это является особенными признаками творчества Кафки. Его абсурдный герой, живя в мире, трагическим, трогательным усердием, хочет открыть себе дорогу в мире людей, однако он в бедном и разбитом состоянии встречает свою смерть.

Результаты и обсуждение

Кафка является создателем модернистского романа XX века. Мастерство творчества Кафки заключается в том, что он заставляет читателя прочитать его произведения несколько раз. Концовки его сюжетов, оставаясь раскрытыми, каждый раз требуют чтение произведения с нового ракурса. Кафка в прямом смысле является интеллектуальным писателем, однако для него играет ведущую роль не интеллект, а литературная интуиция. «Собирая» конструкцию сюжетов своих произведений, он создает символическую мировую модель.

Фантазия Кафки не является рациональным, носит интуитивный, стихийный характер, и именно по этой причине может отражать более отчетливо «Модернистское» воображение, отчуждение окружающего его современного мира. Мир, представленный глазами героев Кафки, обладает настоящей композицией и оптикой сна. Существующая реальность в фантастической и абсурдной форме и не только в темноте ночи, а также утром-днем обычное время, даже в быту непреодолимы и распространяются с тотальной скоростью. А это превратившись, в какую-то высшую реальность и составляет основную суть мира.

Герой романа «Процесс» Йозеф К. после получения решения суда долгое время пытается продолжить свою прежнюю жизнь. Само судебное разбирательство с первого взгляда кажется ему шуткой, недоразумением и иллюзией,

не вмещающей в его рациональный мировой образ.

Однако эта новая реальность, со временем притесняя существующую реальность, полностью выбивает из сил Йозефа и принуждает его принятие указа смерти со стороны неизвестных людей. Подобные события происходят и в романе «Замок», в рассказе «Рассуждение» и других произведениях. В произведениях Кафки превращение существующей реальности в более глубокую реальность, и то что это реальность принимается не вызывая никакого удивления связано именно с эстетикой магического реализма. В романах Кафки не имеется ни внутренне, ни внешне двусмысленные истории. Здесь, как и в традиционных романах, повествование происходит в определенной последовательности, несмотря на напряженное происшествие событий, они представляются, так как принимаются героями. Автором сформулирована идея что, у повествования Кафки не имеется даже третьего слоя, чтобы там имелись какие либо пояснения произведению со стороны автора. Вместо этого в его романах создаются мифопоэтические образы из реального жития. Эти образы, дополняя к чрезвычайным силам, решающим человеческие судьбы простые, житейские черты представляют их в более ужасающей форме. В романе «Процесс» из представителей этой высшей силы адвокат Гульд является пародической фигурой, в «Замке» судья села, армия старших чиновников являются мистическими существами, не обладающие каким-либо конкретным образом.

Заключение

То есть, в обоих романах символы «замок» и «суд» внешне могучие, загадочные, в то же время не носящие никакого высшего смысла. В романе «Замок», несмотря на отношение жителей с большим страхом и чувством почтения к Замку и представившим его чиновникам, Кафка эту «ужасающую» систему, разрушив полностью, показывает то, что он не обладает никакой реальной силой. А также в романе «Процесс» представляются здание суда, его тесные и темные коридоры, судья в бедных одеяниях и т.д. Парадоксально, что унижение этой высшей силы не только делает его смешным или унижает его величие, наоборот, превращает его загадочность

в проклятие людей как кошмарный сон. Оба романа обладают аналогичной структурой и мировой моделью. В модели мира, созданной Кафкой, специфически взаимозависимость субъекта и объекта показывает связанность с дихотомией земли и неба.

Как отмечают критики, изображение мира в романах Кафки зависит от состояния сознания героев. В произведениях Кафки специфически постоянно происходит взаимосвязь между человеческим сознанием и структурой мира. В «Процессе», «Замке» и других произведениях фантастическое начало в жизнь героя входит именно в момент, когда он просыпается от сна. Это может связано с тем, что во время пробуждения от сна контроль сознания человека слаб, и в каком-то смысле это превращается в метафору пробуждения самых глубоких слоев сердца героя. Фантастика романов «Процесс» и «Замок» связаны с одиночеством и бесправностью человека, в буржуазном обществе, с его психологическим комплексом, упоминающийся как подсознательная «вина». И вопрос о том, какой из них является главным, а какой второстепенным остается раскрытым. Оба героя в поисках справедливости на этом пути встречаются с мелкими чиновниками, представляющими самый низкий слой системы, власти. Из этого можно сделать несколько выводов. Автором предложен такой вывод как, или высшая власть находится на таком недостижимом уровне, что он может предстать перед людьми на «униженном» уровне, или по другим заключениям высшая власть принципиально непознаваема. Кроме этого, личность не может достигать гармонии в существующем мире ни в социальном, ни метафизическом уровне. Для Кафки одним из неизбежных условий гармонии – это отказ личности ради нее не только от своего рассудка, но даже от самого себя. Основная цель модели мира, созданной Кафкой – это противоречие между человеком и обществом, индивидуальной и метафизической целостностью, «небесным» и «светским» началом. Можно сказать, что само повествование Кафки, подчиняясь абсурдной логике, направленные многим, противоречащим друг другу планам, не могут укладываться вместе. Именно по этой причине образы Кафки не могут быть пояснены односторонне, созданные им символы являются полисемантическими (многозначными).

Литература

- 1 Гессе Г. Письма по кругу. – М.: Прогресс, 1987. – 400 с.
- 2 Набоков В. Лекции по зарубежной литературе. – М.: Азбука-классика, 2010. – 512 с.
- 3 Гессе Г. Художественная публицистика. – М.: Прогресс, 1987. – 246 с.
- 4 Аверинцев С. Типология и взаимосвязь литератур древнего мира. – М.: Наука, 1971. – 206 с.
- 5 Politzer H. Franz Kafka: Parable and paradox. – Ithaca, New York, 1979. – 398 p.
- 6 McDonald Ch., Suleiman S.R. French Global: A New Approach to Literary History. – Columbia University Press, 2011. – 546 p.
- 7 <http://17v-euro-lit.niv.ru/17v-euro-lit/lukov-praktikum/franc-kafka-pritchi.htm>
- 8 http://knowledge.allbest.ru/literature/3c0b65635b3ac68b4d43b88521316c36_0.html
- 9 <https://www.biography.com/people/franz-kafka-935940.htm>
- 10 <http://www.encyclopedia.com/people/literature-and-arts/german-literature-biographies/franz-kafka>

References

- 1 Hesse H. Pisma po krugu. [Letters in the circle]. M.: Progress, 1987. 400 p. (In Russian)
- 2 Nabokov V. Leksii po zarubezhnoy literature. [Lectures about foreign literature]. M.: Azbuka classica, 2010. 512 p. (In Russian)
- 3 Hesse H. Khudozhestvennaya publisistika. [Literary writings]. M.: Progress, 1987. 246 p. (In Russian)
- 4 Averinstev S. Tipologiya i vzaimosvyaz literatur drevnego mira. [Typology and relationship of the literature of ancient world]. M.: Nauka, 1971. 206 p.
- 5 Politzer H. Franz Kafka: Parable and paradox. Ithaca, New York, 1979. 398 p.
- 6 McDonald Ch., Suleiman S. R. French Global: A New Approach to Literary History. Columbia University Press, 2011. 546 p.
- 7 <http://17v-euro-lit.niv.ru/17v-euro-lit/lukov-praktikum/franc-kafka-pritchi.htm>
- 8 http://knowledge.allbest.ru/literature/3c0b65635b3ac68b4d43b88521316c36_0.html
- 9 <https://www.biography.com/people/franz-kafka-935940.htm>
- 10 <http://www.encyclopedia.com/people/literature-and-arts/german-literature-biographies/franz-kafka>

МРНТИ 17.09.91:

Базылова Б.К.¹, Базылов Т.К.²,

¹к. ф. н. доцент Казахского государственного женского педагогического университета,
Казахстан, г. Алматы, e-mail: baglan_5_3@mail.ru

²директор Жанаталапской средней школы Бухар-Жырауского района Карагандинской области,
Казахстан, г. Караганда,

МЕСТО ЛИЧНОСТИ В ИСТОРИИ И ЕЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ВОССОЗДАНИЕ

Человек в романе-дилогии “Вешние снега” и “Смутное время” казахского писателя Мухтара Магауина выступает как субъект истории, как основной способ саморазвития жизни и своим отношением к себе, к людям, народу, к человечеству свидетельствует об отношении личности к истории, которую она воплощает в себе и творит для других.

Место личности в истории, ее принципы, деятельность, облик и ее художественное воссоздание связаны со своеобразием авторской концепции. Писатель в изображении человека как субъекта исторической действительности нашел ту художественную правду, которая не противоречит правде исторической, и несет в себе правду образов, уже известных истории, но созданных по законам искусства. Перед М. Магауином стояла сложная задача – на конкретных человеческих характерах показать, как события действительности преломлялись в судьбах героев, как в бурном водовороте истории человек мужал, как он боролся, что переживал. Именно этим качеством – возможностью проникнуть во внутренний мир человека, писатель отличается от ученого-историка.

Ключевые слова: историческая личность, художественный образ, авторская концепция, характер

Bazylova B.K.¹, Bazylov T.K.²,

¹PhD, A/Professor, Kazakh State Women's Teacher Training University,
Kazakhstan, Almaty, e-mail: baglan_5_3@mail.ru

²Director of the Zhanatalap secondary school of the Bukhar-Zhyrau district of the Karaganda region,
Kazakhstan, Karaganda

Place in the history of the person and his artistic reconstruction

The man in the Kazakh writer Muhtar Magauin's romances “Spring Snow” and “Time of Troubles” acts as the subject of history, as the main way of life and self-development of their relation to themselves, to the people, the people, to mankind evidence of the relation of the individual to the story, which she embodies and works for others.

Place the individual in history, its principles, activities, appearance and artistic re-creation associated with the originality of the author's conception. The writer in the image of man as a subject of historical fact, found the artistic truth, which is not contrary to the historical truth, and carries the truth of images of known history, but created according to the laws of art. Before M. Magauin was a difficult task – to specific human characters to show how events actually refracted in the fate of the characters, as in a turbulent maelstrom of history man her husband as he battled that worried. It is this quality – the ability to penetrate into the inner world of man, the writer is different from the scientist and historian.

Key words: historical figure, artistic image, the author's concept, character

Базылова Б.К.¹, Базылов Т.К.²,

¹Қазақ мемлекеттік қыздар педагогика университетінің доценті, ф. ф. қ,
Қазақстан, Алматы қ., e-mail: baglan_5_3@mail.ru

²Бұхар-Жырау ауданының Жанаталап орта мектебінің директоры Қарағанды облысы,
Қазақстан, Қарағанды қ.

Тұлғаның тарихтағы орны және оның көркемдік тұрғыдан жаңғыруы

Мұхтар Мағауиннің «Аласапыран» роман-дилогиясы тұлға тарих субъектісі ретінде қарала отырып, өмірдің өздігінен даму тәсілі және адамдардың өзіне, айналадағы адамдарға, халыққа деген қарым-қатынасы тұлғаның өзі кіретін тарихқа қатынасын айғақтайды.

Тарихтағы тұлғаның рөлі, оның тарихи тұлға ретінде қалыптасу қағидалары, іс-әрекеттері, бет-бейнесі және оның /тұлғаның/ қайта жаңғыруы автордың өзіндік концепциясымен тығыз байланысты. Жазушы М.Мағауин тұлғаны тарихи әрекеттің субъектісі ретінде бейнелеу кезінде тарихи шындыққа қайшы келмейтін көркемдік шындықты шебер пайдалана білген, тарихта бұрыннан белгілі шындықтар көркем өнер заңдылықтарына сәйкес, қайта түрленіп шыққан. Жазушы алдына өмірлік жағдайлар қаһарманның тығырыққа толы өміріне араласа отырып, тарихи тұлға сипатын көркемдік тұрғыдан бейнелеу секілді күрделі міндет қоя білген. Жазушының осы әрекеті адамның ішкі әлеміне ену мүмкіндігіне ие бола отырып, ғалым-тарихшыдан ерекшелейді.

Түйін сөздер: тарихи тұлға, көркем образ, авторлық концепция, сипат

Введение

Каждому историческому периоду присуща определенная концепция человека, чем и объясняется многообразие содержательных сторон художественного характера. И в зависимости от своей идейно-художественной концепции писатель выявляет и акцентирует определенные грани существования человека. Поэтому изображение человека – это основной объект художественного произведения, а проблема характера исторической личности – одна из важнейших проблем для романа о прошлом.

Писатель, глубоко вникая в суть социальных противоречий эпохи, поставил задачу отразить историю народа в конкретно-исторических образах, которые несли бы характерные черты эпохи и объективно представляли бы основные тенденции исторического процесса. Каждый художественный образ в романе, имея в большинстве случаев своего конкретного прототипа, в той или иной мере типичен, наделен определенными социальными признаками и соответственно выражает определенные интересы. Здесь авторский домисел идет в русле его концепции истории, что придает роману особую идейную четкость и целостность.

Эксперимент

Проблему художественного воссоздания исторической личности мы рассмотрим на примере романа-дилогии Мухтара Мағауина “Внешние снега” и “Смутное время”. Создавая художественную концепцию исторической

личности, автор одновременно создает и концепцию истории. Писатель с исторической достоверностью и художественной правдивостью воссоздает целостную структуру личности с ее философско-социальным и нравственно-духовным миром в сложных диалектических связях с эпохой.

Многогранную личность главного героя романа автор раскрывает как исторически обусловленную совокупность ярких человеческих свойств – нравственных, психологических и социальных черт. Характер Ораз-Мухамеда развивается, движется и обогащается в самых разных жизненных ситуациях, обнаруживая новые грани. Романист изображает факты из жизни героя романа, жизненные конфликты, выделяя наиболее существенное, концентрируя внимание на главном, наиболее важном, чтобы дать яркое представление о характере казахского султана в полном соответствии с принципом историзма. Правдивое отражение главных фактов и событий играет важную роль в определении художественного значения романа. Подлинный историзм находит свое выражение в художественно осмысленной взаимообусловленной связи между историей и человеком.

Несмотря на индивидуальную исключительность, Ораз-Мухамед – характер типический, образ его в романе многогранен. Герой показан в различных ситуациях – в сражениях, на царских приемах, среди друзей и противников, в общении с любимыми женщинами. Образ казахского султана создан в полном соответствии с исторической правдой. Он показан как одаренный, гуманный, пытливый человек с характером му-

жественным, импульсивным, волевым, благородным.

Писатель, эстетически оценивая образ главного героя, стремится определить его место в истории. Герой романа – сын своего народа, внесший весомый вклад в историю казахской нации, сыгравший исторически-прогрессивную роль в сближении родного народа с русским. Воссоздавая историю общества в развитии со всеми ее прогрессивно-политическими сдвигами, романист одновременно воспроизвел и ту реальную историческую основу, с которой было связано становление и развитие личности казахского султана. Автор, обращаясь к исторической теме, выбирая период смуты социально-исторического развития народа, события эпохи отображает через судьбы людей. Эти люди, с их конкретными социальными и индивидуальными особенностями становятся своеобразным эстетическим материалом для выражения духа времени. Образ исторической личности стоит в центре сюжета романа и в целом обусловлен самым ходом истории, который может быть показан ярко и убедительно лишь через судьбу отдельных людей – героя романа и других представителей его поколения.

Образ Ораз-Мухамеда – один из драматических в системе образов. Драматизм создается сложностью характера героя и сложностью тех обстоятельств, при которых он развивается.

Стремление романиста к исторически достоверному воспроизведению эпохи обусловлено задачей отбора фактического материала, который он использовал при работе над диалогией. В отборе материала, касающегося жизни Ораз-Мухамеда, всего его облика, четко прослеживается стремление художника выделить лишь те явления или черты исторической личности, которые были характерны для него как выразителя прогрессивных тенденций того времени. «История заставляет людей совершать самые разнообразные и далеко не всегда характерные поступки, а литература – только характерные. Поэтому писатель вводит в произведение не всякую историю, не всякую жизнь, подтверждающие его правоту факты, из истории и жизни», – пишет А. Белинков [1, 161].

В романе факты служат важным источником для раскрытия внутреннего мира исторического персонажа. Мухтар Магауин в роман вводит не всякие факты: они отбираются в зависимости от поступков, психологии героя, его места в общественной жизни, функции, выполняемой героем в произведении. И в процессе интерпретации

исторических фактов автор проявляет свое отношение к герою. Изображая исторические события, отбираются факты, характеризующие эти события, писатель их по-своему объясняет.

Если о жизни Ораз-Мухамеда в России сохранились какие-то документальные свидетельства, то сведениями о его судьбе на родине, за исключением его родословной, М. Магауин почти не располагал. К историческим документам, отражающим жизнь и деятельность Ораз-Мухамеда, романист подходит критически, выявляя отдельные достоверные штрихи и творчески их преобразуя. При сличении противоречивых документов историческому романисту необходимо, как писал А. Толстой выработать «особое историческое “чутье”, которое развивается практикой» [2, 496]. На эту специфическую трудность художественного осмысления фактов в работе над историческим романом обращал особое внимание и С.Злобин: «стоит громадных усилий от варианта к варианту работать над отбором фактов, заменить буквальную точность факта обобщенным художественным образом, хронологическую последовательность событий заменить трансформированным сюжетным построением, придавая всей книге облик и сущность исторического романа» [3, 53].

Историческая личность и проблема ее образа занимают особое место в произведении М. Магауина. В начале романа Ораз-Мухамед предстает семнадцатилетним юношей. Автор фактически прослеживает весь его жизненный путь, начиная с триумфального периода – избрания Ораз-Мухамеда преемником казахского хана Теуеккея. Хотя все эпизоды, отображающие жизнь Ораз-Мухамеда до события в Тобольске, безусловно, являются авторским вымыслом, тем не менее они служат раскрытию характера султана, изображению становления его личности. Писатель воссоздает процесс формирования и совершенствования характера под воздействием обстоятельств, дополняя его эволюцией мировоззрения в соотношении со временем, отчего художественная передача диалектики характера приобретает полноту и завершенность.

Результаты и обсуждение

В романе писатель показал становление личности Ораз-Мухамеда. Здесь существенную роль играет психологически углубленное раскрытие его внутреннего мира. Отношение Ораз-Мухамеда к социальным событиям, житейским, бытовым фактам и фактам его личной жизни

по-разному эмоционально окрашено и создает представление о богатстве внутреннего мира героя.

Историческая личность раскрывается в романе прежде всего через его восприятие окружающего мира, через взаимоотношения с другими людьми. Художественно ярко и жизненно конкретно воспроизведены писателем встречи Ораз-Мухамеда с беками и простым народом.

Авторская концепция героя в романе представлена в изображении реальных исторических событий, она также обусловлена своей конкретной национальной принадлежностью. Воссоздавая характер исторической личности в образе Ораз-Мухамеда, М. Магауин воплотил в нем лучшие национальные черты казахского народа: храбрость, благородство, отзывчивость, прямодушные. При этом писатель не осовременивает главного героя романа, сохраняет в нем дух и понятия его социальной среды и исторической действительности.

Казахская литература показала свою устремленность к изображению героя сильного, упорного в достижении цели, с высокой степенью наделенного чувством человеческого достоинства. В исторической личности как представителе своего народа проявляются важные черты национального характера – выдержка, упорство, выносливость и жизненная стойкость. Мир казах-кочевника, выросшего в необъятных просторах родной степи, был сконцентрирован в центре бытия степняка.

М. Магауин сумел изобразить главного героя в таких обстоятельствах, при которых наиболее отчетливо проявляются черты характера. Логика характера героя романа мотивирована. В романе не просто раскрываются отдельные черты характера героя, в нем определяется значение Ораз-Мухамеда как исторической личности, его ролью в развитии международных отношений двух государств.

В романе проблема реальной исторической личности как главного героя романа тесно связана с образом положительного героя: в центре романа представлена подлинная историческая личность, выдающийся деятель прошлого, сыгравший важную роль в судьбе своего народа.

Романист через индивидуальную судьбу людей показывает сложные события социальной

жизни, стремится воплотить в конкретной личности национальные, классовые и психологические черты, присущие многим людям того времени. Мастерство писателя заключается в том, что он, создавая различные градации поведения исторической личности, сумел воссоздать цельный художественный образ. Идея дружбы народов, идея патриотизма и гуманизма выступает в романе не абстрактно, а в форме идей времени. Отсюда историзм образа реального героя. Факты, документальные материалы сыграли огромное значение в точном, правдивом изображении реального исторического лица.

Художнику удалось сохранить и воссоздать правду жизни, деятельность исторического лица, точно передать его характер, особенности личности, факты биографии и общественной деятельности.

Заключение

Таким образом, авторская концепция характера исторической личности в романе изображена как диалектическая взаимосвязь отдельного и общего, проявляющаяся в очень сложной форме контактов личности и общества, человека и истории. М. Магауин проблему характера Ораз-Мухамеда связывает прежде всего с историей народа. Воссоздавая историю казахского народа в развитии, художник воспроизвел и ту реальную историческую обстановку, с которой было связано становление личности Ораз-Мухамеда. Писатель поставил перед собой задачу – всесторонне показать через образ казахского султана его эпоху, характер общества. Образ исторической личности стоит в центре сюжета романа и в целом обусловлен самим ходом истории, который может быть показан ярко и убедительно лишь через судьбу отдельных людей, представляющих свое время и свою среду.

Основой художественного метода М. Магауина является изображение судьбы казахского султана в связи с большими историческими событиями. Описание социальной действительности у автора сочетается с попыткой раскрыть внутренний мир главного героя. Исторический романист показывает воздействие внешних событий на душевный строй и поведение персонажа.

Литература

- 1 Белинков А. Юрий Тынянов. – М.: Советский писатель, 1960. – 434 с.
- 2 Толстой А. Полн.собр.соч. в 15 т. Т.13. – 510 с.
- 3 Злобин С. Задачи романа // Вопросы литературы. – 1965. – №9. – с. 53-58.
- 4 Магауин М. Смутное время. Роман. Книга 2. – Алматы, 1985. – 592 с.
- 5 Вебер Р. Литература факта: литературоведение в американском письме. – Афины (Огайо): Университет штата Огайо, 1980. – 181 с.
- 6 Краткий Оксфордский словарь литературных терминов. – Оксфорд: Оксфордская университетская пресса, 2001. – С. 94.
- 7 Пьер Н. Современный французский роман. – Нью-Йорк: Оксфордская университетская пресса, 1955. – 363 с.
- 8 Флауэ Д. Исторический словарь французской литературы. – Ланхэм, Скрининг пресса, 2013. – 586 с.
- 9 Чернец Л.В. Литературные жанры: проблемы типологии и поэтики. – М., 1982. – 245 с.
- 10 Эсалнек А.Я. Основы литературоведения. Анализ романного текста. – М., 2004. – 178 с.

References

- 1 Belinkov A. Yuriy Tynyanov [Yury Tynyanov]. Moscow: Sovietwriter, 1960.434p.(In Russian)
- 2 Tolstoy A. Poln. Sobr. Soch.[Full comp. of writings. In 15 t.] T.13. 510 p. (In Russian)
- 3 Zlobin S. Zadachi romana [The problems of the novel] // Questions of literature. – 1965. – No9. –P.53-58.(In Russian)
- 4 Magauin M. Smutnoevremya [The Time of Troubles].Novel.Book 2.Almaty, 1985. 592 p.(In Russian)
- 5 Weber R. Literatura fakta: literaturovedenie v amerikanskom pis'me [The Literature of Fact: Literary Nonfiction in American Writing]. Athens (Ohio): Ohio University Press, 1980. 181 p.(In English)
- 6 Kratkiy Oksfordskiy slovar' literaturnykh terminov [The Concise Oxford Dictionary of Literary Terms]. Oxford: Oxford University Press, 2001. P. 94.(In English)
- 7 Peyre H. The contemporary French novelю – NY: Oxford university press, 1955. 363 p.
- 8 Flower J. Istoricheskiyslovar' [Historical dictionary of French literature].Lanham, Md.: The Scarecrow Press, 2013. 586 p.(In English)
- 9 Cherez L.V. Literaturnye zhanry: problem tipologii I poetiki[Literary genres: the problem of typology and poetics]. Moscow, 1982. 245 p.(In Russian)
- 10 Esalnek A.Y. Osnovy literaturovedeniya [Fundamentals of literary criticism. Analysis of the novel text]. Moscow, 2004. 178 p.(In Russian)

Ibrayeva D.S.,

doctoral PhD 3 course of al-Farabi Kazakh National University,
Kazakhstan, Almaty, e-mail: dis061112@mail.ru
Scientific adviser – professor Salhanova Zh. Kh.

THE AUTOBIOGRAPHY IN THE WORKS OF GEROLD BELGER

In the article the features of a genre of the art autobiography on the example of the novel of the Kazakh writer Herald Belger “Wanderer’s home” are researched. The signs of autobiographical art prose at the level of plot, compositions, chronotope, system of characters of the work are revealed. According to the authors of the article, interaction of elements of documentary and artistry make individual style of the writer, define specifics of his creativity. In the article the conclusion that the art autobiography represents a special genre in literature is formulated. The authors of the article consider that the work based on the documentary facts from the writer’s life which turn into artistic characters and become not only the subject, but also the object of the character should be referred to such a genre. The degree of documentation or artistry of the autobiographical text is defined by the level of deviation of the literary character created in the work from the real author’s character.

Key words: autobiography, artistry, documentalism, genre, character.

Ибраева Д.С.,

докторант PhD 3 курса Казахского национального университета имени аль-Фараби,
Казахстан, г. Алматы, e-mail: dis061112@mail.ru
Научный руководитель – д.п.н., к.ф.н., и.о. профессора Салханова Ж.Х.

Автобиографизм в творчестве Герольда Бельгера

В статье исследуются особенности жанра художественной автобиографии на примере романа казахстанского писателя Герольда Бельгера «Дом скитальца». Выявляются признаки автобиографической художественной прозы на уровне сюжета, композиции, хронотопа, системы образов произведения. По мнению автора статьи, взаимодействие элементов документализма и художественности составляют индивидуальный стиль писателя, определяют специфику его творчества. В статье формулируется вывод о том, что художественная автобиография представляет собой особый жанр в литературе. Автор статьи считает, что к такому жанру следует отнести произведение, основанное на документальных фактах из жизни писателя, которые превращаются в художественные образы и становятся не только субъектом, но и объектом изображения. Степень документальности или художественности автобиографического текста определяется уровнем отклонения созданного в произведении литературного образа от реального авторского облика.

Ключевые слова: автобиографизм, художественность, документализм, жанр, образ.

Ибраева Д.С.,

ал-Фараби атындағы Қазақ Ұлттық университетінің 3 курс докторанты,
Қазақстан, Алматы қ., e-mail: dis061112@mail.ru
Ғылыми жетекші – п.ғ.д., ф.ғ.к., профессор м.а. Салханова Ж.Х.

Герольд Бельгер шығармашылығындағы автобиографизм

Мақалада көркем автобиография жанрының ерекшеліктері қазақстандық жазушы Герольд Бельгердің «Дом скитальца» романының негізінде зерттеледі. Автобиографиялық көркем прозаның негізгі қасиеттері сюжет, композициялық құрылым, хронотоп, шығармадағы образдар жүйесі арқылы аңғарылады. Мақала авторының ойынша, документальдылық пен көркемдік

элементтерінің өзара арақатынасы жазушының өзіндік стилі мен шығармашылығының өзіндік қырларын анықтауға септігін тигізеді. Мақалада көркем автобиография әдебиеттің ерекше бір жанры ретінде қарастырылады. Автордың ойынша, мұндай жанрларға жазушының өміріндегі документалдық фактілерге негізделген көркем образдарға айналған, көркем бейнелеудің субъектісі ғана емес, объектісіне айналып үлгерген шығармаларды жатқызуға болады. Автобиографиялық мәтіннің документалдық және көркемдік деңгейі шығармадағы әдеби образдың автордың шынайы бейнесінен қаншалықты алшақ тұруымен анықталады.

Түйін сөздер: автобиографизм, көркемдік, документальдік, жанр, образ.

Introduction

Autobiographism is called distinctive feature of the prose of the XX century. It is caused by the fact that in the second half of the XX century autobiographism began to play essentially different role, than during the previous literary periods. Formation of individual consciousness, personal attitude, inclination to realistic art reconstruction of the world around were shown in literature more fully at the beginning of the 20th century when destruction of traditional structures of feudal society, development of the bourgeois relations and activization of cultural dialogue with the West, development of ideological and esthetic experience of the European literature led to understanding of worthiness of the human personality and its individual rights.

Autobiographism as refraction of biographic material in art creativity represents reflection in the literary work of events from life of the writer, proximity in any relation to the author of the hero of the work. Special completeness of its presence arises in the work when there is an autobiographical beginning, a certain substance of autobiographism. The autobiography is crystallization of this substance in a genre. It seems, such provision does not require special justification. However, it must be kept in mind that some difficulties which are found in the course of theoretical judgement of a concept. According to researchers, autoreferential connections in the autobiographical text are most often shown in exact coincidence “I” of the author and “I” of the character. But they can be under construction and as a system of replacement. At times author’s “I” is concealed by pronouns “You” or “It” or designates itself as a pseudonym [1], [2].

Besides, the author of such work can state the biography, the process of formation of the personality and by means of display of the fictional person in this connection it is difficult to define unambiguously whether the text belongs to autobiographical genre. The degree and signs of interaction of documentary and art material in structure of the literary work are also various and require special studying in each situation. The detection of specifics of this

interaction, features of a ratio of the author and hero of the autobiographical text, specifics of a genre of the art autobiography define the problem.

Autobiographism that is testified by the history of its development in literature was one of forms of historical memory of civilizations, the basis of spiritual link of generations, the indicator of the level of development of consciousness. Many works of fiction are penetrated by autobiographism, and the identity of the author is often a prototype of the main character. Autobiographism as artistic method was used by authors of literary texts in different degree. Some writers included a lot of things in the works from real life, others – only small details of household character. To some extent it is explained by the historical realities which required another level of assessment of the events, than earlier. This new feature of verbal creativity was noted by researchers: “The documentary prose of the future is also emotionally charged, painted by soul and blood memoirs document where everything is the document and at the same time represents emotional prose ...” [3].

Autobiographism in autorology is considered as one of forms of author’s figurative word game. Literally-etymologically “autobiography” means “the description of the life” (“auto” – himself, “bio” – life, “grapho” – I write). The main criterion of definition of the text as autobiographies is existence of the description of the filling human life in it, concrete events stated by him. According to the definition given in the book by F. Le Jeune “The autobiographical contract” “the autobiography is the narrative text with retrospective statement in which the real personality tells about own life, and besides the accent puts on the private life, especially history of formation of the personality” [4].

To qualify similar cases theoretically, there is the necessity to pay attention to the concept “autobiographism”. Here, the concept formulated in the work by M. Medarich is submitted very productively: “Autobiographism can be called stylistically marked literary method representing autobiography genre echo; it appears in the texts which are not autobiography themselves, they were

not written and perceived as autobiographies". Differentiating adjacent concepts acutely, the author of this work speaks of the further: "The autobiography includes the personality as a subject of the description in space and time, the personality who is at the same time the subject and object of the description. Autobiographism as an echo of the autobiography can be searched only where the author of the text about himself is defined both as essentially possible object of historiography (the specific empirical personality in time and space), and at the same time as the subject of self-informative disciplines, philosophies and psychology (the transcendental personality)" [5].

The Kazakhstan scientists allocate as one of the main signs of belonging of works to the autobiographical genre of the reference to documentary materials. At the same time the existence of individual addictions of authors, differences in the course of creation of the art picture of the world based on real events are mentioned. Researchers consider that the structure of the character of the hero with prevalence of elements of the "internal" plan at existence of the elements of the "external" plan caused by influence of ideological factors is characteristic of works with elements of autobiographism. Thus, the autobiographism problem in literature continues to remain ambiguous and requires further development.

Experiment

In the autobiography genre depending on the degree of exposition of a figure of the real author in the text and on degree of reliability of the stated events, that is from the measure of compliance of literary material to vital two subtypes are distinguished: documentary and art. In the documentary autobiography the narration reproduces the empirical facts, tends to transfer real vital events with documentary accuracy. The art autobiography subjects the outline of the real autobiography to poetic processing and transforms the concrete reliable event into the art fact. In the autobiographies of this kind the invented, imagined moments of life often play more significant role than documentary testified ones.

Autobiographism is characteristic feature of works of such Kazakhstan writers as I. Shukhov, M. Simashko, V. Shchegolikhin, G. Belger and others. Let's address Gerold Karlovich Belger's creativity, the German by origin, but deserved the unconditional authority and love of Kazakhs whom he got to like as the fates decree and on a need of the heart. The

most part of novels, stories, essays by Belger is autobiographical, documentation and artistry are united in plot and composition, reality and fiction, philosophical reflections and sincere feelings. In the novels "Wanderer's home" and "Tuyuk Su" the main subjects that worried G. K. Belger meet together throughout all his creativity. These works, being multidimensional, with the branched plot lines having a peculiar composition sum up a peculiar result of the subjects developed earlier, raise them to the new level of art documentalism as the whole layers of history, including repression, war, labor army, post-war time and modern reality experienced by the writer are reflected in these works.

The biography of Gerold Belger in many respects coincides with the events described by him in art texts. He was born on October 28, 1934 in the city of Engels, the capital of the Germans of the Volga region. In 1941 under Stalin's decree he was deported to Kazakhstan together with other Russian Germans. He studied at the Kazakh secondary school, then at philological faculty of the Kazakh Pedagogical Institute, worked as the teacher of Russian, then in the literary journal, since 1964 he has been a writer and translator. Belger knew Kazakh perfectly and he was an expert in the Kazakh literature, got huge recognition thanks to the translations of books from German into Kazakh and Russian languages. Journalism took a specific place in his creativity and was held by the devoted to topical issues of our time. Artistry and documentation were inseparable in works of the writer and translator, such synthesis gave the chance to express the personal relation to the historical events which defined his destiny. Peculiar feature of Gerold Belger's creativity is that he devoted many works to historical research and art reconstruction of deportation process of Germans of the Volga region to the Central Asia during the World War II and tracked their future, especially their integration in Kazakhstan. He published books and articles on this theme in the Russian, Kazakh and German languages.

The novel "Wanderer's home" is a shrill history of the person in which the destiny of the whole people was reflected. "But where is my house and where is my mind?" – the author together with heroes of the work begin searching for the house, homeland with the epigraph of lines of Anna Akhmatova. Chapters of the novel begin with the quotes from documents, generally confidential. Documents acquaint the reader with the historical and political background of the novel – deportation of the Volga Germans right after the attack of the Hitler Germany on the USSR and deprivation of their civil rights which

lasted till 1956, when the action of the novel comes to an end. The author in real life at six-year age gets to a whirlpool of events which leaves him in one of the Kazakh auls and therefore the description of actions in the novel, in the work of art, is perceived so authentically [6].

From first lines of the work tragedy of the narration is felt that is in contrast of the sharp documentary order on deportation (the epigraph to chapter 1) and emotional art fabric of the text, in absurdity and hopelessness of the first represented situation – distribution of the deported German paramedic David Ehrlich to work to the far Kazakh aul. As one of the most shrill episodes in the novel the scenes of eviction of the Volga Germans in 1941 appear. The author emotionally describes how silence hung over the Volga – because of the grief all were silent as if they pledged silence. People kneeled and kissed their home threshold, someone took the darkened Bible which remained from ancestors colonists.

The novel consists of three heads called in accordance with the names of heroes – David, Khristyan, Harry, the destinies of three generations of the German family Ehrlich-Walter are described in them. Before the war David Ehrlich was a military man and the member of the Communist Party. Just before the war he was dismissed from military service only because he was German by the nationality. During deportation he loses his wife and son because the wife is the Russian by the nationality, she does not want to share his lot with him. Having got to Kazakhstan, he works as the paramedic in out-patient clinic which serves several villages. The external framework of the narration does not limit David's character by present time. David mentally comes back to the past, the Volga homeland, his native village Gnadenflur and life in this village are in the mind all the time.

At the same time the author describes how the new realities surrounding the main character in the Kazakh steppes gradually become native and close. In the novel the nature on the Ishim River, dwellings of Kazakhs, life and customs, and also the events which were taking place are described colourfully. David after long doubts marries on Olkye Walter who is much younger than him. The house built with the help of Kazakh neighbors becomes the real homeland for their children. The story of the relations of David and Olkye is interwoven into art text by notes of lyricism, geniality, true feeling which smooth the impression of the severe documentary facts of the biography of heroes of the work.

The reader sympathizes to clever, sincere, hard-working, respectful David. One of Ehrlich's features

is the gaining sincere purity, even childishness: "... the traveler smiled trustfully, childishly, slightly sadly". On the way to the aul the paramedic meets the child first, the herdboys Zharas and the old man, postman Nurkan: the logic of introduction of characters characterizes David brightly. Further the compassionate paramedic shares a roof with Zharas, the orphan, for a while replacing the father's child. For example, the situation of the meeting of David and Zharas is shrill, when the paramedic recalled by labor army comes back to the aul once again. When meeting Zharas burst into tears with joy, called David the elder brother. In the Kazakh mentality the elder brother has the special status, he is both the defender and friend, and the example for being in future. The Kazakh proverb conveys the meaning of it best of all: "If you have an elder brother, so there is a collar on your clothes ". Just the presence of the elder brother near you makes you sure, protected from struggles of life that is the sense of the proverb. The reader, observing relationship of the German Ehrlich and the Kazakh boy Zharas, sees that they completely correspond to the proverb. So, gradually David becomes loved by people living in the aul, deserves their trust and authority.

The following documentary material is shown through the description of challenges of labor army from the viewpoint of another character – Khristyan, lyrical, intelligent, sincerely fragile young man. The daily routine of a worker of labor army described by the author shows how it was hard to survive even for the strong people got used to physical labor, not mentioning Khristyan, the young teacher, or, for example, the musician Oscar. Both of them didn't bear the severe conditions of life and die. Delirious sick Khristyan mentally says passionate monologues: «Where are you, the Milky Way in the cold sky? Where has my star got lost? Perhaps it went out long ago, abandoned me, threw, and I, restless, toil in the unknown and alien region in vain?» Missing home, impossibility to have the homeland, the compelled wandering in this world, restlessness, inescapable thirst for home, lonely destiny of the eternal wanderer, tragic element of feeling homelessness is the most widespread motive of the German songs, it is embodied in Khristyan's destiny. Here the historical truth of the German evictions is connected to the method of grotesque during creation of artistic characters. Not casually David's character and other immigrants is followed by the song about little Gans who wandered on the foreign land for seven long years.

Khristyan was glad to see the photocopy of the map of the Volga region which by miracle was saved

by David. The brothers Ehrlich consider the map, and the author describes the Republic of Germans of the Volga region that was wiped out, its capital the city of Engels, the meadow and mountain parts, cantons, rivers, woods, roads. «The map of the homeland which is absent ...». The brothers even have no right to hang up the map of the homeland on the wall: «They will be seen, informed, not be patted ... on the head». Khristyan diligently reproduces a paternal home on the drawing, not able to say goodbye to the native dwelling.

The map, laws of the Constitution, orders of the government, newspaper cuttings, being organically interwoven into art fabric of the work, strengthen the historical, “museum” part of the novel, force of its truth. Documentation of the narration allows the author to include real people in the text of the novel, for example, the teacher of German Victor Klein, information on whom can be found in the biobibliographic reference book of Belger “The Russian German writers”. Harry’s character is autobiographical too, David’s prototype is the father of the author Carl Belger who the book is devoted to. So, lit up by art aura, the facts of life become brighter and more reliable.

From the different points of view the author looks at the represented events, and nearly the most interesting is the position of the child, Harry Walter. The German boy studies at the Kazakh school best of all. But he was rejected not only an opportunity to get a medal for excellent progress in study, but also an opportunity to enter the university. Excellently speaking Kazakh, knowing Russian, the applicant Harry Walter remains the German for reception committee first of all, that is the person without the homeland, without passport, without rights. Young Harry goes through severe initiation into happy life – eviction, “ritual” conversations with the commandant, disputes with the rebel Wagner, humiliations when leaving school and admission to institute. The novel finishes with “happy end”, clear only to the Russian Germans who endured deportation. The German Harry Walter not only becomes a student, but also receives the passport. No other event could become more full-fledged happy final for Belger’s work.

The tragedy of the novel of Gerold Belger “Wanderer’s home” is paradoxical, light, penetrated by kind belief in life. From the art metaphor it turns into reality of life by David “The house of the wanderer”: the man builds up the strong, sound house in the aul. Harry’s dream to become the citizen of the Soviet power, to get higher education. But Khristyan who died at young age is eternal reminder on the severe challenge which fell to lot

of the Soviet people, and in particular, the Russian Germans, innocent citizens who had to pay for predatory attack of fascist aggressors.

The opposition and duality are characteristic of the work. The novel is under construction on the basis of opposition. The present constantly corresponds to the past by the author and heroes (the narration is penetrated by the words “now” and “then”). The Kazakh aul is compared to the German village. The life of the main characters is conditionally divided into two periods: before and after deportation. Duality of situation is their characteristic. At the level of David, Khristyan and Harry’s chronotopes real time space quite often merges with oneiric time-space. The novel chronotope constantly changes the limits. It is narrowed to limits of private destiny, then extends to universal scales. The opposition is observed in descriptions of the nature. Describing the winter day which came in dream to Khristyan, the author notes: “Above there was malice of winds and weather, and below, in the shadow of the century-raged wood, the silence ringing and ominous reigned” [6, 210].

Opposition is shown also at the level of the author’s concept of the person. The opposition makes the basis of the subject of life and death upon which the writer repeatedly touches in the novel. The work is filled with the ideas about unity of the person and the nature. Characterizing state of mind, spirit of heroes, transferring the movement of their feelings, the author constantly addresses the reality surrounding them. He draws parallels between the world of the nature and the world of the person. Its character arises in comparisons. So, Khristyan is associated with winter, David – with the sun. Thereby the writer shows that individual time space of the person is a part of time-space stream of life of the nature. On pages of the novel Belger raises the problem of alienation, orphanhood of people. Practically all his heroes are lonely. Some owing to the fact that they lost the homeland and lost the house (for example, David, Khristyan, Olkye, Zharas’ characters, etc.), others – because became isolated in their own world (for example, David, Khristyan). Sometimes alienation is caused by “unconsciousness” of people (the relation of representatives of the Soviet power to the historical and literary heritage of the German people living in the Volga region).

The important place in the text is taken by characters-symbols and first of all clock, home, window, letter. The clock, on the one hand, shows current of time, on the other – reflect state of mind of heroes. The house has several meanings. First,

it is associated with the homeland; secondly, it is presented as “keeper” of life; pledge of the new birth; thirdly, it is a peculiar temple of soul of the person. The window is the border lying between “internal” and “external” world of the house and the world of the street. The letter reflects destinies of people, incorporating and connecting their individual time and space. Thus, Belger’s novel “The house of the Wanderer” has rather complex composition.

Discussion of results

The concept of autobiographism is extended often to a wide range of texts, that are not autobiographies according to the formal background. If actually the autobiography requires the most exact keeping to the documentary outline of author’s life, then autobiographism allows to disclose specifics of the author’s personality, having placed it in the space of fictional events and having supplied it with the thought-up biography. In other words, autobiographism can take place in any literary genre. However in the autobiography where the author directly and fluently speaks about himself and about the process of personality formation, autobiographism is shown most brightly. In what way in works of autobiographical character is there transformation of the real vital fact into the artistic character?

Speaking shortly, this process is caused by mainly author’s selection of material and its processing. The selection of these or those vital events for artistic realization is caused, first of all, by the concept of own biography inherited by the author, his psychological-esthetic approach to the course of life. Artistry in the autobiographical text is shown in individual selection, the organization and transformation of historical documentary material which is supplemented with art fiction, author’s imagination and his subjective interpretation.

The autobiographical text from the point of view of modern literary criticism is based on the identity relation between the subject and object of the character. The complete destruction of this identity leads to transition of the text from the category autobiographical to the category of purely art ones. In other words, keeping individual traits of own personality in the autobiographical text, the author on material of the biography creates the generalized and standard character of the contemporary personifying problems and features of time.

The analysis of contents and structure of the novel by Belger “Wanderer’s home” gives the reason to consider that before us there is an example

of the work built in a genre of the art autobiography. Summing up the preliminary result, we define the art autobiography as the work based on the documentary facts from the author’s life which turn into artistic characters and become not only the subject, but also the object of depiction. The degree of documentation or artistry of the autobiographical text is defined by the level of the deviation presented in the text “I” from real author’s shape. In the novel “Wanderer’s home” the ratio of the mentioned criteria is equivalent, but features of the plot creation and composition, the chronotope and system of characters, the specifics of interaction of the author and hero of the work give the background for interpretation of the text as the art autobiography including some documentary materials.

Conclusion

In our opinion, the prospects of the research of this theme can be connected with identification of the ratio of personal and public beginnings in the works of art autobiography. Historical, social circumstances have significant effect on the description of destinies of heroes of the work. The writer designs an autobiographical character as a literary portrait of organic and at the same time unique representative of the epoch, tends to present the personality as an integral part of the whole public and historical process. The characters-contemporaries of the author of the autobiographical text also have the certain socially significant figures reflecting important ideological tendencies of time as prototypes. The characters interact with each other, argue on the central questions of the time, express the ideas, and, eventually, enlighten the epoch, process of historical development. The expressiveness of the literary portrait, according to V. Barakhov, “depends on the ability of the artist to find characteristic features of the whole category of people in individual character of the person, to create some kind of public type” [3].

Thus, manifestation of autobiographism in literature assumes volume reconstruction of the author’s personality and reconstruction of its subjective psychological, emotional, intellectual and other lines and features. Therefore the writer tends to represent plastically his internal and empirically often not quite expressed relations with surrounding reality. In a broader sense, autobiographism in literature can be defined as the artist’s viewpoint of the world, himself and his place in the world embodied in the work.

References

- 1 Nikolina N.A. (2002). Poetics of the Russian autobiographical prose. – M.: Flinta, 424 p.
- 2 Savina L.N. (2002). The perspective and poetics of autobiographical stories about the childhood of the second half of the 19th century. Monograph. — Volgograd: Peremena, 283 p.
- 3 Barakhov V. S. (1985). Literary portrait: Sources, poetics, genre. Leningrad, 150 p.
- 4 Le Jeune F. (1973). Autobiographical contract. — Paris, 124 p.
- 5 Medarich M. (1998). Autobiography / Autobiographism//Avtointerpretation. Collection of articles. — St. Petersburg, 438 p.
- 6 Belger G. (2003). The House of the wanderer. — Astana: «Audarma», 312 p.

МРНТИ 17.09.09

Нуриева Н.М.,

к. ф. н. доцент Азербайджанского университета языков,
Азербайджан, г. Баку, e-mail: nurananuri@mail.ru

ОРИЕНТАЛИЗМ В ТВОРЧЕСТВЕ ВАШИНГТОНА ИРВИНГА

В статье рассматривается ориентализм в творчестве известного американского писателя Вашингтона Ирвинга. В годы пребывания Вашингтона Ирвинга в Европе он проявлял интерес к Испании, как объекту литературы так и к нации. Как известно, многочисленные литературные произведения, посвященные мусульманской культуре средневековья Испании, привлекают внимание к исторической реальности произведений, идеализируя описание событий.

Ирвинг считал, что арабы сыграли немаловажную положительную роль в развитии культуры Испании. Вашингтон Ирвинг в книге «Жизнь пророка Мухаммеда и его последователей», также, как и в своих работах о Востоке, таких как, «Хроника завоевания Гранады» и «Альгамбра», отражает историю и географию Востока, фольклор и этно – культуру, религиозный и духовный образ жизни, обычаи и традиции, и в этом чувствуется глубокое знание автора, психологии восточного человека.

Ключевые слова: Вашингтон Ирвинг, Испания, романтизм, ориентализм, Восток.

Nuriyeva N.M.,

PhD, A/Professor Azerbaijan University of Languages,
Azerbaijan, Baku, e-mail: nurananuri@mail.ru

Orientalism in Washington Irving's Creativity

In the article is considered Orientalism in the works of the famous American writer Washington Irving. During Washington Irving's years in Europe, he maintained his interest in Spain both as a literary subject and as a nation.

Irving believed that the Arabs played an important positive role in the development of the culture of Spain. As you know, numerous literary works devoted to the Muslim culture of the Middle Ages of Spain draw attention to the historical reality of works, idealizing the description of events. Washington Irving in the book The Life of Mahomet and His Successors, as well as in his works on the East, such as The Chronicle of the Conquest of Granada and The Alhambra, reflects the history and geography of the East, folklore and ethnic-culture, religious and Spiritual way of life, customs and traditions, and in this there is a deep knowledge of the author, the psychology of the eastern man.

Key words: Washington Irving, Spain, Romanticism, Orientalism, East.

Нуриева Н.М.,

Әзірбайжан тілдер университеті, ф.ғ.к., доцент,
Әзірбайжан, Баку қ., e-mail: nurananuri@mail.ru

Вашингтон Ирвингтің шығармашығындағы ориентализм

Мақала атақты американдық жазушы Вашингтон Ирвингтің шығармашылығындағы ориентализмге арналған. Ол Еуропада болған жылдарында әдеби және ұлттық нысан ретінде Испанияға қызығушылық танытады. Ортағасырдағы Испаниядағы мұсылман мәдениетіне арналған сансыз әдеби шығармалар шығарманың тарихи шындыққа құрылуымен айрықша назарда болды.

Ирвингтің ойынша, Испания мәдениетінің өркендеу жолына арабтардың маңызды әсері болған. Вашингтон Ирвинг «Мұхаммед пайғамбардың және оның ізбасарларының өмірі» және сонымен қатар, өзінің Шығыс туралы «Гранаданы жаулау хроникалары», «Альгамбра»

шығармаларында Шығыстың тарихы мен географиясын, фальклоры мен этномәдениетін, діни және рухани өмір сүру салттарын, салт-дәстүрлерін бейнелейді. Бұдан автордың шығыстық адамның жан дүниесін терең білетіні сезіледі.

Түйін сөздер: Вашингтон Ирвинг, Испания, романтизм, ориентализм, Шығыс.

Введение

Обсуждаемые американскими романтиками эстетические проблемы в первой половине XIX века, и сегодня важны и актуальны. Вокруг оставленного ими литературного наследия по сей день много споров, и многие вопросы ожидают своего решения.

Актуальность статьи определяется тем, что в настоящее время в условиях открытости современного общества в науке велик интерес к проблемам взаимодействия различных культур (в частности, восточной и американской), одним из важных компонентов которого является ориентализм. В связи с этим видится своевременным обращение к вопросу романтического ориентализма в творчестве американского писателя В. Ирвинга. Цель статьи состоит в раскрытии ориентализма, а так же его значимости в творчестве В. Ирвинга. Поставленная цель требует решения следующих задач: раскрытие проявления авторского сознания на примере его известных произведений: «Альгамбра» (*Alhambra*), религиозно-философские поиски в романе «Жизнь Магомета и его наследников» (*The Life of Mahomet and his successors*, 1849-1850); «Завоевание Гранады» (*A Cronicle of the Conquest of Granada*, 1829), исследование эволюции, традиционности и новаторства в творчестве В. Ирвинга.

Новизна данной статьи заключается в более подробном изучении проблематики творчества В. Ирвинга, в попытке проследить эволюцию ориентализма романов Ирвинга. В работе использован сравнительно-исторический метод исследования, позволяющий выявить специфику произведений писателя и обозначить главные особенности его творчества.

Эксперимент

В 1826-м году Вашингтон Ирвинг отправился в Испанию, в качестве члена американской дипломатической миссии. Писателя поселившегося в Мадриде, интересовало историческое прошлое страны, а еще больше, социальный и этнографический образ жизни. Работая в архиве, Ирвинг с огромным желанием начинает изучать поэзию Испании и полное героизма, прошлое

страны. Живя в доме американского консула Обаина Рича, Ирвинг получает доступ к его знаменитой книжной коллекции. Знакомство с древними рукописями и редкими книгами поражает Ирвинга. Неутомимый Ирвинг, получивший доступ в государственный архив Испании, неустанно исследует неопределимые материалы, как исторические, так и литературные. Влияние Восточной культуры на Европу, эпохи господства мавританцев в Испании, борьба испанцев, привлекает внимание Ирвинга как писателя, он с огромным желанием отражает в своих произведениях восточную культуру и происходящее в упомянутой эпохе, и мастерски смог претворить в жизнь, эти трудные и сложные задачи поставленные перед ним.

Среди его публикаций связанных с историей Испании, необходимо особенно выделить такие исторические труды, как: «Завоевание Гранады» (*A Cronicle of the Conquest of Granada*, 1829), и «Легенды испанского завоевания» (*The Legends of the Conquest of Spain*, 1835). Ирвингу удалось создать уникальные исторические и художественные произведения, о мавританских мусульманах проживавших на провинции Гранада.

Как известно, многочисленные литературные произведения, посвященные мусульманской культуре средневековья Испании, привлекают внимание к исторической реальности произведений, идеализируя описание событий. В этот период «романтический» подход не случаен. Так как, завоевание Пиренейского полуострова маврами вновь, в результате движения Реконкиста (это испанский термин Reconquista – отвоёвывание, употребляется в смысле освобождение Испании от арабского господства), завоевание испанцами не могло не вызвать интерес. Восемьсот летняя история господства арабов и берберов которых европейцы называли маврами, считается одним из самых интересных страниц в истории Европы.

Естественно, что Ирвинг обладал обширными, глубокими знаниями арабо-испанской истории и Реконкиста. Свой интерес к этому историческому событию, он отражает в произведении «Хроника завоевания Гранады». Писатель рассказывает, что в произведении использовал переводы средневековых рукописей, автором,

которых являлся неизвестный доминиканский монах Антонио Агапида. Ирвинг в произведении прекрасно описывает романтический дух и невезение, героизм и доблесть мавританских воинов и их судьбы. Готовясь писать свои произведения на испанскую тему, Ирвинг прочел слишком много рукописей средневековья. Свидетелями этого мы становимся в произведении «Хроника завоевания Гранады». Ирвинг отмечает, что он читал их не только на английском, но и в оригинале.

Из-за отсутствия в биографии Ирвинга официальной информации, трудно судить о знании им арабского языка. Поэтому, использование им арабских источников информации остается загадкой. Однако в тетрадях Ирвинга сохранились записи семитских языков, алфавита и сравнительные графики. Написанные им в записках, собственноручно цифры на арабском, показатель того, что какие-то знания у него были. Проведя сравнительный анализ источников исторического обзора использованных Ирвингом материалов, имеют место небольшие искажения и ошибки, за исключением материалов раннего средневековья мусульманской Испании в соответствии с настоящей реальностью [6].

В результате подготовленного Ирвингом сравнительного анализа, из различных источников исторического обзора, за исключением мелких неточностей и искажения, дает правдивую картину процессов мусульманского завоевания ранней средневековой Испании. Из исторического обзора писателя становится ясно, что фундамент, заложенный пророком Мухаммедом в седьмом веке арабо-мусульманских завоеваний, распространился в Испании во втором десятилетии восьмого века. Завоевавший Северную Африку в VIII веке полководец Омейядского халифата Муса ибн Нусайр, в 711 году посылает Тарик ибн Зияда, одного из руководителей своих войск в Испанию. В том же году арабо-берберские войска под руководством Тарика ибн Зияда, занимают площадь на юге Пиренейского полуострова.

Эта территория была названа Джебель аль-Тарик («Гора Тарика»), в честь ее завоевателя. Дошедший до Европы Тарик ибн Зияд, со своим немногочисленным арабо-берберским войском, за три года (711-714гг.) можно сказать захватил весь Пиренейский полуостров. В 756 году судьями Багдада было вынесено решение о создании независимого от Аббасидов эмирата, столицей которого становится Кордова. Глава эмиратов Абд ар-Рахман I, вышедший из Омейядов, был

разгромлен Аббасидами и бежал в Марокко, а затем, объединившись со своими сторонниками в Сирии, возвращается в Испанию. Он с легкостью отвоевывает все обратно.

Падение последнего арабо-мусульманского эмирата Гранады в конце XV века, самый трагический эпизод в их восьмисотлетней истории. В 1482 году захват мусульманами одной из христианских крепостей, послужил поводом для начала войны Фердинандом II. После десятилетней войны, Гранада, в 1492 году, была сдана последним арабским эмиром Абу Абдуллахом (Боабдил). С тех пор она перешла в руки Испанских христиан, а большинство мусульман, мигрировали в Северную Африку. Таким образом, Реконкиста закончилась. Согласно легенде, жители Гранады, надеясь в ближайшем будущем вернуться в свои дома, взяли с собой ключи от домов [4; 6].

В формировании творчества Ирвинга, с одной стороны большое значение отводится хронике и литературному наследию, а с другой стороны, большое влияние имела, народная литература. Писатель успешно использовал в произведении, восточные традиции и легенды. Поэтому произведение «завоевания Гранады», вызывает такой интерес.

Во вступительной части исторической хроники «Завоевание Гранады», написанной под вымышленным именем Антонио Агапида Ирвинг говоря о художественно-исторических источниках с которыми он воспользовался пишет:

“These , however, are too precious to be suffered to fall into oblivion, as they contain many curious facts not be found in any other historian. In the following work, therefore, the manuscripts of the worthy Fray Antonio will be adopted whenever they exist entire, but will be filled up, extended, illustrated, and corroborated, by citations from various authors, both Spanish and Arabian, who have treated of the subject. The manuscripts themselves are carefully preserved in the library of the Escorial” [3, 1].

(Нельзя забывать, что это настолько интересные факты, которых нет в произведениях ни одного историка. Поэтому, несмотря на то, что, взятые из рукописей Фрея Антонио, факты, представлены в произведении полностью, будут заново использованы цитаты различных авторов, как испанских, так и арабских, а так же дополнения подтверждающие мысли и иллюстрации к ним. Сами же рукописи хранятся в библиотеке Эскурьяль.)

Ирвинг начав писать «хронику Гранады», в отличие от своих предшественников, приступил

к вопросу таким образом, раскрывая свои мысли, обратившись к темам: справедливые и несправедливые войны, человечество вчера, сегодня, завтра и так далее. Ирвинг здесь не преследовал цели создать только испано-арабские нашествия и войны. Автор, обращаясь к этой теме, попытался представить и проанализировать этот вопрос, пытаясь обратиться к исторической реальности с человеческими проблемами, социальными, философскими, историческими и политическими процессами выражая это в своеобразной манере.

В произведении писателя «История Нью-Йорка», ориентированной на летопись-мистификацию, прослеживается интерес к проблеме истории и «исторического колорита». Этот интерес к Испании прослеживается и развивается в произведениях Ирвинга, так, в произведении «Завоевание Гранады» он более объективно и совершенно дает оценку о хронике испано-арабской войны. В предисловии, обосновывая свои мысли, он пишет:

“Before entering upon the history, it may be as well to notice the opinions of certain of the most learned and devout historiographers of former times relative to this war. Marinus Siculus, historian to Charles the Fifth, pronounces it a was to avenge the Ancient injuries received by the Christians from the Moors, to recover the kingdom of Granada, and to extend the name and honour of the Christian religion. Estevan de Garibay, one of the most distinguished among the Spanish historians, regards the was as a special act of divine clemency towards the Moors, to the end, that those barbarians and infidels, who had dragged us so many centuries under the diabolical appression of the absurd sect of Mahomet, should at length be reduced to Christian faith” [3, 1].

(Не приступая к самой истории, хотели бы отметить, уважение к взглядам и опыту историков имеющих отношение к этой войне. Покойный Маринус Сикулус, историк Чарльза Пятого, говорил, что в прошлом возвращение Гранады, было нанесением ущерба Маврам и защита чести и достоинства христиан, это была война мести. Самый же известный из испанских историков Эстеван де Гарибей считал войну – чрезвычайной ситуацией созданной Богом против мавров. Под давлением дьявола, много веков назад была создана абсурдная секта Мухаммеда, варваров и безбожников, ослабление которой было неизбежным благодаря ослаблению Христианской веры.)

Кстати, обращая Ваше внимание на вышеуказанное, представляется явно предвзятая позиция Ирвинга. Его ироничный подход под фразой

«абсурдная секта Мухаммеда» и его обращение к мусульманам, как к «варварам» и «безбожникам», все это поднимает моральную ценность христианства. Позже Ирвинг приводит еще похожие цитаты историка- иезуита, хорошо известного в Испании, Падре Мариана, но как говорят это и его мысли тоже:

“Having these cited high and venerable authority for considering this was in the light of one of those pious enterprises denominated crusades, we trust we have said enough to engage the Christian reader to follow us into the field, and to stand by us to the very issue of the contest” [3, 2].

(Принимая во внимание вышеуказанные мысли и высказывания уважаемых ученых так называемых общественных религиозных кампаний об этой войне, было сказано много слов привлечших христианского читателя и мы верим, что сказанное в этой области, будет все отрицать.)

По видимому, религиозная пристрастность, а так же политико – идеологическая миссия, во всех случаях представлена в одностороннем порядке. Тем не менее, общий дух произведения, истории человеческих судеб, проблем и ценностей окружающих их.

Вашингтон Ирвинг создал прекрасное произведение искусства, на основании исторических документов, покорения испанскими завоевателями Гранады, о чем он пишет с болью в сердце. Он использовал в своих работах материалы Люсио Марино Сикуло (*Lusio Marino Siculo, Cosas Memoriabiles de Espana*), Эстеван де Гарибея (*Estevan de Garibay, Compend Hist. Espana*) и Мариана (*Mariana, Hist. Espana*), а так же хронологические материалы арабского историка Абдулкасым Тариф ибн Тарика (*Abulcasim Tarif Abentarigue*) и исторические произведения Испании. Следует отметить, что последнее произведение писатель прочел на испанском языке. Писатель используя исторические материалы арабского автора и легенды, мастерски создает бесценное произведение о Гранаде.

Основной лейтмотив этого исторического произведения, это сосредоточение Ирвингом внимания на идее гуманизма, основанной на уроках истории. На основе сравнительного анализа хроники арабских и испанских авторов, писатель осторожно критикует ошибочное и предвзятое мнение христианских авторов, по поводу того, что арабы принесли неприятности и беды испанскому народу. Возможно, по этой причине, произведение написанное в тот период, было недооценено.

Ирвинг считал, что арабы сыграли немало важную положительную роль в развитии культуры Испании. Например, знаток арабо-андалузской литературы Генри Перес, обращает внимание, на то, что Испания приняла ислам и мусульманскую культуру в качестве основной, выводя на первый план аборигенов [6]. Однако, английский ученый У. Монтгомери Уотт, напротив, выдвигает идею о том, что решающее влияние было за арабами. Действительно, как отмечают историки, в период с IX-XII века арабы занимают доминирующее положение в материальном и духовном процессе Испании.

После «Хроники завоевания Гранады», автор отмечает, что использовал материалы арабских и испанских рукописей, при написании произведений. Ирвинг использует в своих трудах различные примеры из работ таких авторов, как: Кура де Палассиос, Бледа, Абдулкасым Тариф ибн Тарик, а также подробную информацию об истории Гранады, согласно историческим фактам. Он подтверждает положительную роль влияния арабов на культурное развитие Испании.

Автор книги «Лики Ислама» Гайдар Баммат, написал ее, основываясь на интересные факты, оценив роль мусульман в развитии продвинутой цивилизации так: «В эпоху, когда остальная Европа была погружена в варварство, – приводит он слова Гюстава Ле Бона, – Багдад и Кордова, два больших города, где господствовал Ислам, были очагами культуры, освещавшими мир своим сиянием». Он комментирует это высказывание: «Бесчисленные народы этих регионов, находящиеся в горниле Ислама, участвуют и сотрудничают в развитии одной из самых величайших духовных и материальных цивилизаций, которые мир когда-либо знал» [1, 21].

Вашингтон Ирвинг не попал под влияние испанских летописцев, оскорбительно отзывающихся о мусульманском обществе. Доказательство тому, что в произведении «Завоевание Гранады», писатель использует метод мистификации и использование описаний неизвестного христианского монаха средних веков, наглядное тому свидетельство. Ирвинг представляет испанского короля Фердинанда жестоким и безнравственным, который по описанию вымышленного летописца рассказывает о захвате хитростью и обманом мусульманского города, опустошив его. Последний правитель Гранады Боабдил, несмотря на то, что был плохим и нерешительным политиком, характеризуется как смелый, лихой, но и трагический образ. Ирвинг с восхищением и похвалой говорит о мавританских воинах,

несмотря на поражение, которые мужественно сражаются за Гранаду. Писатель представляет мусульман добрыми, смелыми и трудолюбивыми. А христиан обвиняет в жестокости и фанатизме. Автор не скрывает своего разочарования в зверском и грубом разрушении средневековой Европы, а так же разрушения нежной и веселой мавританской культуры.

Известный британский историк XIX века Уильям Прескотт писал: «С чувством сожаления, я должен сказать, что, после «Хроники Завоевание Гранады», нет необходимости, как в поэтических, так и в исторических исследованиях. Ирвинг полностью раскрывает все замечательные события этого романтического времени» [2, 7].

Во время работы над «Хроникой завоевания Гранады» Вашингтон Ирвинг посетил знаменитый дворцовый комплекс Альгамбра. Ирвинг планировал пробыть в древнем мавританском замке-крепости XIII-XIV веков Альгамбра, всего четыре дня, а прожил там около четырех месяцев. В 1832 году, после возвращения на Родину, писатель, под влиянием от незабываемых впечатлений посещения Альгамбры, пишет короткие рассказы, новеллы «Альгамбра», которые были опубликованы в том же году. После внесения изменений и дополнений, книга была во второй раз издана в 1851 году. В первом издании «Альгамбры» писатель, не указывает из каких арабских источников были взяты материалы для книги. Однако, в издании 1851 года известный ученый, историк и литературный критик Ахмед аль-Маккари ат-Тилимани (примерно: 1591-1631) отмечает, что использовано произведение «Замечательный аромат свежести Андалузии, и сказание о его визире, Лиссан ад-дин-ибн Хатиба». Английский перевод этого исторического произведения сделал испанский арабист Паскуаль де Гаянгос в 1840-1843 и был опубликован в двух томах [4, 1].

Крупнейший мусульманский историк Испании Ахмед ибн Мохаммед аль Маккари, живший в конце XVI века, и умерший в 1631 году, написал и издал книгу «Литературные подборки арабской литературы и истории в Испании», которая была опубликована в период с 1855-1859-го. Вероятно Ирвинг воспользовался рукописями этих материалов. В этой работе описаны различные уровни испанского образа жизни, обычаи и традиции местного населения, занятия населения и их менталитет. Многочисленные исторические факты описанные в произведении, на основе сравнения и анализа культурного развития не ограничиваются крупными городами,

как Кордова, Гранада, а распространяются на всю страну.

Путешествие в Гранаду оставило сильный отпечаток в литературном наследии автора. В 1829 году Ирвинг с огромным удовольствием писал о великолепии дворца Катерине Добрил, жене Российского посла в Испании. Писатель описал госпоже Добрил богатые орнаментированные залы Альгамбры («Зал Абенсеррахов», «Посольский зал», «Зал Двух Сестер», «Зал Правосудия»), два внутренних двора («Миртовый» и «Львиный»), описание которых можно считать уникальным историко-литературным экскурсом. Впоследствии в новеллах и иллюстрациях «Альгамбры» (*The Alhambra*, 1932), нашли свое отражение, этот сказочный и необыкновенный колорит Востока.

В издании 1851 года Ирвинг внес ряд дополнительных примечаний и поправок. В главе путешествие в Гранаду, автор считал своим долгом отметить, что его попутчиком в этой поездке был князь Долгоруков, который был одним из высокопоставленных лиц российского посольства в Мадриде. По словам автора, в 1851 году князь Долгоруков был назначен послом России в Иране. После знакомства с городом Гранада и дворцом Альгамбра, Ирвинг решил узнать больше об истории дворца и царей, используя материалы и рукописи библиотеки Иезуитов. Хорошее знание испанского языка писателя, позволило ему использовать материалы древних рукописей, для создания своих произведений. Ирвинг использует ряд рукописей и книг арабского историка аль-Маккари, использует труды и других арабских ученых. Так же в произведении использованы рукописи путешественника Ибн Батута, Мигеля Лафуента (Алькантара), и древние арабские рукописи, в качестве источника.

Среди работ Вашингтона Ирвинга о Востоке, также, занимает важное место «Жизнь пророка Мухаммеда и его последователей» (*The Life of Mahomet and his Successors*, 1849-50). Представленный автором биографический портрет пророка Мухаммеда, основателя ислама, в произведении «Жизнь пророка Мухаммеда и его

последователей», по своему жанру больше напоминает ознакомительную книгу. Основную целью писателя, было ознакомить англоязычных читателей, с жизнью пророка Мухаммеда и основными направлениями борьбы за ислам, а также, об основной сути и положений в исламе, как о религиозном обучении, и в стиле повествования, отдав предпочтение синтезу историко-биографической справки и художественно-публицистическому стилю [5].

Заключение

Вашингтон Ирвинг в книге «Жизнь пророка Мухаммеда и его последователей», также, как и в своих работах о Востоке, таких как, «Хроника завоевания Гранады» и «Альгамбра», отражает историю и географию Востока, фольклор и этно – культуру, религиозный и духовный образ жизни, обычаи и традиции, и в этом чувствуется глубокое знание автора, психологии восточного человека. Привлекательность художественного произведения, в том что оно синтезирует и соединяет в себе, исследования и наблюдения за живой природой, окружающих его исторических аспектов, а также реалистичных изображений экзотического, и гармонии, дополнения историко-литературные и культурные ресурсы. Внимание писателя сконцентрировано от архитектуры и искусства до литературной жизни Востока, так же на самых различных аспектах культурно-духовной жизни, конечно же он показал тенденцию к отражению исторического колорита и характер темы, чем добился достижения истинного мастерства.

Подъем уровня миссионерской деятельности изучения Востока в христианском мире приходится на девятнадцатый век, известный писатель Европы и Америки раскрывающий далеко идущие стратегические интересы христианского мира Вашингтон Ирвинг, в произведениях о которых идет речь, наряду с художественно-эстетическими, так же занимает место историко-политической миссии в истории.

Литература

- 1 Баммат Гайдар. Лики Ислама // Наш Дагестан. 1996. № 181–183.
- 2 Фильштинский И.М. Андалусия в изображении Вашингтона Ирвинга. – В кн.: В. Ирвинг, Новеллы. – М.: Наука, 1979. – С. 5-22.
- 3 Irving W.A Chronicle of the Conquest of Granada from the MSS of Fray Antonio Agapida. – London, 1869. – V. 1-2, 500 p.
- 4 Irving Washington. Alhambra. – NY, 1832. – 280 p. <http://www.pinkmonkey.com/dl/library1/irvng001.pdf>

5 Irving Washington. Mahomet and His Successors. Eds. Henry A.Pochman and E.N.Feltskog. The Complete Works of Washington Irving. – Madison: The University of Wisconsin Press, 1970.

6 Jones Brian Jay. Washington Irving: An American Original. – Arcade, 2008. – 302 p.

References

1 Bammat Gaydar. Liki Islama // Nash Dagestan. 1996. No 181-183.

2 Filshinskiy I.M. Andalusiya v izobrazenii Vashingtona Irvinga (The Potreying of Andalusia) In: W. Irving, Stories, Moscow: Nauka, 1979. Pp.5-22.

3 Irving W.A Chronicle of the Conquest of Granada from the MSS of Fray Antonio Agapida. London, 1869. V. 1-2, 500 p.

4 Irving Washington. Alhambra. NY. 1832. 280 p. <http://www.pinkmonkey.com/dl/library1/irvng001.pdf>

5 Irving Washington. Mahomet and His Successors. Eds. Henry A.Pochman and E.N.Feltskog. The Complete Works of Washington Irving. Madison: The University of Wisconsin Press. 1970.

6 Jones Brian Jay. Washington Irving: An American Original. Arcade. 2008. 302 p.

Отарбаева Г.Н.,

Сулейман Демирель атындағы университеттің магистр, аға оқытушысы,
Қазақстан, Қаскелең қ., e-mail: gaziza.otarbayeva@sdu.edu.kz

ҚАЗІРГІ ҚАЗАҚ ПОЭЗИЯСЫНДАҒЫ МЕТАМОРФОЗАЛАРДЫҢ КОНЦЕПТУАЛДЫҚ БЕЙНЕСІ

«Қазіргі қазақ поэзиясындағы метаморфозалардың концептуалдық бейнесі» атты мақаламызда ұлттық таным мен этникалық болмысты бейнелейтін мифтік құбылушылықтар этностың тұтас бейнесін, барша болмысын анықтайтындығын басты назарға алдық. Қазіргі қазақ ақындарының метаморфозаларды қолдануындағы ұлттық ерекшеліктерін, ұлттық сананың қорында сақталған, тарих қойнауында жатқан ұлттық бейненің поэзиядағы көрінісін талдап көрсеттік. Мәселен, тауға, қыранға, мөлдір бұлаққа, аққу құсқа т.б сияқты өзіндік пішіндегі құбылуларға ие өлеңдер арқылы ұлттың дәстүрлі мәдениетін, халықтың өзіндік қайталанбас ерекшеліктерін, этностың рухани-мәдени өмірін саралай келе, сана, тіл, мәдениет ұғымдарының байланысын, ұлттың тілдік бейнесін танытатындығы М. Райымбекұлы, А. Елгезек, Е. Жүніс, С. Сейітман, Қ. Омар, Н. Бердалы сынды жас ақындар поэзиясы негізінде зерттелді.

Түйін сөздер: метаморфозалар, ұлттық таным, этнос, поэзия.

Otarbayeva G.N.,

Suleyman Demirel University, MA, Senior Lecturer,
Kazakhstan, Kaskelen, e-mail: gaziza.otarbayeva@sdu.edu.kz

Conceptual images of metamorphosis in modern Kazakh poetry

In our article "Conceptual images of metamorphosis in modern Kazakh poetry" the main attention is paid to the fact that the mythical reincarnations that describe the national consciousness completely determine the image of the ethnos. We analyzed the national peculiarities of the use of metamorphoses by modern Kazakh poets, a picture of the historically formed national image in poetry, and in the national consciousness. For example, poems containing transformations into mountains, eagles, a pure spring, a swan, etc., reveal the unique people's features, the entire image of national language, traditional culture, and the connection between the concepts of language, consciousness and culture. These conclusions were made on the basis of the works of the following young poets – M. Raiymbekuly, A. Elgezek, E. Zhunis, S. Seitman, K. Omar, N. Berdaly

Key words: metamorphosis, national consciousness, ethnos, poetry

Отарбаева Г.Н.,

магистр, ст. преподаватель университета имени Сулеймана Демиреля,
Қазақстан, г. Қаскелен, e-mail: gaziza.otarbayeva@sdu.edu.kz

Концептуальные образы метаморфоз в современной казахской поэзии

В нашей статье «Концептуальные образы метаморфоз в современной казахской поэзии» главное внимание уделяется тому, что мифические перевоплощения, которые описывают национальное сознание полностью определяют образ этноса. Проанализировали национальные особенности употребления метаморфоз современными казахскими поэтами, картину исторически сложившегося национального образа в поэзии, и в национальном сознании. Например, стихи содержащие превращения в горы, орла, чистого родника, лебедя и т.д., раскрывают

неповторимые особенности народа, весь национальный языковой образ, традиционную культуру, и связь понятий языка, сознания и культуры. Эти выводы были сделаны на основе изучения работ следующих молодых поэтов – М. Райымбекулы, А. Елгезек, Е. Жунис, С. Сейитман, Қ. Омар, Н. Бердалы.

Ключевые слова: метаморфозы, национальное сознание, этнос, поэзия.

Кіріспе

Мифтік құбылушылық – әлі де қазіргі қазақ поэзиясындағы адам жанын жайып салудағы таптырмас тәсіл. Мифтік құбылушылық ХХ ғасырдағы қазақ әдебиетінде суреткердің көркемдік-идеялық тәсілі ретінде көрінді. Ғалым Ж.Ә. Айтмұхамбетова: «Мифтік сана бойынша, адам мен табиғат бір, сондықтан, олардың бір-бірінен ешқандай айырмасы жоқ. Осы сенімнен мифтік құбылушылық туындайды», – дейді [1, 80 б.]. Мифологиядағы бір заттан екінші бір затқа, мысалы, адамның аңға, құсқа, жан-жануарға, өсімдікке, айға, күнге, жұлдызға, т.б. жансыз заттарға айналуы, яғни құбылуы метаморфоза деп аталады. Метаморфозаның ең көне түрлері тотемдік түсінік-ұғымдармен тығыз байланысты.

Ұлттық таным мен этникалық болмысты бейнелейтін мифтік құбылушылықтар этностың тұтас бейнесін, барша болмысын анықтайды. Қазіргі қазақ ақындарының метаморфозаларды қолдануындағы ұлттық ерекшеліктер деп ұлттық сананың қорында сақталған, тарих қойнауында жатқан ұлттық бейненің поэзиядағы көрінісін айтамыз. Мәселен, тауға, қыранға, мөлдір бұлаққа, аққу құсқа т.б. сияқты өзіндік пішіндегі құбылуларға ие өлеңдер ұлттың дәстүрлі мәдениетін, халықтың өзіндік қайталанбас ерекшеліктерін, этностың рухани-мәдени өмірін саралай келе, сана, тіл, мәдениет ұғымдарының байланысын, ұлттың тілдік бейнесін танытады.

Зерттеу

Мифтің ұлттық болмысы туралы қазақ мифі арнайы сөз етуге тұрарлық тақырып. Жұлдыз, ай, тау-тас, табиғат құбылыстары, жан-жануарлар туралы айтылатын мифтерден көшпелі өмірдің көрінісін, моральдық-этикалық нормаларын, әдет-ғұрпын, далалық аңдар мен құстардың мінез-құлқын, мал баққан елдің психологиясын жазбай тануға болады. Ал наным-сеніммен, әдет-ғұрыппен, салт-санамен бірге туып, бірге жасасқан мифтің қоғамдағы көрінісі алдымен оның сан-салалы деңгейін танытады.

КӨК БӨРІГЕ ҚҰБЫЛУ. Қазіргі қазақ поэзиясында тотемдік архетиптерді символдық тұспалдаулармен бірлікте беру үрдісі белең алу-да. Ақын Бақытжан Алдияр өзінің «Көкбөрінің жырындағы»:

*Бөрі атымызға ылайық
Бөлінбес шерік құрайық.
Бөрілі басы байрақ ап,
Арғымақ атты алшайтып мініп айқабақ,
Алшыдай қырға шығайық.
Бір қолымда – Құраным,
Бір қолымда – Күн көтерген қыраным,
Тәуекел десіп тұрайық,
Тәнірден тәубе сұрайық!
... Деп балконнан бір Бөрі Айға ұлиды мұңайып...
[2, 25]*

Мінажат еткен лирикалық кейіпкер Көкбөріге айналып, бөрінің атынан «сөйлейді». Ежелгі грек мифтердегі түрлі құдайлар құбылуы, бол-маса әлем әдебиетінде (Ф. Кафка. «Құбылу»), бертін келе қазақ прозасындағы (О. Бөкей. «Атау кере») метаморфозалар есек, қоңыз, кене, ара, т.б. секілді түрлі жағымсыз, қорқынышты жан-жануарларға, жәндіктерге айналу түрінде болса, қазіргі поэзиядан мұндай үрдісті кездестірмедік. Керісінше, сонау түркі дәуірінен бастау алатын *көк түріктер сарыны* желісін үзбеген. Қазіргі кейіпкерлер жаны *бөрімен* үндеседі, *қазақтың бүгінгі оғланы да басқаға емес, бөріге айналуды қалайтындай*.

Ақын Алмас Темірбайдың «Екі аяқты қасқыр» өлеңіне де бөрі арқау болғанымен, шешім бөлек.

*Қайғы болып шығады іштен күлкім де,
Ішім күйсе, ұлымауым мүмкін бе?!
Ит адамға айналмайды ешқашан,
Адам итке айналады бір күнде...*

*Өлең жаздым өзім үшін құлшынып,
Өмір сүрдім біреу үшін түршігіп.
Менен ескі итаяғын қызғанып,
Үрді маған ит сияқты Тіршілік!
...Ит-тірлікке ыза-кегім күшейіп,
Ұқсап барам екі аяқты қасқырға [3, 27].*

Постмодернизмге тән өзіне сын тағу, өзіне немесе өзгеге өкпе арту, эмоционалды

қайғыру, ашық күреске шықпай, іштен мүжілу бар мұнда.

Жалпы, қасқыр тотемі әлем халықтарының барлығында бар. Мәселен, қазаққа бауыр халық – башқұрт ұлтының атауы «бас бөрі» деген мағынаны береді. Татар халқы өздерін «ақ қасқырдан» тарағанбыз деп есептейді. Көптеген түркі тілдес тайпалардың туында бөрінің басы бейнеленетін болған. Онымен қоса, хан, қаған біткеннің барлығы өзін бөрімен теңестіріп отыруға құмар болатын. Мысалы, әлемнің әмірлі билеушісі Шыңғысхан өзін Көк бөрінің рухы қолдайтынына имандай сенетін және барлық жауынгерлерін қасқырдай айдалы, қайратты қылып тәрбиелегені белгілі. Міне, осы ұлттық сана-сезімнің жемісі ретінде қалыптасқан таным қазіргі қазақ поэзиясында метаморфозалар арқылы көрініс тауып отырғандығына жоғарыда келтірілген мысалдар дәлел.

ТАУ-ТАСҚА ҚҰБЫЛУ. Метаморфозаның ерекше кең тараған түрі – мифологиялық жан иесінің немесе тарихи кейіпкерлердің тасқа айналуы. (Мұндай құбылыстар көбінесе Оңтүстік Азия, Австралия, Оңтүстік Америка мифтерінде жиі көрініс табады). Қазақ поэзиясындағы мифтік құбылушылықтар да сан қырынан, түрі желіде көрініс беріп отырады. С. Сейфуллиннің «Көкшетау» поэмасындағы Жеке батыр туралы аңызда батырдың тасқа айналуы, М. Жұмабаевтың «Оқжетпестің қиясында» поэмасындағы метаморфозалар бүгінгі поэзияда да көрініс береді. Мысалы, Бақытжан Алдияр «Абай ескерткішіне мұң шағу» атты өлеңінде

...Таспа жоны тілінген,
Тасбауырлау қоғамда –
Тасқа айнамай түбінде,
Тыным жоқ-ау маған да...[2, 36] –

дейді. «Ежелгі дәуірде анимистік танымның ауанында өлі затты тірі деп елестететін мифтік ұғымдар уақыт өте келе санадан біртіндеп ығыстырылып, кейінгі халық мұраларында поэтикалық тәсіл ретінде қолданылатындығы ғылымда дәлелденген» [4, 150].

Қазақ мифологиясында адамның тау-тас, аң және басқа заттарға айналуының себебі – оның күнәсына байланысты немесе шаршап-қажудан деп түсіндірілетін мифтер мифтік сананың кейінгі, дамыған кезеңімен байланысты. Бұл кезеңде адам тірі мен өлінің арасында алшақтық бар екеніне көзі жетіп, енді адам басқа нәрселерге сыртқы күштің әсерінен айналады деп сенген. Дәл осы тұжырымға ақын Ж. Бөдешұлы

жыраулық сарынмен толғаған өлеңдері айқын мысал бола алады.

Аңызға ақын көңілім қанбай қалып,
Таңқалдым құдіретіне таңдай қағып.
Жер үшін құрбан болған Бұланай ер,
Кетінті мынау алып тауға айналып. [5, 42]

Тегінде алып батырдың денесі тау-тасқа құбылу, көзден немесе көз жасынан су пайда болу сарыны түрік-моңғол фольклорында жиі кездесетін, жалпы адам баласының ең ежелгі санасынан хабар беретін мифопоэтикалық құбылыс деуге болады. Біз талдаған өлеңде Ж. Бөдешұлы фольклорлық дайын сюжетті, яғни өз тілімен айтқанда аңызды жырлаған. Ал келесі бір өлеңде «тау-тасқа құбылу» сарынын саналы түрде көркемдік құрал ретінде пайдаланып, дағдылы сарынды Алатауға телиді:

Жанымды жаралады жастай жалған,
Сүңгідей кірпігіме жас байланған.
Алатау ақылы асқан адам екен,
Тағдырдың талқысымен тасқа айналған.[5, 43]

Рас, ақын айтып отырғандай Алатаудың бұрын адам болғандығы туралы топонимикалық аңыз ел аузында айтылмайды. Бірақ ақын ежелгі қалыпты үлгіні қиялмен көмкеріп пайдалану арқылы Алатаудың көрнекі бейнесін жасайды. Ақынның поэтикалық түсіндіруі бойынша Алатау бұрын адам болған, бірақ ол аңыздағыдай алып батыр емес, кәдімгі «ақылы асқан адам». Яғни, ақын Алатауды ойшыл қартқа ұқсатады.

ҚҰСҚА АЙНАЛУ. Метаморфозалық қолданыстарда тұрақты желілердің бірі – құс, оның ішінде көбінесе аққу, қаз, бүркіт, түйғын. Бүркіт, аққу – ескі қазақ руларына қасиетті болған (тотем) жануарлар, сондықтан аққуды культке айналдырып, атқызбай, өлтірмей, «киелі» деп санайтын. Бүркіт жайында аңыз, ертегі-әңгімелер, әсіресе ескі шумер, үнді, грек жұрттарында көп кездеседі. Оның үстіне, бүркітті қасиеттеу, ырым қылу Орал-Алтай алабын мекендейтін бақташы руларда бұрыннан келе жатқан аңыз. Алайда, бүркіт аңшылығы қазақ өміріндегі дағдылы істің бірі болғандықтан, бүркіт аңызы теңіз жайлайтын гректердің қиялындағы бүркіттен басқаша тәрізді. Ескі гректер бүркітті қиялмен жырласа, қазақта бүркітті түз құсы, аспанның қыраны деп, оның өз қасиеттерін, шаруаға пайдалы жағын, аңшылықтың көркі екенін жырлаған. Қазақ танымындағы қыран құс биіктіктің, алғырлықтың, тәуелсіз еркіндіктің символы ретінде қалыптасқан.

Ақын С. Сейітман қыранға тән алғырлық пен асқақтықты, өрлік пен өткірлікті «Қыранды қайрау» атты өлеңінде осы мифтік құбылуға ынтызарлық тәсілі арқылы былайша береді:

Қанатты жәндік көп ұзамас төбеден,
Қашыққа самғау да өлшенер өремен.
*Мен егер құс болсам,
Шоқ күннен от көсеп,
Күлімді қалдырмай өртеніп өлер ем* [6, 22]

Құс бейнесіне құбылуларда қалыптасқан тағы бір түсінік – ұшқырлық, еркіндік, қиялдың жүйріктігі, биік сезім, көктегі көңіл сынды ойлармен де ұштасып жатады. Халық жер асты әлемін жылан, айдаһар арқылы бейнелесе, ал аспан әлемін құс арқылы елестетеді. Көкке көтерілу, биіктікті бағындыру қанатты құс арқылы жүзеге асады деген ұғымының фольклордағы көрінісі ертегі-аңыздардан анық аңғарылады. Сондықтан да құс киелі саналады. Халқымыз қасиет тұтқан жеті қазынаның бірі. Осы фольклорлық түсінік тіліміздегі «көңіл құсы көкке көтеріледі», «басына бақыт құсы қонды» деген тұрақты тіркесті қалыптастыруға негіз болды.

Әсіресе, қазіргі көркем әдеби туындыларда адамның аққуға айналуы туралы мифтерді кездестіруге болады. Аққу, көбінесе – әдеміліктің, тектіліктің, махаббатқа адалдықтың, қазақы мәдениеттің символы ретінде бейнеленеді. Қасиет, кие туралы ұғымдар көбінесе ұлттық мифологиядағы көнеден орныққан бейнелермен көрсетіледі. Солардың бірі – аққу. Түркілік мифологияда бұл құстың қасиеті мен киелілігі жайлы айтылатын әңгімелер көп. Аққу – халық сенімінде атуға тыйым салынған аң-құстардың қатарында.

Аққу мифі – ұлттық ұғымда ғана емес, әлемдік танымда да кеңінен орын ала отырып, өзінің бойына көпбейнелі мәдени қабаттарды жинақтаған. Ежелгі грек мифтерінде өзінің қаза болған досы Фэтонды жоқтап, шерленген бозбала Кикнаны Аполлон құдай әдемі аққуға айналдырады. Әдебиеттанушы Дж. Макльсон мынадай түсініктеме береді: «Аққу – ақынның, әншінің, сондай-ақ, асқақ поэзияның символы. Бұл символиканың негізі жанның (рухтың) аққу бейнесінде аспанды кезуі, қайта жаңғыру, кіршіксіз тазалық, кемелдік, тәкаппар жалғыздық, ерлік пен поэзияның әулиелік бастау-сипаты туралы таным-түсінікпен байланысты»

Жан өлмейді, екінші өмірді аңға, құсқа, өсімдікке айналып сүреді деген мифтік түсінік

қазіргі поэзияда да жиі кездесіп отырады. Ақтық сапарға аттану – бұлжымас тіршілік заңы болса, рухтың мәңгіліктігі туралы түсінік мүлде ғайып болуды мойындамайды. Ақын Тоқтарәлі Таңжарық «Дала» атты өлеңінде айтылған ойды төмендегідей өрнектейді:

...Мен Сенің осындай әуеніңмен ояңғам,
Айғай мен ұранға тұншықтым және де.
...Қап-қара табыттың ішінде жатсам да,
Көкірегім өзіңнің шұғылаңа боянар...
Рухым құс болып қалықтап әуеде. [7, 21]

Мифтік сана сілемінде өлімді бір табиғи түрден екінші түрге өту деп қараған сенім бар. «О дүние», «бұ дүние», «тірілер әлемі», «өлілер әлемі» арасындағы шекара туралы таным-түсініктер құбылушылықпен де байланысты. Өлім, *яғни өлілер патшалығына – о дүниеге өту мифологияда құбылушылық түрінде қарастырылады.*

Нәтижелер мен тұжырымдар

Көркемдік бейнелеу ретінде пайдаланылған мифтік құбылушылық тәсілі туралы ойымызды М.Н. Эпштейннің «Қазіргі әдебиеттегі мифологизм түп негізі философиямен сабақтасатын рефлектілі сипатымен, сондай-ақ суреткердің мифке интеллектуалды қарым-қатынасымен ерекшеленеді» [8, 52] деген пікірімен тұжырымдаймыз.

Мифті зерттеуші В.В. Иванов: «Смерть – переход в царство мертвых в мифологии обычно рассматривается как метаморфоза: превращение человека /чаще – его души либо одной из его душ, если предполагается множественность душ одного человека / в животное/ чаще всего птицу: иногда это превращение происходит не сразу после смерти, а спустя несколько лет, как в мифах ацтеков о небесном доме солнца/» [9, 96] – деген тұжырымға келсе, А.Ф. Лосев: «спорят и всегда спорили о бессмертии души», – дей келіп: «Я утверждаю одно: если вы хотите рассуждать чисто диалектический /пожалуйста, не рассуждайте/ то бессмертие души есть для мифологии примитивнейшая аксиома диалектики... Душа бессмертна также, как бессмертно все на свете» [10, 154], – деген тұжырым жасайды.

Қазақ танымындағы пенденің өзі өлгенімен, жаны өлмей, құс секілді әлемді шарлап ұшып жүреді, моладан шыққан сикырлы сыбыр, сол әуелеп ұшып жүрген Құс-жанның ымырт жабыла өз ұясына оралып, күні бойына жер бетінен-

тіршіліктен не көріп, не істеп білгендерін әңгімелеп жатады деген таным осыдан бастау алатын болса керек.

Рухтың мәңгіліктігі оның мүлде ғайып болмай, екінші бір түрде ғұмырын жалғастыруы түрінде түсіндіріледі. Адам бұ дүниеден о дүниеге сапар шеккенде көбінесе құсқа айналды деген ұғым бірсыпыра мифтік әңгімелерге арқау болғаны белгілі [2, 44]. Қазақ халқының ұғымында өлім алдында жатқан адамның денесінен «көбелек-жан» немесе «шыбын жан» бөлініп шыққан кезде адам көз жұмады. Жан (рух) шыбын не құс түрінде тәннен ұшып кетеді. «Тән өлсе де, жан өлмейді», адам өлгенмен оның жаны басқа нәрсеге барып қонады, өмір сүруін жалғастырады деген наным-сенім барлық халықтарда да кездеседі. Жанның мәңгіліктігі туралы ұғым адам мен жануарлар арасына жік қоймаған мифтік санаға тән ойлау формасында жатыр. Қатты қиналған кезде «шыбын жаным-ай», «шыбын жаным көзіме көрінді», «көзіңе көк

шыбын үймелетем», «шыбын жаны шырқырады» деген тіркестердегі бейнелеулердің өзі мифтік түсінікке барып тіреледі.

Қорытынды

Қорытындыласақ, ұлттық таным мен этникалық болмысты бейнелейтін мифтік құбылушылықтар этностың тұтас бейнесін, барша болмысын анықтайды. Қазіргі қазақ ақындарының метаморфозаларды қолдануындағы ұлттық ерекшеліктер деп ұлттық сананың қорында сақталған, тарих қойнауында жатқан ұлттық бейненің поэзиядағы көрінісін айтамыз. Мәселен, тауға, қыранға, мөлдір бұлаққа, аққу құсқа т.б. сияқты өзіндік пішіндегі құбылуларға ие өлеңдер ұлттың дәстүрлі мәдениетін, халықтың өзіндік қайталанбас ерекшеліктерін, этностың рухани-мәдени өмірін саралай келе, сана, тіл, мәдениет ұғымдарының байланысын, ұлттың тілдік бейнесін танытады.

Әдебиеттер

- 1 Аймұхамбетова Ж.Ә. Проблемы мифологизма в прозе О. Бокея: канд. дисс. – Астана, 1999.
- 2 Алдияр Б. Стихи // «Дала мен қала». 06.01.2013.
- 3 Темірбай А. Автопортрет: сборник стихов. – Астана, 2009. – 286 с.
- 4 Фольклор и казахская литература. – Алматы: «Арда», 2011. – 480 с.
- 5 Бодешулы Ж. Жұлдызтас: сборник стихов. – Алматы, 2000. – 375 с.
- 6 Сейтман С. Сборник стихов. – Алматы, 2010. – 80 с.
- 7 Таңжарық Т. Ночные страницы: поэзия. – Алматы: Жалын, 2008. – 63 с.
- 8 Эпштейн М.Н. Мифы народов мира. Энциклопедия. – Москва, 1997.
- 9 Иванов В.В. Мифы народов мира. Энциклопедия. – Москва, 1997.
- 10 Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. – Москва, 1991. – С. 185.

References

- 1 Aimukhambetova Zh.A. Problems of mythology in prose O. Bokey [Candid. diss.] Astana: 1999. (In Kazakh)
- 2 Aldiyar B. [A newspaper "Stihi Steppe and City"] 06.01.2013. (In Kazakh)
- 3 Temirbai A. Self – portrait [Story of Sticks.] Astana: 2009, 286 p. (In Kazakh)
- 4 [Folklore and kazakh literature] Almaty: Arda, 2011, 480 p. (In Kazakh)
- 5 Bodeshuly Zh. [Zhyldyzas: The coin of spikes.] Almaty, 2000. 375 p. (In Kazakh)
- 6 Seitman S. [The collector of spikes.] Almaty, 2010. 80 p. (In Kazakh)
- 7 Tanzharyk T. Night Scots: [Poetry.] Almaty: Zhalyn, 2008, 63 p. (In Kazakh)
- 8 Epstein M.N. Myths of the world people. [Encyclopedia.] Moscow, 1997. (In Russian)
- 9 Ivanov V.V. Myths of the world people. [Encyclopedia.] – Moscow, 1997. (In Russian)
- 10 Losev A.F. Philosophy. Mythology. Culture [Encyclopedia.], Moscow, 1991, 185 p. (In Russian)

Эйвазова В.Н.,

докторант Азербайджанского университета,
Азербайджан, г. Баку, e-mail: vefa-eyvazova@mail.ru

НОВЫЕ ФОРМЫ СОЦИАЛЬНОЙ САТИРЫ В РОМАНЕ «МЕЧ ПОЧЕТА»

В этой статье анализируется знаменитая трилогия Ивлины Во «Меч почета». Герой трилогии приверженец идеалам католицизма, Гай Краучбек. Трилогия включает в себя три произведения: «Люди при оружии», «Офицеры и джентльмены», «Безоговорочная капитуляция». Объединяющий момент всех трех произведений, католицизм английского общества и влияние аристократии на нравственность и мораль человека, выдвинутая на первый план. Писатель посредством чужого человека, пытается показать недостатки британского общества. Герой произведения Гай Краучбек хоть и похож на персонажи предыдущих произведений, однако привлекает внимание читателей абсолютно новыми качествами. Трилогия «Меч почета» отличается с точки зрения содержания и стиля от предыдущих произведений Ивлины Во.

Ключевые слова: Ивлин Во, социальная сатира, Меч почета, философия, религия.

Eyvazova V.N.,

Research Assistant, Azerbaijan University,
Azerbaijan, Baku, e-mail: vefa-eyvazova@mail.ru

New forms of Social satire in the novel "Sword of Honour"

In this article Evelyn Waugh's the famous trilogy "Sword of Honour" is analyzed. The protagonist of the trilogy Guy Krauchbek adherent to Catholicism ideals. Trilogy consists of three novels: Men at Arms (1952), Officers and Gentlemen (1955) and Unconditional Surrender (1961). The uniting moment of all three works, Catholicism of the English society and influence of the aristocracy on morality and the moral of the person, put in the forefront. Writer has made an effort to supply by means of man becoming alien to British society. The hero of the work Guy Krauchbek though is similar on characters of the previous works, however draws attention of readers with absolutely new qualities. The trilogy "Sword of Honour" differs from the point of view of contents and style from the previous works of Evelyn Waugh.

Key words: Evelyn Waugh, social satire, The Sword of Honour, Philosophy, Religious.

Эйвазова В.Н.,

Әзірбайжан университети, докторант,
Әзірбайжан, Баку қ., e-mail: vefa-eyvazova@mail.ru

«Ақын қылышы» романындағы әлеуметтік сатираның жаңа формалары

Мақалада Ивлинг Воның атақты трилогиясы «Ақын қылышы» талдауға түседі. Трилогияның бас кейіпкері католицизм идеяларына табынушы – Гай Краучбек. Трилогия «Мылтықтылар», «Офицерлер мен джентельмендер», «Сөзсіз берілу» атты үш шығармадан тұрады. Барлық шығарманы біріктіретін англиядағы бірінші орынға шығарылған католицизм және ақсүйектіліктің адам моралына әсері. Жазушы өзге адам арқылы британдық қоғамның кемшіліктерін көрсеткісі келеді. Бас кейіпкер Гай Краучбек алдыңғы шығармалардың кейіпкерлеріне ұқсағанымен, оқырмандарды тың қасиеттерімен көңілін аудартады. «Ақын қылышы» трилогиясы Ивлинг Воның алдыңғы туындыларынан мазмұн және стилі жағынан ерекшеленеді.

Түйін сөздер: Ивлинг Во, әлеуметтік сатира, «Ақын қылышы», философия, дін.

Введение

Произведение «Меч почета» (*The Sword of Honour*, 1952-1965) написанное одним из самых блестящих писателей Ивлином Во отличающимся своей оригинальностью, стало новой формой социальной сатиры в английской литературе XX века. Его романы всегда призывают на борьбу с несправедливостью и злом, описанные события и образы соответствуют реалиям жизни. Это же послужило известности Ивлину Во и сыграло решающую роль в нахождении пути к сердцам читателей. Его роман «Меч почета» может стать хорошим примером отражающим социальную сатиру. В своей последней трилогии «Меч почета» (1952-1965 гг.), автору удалось объединить сатиру и лирику, естественным образом дополняя друг друга, и тем самым он создал новую, необычную манеру написания, объединив две интонации в единое целое [5].

Настоящая работа посвящена проблеме социальная сатира в английской литературе на материале творчества крупнейшего художника XX века-Ивлину Во. Отношение к католицизму Ивлину Во всегда было одним из самых важных аспектов исследования его мировоззрения и творчества.

Новизна данной статьи заключается в том, что, несмотря на высокую степень изученности художественного наследия И. Во, до настоящего времени социальная сатира в его последней трилогии «Меч почета» остался не изученным.

Цель настоящего исследования рассмотреть на материале творчества Ивлину Во особенности социальной сатиры в зависимости от мировоззрения и творческого метода автора. Теоретическую и методологическую основу исследования составляют труды ученых: С.С. Аверинцева, М.М. Бахтина, М. Брэдбери, Д. Джаспера и других.

Эксперимент

Трилогия включает в себя три произведения: «Люди при оружии» (1952), «Офицеры и джентльмены» (1955), «Безоговорочная капитуляция» (1961). Объединяющий момент всех трех произведений, католицизм английского общества и влияние аристократии на нравственность и мораль человека.

Герой трилогии Гай Краучбек предан идеалам католицизма, однако 36 летнего героя мучают недопонимание, одиночество после развода, и он всеми силами хочет участвовать в войне.

Он думает, что война поможет ему найти ответы на его вопросы.

Гай в конце войны прощаясь с иллюзией религиозности и аристократичности, принял окончательное решение: «Мне нужно, заняться хорошими делами» [2, 345]. На первый взгляд образ Краучбека не обычный и не типичный для Ивлину Во. Однако не типичность образа Гая Краучбека была идеей выдвинутой самим автором. Автор пытался посредством чуждого этому обществу человека показать недостатки английского общества. Герой романа Гай Краучбек хоть и похож на предыдущих персонажей автора, но представлен читателям в абсолютно новом качестве. С этой точки зрения контекст происходящего в произведении католицизма и аристократизма подвергается жестокой критике. Всю жизнь католицизм и аристократизм были идеалом для Гая, однако увиденное на войне заставило его разочароваться в своих идеалах. И это помогло защитить героя от пагубного влияния человечества. Романтический мир иллюзии Гая сталкивается с реальностью, и читатель с каждым шагом героя переживает с ним его боль.

Ивлин Во как и Великий Русский писатель Гоголь, который был способен воплотить образ России в качестве примера для всех государственных служащих в небольшом городе, на примере британской военной машины способен обнаружить буржуазно – бюрократические особенности государственного строительства: коррупция, карьеризм, тупое подчинение и подчинение должностным лицам, в данном случае желание рабочих и попытки получить личную выгоду, их действия доведенные до автоматизма и незначительности, все эти конъюнктурные качества имеют важное значение в его произведении.

Трилогия «Меч почета» превосходит его предыдущие работы с точки зрения полноты содержания. Предыдущий опыт работы, дал ему возможность создать острый сатирический портрет, в своей последней работе он достиг высокой точности и полноты композиции в финале. Сатирические персонажи трилогии «Меч почета» можно разделить на две группы. К первой группе можно отнести бесчисленное множество безымянных офицеров и генералов. Автор уделяет очень мало внимания описанию событий и точным датам происходящего. Но с точностью описанные качества присущие образам персонажей произведения, послужило созданию незабываемых образов. Как правило, персонаж участвует только в одном или в двух второстепенных эпизодах, однако, автор «обыгрывает» и

представляет точный и полный портрет. Автор детально описывает как духовные проблемы, так и психологический настрой.

Известно, что каждая правдивая история или событие, состоит из бесчисленного множества элементов. При создании художественного произведения невозможно использовать все детали и эпизоды описанные в истории, поэтому используют один из методов привлечения внимания читателя – выборочный. В произведении Ж. Женетт «Фигуры» использован метод «расширенно – сжатого» феномена в отношении к происходящему (за пределами происходящего в художественном произведении) и это позволило связать с выбором в жизнь художественный сюжет [1, 412]. В представленном произведении выбор художественных деталей так же произведен с высоким мастерством. Это создает условие для раскрытия сущности произведения. С этой точки зрения в представленном Ивлином Во произведении мишенью для критики становятся высшие военные чины, воздействие которой выражается через искусство.

Вторая группа персонажей трилогии – играет важную роль в художественной выразительности и общей идее произведения. Это – Эпторп, Риччи Хук, Триммер, Айвор Клер и Ладовик. Каждый из них неразрывно связан с Гаем, в то же время их образы идут вразрез с идеалами Гая. Они смеются над желаниями и мечтами Гая, пародируя его. С этой точки зрения, представленные образы полностью раскрывают общую идею и характер произведения.

Представленные в произведении «низкие» сатирические образы персонажей были созданы не для отрицательного фона, и не для того, чтобы бросить тень на положительного героя. Они так же служат одной идее и краху идеалов в борьбе с религией и аристократией. Но это проявляется в манере, которая отличает их от других персонажей. Качественное различие между Гаем и созданными образами в том, что они абсолютно не развиваются и не меняются. Они вместе с Гаем проходят определенные участки его жизненного пути. Играя роли исполнителей желаний и прихотей Гая, они исчезают как Эпторп, или теряются из вида на некоторое время, чтобы потом появиться неожиданно как Ричи Хук.

В средние века во время смешных постановок клоунов появляется новая горестная мудрость актеров, они пытаются конкурировать с их владельцами (Эпторп). Прекрасная, головокружительная карьера не приносит счастья, наоборот, заканчивается полной и необратимой,

катастрофой (Триммер). Даже разочарование принимает у них болезненные формы (Ладовик). Все эти персонажи уродливы и на первый взгляд они контрастируют с Гаем. Однако, в принципе существует и сходство – каждый из них на мгновение похож на Гая, являясь носителем его характера. В содержании романа схожесть персонажей исключительно велика. С их помощью Ивлин Во в разные периоды жизни Гая планирует различные политические ситуации [4].

В произведении привлекает внимание, с самого начала и до конца вымышленная прошлая жизнь и сам Эпторп, его прошлое и трагическая участь, которая заставляет Гая, считать себя виновным. Однако Гай побеждает в себе это чувство, убивая чувство вины перед Эпторпом в себе.

В лице трудолюбивого, карьериста Эпторпа Ивлин Во высмеивает одну из сторон жизни военных, подшучивает над его обидчивостью, униженностью и разочарованностью в выходных. Гаю сложно соперничать с другим героическим персонажем Ричи Хуком. Ричи Хук взрослый солдат, отважный военнослужащий. Однако самый большой парадокс в том, что среди различных многочисленных персонажей, одетых в военную форму, он наиболее профессиональный солдат в армии, который стал обычным человеком. Можно сказать что, не один человек не поддерживал его желание вступить в бой.

В романе «Меч почета» писатель в сатирической форме представляет руководство Британской армии и последовательно «офицера – джентльмена» в образе Айвера Клера свергнутого с трона. Простые солдаты Британской армии были представлены в трилогии явно с большой симпатией, в богатой сатирической палитре они не несут какой-либо иронический оттенок.

В трилогии «Меч почета» достигнута красивая гармония сатиры и лирики. Сатирическая линия трилогии – как бы объединяет предыдущие работы автора, высмеивая снобизм, ограничения и суеверие среди аристократов, безграничное желание богатства, аморальность буржуазии, тупость чиновников и пародию, трусость военнослужащих и некомпетентность в сатирическом плане представлена читателям. Военная жизнь Гая очень безнадёжна, его окружают безуспешные изверги, которые от него не отстают.

Писатель очень точно исследовал души своих персонажей, пропущенные через мясорубку Британской военной машины, выявляя остатки их человеческих качеств. Он не только не наделяет этих извергов комическими и от-

страненными свойствами, он также раскрывает их недостатки и выявляет причины. Многие сатирические персонажи «Меч почета» имеют противоречивые характеры, хоть они и созданы с помощью сатирической «доминанты», создают у читателя чувство жалости и сочувствия. Образ Эпторпа сам по себе смешной и удивительный, однако в сравнении с Ричи Хуком он заслуживает больше симпатий. Иногда симпатия заслуженно переходит в антипатию. Раскрывая характер отношений Эпторпа с другими персонажами Ивлин Во показывает, что он был рожден не глупым и не злым человеком. Его бесконечные всем приказы на самом деле указывают на то, что, он на какой миг хочет ощутить себя сильным и властным, это попытки отомстить всему миру за растоптанное человеческое достоинство. В связи с этим стоило бы отметить, что теория комплекса не полноценности была разработана в XX веке Адлером под влиянием литературного мнения. В 1907 году немецкий ученый написал о «недостатках органов» где писал, о том, что в человеческом организме от рождения анатомически заложены стимулы на те или иные успехи и достижения. В этом случае нарушение человеческой психики приводит к созданию особого механизма восполняющего недостатки. Конкретные цели, связанные с компенсацией человеческой деятельности за срыв процесса направлены в определенном направлении. На примере знаменитостей развитие человеческих способностей можно представить как схему: «неполноценность плоти – компенсация – цель (положительный результат)» [2, 78]. Так, например Демосфен от рождения заикался, однако за счет психологического механизма замещения, в итоге это не помешало ему стать самым знаменитым оратором в древней Греции. Плохое зрение Шиллера послужило толчком к развитию его драматургических способностей. В результате потери слуха Бетховен стал одним из самых ярких представителей мировой симфонической музыки.

Развитие человеческой деятельности в таком позитивном направлении в результате инвалидности, является одним из способов решения физической неполноценности. Но в данном случае это может быть совершенно иной путь развития. В некоторых случаях у инвалидов с детства физические недостатки вызывают чувство враждебности к внешнему миру. Такой человек во всем видит опасность, он ожидает от людей с которыми он встречается упреков в своей инвалидности, всеми силами пытается им противостоять.

Немецкий ученый не удовлетворился исследованиями человеческой неполноценности и причин их инвалидности. Он обратил внимание на тот факт, что в отличие от животных, человек рождается слабым и беспомощным существом. Таким образом, на начальном этапе развития начинает ощущать свою неполноценность. В начале жизни каждый ребенок живет в семье, нуждаясь в физической и психологической помощи. Поэтому с раннего детства ребенок, ощущает свою неполноценность, и это создает механизм восполнения недостатка, и помогает выработать стратегию жизни способствующей дальнейшему определению. По мнению А. Адлера чувство неполноценности у каждого ребенка является движущей силой для устранения недостатков [2]. Теорию «неполноценности» Адлера можно отследить в образах героев романа. Отслеживая жизнь Эпторпа, и неполноценность его внутреннего мира мы становимся свидетелями его силы власти.

В произведении образ Ричи Хука, как и образ Эпторпа многосторонний. В эпизодах борьбы Эпторпа за «сокровища» он комичен, достоин презрения и ненависти. Выдвигая свою теорию беспощадности и претворяя ее в жизнь он вызывает ненависть. Влияние общества маньяков и эпизодов бессмысленной смерти становится еще более очевидным для отважного человека. Даже в откровенной неприязни к Триммеру Ивлин Во испытывает чувство сострадания к его безответной влюбленности в Виржинию, а для нее отношения с Триммером были случайным флиртом. В мире царит несправедливость и аморальность, однако автор не хочет, чтобы их победа была окончательной и бесповоротной, как пожизненное проклятие Триммер будет нести в себе бесконечную любовь к Виржинии. Это его расплата за нечестное достижение славы. Надо отметить, что единственный положительный герой в произведении, отец Гая, старый мистер Краучбек. По мнению автора книги, было необходимо показать добропорядочных людей, живущих во всем этом в хаосе. Надеясь своих сатирических персонажей грустью и состраданием, автор несколько не смягчает противоречия, а пытается достигнуть диалектизма характера и правдивости его отражения.

Связь романа Ивлина Во с английскими романами XVIII века, особенно его отношение к творчеству Смоллета, просматривается в идее – тематическом и художественном уровне. Тем не менее, здесь присутствует философский аспект. На страницах романа Ивлина Во ощущается дис-

гармония в мире и в первую очередь отсутствие этической гармонии, как следствие возникают социальные изъяны. В какой-то степени это также справедливо по отношению к Гаю Краучбеку, герой и видимо сам автор не верят в идеалы религии и аристократии, а только в идеалы просвещения, гармонию в личной жизни и находят точку опоры в реализации добродетели.

Заключение

Представленная трилогия Ивлины Во «Меч почета» впервые в его творчестве отражает реальную историю после военной британской армии и считается одним из известных и выдающихся прозаических произведений. Безысходность офицерской жизни Гая выглядит очень основательно, его окружают неудачники, которые не оставляют его в покое. Писатель очень точно исследовал души своих персонажей, пропущенные через мясорубку Британской военной машины, выявляя их человеческие качества. Он не только не наделяет этих извергов комическими и отстраненными свойствами, также раскрывает их дефекты и причины.

Многие сатирические персонажи «Меч почета» имеют противоречивые характеры, хотя

они и созданы с помощью сатирической «доминанты» и вызывают у читателя жалость и сочувствие. Образ Эпторпа сам по себе смешной и удивительный, однако в сравнении с Ричи Хуком он заслуживает больше симпатий. Иногда симпатия заслуженно переходит в антипатию. Раскрывая характер отношений Эпторпа с другими персонажами Ивлин Во показывает, что он был рожден не глупым и не злым человеком. Его бесконечные всем приказы на самом деле указывают на то, что он на какой миг хочет ощутить себя сильным и властным, это попытки отомстить всему миру за растоптанное человеческое достоинство[3].

Трилогия Ивлины Во «Меч почета», самое значимое его произведение. Здесь гормонально переплелись в едином союзе, сатира и лирика.

Сатирическая линия трилогии – как бы объединяет предыдущие работы автора, высмеивая снобизм, ограничения и суеверие среди аристократов, безграничное желание богатства, аморальность буржуазии, тупость чиновников и пародию, трусость военнослужащих и некомпетентность, в сатирическом виде представлена читателям. Романы Ивлины Во в настоящее время очень актуальны, и продолжают завоевывать сердца читателей.

Литература

- 1 Женетт Жерар. Фигуры в 2-х мах. Том 1-2. – М.: Изд.-во им. Сабашниковых, 1998. –944 с.
- 2 Адлер Альфред. Наука о характерах. Понять природу человека (Переводчик: Цыпина Евгения). – Издательство «Академический проект». 2017. – 243 с.
- 3 Davie M. The Diaries of Evelyn Waugh / Ed. By Michael Davie. – London: Penguin. 1979. – 820 p.
- 4 DeVitis A.A. Roman Holiday. The Catholic Novels of Evelyn Waugh. – N.Y.: Bookman Associates, 1956. – 88 p.
- 5 Waugh Evelyn. The Sword of Honour /Trilogy/. Published May 10th, 1994 by Everyman's (first published January 1st 1965). – 711 p.

References

- 1 Genette Gerard. Figures. In 2 volumes. V. 1-2. Moscow: Publishing house imeni Sabashnikovikh, 1998. 944 p.
- 2 Adler Alfred Nauka o kharakterakh. Ponyat prirodu cheloveka (Understanding human nature) (Perevodchik Sypina Yevqeniya). Publishing house Akademicheskii proyekt, 2017. 243 p.
- 3 Davie M. The Diaries of Evelyn Waugh / Ed. By Michael Davie. London: Penguin. 1979. 820 p.
- 4 De Vitis A.A. Roman Holiday. The Catholic Novels of Evelyn Waugh. N.Y.: Bookman Associates, 1956. 88 p.
- 5 Waugh Evelyn. The Sword of Honour /Trilogy/. Published May 10th, 1994 by Everyman's (first published January 1st 1965). 711 p.

Ашимханова С.А.,

д. ф. н. профессор Казахского национального университета им. аль-Фараби,
г. Алматы, Казахстан, e-mail: Svetlana-1943@mail.ru

ПРОБЛЕМА ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ И ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ПОЗИЦИИ ПИТЕРА АКРОЙДА

В статье «Проблема интертекстуальности и эстетические позиции Питера Акройда» дан анализ функции интертекста в литературно-биографических романах П. Акройда. Использование цитат, аллюзий и реминисценций создает фактический каркас произведений и является средством характеристики героя, цель которой – разрушить его сложившийся стереотипный образ. При помощи интертекста П. Акройд параллельно с развитием действия комментирует творчество своих героев, вписывает их в определенную культурную парадигму. В итоге структура романа-биографии становится открытой и допускается множество интерпретаций.

Ключевые слова: постмодернистская литература, ирония, цитата, биографический роман, интертекстуальность, аллюзия, эстетика, реминисценция.

Ashimkhanova S.A.,

Doctor of Philological Sciences professor, KazNU named after Al-Farabi,
Almaty, Kazakhstan, e-mail: Svetlana-1943@mail.ru

The problem of intertextuality and aesthetic positions of Peter Acroird

The analysis of the functions in biographical novels by P.Ackroyd has been reviewed in this article. Using citations, reminiscences, and allusions creates a factual structure of the works and becomes a particular tool of the hero's characteristic. Its purpose is to destroy the stereotyped images. The intext helps P.Ackroyd to comment the works of his heroes and to include them in the cultural paradigm. As a result, the structure of the biographical novel becomes open and allows of different interpretations.

Key words: post-modernist literature, irony, citation, biographical novel, Intertextuality, reminiscence, allusion, aesthetic position.

Ашимханова С.А.,

әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің профессоры, ф. ф. д.,
Алматы қ., Қазақстан, e-mail: Svetlana-1943@mail.ru

Питер Акройдтың әдеби-эстетикалық және аралық мәтін мәселелері

Мақалада ағылшын әдебиетінің өкілі Питер Акройдтың постмодернистік әдеби-өмірбаяндық романдарындағы интермәтін қызметтеріне талдау жасалды. Романдағы кеңінен қолданған цитаталар, аллюзиялар, реминисценциялар, шындыққа негізделген дәлелдер, шығарманың қаңқасын өзгерту мен қатар, кейіпкерлерді бейнелеу әдістері және олардың шартты мақсаты әдебиеттегі дәстүрлі қалыптасқан стереотиптік бейнені бұзу. Жазушы интермәтінді пайдалана отырып оқиғаның желісіне салыстырмалы түрде кейіпкерлердің туындыларына түсіндірмелер келтіріп, оларды белгілі жағдайдағы нақты мәдени парадигмаға енгізеді. Қорыта келгенде өмірбаян романдарында ашық құрылым қалыптасу арқылы мәтінді талдауда жаңаша пайымдау мүмкіндіктерін туындатады.

Түйін сөздер: постмодернистік әдебиет, кекесін, мысқыл, цитата, өмірбаяндық шығарма, аллюзия, реминисценция, эстетика.

Акройд Питер (Peter Acroyd под. 1949, Лондон) – британский писатель, поэт и литературный критик.

На современном этапе развития английская литература представляет собой самобытное и оригинальное явление, в котором преобладают постмодернистские тенденции. Фрагментарность, монтажность, многоуровневая организация текста, интертекстуальность и другие приемы поэтики присутствуют в романах английских писателей к. XX – н. XXI века Дж. Барнса, Г. Свифта, А. Макьюзена, П. Акройда, С. Рушди и др.

П. Акройд – один из наиболее интересных, разножанровых классиков современной английской литературы. Начиная как поэт с лирических стихотворений, на сегодняшний день творчество П. Акройда относится к писателям, которым удается соединить множество литературных жанров: исторический роман, биографии, детектив, мемуары, научная фантастика. П. Акройд является ярким и уникальным представителем новой английской фантастики. Его направление является абсолютно противоположным традиционной английской фантастике.

Комбинируя стили и жанры, писатель выбирает соответствующую эпоху и проблематику, культурную и жанровую традицию.

Известность писатель получил, прежде всего, благодаря художественным биографиям писателей и поэтов. При этом сам жанр биографии П. Акройд трактует в постмодернистском ключе, активно используя один из основных принципов соответствующей поэтики – интертекстуальность (открытость текста, его смысловую децентрацию, размывание границ, иронию, антидидактизм и игру).

Финский ученый У. Ханнинен [1] пишет, что Питер Акройд принадлежит к «культуре дискурса».

Использование Акройдом именно интертекста способствует превращению биографии в открытую цитатно-гибридную форму, предполагающую свободу читательской интерпретации. Вместе с тем интертекстуальность в разных типах повествования у П. Акройда имеет свои особенности. В постмодернистском романе «Завещание Оскара Уайльда», построенном как дневник, написанный от лица главного героя – Оскара Уайльда, важнейшее место занимают аллюзии и реминисценции, связанные с жизнью Оскара Уайльда и его произведениями.

Благодаря использованию пяти основных классов интертекста, описанных Ж. Женнетом:

интер – , пара – , мета – , гипер – , архитектуральности Акройд создает образ героя, наделенного творческим типом сознания, не разделяющего реальность и мир художественного произведения.

В романе П. Акройда на уровне метатекста О. Уайльд как герой художественного произведения отождествляет себя с героями «Портрета Дориана Грея». Портрет становится истинным отражением смотрящегося в него, он – зеркало души и совести Дориана, он выражает красоту и талант Бози и эстетические ценности лорда Генри. Портрет – выразитель авторской позиции, он выполняет полемическую функцию как ответ О. Уайльда сторонникам реалистического метода в искусстве. Подобно Дориану Грею, подражателю своего учителя, герой романа П. Акройда разрушает жизни своих родных и тех, кто оказывается с ним рядом: “I have destroyed every life that I have touched <...> I carry a strange doom with me everywhere ... [2, 21]. Текст английского классика и его жизнь переплетаются: свои отношения с Бози он воспринимает как отношения Дориана Грея с лордом Генри: “I became Bosie’s idol rather than his companion. I took his character and moulded it into my own image” [2, 19].

Таким образом, литературное творчество Оскара Уайльда тесно переплетается с его жизнью. П. Акройд создает образ героя, живущего текстами и не проводящего границ между реальностью и художественным вымыслом. Стилизация П. Акройда настолько точна и аккуратна, что читатель, воспринимает ее как текст Оскара Уайльда, при этом осознавая, что на самом деле она была создана иным автором. «Завещание ...» становится «портретом» Оскара Уайльда, написанным Питером Акройдом.

Акройд использует знаковые имена (Констанс – жена, Бози – любовник, Сирил и Вивиан – дети), ссылки на события (например, суд над Оскаром Уайльдом, тюрьма, знакомство с Сарой Бернар и др.), создавая своеобразный фактический каркас повествования. В то же время Акройд делает акцент не на самих событиях, а на их интерпретации героем, что позволяет лучше раскрыть тип его мировосприятия.

У П. Акройда Уайльд воспринимает свою жизнь как текст, поэтому свое осуждение расценивает лишь как неправильную интерпретацию: «Я всегда утверждал, что интерпретация интереснее самого факта; к несчастью, я оказался прав. Меня погубили грязные интерпретации, данные людьми моим поступкам, – забавно, правда?» [3, 37]. В то же время Акройд стре-

мится подчеркнуть неоднозначность Уайльда, изменить сложившийся стереотипный образ. Именно поэтому герой показан не только в контексте его связей с юношами и любви к спиртному («Всю жизнь я испытываю сильнейшее влечение к спиртному ...» [3, 21]. «Я постоянно нуждался в возбуждении, рождаемом погоней, и мне неважно было, что представляет собой добыча» [3, 41]), но и как любящий отец и муж: «Странно: копаясь в обломках прошлого, извлекаю только мелочи – помню, например, игрушечную повозку, которую я подарил Сирилу, ... Вивиан почему-то всегда плакал, когда я брал его на руки, и я утешал его пастилками ...» [3, 56]. Таким образом, используя ссылки на факты жизни Уайльда, Акرويد стремится показать биографию своего героя через призму его идей, поэтому переносит внимание с самого факта на его интерпретацию. Образ главного героя также для Акроида символичен, что он и пытается показать читателю через мысли, приписываемые Уайльду: «Судьба порой делает из человека то, что он больше всего презирал. Чем же я стал – я, которого ждало величие подлинного мастера? Символом современного общества во всех его взлетах и падениях» [3, 73]. Так ненавязчиво дается объяснение Акроидом значимости фигуры Уайльда. В романе можно выделить отсылки к другим текстам (Данте, Бодлер, Гюисманс, Нерваль и др.), которые позволяют вписать творчество Уайльда в определенную литературную традицию и показать истоки его формирования, а также исподволь дать анализ ключевых произведений (к примеру, романа «Портрет Дориана Грея»). Так за счет реминисценций Акرويد соединяет художественное повествование и литературоведческий анализ, представляет своего героя как особый тип сознания, живущего текстами и не видящего границ между реальностью и произведением. К примеру, Уайльд отождествляет себя с героями романа «Портрет Дориана Грея» – свои отношения с Бози воспринимает как отношения Дориана Грея с лордом Генри: «Я стал не другом Бози, а его кумиром. Его восхищение льстило моему тщеславию, и, взяв в руки его характер, я принялся лепить его по своему образу и подобию» [3, 51]. Текст английского классика и его жизнь переплетаются.

Имена писателей и поэтов зачастую используются, чтобы объяснить специфику творчества Уайльда через параллели с другими авторами: «Я прочитал Бодлера и был очарован его прозаизмами; сходным образом позднее меня пленила поэзия книги «*A Rebours*» с ее диковинными за-

пахами и красками. Гюисманс – великий пророк, предсказавший наступление века искусственности» [3, 63] (здесь говорит уже сам Акرويد, житель XXI века). Влияние французского символизма на творчество Уайльда всячески подчеркивается Акроидом: «Ведь именно чтение французских поэтов побудило меня неустанно искать переживаний, чреватых отчаянием, столь ценным мною в литературе» [3, 63]. Вместе с тем, показывая увлеченность Уайльда тем или иным писателем, Акرويد, будучи критиком, в неназойливой форме дает читателю анализ истоков эстетики английского классика: «Полюбился мне и Готье ... Я могу назвать немало имен: Флобера я чтил умом, Стендаля – сердцем, Бальзака – манерой одеваться» [3, 64] (парадокс в духе О.Уайльда).

Кроме этого, герой романа постоянно ищет аналогии своей жизни в литературе и ставит себя в один ряд с героями: «Три моих любимейших литературных персонажа – это Жюльен Сорель, Люсьен де Рюампре и я сам ...» [3, 65]. В этой цитате присутствует и еще одна важная для творчества Уайльда мысль, которую передает автор, – победа текста над жизнью. Этим объясняется и своеобразная автоцитация Акроида. Например, он пишет от лица своего героя: «... я с восхищением думал о Чаттертоне, По и Бодлере, об их жуткой судьбе ...» [3, 68]. У самого Акроида есть романы, посвященные Чаттертону и По.

Особый уровень реминисценций – имитация стиля Уайльда, его афоризмов, парадоксов и притч, к примеру «Деньги подобны человеческой близости – когда они есть, о них не думаешь, когда их нет, не думаешь ни о чем другом» [3, 48]; «Современная эстетика – всего лишь продолжение современной морали» [3, 76] и др.

В целом литературный интертекст дает возможность Акroidу интерпретировать творчество своего героя и вписать его в определенную парадигму. Также используемые реминисценции вводят мотив трагической судьбы художника, который становится определяющим для данного романа, и помогают деконструировать, демифологизировать сложившийся образ Оскара Уайльда, представить его с новой стороны, используя излюбленный самим Уайльдом метод парадокса. Мифологема портрета, находящая художественное воплощение в метафоре, – оригинальное открытие писателя, воплощение его эстетической системы.

Одновременно, мы можем отметить, что наряду с использованием принципа интертекстуальности Акرويد позволяет соединить ут-

верждение ценности человеческой индивидуальности и реализацию основных положений постмодернистской эстетики: открытость текста, его смысловую децентрацию, размывание границ, иронию, антидидактизм и игру.

Другой роман «Чаттертон» [4] еще один пример постмодернистского произведения, продолжает идею литературной игры, изложенную в «Последнем завещании». Роман также отсылает нас к биографиям реальных лиц – поэта XVIII века Томаса Чаттертона, поэта викторианской эпохи Джорджа Мередита, вымышленного поэта наших дней Чарльза Вичвуда. В романе немало цитат из произведения Т. Чаттертона и отрывков, имитирующих его стиль письма, цитат из произведения других писателей и поэтов английской и мировой литературы (Гораций, Вергилий, Дж. Мередит, Ш. Бронте, Ч. Диккенс и др.) из Библии, древнегреческой мифологии, работ ученых (Г. Блум, Б. Паскаль, Л. Витгенштейн, крылатых выражений из латыни, автоцитат. В романе также упоминаются имена героев современных английских телесериалов, названия журналов и произведений живописи. Таким образом, мы видим, что при создании своего романа П. Акройд пользовался разнообразными источниками.

Символом интертекстуальности писатель делает главного героя Томаса Чаттертона. В истории английской литературы Чаттертон известен как плагиатор, и нередко обвинялся в обмане и подлоге. Концепция романа предполагает отказ от традиционных семантико-аксиологических приоритетов и апеллирует к историческому наследию заново, но уже учитывая ментальную специфику современной эпохи.

П. Акройд последовательно проводит мысль о том, что даже если текст неизбежно основывается на материалах других авторов, все еще сохраняется возможность достижения индивидуальности и даже оригинальности с помощью таких комбинаций уже существующих текстов, которых не было до сего времени, ведь «важно не откуда они [сюжет] берутся, а что мы с ними делаем» [5, 182]. В свете подобных суждений

роман «Чаттертон», как впрочем, и остальные работы П. Акройда, с явными, а порой и провокационными вставками из текстов других авторов, могут считаться оригинальными в значении новационного подхода и использования чужих произведений искусства. Парадокс творчества П. Акройда и состоит в том, что, используя в своих романах тексты предшественников и современников и постоянно подвергая переаттестации традиционные литературные каноны и нормы, фактически не подражает никому и действительно оригинален и неординарен.

В работах П. Акройда пастиш, подлог и пародия окончательно освободились от негативного коннотативного значения. Это вместе с защитой понятий авторства и оригинального творчества может рассматриваться как вклад П. Акройда в литературную теорию. П. Акройд не только творчески воплощает разнообразные современные теории и теоретические школы в своем романе, но, помимо этого, он формирует собственную позицию, которая, тем не менее, держится в русле постструктуралистской мысли. П. Акройд в своем творчестве проектирует идеи и дискурсы на фигуру Чаттертона и выстраивает целый мир вокруг него, с многочисленными разнообразными героями и ситуациями.

Таким образом, мастер биографий Питер Акройд в своем романном творчестве наиболее ярко воплотил общие тенденции британского постмодернизма: интерес к проблеме прошлого и настоящего; восприятие романа как «текстовой реальности»; стремление построить произведение на новой ритмической основе; эксперименты с ситуацией множественной картины мира – множественностью точек зрения; особое использование интертекстуальных связей и пародийной игры; разработка новых литературных жанров – историографический роман, «роман-пастиш», и обновление прежних – жанровая полифония. В итоге использование П. Акройдом интертекста как раз и способствует превращению биографии в открытую цитатно-гибридную форму, предполагающую свободу читательской интерпретации.

Литература

- 1 Hanninen, U. Rewriting Literary History: Peter Ackroyd and Intertextuality [Electronic resource]. – Mode of access: <http://ethesis.helsinki.fi/julkaisut/hum/engla/pg/hanninen/contents.html> (date of access: 01.06.2016).
- 2 Ackroyd P. The last Testament of Oscar Wilde. – London: Penguin Books, 1993. – 185 p.
- 3 Акройд П. Завещание Оскара Уайльда. – М.: Б.С.Г. – Пресс, 2000. – 288 с.
- 4 Ackroyd Peter. Chatterton. – L.: Abacus, 1988. – 234 p.
- 5 Акройд П. Чаттертон: Пер. с англ. – М.: Аграф, 2000. – 400 с.

References

- 1 Hanninen, U. Rewriting Literary History: Peter Ackroyd and Intertextuality [Electronic resource]. Mode of access: <http://ethesis.helsinki.fi/julkaisut/hum/engla/pg/hanninen/contents.html> (date of access: 01.06.2016).
- 2 Ackroyd P. The last Testament of Oscar Wilde. London. Penguin Books, 1993. 185 p.
- 3 Ackroyd P. The last Testament of Oscar Wilde. M.: B.C.G. Press, 2000. 288 p.
- 4 Ackroyd Peter. Chatterton. L.: Abacus, 1988. 234 p.
- 5 Ackroyd P. Chatterton. M.: Agraph, 2000. 400 p.

Велиева С.М.,

к. ф. н., докторант Института литературы им. Низами
Национальной Академии наук Азербайджана,
г. Баку, Азербайджан, e-mail: dilchilik2001@gmail.com

“ПРОПАСТЬ” В ЖИЗНИ И СМЕРТИ

Данная статья посвящена исследованию творчества великого Азербайджанского поэта XX века Гусейна Джавида. В творчестве Г. Джавида выражение «пропасть» не носит случайный характер. В творчестве поэта-драматурга нашли свое отражение проявляющие себя в жизни и нравственности пропасти. Самым наглядным примером этого является пьеса «Пропасть» Г. Джавида. Образы в пьесе в борьбе за моральную чистоту могут выразить в полной мере противостояние Востока и Запада. Как известно, в творчестве Г. Джавида понятие «пропасти» представляет собой не только понятие реального места, но вместе с тем и духовное пространство, которое возникает из беспредельности научных изысканий, процесса изучения, культурного развития. Является средством глубокого и с художественными оттенками выражения сложных характеров образов, противоречий общества. Мастер и реальные столкновения, и духовные изнашивания уподобляет пропастям, называет их беспредельными безднами, дна которых не видно, которые не исчерпываются при углублении. Автор приходит к выводу, что написанные Г. Джавидом произведения, начавшись с сохранения национально-нравственных проблем, и тысячу лет спустя останутся актуальными с точки зрения пропаганды и развития как национально-туркистских, так и общечеловеческих ценностей.

В статье все эти проблемы исследуются на обширном материале драмы «Пропасть».

Ключевые слова: Джавид, романтизм, Европа, пропасть, духовность.

Veliyeva S.M.,

Ph.D, Doctoral student of the Institute of Literature named after Nizami ANAS,
Baku, Azerbajdzhan, e-mail: dilchilik2001@gmail.com

“Abyss” in life and spirituality

The given article is devoted to the investigation of the activity of the great Azerbaijanian poet of the 20th century HuseynJavid. In HuseynJavid’s activity the word expression “abyss” is not accidental. In the activity of the poet-playwright his reflection showing himself in the life and morality of the abyss has been found. The most obvious example of it is the play “Abyss” by H. Javid. The images in the play in the struggle for the moral purity can fully express the confrontation between the East and the West. As it is known in H. Javid’s activity the concept of the “abyss” is not only a concept of a real place, but at the same time a spiritual space that arises from the boundlessness of the scientific research, the process of investigation, the cultural development. It is a means of deep and artistic shades of the expression of the complex characters of images, the contradictions of society. The master and the real clashes and the spiritual wear likens chasms, calls them as the boundless abysses, the bottom of which is not visible, which are not exhausted by deepening. The author comes to the conclusion that the works written by H.Javid starting with the preservation of the national and the moral problems, and a thousand years later will remain relevant from the point of view of propaganda and the development of both national-Turkic and the universal values.

In the article all these problems are investigated on the extensive material of the drama “Abyss”.

Key words: Javid, Romanticism, Europe, abyss, spirituality.

Велиева С.М.,

Азербайжан Ұлттық ғылым Академиясы,
Низами атындағы Әдебиет институтының докторанты, ф. ғ. к.,
Баку қ., Азербайджан, e-mail: dilchilik2001@gmail.com

Өмір мен өлімдегі «шыңырау»

Мақала Азербайжанның XX ғасырдағы ұлы ақыны Гусейн Джавидтің шығармашылығын зерттеуге арналған. Г. Джавидтің шығармашылығында «шыңырау» сөзі тектен-текке аталмайды. Драматург-ақынның шығармашылығында өмір мен ожданға орын алған құлдыраулар жан-жақты суреттеледі. Г. Джавидтің «Шыңырау» пьесасы осының өте нақты үлгісі болып табылады. Пьесадағы моральдық тазалық жолында күресіп жүрген кейіпкерлер Шығыс пен Батыстың бір-біріне деген қарама-қарсылығын шын мәнінде бейнелеп бере алады. Жұрттың бәріне белгілі, Г. Джавидтің шығармашылығындағы «шыңырау» ұғымы шындық өмірдегі орынды ғана көрсетіп қоймайды, сонымен бірге ол ғылыми ізденістердің, үйрену үрдісінің, мәдени дамудың шексіздігінен пайда болатын рухани кеңістікті де мегзейді. Сөз шебері шын өмірдегі қақтығыстарды, рухани келеңсіздіктерді шыңырауға ұқсатады, оны түбі көрінбейтін, тереңдеген сайын тереңдей түсетін құрдым деп атайды. Автор Г. Джавидтің шығармашылығын ұлттық-түркілік, бүкіл адамзаттық құндылықтарды бағалауда және насихаттауда бұдан мың жыл кейін де өзектілігін жоймайтын туындылар деп бағалайды.

Мақалада барлық проблемалар «Шыңырау» драмасының кең көлемдегі материалдары негізінде талданған.

Түйін сөздер: Джавид, романтизм, Еуропа, шыңырау, руханилық.

Введение

В творчестве великого Азербайджанского драматурга и поэта Гусейн Джавида есть такие слова, выражения, которые длительное время сохранялись во многих художественных образах поэта-драматурга, начиная с первых стихотворений и до крупнообъемных драматических произведений, и в определенные моменты превращались в важное средство передачи читателю великих идей, выдвигаемых мастером. Для примера подчеркнем, что используемое в стихотворениях, отдельных драматических произведениях до написания пьесы Г. Джавида «Пропасть» выражение «пропасть» носит не случайный характер, это выражение направлено на глубокий анализ занимающих важное место в творчестве мастера отношений общества и человека. Один этот факт уже доказывает, что поэтическая система литературного наследия Г. Джавида представляет собой совершенную художественную систему и обеспечивающие его факторы – и образ, и сюжет, даже отдельно взятое какое-либо выражение взаимосвязано служат этому совершенству.

Эксперимент

Пьеса «Пропасть» была написана в 1919 году и до этого времени в Азербайджане произошло немало общественно-политических событий. Национально-культурное развитие, начавшееся с

М.Ф.Ахундова и Г. Зардаби, и продолжавшееся М. Шахтахтинским, Дж. Мамедкулизаде, А. Гусейнзаде, обеспечило образование Азербайджанской Демократической Республики. Национальное сознание в первую очередь нашло свое отражение в формировании государственных атрибутов АДР. Страна, отдав сотни жертв, спасшись от дашнак-российской имперской резни, находило утешение в создании своего государства. Люди нового времени для того, чтобы их судьба была более светлой, предпочитали обратить взор вокруг, то есть вдаль, на Европу. Интеллигенция не стеснялась высказывать свою позицию в развитии отношений азербайджанской государственной традиции между обществом и человеком, обществом и гражданином, обществом и семьей. И поэтому написанные Г. Джавидом произведения, начавшись с сохранения национально-нравственных проблем, и тысячу лет спустя останутся актуальными с точки зрения пропаганды и развития как национально-тюркистских, так и общечеловеческих ценностей.

Тюркистское отношение Г. Джавида к национально-духовным ценностям составляет основную идейную нагрузку пьесы «Пропасть». «Пропасть» наряду с выражением горькой участи страдающих от потери духовности, изнашивания духовности, посвящена также и романтическому восхвалению достойных духовного возвышения людей.

В творчестве Г. Джавида понятие «пропасти» представляет собой не только понятие реального

места, но вместе с тем и духовное пространство, которое возникает из беспредельности научных изысканий, процесса изучения, культурного развития. Является средством глубокого и с художественными оттенками выражения сложных характеров образов, противоречий общества. Мастер и реальные столкновения, и духовные изнашивания уподобляет пропастям, называет их беспредельными безднами, дна которых не видно, которые не исчерпываются при углублении.

Вспомним, в стихотворении «Морское представление» в небе заметна неисчерпаемая бездна. Г. Джавид говорит, что «В этой бездне есть истина одна, Скрыта она несмотря на это для слепых умов» [1, 69]. Или же в стихотворении «Наука человечества» на передний план выдвинута угроза падения науки, знания:

«Bilmək, öyrənmək» öylə bir uçurum
Ki, onun intəhası yox, dibi yox...
«Bilirəm» söyləyən də var, pək çox [1, 51].

*«Знание, изучение» такая бездна,
Что предела, дна не имеет...
Есть много говорящих «Я знаю».*

Неисчерпаемость и вечность идей Г. Джавида связана с тем, что его отношение к национально-духовным ценностям представляло собой еще и духовные ценности, которые желало современное, здоровое общество. Вместе с тем, является настолько же человеческим, светским, насколько является национальным.

В пьесе «Мать» Исмет, не желающая называть имени Орхана, будучи обрученным, преградив ей дорогу, признавшегося в любви, говорящая, что если при принуждении братом к даче клятвы скажет об этом, то прольется кровь, если не скажет, то поскольку клялась Аллаху, попадет в грех-пропась, представляет собой тюркскую девушку, с нравственной высоты относящейся со страхом и осторожностью к опасным «пропастям». Г. Джавид, превративший в тему беков, задыхаясь в бытовых джунглях, проживающих свою жизнь, ведущую к их уничтожению, очень точно указывает границы духовности, выражаемые в диалогах беков. Надир бек, говорящий «Шариат представляет собой закон, созданный для спасения и счастья человека. Означает пустоту и бессмысленную легенду, катящую народ в опасную бездну» [2, 110] — находится на краю пропасти.

Г. Джавид старается донести до людей, что все религии и законы должны служить развитию

духовности, осознанию любви и истины. «Пропась», видимая в «Шейх Санане» в конце, не только материальное место, но и начало момента, идущего к вечности для духовного возвышения. Основная героиня произведения Хумар вспоминает наставление матери. В завещании, сказанном матерью Хумар дочери, перед глазами встает собственная судьба женщины. Мать, увидев измену, вслед за «Нет у мужчин верности», говорит «Пусть местом твоим будет однако монастырь» [2, 187]. Но и любовь Хумарк Шейх Санану, прыжок вместе с ним в пропась на верную смерть, является первой ступенью подъема на духовную высоту. Шейх Санан говорит «Смотри, Хумар! Всё вокруг бездна» [2, 260], «Лишь пропась является приютом» [2, 264]. Шейх Санан, в душе которого любовь к Богу превыше всего, вместе с Хумар использует пропась как ступень для возвышения к Богу. Его прыжок к смерти представляет собой момент духовного единения, время соединения Творца с сотворенным, существа, любящего с желаемой, влюбленного с возлюбленной. Мысль «Возвысились как Иса, спаслись от муки» [2, 278] является выражением судьбы героев, возвышенных пропасью.

По мере существования пропастей в обществе и после произведения «Пропась» творчество Г. Джавида не проходит мимо этих понятий. Порожденные духовной эрозией пропасти продолжают забирать в объятия все новых его героев. И в написанном в 1923 году «Пророке» встречаемся с выражениями «пропась». Если вспомним начало произведения, в диалоге Ангела и Пророка Пророк говорит:

«Вокруг меня пещеры, одинокие голые скалы, неприступные спуски, страшные выражения» [3, 171] Или в том же произведении выражение «Страшный путь, где видел ты пропась» [3, 245] с уст Шамсана представляет собой продолжение мысли Г. Джавида о потере духовности.

В «Хромом Тимуре» в речи Диванбека говорится «Если эти два полюса сталкиваются друг с другом, то раскрывается катастрофическая пропась. И пользуясь этим чужеземные государства вокруг, ищут возможности напасть на тюркский мир» [3, 317-318]. Г. Джавид показывает, что в пропась, порожденную исторической ошибкой государственных руководителей двух больших тюркских братских народов, скатились они сами, их близкие. Акцентируется внимание на историчности ошибки, указываются пути для ее неповторения. Все что создает пропась, являясь причиной противоречий, не становясь мишенью

европейской политики, должно быть решено, сознание единства крови, единства религии должно бережиться как зеница ока.

Все это подтверждает, что Г. Джавид, взяв направление из отдельных маленьких пропастей, в крупнообъемном произведении «Пропасть» показывает и пути устранения опасностей, что произойдут в будущем.

Понятие «пропасти» в творчестве Г. Джавида выражено в двух смыслах: в жизни – пропасть в реальном мире и духовном мире! Окружение пропастью духовного мира в литературе является редко встречающейся темой и можно сказать, что разрешение темы в этом аспекте принадлежит Г. Джавиду.

Контрасты и противоречия в трагедии «Шейх Санан» проявляются и среди реальных людей, и отображается в форме победы любви над религиозным верованием. Мешающие Шейху Санану шейхи марваны, шейхи наимы и преграждающие путь Хумар попы и платоны являются отражением реальных жизненных событий. А аспект мышления о религиозных различиях, духовно сковывающих Шейх Санана и Хумар, представляет собой противоречие, возникшее в силу духовности их обоих. Вместе с тем, перешагнуть через контрасты и противоречия, присущие духовному миру, ничуть не легче, чем перешагнуть через шейхов и священников.

И в пьесе «Пропасть» существует пропасть, охватывающая обе линии между Джалалом и Гёверчин. Одна из них относится ко времени, когда Джалал встретил в Париже Анжель, а другая относится ко времени, когда Джалал снова вернулся в Стамбул. Парижская жизнь Джалала представляет собой этап зарождения пропасти между Джалалом и Гёверчин, а повторная стамбульская жизнь является местом реальной пропасти. Видимо, Г. Джавид, осмыслив, насколько начатый в «Шейх Санане» вопрос серьезен, продолжил его впоследствии в отношениях Гёверчин и Джалала.

Обычная, реальная пропасть, затем глубокая пропасть в духовном смысле и их художественное разрешение представляют собой качества, обеспечивающие тематическое и идейное разнообразие творчества Г. Джавида. Какое-либо потрясение, возникшее в человеке, может создать неожиданный оползень. В действительности, при возникновении в духовности уклонения, потере духовности, человек собственными ногами движется в сторону пропасти. Человек сам приводит себя к краю бездны. Когда исчезает пово-

рот, который не позволило безволие, бездна становится неизбежной.

Выбор в «Пропасть» Гёверчин, являющейся сельской девушкой, в качестве символа нравственности, не случаен. Общеизвестная истина, что чистота является издревле хранимой национальной духовной ценностью, и более всего укоренившись развивается в селе. Гармония села с природой характеризует первичность, чистоту в человеческой нравственности. Естественно и развитие и распространение оттуда национальных ценностей. В Гёверчин, сельской девушке, есть чистая, невинная любовь. Однако причина ее счастья Джалал едет в Париж. Как сама говорит, она никогда не выдержит этой разлуки. Если сравним, то увидим, что если на месте Гёверчин была бы Анжель, она бы расценила этот отъезд как свободу и трактовала бы как развязывание своих рук. Однако в Гёверчин есть большая грусть. Исследователь романтизма Вели Османлы пишет: «В первой сцене знакомства мы видим участников огорченными. Огорчение вызывает опять же разлука. Ожидается разлука героев произведения. Главный герой, разлучившись с любимой, должен ехать куда-то вслед за своими романтическими идеалами. Романтические идеалы и разлука. На одной стороне сладость идеалов, придающих вкус мечте, на другой стороне причитания безвременной разлуки» [7, 72]. Представления Гёверчин заключаются в том, что с отъездом Джалала опустеет дом, опустеет Стамбул, опустеет мир. Это демонстрирует богатство нравственности тюркской женщины. Не случайно, что в поиске образа для противопоставления Гёверчин в произведении Г. Джавид выбирает не вторую тюркскую женщину, а Анжель – европейскую французскую девушку. К сожалению, в настоящее время в XXI веке любовь к Западу в Турции во многих случаях остается некоей болезнью. Все еще в Турции брак с европейцами воспринимается как преимущество. Причина возникших в народе в период развития поколений моральных пропастей опирается на исторические ошибки.

Джалал художник, возможно, должен выйти на поиски темы, разъезжать, наблюдать, для сбора новых тем, расширения воображения художника путешествия являются прекрасной идеей. Но отъезд Джалала из семьи мог бы не стать причиной для распада семьи, в случае, если бы Джалал повел себя как тюрк, сын тюрка. Вообще, предпочитавший тюркскую нравственность критик – Казимоглу – после постановки этого произведения в напечатанной в

газете «Коммунист» статье писал: «Какая же из Гёверчин тюркская женщина, если её за руку держал Акрам». Исторические факты показывали, что в тюркской морали даже руки замужней женщины нельзя касаться. Она должна считаться священной как крепость верности, доверия. А в произведении, увидевший поле открытым Акрам, держа за руку, утешает ее. Следовательно, если в здравие Г. Джавида было подобное критическое отношение, причиной тому был сам Джалал. Тропинку, ведущую и к духовной, и к реальной пропасти и в этом вопросе, протаптывает сам Джалал. Откуда мы видим эту тропинку в эти первые мгновения? Сколько бы сам Джалал, видя беспокойство Гёверчин, ни клялся и успокаивал, позже он противоречит своей клятве, не может остаться верным сказанным Гёверчин словам, даже произнесенные им «если наполнится мир ангелами, кроме тебя никого я не буду замечать» мысли превращаются в ложь, измену. То есть реальные жизненные истины видны наглядно. Ученый-джавидолог Камран Алиев в статье «Правда Джавида» пишет: «А истина эта в полном смысле является истиной свободы и счастья. В пьесе «Пропась» настроенный на баяты голос Гёверчин говорит именно это:

Gövrçinim, Gövrçin,
Ağlaram için-için.
Mən bir qara bəxt ilə
Neçin doğdum, ah neçin?!»[4]

*Гёверчин моя, Гёверчин,
Плакать буду содрогаясь.
С черной судьбой меня
Зачем родила, зачем?!»*

Другие персонажи в произведении – мать Гёверчин и присматривающий за ее сельскими делами слуга, брат Ыылдырым и преподававший ей в деревне Акрам играют важную роль в разъяснении идеи – пропасти в жизни и в духовности. Наличие школьной среды в селе, существование обучающего заведения и преподавателя, даже преподавание там Акрама представляют собой косвенное выражение идеалистического отношения Г. Джавида к образованию, просвещению. Все они признаются и остаются в памяти в качестве сторонников борьбы за чистую духовность.

Анжель же преподнесена целиком образом, олицетворяющим мораль женщины Запада. Её манера речи, взаимоотношения с другими мужчинами и в этих рамках склонность к при-

ехавшему из Стамбула художнику воспроизведены художественными красками. Анжель «с большим мастерством влечет, обманывает, развращает и уничтожает» [6, 183]. Хотя новое знакомство является новой потерей морали, попавшая в сети новая добыча очень наивна. В целом в пьесе «Пропась» сталкиваются европейская мораль с восточно-тюркской нравственностью. При этом при встрече Гёверчин с Анжель, при противостоянии тюркской морали, тюркской духовности с европейской моралью, европейской духовностью, всматриваясь в количество и качество утрат и приобретений, мы встречаемся с безрадостной картиной.

Оставшаяся верной свое семье, устроившая траур по отъезду мужа в другую страну, откровенно нелюбимая жена – Гёверчин хоть и осталась вне интересов своего супруга, даже не задумывается о замужестве с другим, и превращается в обобщенный образ тюркской нравственности. Видеть длинноволосого художника, приехавшего из Турции, жаждать общения с ним, получить от него что-то – это проявление западной культуры, французской женщины, конкретно Анжель. Таким образом, перед глазами демонстрация заключающей в себе отличные друг от друга 2 полюса, а также воплощенной в жизни и духовности морали.

Ученый-джавидолог Камран Алиев в своей статье под названием «Любовь – самая большая религия» пишет: «Любопытно, что драматург не противопоставляет олицетворение истинной любви Гёверчин с легконравной Анжель. Словно Гусейн Джавид не считает это противопоставление соответствующей взамен истинной любви. Джалал же снова оказывается лицом к лицу с Гёверчин и любопытно, что в этот момент парижский «гость» обвиняет стамбульскую обительницу Гёверчин в «увлеченности другой любовью». Это была попытка Джалала найти оправдание самому себе. А когда и это не удается, у Джалала остается лишь один путь: прыгнуть в пропасть» (5).

В западной культуре подобное поведение – замена одного на другого, а его на третьего, и легкомысленный образ жизни есть фактор сбрасывания женщиной саму себя в пропасть. Вместе с тем, действия Анжель не ограничиваются ведением ее в пропасть, принесся несчастье являющейся обладательницей большой нравственности Гёверчин, катит её семью в целом в пропасть. В действительности Анжель как несчастная является временной игрушкой, инструментом развлечения. Несмотря на то,

что сегодня она кому-то интересна, считает своим счастьем чью-то склонность к себе, но это пропасть и легкомысленный образ жизни. М.Г. Тюркекуль в работе «Азербайджанский тюркский поэт Гусейн Джавид» пишет: «Анжель, играя комедию любви с Джалалом, не хочет упускать из рук и француза Эдмона, наряду с московским графом, иранским принцем, одного из своих друзей. Не сторонится принимать его в отсутствие мужа в своей спальне. Анжель настолько развратна, что не прочь признаться в любви даже шурина Джалала Йылдырыму» [8, 115].

Приезд Йылдырыма во Францию, сочувствие как брата состоянию Гёверчин, желание, пусть и в небольшой мере, вернуть Джалала с пути является положительным шагом. Однако как ни старался Йылдырым, добиться этого не может, сил заставить Джалала удержаться от своих действий не хватает. И сам Джалал находится на одной стороне пропасти в силу демонстрации легкой нравственности. Йылдырым полагает Джалала обитателем мира грез:

Cəlal həqiqətdən ziyadə – bəncə
Xəyal düşkünüdür, onun zənnincə
Xəyaldan doğarmış bütün böyüklük,
Həqiqi lövhələr öncə pək sönük [2, 331]

*Джалал действительно слишком уж
Мечтателен очень, на его взгляд
Мечтами порождено все величие,
Настоящие картины в начале очень тусклы.*

Результаты и обсуждение

Жизнь героя «Пропасти» Джалала в мире грез отдалив его от реальности – осознания истины, правды – приводит к сегодняшнему моральному образу. И поэтому когда национальное духовное сознание не осознает бренности блестящих красот, может привести мораль народа от женского горя вплоть до потери земли, Родины.

Пропасть в его характере, слабость моральной полноценности, поиск неясной цели и соединяющее в себе все это мечтательность принуждает Джалала к путешествию в Европу. Если бы Джалала было духовное богатство, он, возможно, как сам Джавид, обретя в ходе философских изысканий совершенство, полноту, вернулся бы с высшим образованием и опытом, нахождением Анжель не открыл бы путь к своему несчастью. Однако сам он, не зная, что ищет, попадает в когти Анжель. Как слабый, мечтательный, безвольный художник обрекает себя и свою семью уничтожению.

Заключение

Таким образом, пьеса Г. Джавида «Пропасть» не может, ограничившись, остаться произведением лишь того времени, в котором оно было написано. На одной семье приведший на плоскость художественности Европу и Восток, сцены жизни и духовности, в более широком смысле прошлое и будущее, поэт-драматург создал трагедию «Пропасть» как произведение, нужное для времен и поколений.

Литература

- 1 Джавид Г. Произведения. – I т. – Баку: Наука, 2007. – 321 с.
- 2 Джавид Г. Произведения. – II т. – Баку: Наука, 2007. – 394 с.
- 3 Джавид Г. Произведения. – III т. – Баку: Наука, 2007. – 368 с.
- 4 Алиев К. Истина Джавида // Газета «Азербайджанский учитель». 10 сентября 1982 г.
- 5 Алиев К. Любовь – самая большая религия // Газета «Азербайджанская молодежь». 28 октября 1982 г.
- 6 Караев Я. Избранные произведения. – I т. – Баку: Наука, 2015. – 183 с.
- 7 Османлы В. Азербайджанские романтики. – Баку: Писатель, 1985. – 72 с.
- 8 Тюркекуль М.Г. Азербайджанскому тюркскому поэту Гусейну Джавиду. – Стамбул, 1963. – 115 с.

References

- 1 Javid G. Works. I t. Baku, Science, 2007. 321 p. (In Azerbaijan)
- 2 Javid G. Works. II t. Baku, Science, 2007. 394 p. (In Azerbaijan)
- 3 Javid G. Works. III t. Baku, Science, 2007. 368 p. (In Azerbaijan)
- 4 Aliyev K. The truth of Javid. The newspaper "Azerbaijan teacher". 10 September 1982. (In Azerbaijan)
- 5 Aliyev K. Love – the largest religion. The newspaper "Azerbaijani youth". 28 October 1982. (In Azerbaijan)
- 6 Karaev Y. Selected works. I t. Baku, Science, 2015. 183 p. (In Azerbaijan)
- 7 Osmanli V. Azerbaijan's Romantics. Baku, Writer, 1985. 72 p. (In Azerbaijan)
- 8 Turkek'ul M.G. Azerbaijani Turkic poet Huseyn Javid. Istanbul, 1963. 115 p. (In Azerbaijan)

Нурмаханова М.К.,

к. ф. н. доцент Алматинского университета энергетики и связи,
г. Алматы, Казахстан, e-mail: nurmaxanova.marzhan

ДОМИНАНТНЫЕ ЖАНРЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ЛИТЕРАТУРНОГО КРИТИКА К. НУРМАХАНОВА: АФОРИЗМЫ

В статье впервые рассматривается систематизация неопубликованных афоризмов К. Нурмаханова, которые имеют общекультурное значение. Тематика афористического творчества К. Нурмаханова чрезвычайно широка и многообразна. Едва ли существует практически какая-либо сфера человеческой деятельности, которая оказалась бы вне предела досягаемости для его афоризмов. Афоризмы и изречения К. Нурмаханова делают речь емкой и содержательной. В них часто раскрывается смысл поступков Калжана Нурмаханова. Замечено, что в них раскрываются принципы мировоззрения Калжана Нурмаханова. Ценность его афоризмов состоит в том, что он в своих изречениях излагал эстетические взгляды, выработанные личным творческим опытом.

Ключевые слова: афоризмы, дидактический жанр, антиномичные афоризмы, афористичность, назидательные афоризмы.

Nurmakhanova M.K.,

PhD, A/Professor of Almaty University of Energy and Communications,
Almaty, Kazakhstan, e-mail: nurmaxanova.marzhan

Dominant genres in the work of literary critic K. Nurmakhanov: aphorisms

In the article, the systematization of the unpublished aphorisms of K. Nurmakhanov, which have a general cultural significance, is considered for the first time. The theme of K. Nurmakhanov's aphoristic creativity is extremely wide and diverse. There is scarcely any sphere of human activity that would be beyond the reach of his aphorisms. Aphorisms and sayings of K. Nurmakhanov make the speech capacious and informative. They often reveal the meaning of the actions of Kalzhan Nurmakhanov. It is noted that the principles of the worldview of Kalzhan Nurmakhanov are revealed in them. The value of his aphorisms lies in the fact that he expressed his aesthetic views, elaborated by his personal creative experience, in his sayings.

Key words: aphorisms, didactic genre, antinomic aphorisms, aphoristic, aphorisms

Нурмаханова М.К.,

Алматы энергетика және байланыс университетінің доценті, ф. ғ. к.,
Алматы қ., Қазақстан, e-mail: nurmaxanova.marzhan

Әдебиет сыншысы Қ. Нурмахановтың шығармасындағы доминанттық жанрлар: афоризмдер

Мақалада Қ. Нурмахановтың жалпы мәдени маңыздылығы бар жарияланбаған афоризмдері алғашқы рет қарастырылған. Қ. Нурмахановтың афоризмдік шығармашылығының тақырыбы ауқымды және жан-жақты. Тәжірибеде адам тіршілігінің қандай да бір саласы оның афоризмдерінің шегінен тыс қалып қоймай, түгел қамтитындығы нақтыланған. Қ. Нурмахановтың афоризмдері мен нақыл сөздері көркем сөйлеуді кең, мағыналы етіп байыптайды. Қалжан Нурмаханов көзқарасы қағыдаларының сырын ашатынын байқауға болады. Қаламгердің афоризмдерінің рухани құндылығы жеке шығармашылық тәжірибеден алынған эстетикалық жағынан нақыл сөздерінен тұратынын атап кетуге болады.

Түйін сөздер: афоризмдер, дидактикалық жанр, антиномдік афоризмдер, афоризмділік, нақыл сөздер.

Введение

Жанр эссе тесно смыкается с жанром афоризмов, которые в эссеистическом контексте получают свое творческое развитие и детализацию, аргументацию. В XX веке афористика переживает как бы эстетическую разгерметизацию, освобождаясь от излишней схематизации. Этот жанр оказывается одним из доминантных именно в 50-60-х гг. XX века в казахской советской литературе, так как успешно решает целый комплекс первостепенных для того времени и данной культурной среды задач.

Это дидактический жанр, жанр моральной максимы, очень характерный для советской идеологии и стилистики в целом. Это жанр с готовым суждением, легко информативно усваивающийся читателем. Это вид творчества, выделяющий типическое, обобщенное, что совпадало с реалистической рационалистической эстетикой. В то же время, это жанр как бы прикладного характера, выражающий пережитое, извлеченное из опыта автора, то есть, опять же, близкое народному мышлению и пониманию. Через этот жанр читатель из «естественной среды» (аульчане, рабочие и т.д.) легче и успешнее приобщался к новой соцреалистической культуре.

Данный жанр близок и к восточной культуре с ее неизменной символичностью, аллегоричностью, приоритетом общего над индивидуальным, личным. Афоризм по своей жанровой этимологии близок заповеди, совету, назиданию – жанрам, очень популярным в восточной эстетике. «Понимание есть некая реконструкция смысла. Оно возможно, если из общающихся возникает единое смысловое поле, в пределах которого осуществляется смысловое движение. Понимание основывается на существовании широкого контекста, определяемого культурой, ядром которой является языковая картина мира» [1, 27].

Как утверждает профессор А.Ж. Жаксылыков: «...Смысловое поле – философских, ментальных, духовно-эстетических, общекультурных интеграций – это совокупный результат сотворчества коллектива и индивида, всевозможных человеческих коммуникаций. Однако его изначальным семантическим ядром выступает некий идеальный смысл, прообраз из осмысленного прошлого. Этот прообраз эксплицируется в ядровых текстах, препосланных акту сказывания. Такими ядровыми текстами могут выступать мифы, предания, притча, парафразы и афоризмы, в которых аккумулярован духов-

ный, нравственный, исторический опыт народа» [2, 44].

Эксперимент

Среди ученых нет единства во мнении, какие именно единицы считать афоризмами и следует ли их отграничивать от сходных явлений и единиц. Мы придерживаемся точки зрения, что корпус афоризмов должны классифицировать как особую, афористическую систему языка, наряду с лексической и фразеологической.

Афоризм бинарен, потому что выступает в двух качествах – речевого знака эпохи и текста определенного жанра. Он обобщает и типизирует многообразные проявления личной и общественной жизни и прочно бытует в общении как его органическая часть, как концентрированная и емкая форма художественного отражения действительности и выражения отношения носителя языка.

По мнению исследователя К.М. Тенгир: «... множество фактов языка и речи свидетельствуют о тесном взаимоотношении, даже идентичности текста и афоризма, их способности создавать дискурс, влиять на него. Смысл афоризмов не соответствует сумме значений составляющих их слов, они самодостаточны, т. к. могут существовать без контекста. Афоризм – это текст, поскольку афоризму присущи признаки текста, тематическая связанность входящих в него предложений, смысловая завершенность, информативность, целостность, структурность, прагматичность. Для создания и понимания афоризма необходимы экстралингвистические элементы, внеязыковая информация, психологические, социокультурные факторы, менталитет, политическая обстановка, ситуация общения, т.е. дискурс. Афоризмы актуализируются посредством знаков языка и способны влиять на формирование речереждения или дискурса. Дискурс же диктует план выражения и построения языковой единицы. Афоризмы представляют собой дискурсивные единицы, поскольку афоризмы – это не застывшие единицы языка, они представляют собой как бы «текст в движении», то есть функционируют в дискурсе. Помимо этого, афоризмы участвуют в формировании и интерпретации дискурса» [3, 14].

До настоящего времени в лингвистической науке не существует четкой границы афоризмов. Если собрать воедино разрозненные классификации, не являющиеся стратификационными, а выделенные по разнообразным основаниям, то

афоризмы в представлении разных ученых бывают: обособленные, вводные, прозаические, поэтические, состоящие из итогового вывода, состоящие из конкретной мысли и вытекающего из нее вывода, оригинальные (древние), новые, производные, стилистически нейтральные, стилистически окрашенные, самостоятельные и контекстные (вводные), антиномичные. Мы предлагаем выделить у критика К. Нурмаханова антиномичные афоризмы, обнаруженные в его дневниках.

Антиномичный афоризм – это такой вид, который строится на противопоставлении, на контрасте. Противоречия (или антиномии) свойственны самому языку как феномену, без них немыслимы какие-либо изменения. Конфликт в языке имеет бинарную природу: это и процесс и состояние, и причина и следствие одновременно.

Результаты и обсуждение

При использовании антиномичных афоризмов К. Нурмахановым не возникает сознательной установки автора на ухудшение отношений между коммуникантами. Наоборот, в ряде случаев употребление такого афоризма способно снять напряженность, разрядить накаляющуюся атмосферу общения обращением к авторитетному автору. В речевой коммуникации такой афоризм обычно играет примиряющую роль. В афоризмах Нурмаханова противоречие призвано, обозначая конфликт, тем самым снимать его, антиномичный афоризм выражает проблемную ситуацию на формальном уровне и разрешает ее на содержательном. К примеру: шыншыл болсаң, сыршыл боласың; оқығаныңды емес, тоқығаныңды айт; лауазым қанша берсе, сонша алады; егескенге елдік айт, тірескенге тірлік айт; адамды көзінен ұқ; еліңді ойласаң есейгенің; жасыңда көп оқымасаң, қартайғанда қапы жейсің; талапты тәрбиелемеген тозар; текке тұрған қалам тұл; оқылмаған кітап тұл; жазушы болсаң, оқушыңды қиялдануға баулы; жалқаулық пен жазушылық қоңсы қонбас; бауыр бауыр емес, пікірлес бауыр» [4].

В афоризмах Нурмаханова интеллект выступает как внутреннее, а язык – как внешнее, они обнаруживают прямую причинно-следственную связь. Например: Ер болсаң, егеспе; «Елім» – деп төсіңе ұрма; «Еміреніп» кеп кісінің енесін ұрма; ерің есірік болса, елдігің кімге керек; есерсоқ ел басқарса, халық қарап болмақ; жазушы болсаң өзің ұрлама; актер болсаң, асылыңды ардақта; ақын болсаң арзан сөйлеме; жыламсырап жана-

шыр іздеме; аспан асты кең деп, басыңды көтере берме; жолға шықсаң аялдай берме; орман тұрғанда жалғыз ағашты көлеңкелеме; елден ерек ешкім жоқ; шығарма ат қоядан басталады; табиғаттан пенденің алған ең үлкен сыйы – өмір [4].

Логическое достраивание этих кратких мыслей может способствовать снятию поведенческого и внутриличностного конфликта. Интересны афоризмы К. Нурмаханова и по своей парадоксальности. Парадоксальность можно рассматривать и как стилистический прием, формирующий семантику, и как одну из важных структурно-семантических свойств афоризма. Зачастую в афоризмах К. Нурмаханова парадокс-конфликт выражен не столько на формальном, сколько на глубинном, семантико-дискурсивном уровне; тогда для его понимания требуются социально-культурные данные. Например: Өлеңді прозамен жазба; бетіңнің қызылын сақта (қызылын – ұятың деген мағынада); аспанға қарағанда жұлдыз көрсең, жазушы емессің; арманшыл болсаң аянбайсың; шарқ ұрмасаң шабыт жоқ; жауапкершілік жүктелсе, бала да бастық болады [4].

Для антиномичных афоризмов К. Нурмаханова можно предложить схему взаимодействия элементов антиномичности, участвующих в создании и проявляющихся в указанных единицах, т.е. представить весь процесс когнитивного механизма конфликта в афоризмах. Вначале (в понятиях дискурсивной интерпретации) при определенных условиях возникает конфликт – как объективная или субъективная данность, не обязательно осознаваемая человеком и вызывающая дискомфорт. То есть субъект может вполне мирно сосуществовать с каким-либо конфликтом, не замечая его и не страдая от него. В этом случае можно считать, что конфликта как бы нет. Как только человек в своем сознании определяет нечто плохое, неудовлетворяющее его, гнетущее, приходит осознание конфликта. Именно поэтому можно считать конфликт ментальным, субъективным образованием. Затем субъект начинает анализировать, искать составные части и причины конфликта, возникает уровень субъективно-объективный, так как оформляется понимание того, что создает данный конфликт и как он себя проявляет. Тогда вступают в действие элементы, не совпадающие полностью, но имеющие общую область пересечения в плане антиномичности и парадоксальности.

В афоризме форма и содержание перевернуты. Афоризм есть и текст, и дискурс. Афо-

ризмы неизменны, постоянны, а потому узнаваемы и воспроизводимы и, вместе с тем, могут быть трансформированными, окказиональными. Афоризм выражает и общепринятую норму, и субъективно-авторскую, которая далеко не всегда совпадает с традиционной, стереотипной. Афоризм и синтезирует мысли, и заставляет их анализировать. Противоречие включается в афоризм, чтобы устранить причину в ментальной сфере человека. Антиномичный афоризм К. Нурмаханова выражает проблемную ситуацию на формальном уровне и разрешает ее на содержательном. Основываясь на парадоксальности, афоризмы-конфликты парадоксами не являются. В его антиномичных афоризмах, построенных на лексико-семантической антиномии, могут разрушаться антиномии грамматической структуры. В афоризмах, основанных на антиномии, могут одновременно проявляться и отношения синонимии. Антиномичность в афоризмах К. Нурмаханова может создавать одно и то же слово. Например: Тыңшы – мемлекет тынысы; өзгені де өзіндей көр; мәлім болам деп ғалым болма; әдебиетші болсаң әдепті бол; ел алғысын алсаң, арманыңа жеткенің; ел қарғысын алсаң, түбіне кеткенің; тарих та тағылым; оттай берсең, от басарсың; сахнада билегеннің бәрі биші емес; домбыра тартқанның бәрі күйші емес [4].

Афористичность – коммуникативное качество речи, сообщающее ей свойства афоризма. Афористичность речи К. Нурмаханова заключается в философской глубине его суждений, в методе обобщения фактов действительности и в умении трансформировать уже существующие афоризмы и изречения. Тип мировидения, присущий конкретной языковой культуре, система принятых в определенный период развития социума оценок, представлений, эталонов, идеологических стереотипов, образов, символов общественного сознания, этических и эстетических приоритетов предопределяют и опосредуют применение К. Нурмахановым того или иного типа трансформации афоризмов, а также выбор трансформируемых единиц. В создании афоризма-антитезы определяющую роль играет личность самого автора, его умение по-особому взглянуть на определенную ситуацию и вербализовать ее в афористической форме, содержащей внешний или внутренний парадокс.

Реалии общекультурного ментального поля отображаются и закрепляются в афоризмах. На возникновение афоризмов огромное влияние оказывал фактор времени, специфика определенной эпохи и определенное отношение кри-

тика к происходящим событиям. По мнению К.М. Тенгир «языковые личности, порождающие новые афоризмы, можно условно разделить на три группы в соответствии с тенденциями построения ими афоризмов: интерпретаторы – способные обобщать накопленные теоретические послышки и делать их доступными широкому читателю; эмпирики – собиратели фактов, обладающие слабой способностью к их обобщению, креаторы (порождающие), ориентированные на создание новых идей. Помимо этого, авторов афоризмов можно разделить на тех, кто создает отдельные афоризмы сознательно, и на тех, кто, обладая афористическим мышлением, создает такие произведения» [3, 16].

В качестве жанровых подвидов афоризмов различают *сентенции* (выводы), *максимы* (предписания), *гномы* (поучения), *хрии* (изречения мудреца в контексте биографического повествования о нем). В стилистическом оформлении афоризмы чаще всего выступают в качестве *определений*, ритмически или синтаксически упорядоченных речевых конструкций – *параллелизмов, инверсий, антитез, парадоксов* и т.п.

Заключение

В творчестве К. Нурмаханова немало и емких, точных, острых афоризмов, восходящих к казахским народным пословицам и поговоркам. Они как бы срастаются с художественными образами и рожают яркие, запоминающиеся ассоциации. Известно, что афоризмы заключают в себе сплав жизненного опыта и многолетних раздумий.

Афористика – одно из средств образно-речевого выражения мудрости, совокупность интеллектуальных изречений, воплощенных в лаконичную и совершенную форму. Согласно определению литературоведческой энциклопедии, афоризм (в переводе с греческого означает – «отграничивать», «отрывать», «определять») есть мысль, выраженная в канонической, отточенной, законченной образной форме и получившая характер самостоятельно существующего изречения. Словом, это правило или замечание, основанное на жизненном опыте, которое выражается в краткой и поучительной форме. В афоризмах К. Нурмаханова заключено все, чем насыщена наша жизнь с её тревогами и радостями, общественными и личными интересами, любовью и гневом, правдой и обманом, мечтами несбыточными и мечтами реальными. У афоризма большое преимущество перед романом: его всегда дочитывают до конца.

Тематика афористического творчества К. Нурмаханова чрезвычайно широка и многообразна. Едва ли существует практически какая-либо сфера человеческой деятельности, которая оказалась бы вне предела досягаемости для его афоризмов. Афоризмы критика способны извлечь обман и ложь, лицемерие и зависть из темных лабиринтов человеческого сознания и показать их дневному свету. Афоризмы и изречения К. Нурмаханова делают речь емкой и содержательной. В них часто раскрывается смысл поступков Калжана Нурмаханова. Особенная ценность его афоризмов состоит в том, что он в своих изречениях излагал собственные эстетические взгляды, выработанные личным творческим опытом.

Чем талантливее художник слова, тем глубже он распаивает поле для размышлений об острых социальных и индивидуальных проблемах своего времени. Надо полагать, что доминантой афористического творчества является его индивидуальность как автора, его мироощущение, стилевая манера письма с её многослойностью и контрастностью.

Афоризмы К. Нурмаханова можно классифицировать по двум большим группам:

Первая – назидательные афоризмы: жазушы болсаң өзінді өзін ұрлама; ел тілегін екі етпе; әдебиетші болсаң әдепті бол; табиғаттан

пенденің алған ең үлкен сыйы өмір; шыншыл болсаң сыршыл боласың.

Вторую группу составляют философские афоризмы: жауыңмен сауыңда айқасқан қандай жақсы; талапты тәрбиелемеген тозар; тарих та тағылым; бауыр бауыр емес пікірлес бауыр; тыңшы мемлекет тынысы; аспан асты кең деп басыңды көтере берме; аспанға қарағанда тек жұлдыз көрсең жазушы емессің [4].

Совершенно очевидно, что афоризмы К. Нурмаханова – это крылатые слова, художественно совершенные формулы, вобравшие в себя глубокие философские размышления автора. Если использовать их в статьях, публицистических произведениях, публичных лекциях, иллюстрировать ими бытовую речь, то они могут, что называется, «пойти в народ», занять в народном сознании место, аналогичное пословицам и поговоркам. Авторские афоризмы К. Нурмаханова, принявшие форму и функции фольклорной народной мудрости, выработанной веками могут существенно скорректировать и современную национальную ментальность, на бессознательном уровне мощно и позитивно повлиять на развитие современной молодежи. Именно такое значение имели в свое время художественно совершенные, ориентирующие на казахское устное народное творчество афоризмы К. Нурмаханова.

Литература

- 1 Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – С. 27-28.
- 2 Жаксылыков А. Образы, мотивы и идеи с религиозной содержательностью в произведениях казахской литературы. Типология, эстетика, генезис: Монография. – Алматы: Қазақ университеті, 1999. – С. 44.
- 3 Тенгир К.М. Русские антиномичные афоризмы: автореферат канд. фил. наук. – Казань: 1999. – 24 с.
- 4 Дневник К. Нурмаханова (Из неопубликованного).

References

- 1 Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke. [The role of the human factor in the language.] Yazyk i kartina mira. M.: Nauka, 1988. S. 27-28.
- 2 Zhaksylykov A. Obrazy, motivy i idei s religioznoj sodержatel'nost'yu v proizvedeniyah kazahskoj literatury. [Images, motifs and ideas with religious content in the works of Kazakh literature.] Tipologiya, ehstetika, genezis: Monografiya. Almaty: Kazakh universiteti, 1999. S. 44.
- 3 Tengir K.M. Russkie antinomicnye aforizmy [Russian antinomic aphorisms]: avtoreferat kand. fil. nauk. Kazan': 1999. 24 s.
- 4 Dnevnik K. Nurmahanova [A diary] (Iz neopublikovannogo).

Сафронова Л.В.¹, Жанысбекова Э.Т.²,

¹д. ф. н. профессор, ²PhD докторант

Казахского национального педагогического университета им. Абая,
г. Алматы, Казахстан, e-mail: dinass2002@mail.ru, ezhanysbekova010@gmail.com

МИФОЛОГЕМА НАРЦИССА И МОТИВ ПЕРВОТВОРЕНИЯ В РАССКАЗЕ И. ОДЕГОВА «ПУРУША»

В аспекте психоаналитического литературоведения в статье анализируется образ главного героя рассказа И. Одегова «Пурюша» как воплощение нарциссической акцентуации (восьмилетний мальчик, находящийся на стадии инициации, воображает себя индуистским божественным духом, существом, из частей тела которого сотворен мир). Подобные параллели с Богом, чаще всего с Христом (= мегаломания), особенно типичны для Нарциссов: нарциссически гротескное сосредоточение на своем теле и неудовлетворенность недостаточной любовью к себе оборачивается иллюзией вселения в тело человека-нарцисса великих людей и богов, поэтому следующей стадией нарциссизма становится мегаломания (мания величия). Мегаломанический сюжет у И. Одегова, связанный с гротескным телом, отождествляемым с вселенной или великими личностями, становится проекцией сюжета первотворения, а грандиозное тело мегаломана, в котором сосредоточена вся вселенная, есть тело первочеловека, из которого и творится макросом.

Ключевые слова: мифологема, персонаж-нарцисс, бред величия (мегаломания), мотив первотворения.

Safronova L.V.¹, Zhanysbekova E.T.²,

¹DSc, Professor, ²PhD student of Abai Kazakh National Pedagogical University,
Almaty, Kazakhstan, e-mail: dinass2002@mail.ru, ezhanysbekova010@gmail.com

Complex of Narcissus in I. Odegov's story "Purusha"

In the article the image of the main character of I. Odegov's story "Purusha" as the embodiment of a narcissistic accentuation (an eight year old boy who is at the initiation stage imagines himself a Hindu divine spirit, a creature from whose body was created the world) in the aspect of psychoanalytical literary criticism is analyzed. Similar parallels with God, most often with Christ (= megalomania), are especially typical of the Narcissus: the narcissistically grotesque concentration on one's body and the dissatisfaction with insufficient love for oneself turns into the illusion of infusing into the body of a narcissist-man of great people and gods. And therefore the next stage of narcissism becomes megalomania (delusion of grandeur). The megalomaniacal plot associated with the grotesque body, identified with the universe or great personalities is the projection of the plot of the first creation, and the grandiose body of the megalomaniac, in which the whole universe is concentrated, is the body of the first human, from which the macros are created.

Key words: mythologeme, character-narcissus, delirium of grandeur (megalomania), motive of the first creation.

Сафронова А.В.¹, Жанысбекова Э.Т.²

Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университетінің

¹профессоры, ф. ғ. д., ²PhD докторанты,

Алматы қ., Қазақстан, e-mail: dinass2002@mail.ru, ezhanysbekova010@gmail.com

И. Одеговтің «Пуруша» атты әңгімесіндегі Нарцисс мифологемасы және жаратылыс бастауларының сарыны

Мақалада И. Одеговтың «Пуруша» атты әңгімесіндегі басты кейіпкердің образы – нарцисстік акцентуацияның айқын көрінісі – мінез-құлық ауытқушылығы (сегіз жасар бала өзін дүниенің бір бөлігі, яғни, индуистік құдайдың рухы деп сезінеді) әдебиеттану саласындағы психоаналитикалық ұстаным тұрғысында талданған. Кейіпкердің өзін құдайға, көбінесе, Христосқа (=мегаломания) теңдестіруі, әсіресе өз тұлға-кейпіне, өзіне көңілі толмаушылық тән болса, бұның өзі ақырында оның – бүкіл бітіміме, өн бойыма ұлы тұлғалар, құдайлардың кейпі, қасиеті қонды деген сезім-елес сандырақпен өмір кешуіне әкеледі, нарциссизмнің бұдан кейінгі сатысы мегаломания (өзін ұлық сезіну). Тұлғаның өзін ұлық сезінуі сынды сюжет И.Одеговтың мегаломаниялық сарында жазылған шығармасының желісі жаратылыспен немесе ұлы тұлғалармен теңдестірген тосын бітімі жаратылыстың пайда болуының көрінісі, ал ұлықтың алып денесі – бүкіл әлем, яғни жаратылыстың түп-тамыры Ұлықтың құдіреті дегенге саяды.

Түйін сөздер: мифологема, нарцисс-кейіпкер, өзін ұлық сезіну, сандырақ, жаратылыстың пайда болуы жайлы сарын.

Введение

Творчество Ильи Одегова, известного казахстанского прозаика, лауреата литературных премий «Современный казахстанский роман» (Алматы, 2003) и «Русская премия» (Москва, 2013), автора и ведущего телепередачи «Литературный клуб» на казахстанском канале «Білім және Мәдениет», автора нескольких романов и повестей, еще мало изучено, однако большинство из исследователей акцентируют именно неомифологический ракурс в его анализе [1, 2].

В статье «Первый художественный текст как «нарциссистическое преобразование» автора-творца», например, роман И. Одегова «Звук, с которым встает солнце» интерпретируется как стереотипное преодоление солипсизма в дебютном художественном произведении, а главный герой предстает в качестве расстающегося с подростковым нарциссизмом прообраза самого автора с ярко выраженной инфантильной, депрессивной фиксацией, свойственной многим поэтам, воспроизводящего собственную биографию возмужания и творческого становления [1]. Не случайно самые известные Нарциссы в истории искусства – Оскар Уайльд, Сальвадор Дали, Артур Шопенгауэр, Фридрих Ницше, Людвиг Витгенштейн, Мартин Хайдеггер, Фриц Перлз, Карл Густав Юнг, Эдуард Лимонов, Виктор Ерофеев, Владимир Сорокин, Дмитрий Пригов, Дюсенбек Накипов – аналогично превратили собственную жизнь в предмет описания или изучения.

Эксперимент

В рассказе И. Одегова «Пуруша» варьируется аналогичная нарциссистическая акцентуация – восьмилетний мальчик, находящийся на стадии инициации, воображает себя индуистским божественным духом, существом, из частей тела которого сотворен мир. Подобные параллели с Богом, чаще всего с Христом (=мегаломания), особенно типичны для Нарциссов. Как пишет А.К. Якимович о Сальвадоре Дали, «В своем «дневнике одного гения» «с каким-то восторженным бесстыдством автор уподобляет свою собственную семью не более и не менее, как Святому семейству. Его обожаемая супруга <...> играет роль Богоматери, а сам художник – роль Христа Спасителя. Имя «Сальвадор», то есть «Спаситель», приходится как нельзя более кстати в этой кошунственной мистерии» [3, 7].

Завершающей стадией нарциссизма, как указывает В. Руднев [4], становится мегаломания (мания¹ величия), во многом соотносящаяся с

¹ «При мании наблюдается <...> следующая картина: путем *вытеснения в бессознательное* всего того, что может вызвать тревогу и беспокойство, Я как бы отгораживается от критического осуждения со стороны Сверх-Я и становится нечувствительным к укорам совести, в результате чего человек приобретает ощущение победы над сверх-Я и направляет накопившуюся в нем энергию на реализацию тех или иных задач. Ощущение победы и триумфа над Сверх-Я делает человека настолько некритичным по отношению к самому себе, что он теряет чувство меры, не осознает реальности происходящего, пребывает в эйфории относительно неисчерпаемости своих сил и возможностей реализации своих планов. Охваченный возбуждением и всевозможными идеями, он развивает такую деятельность,

гипоманий² (возбужденным, гипоманиакальным состоянием) и ее неперенной обратной стороной – депрессией. «При гипомании симультанность преобладает, сознание гипертимного человека ориентировано на вещи, а не события, хотя их происходит в избытке, но они иллюзорны» [6, 120].

По концепции психоанализа, в основе бреда величия заложено базовое универсальное отождествление – Я=Х (Христос), то есть экстрактивная идентификация («психотический механизм защиты, суть которого состоит в том, что внутренние психологические содержания переживаются субъектом как внешние физические явления, якобы воспринимающиеся одним или сразу несколькими органами чувств – экстенционально это совпадает с иллюзиями или галлюцинациями разной природы» [6, 121]). Это «... такое состояние, когда субъект субъективно, в бредовом смысле «превращается в другого человека», несопоставимо более высокого по социальному рангу, и пытается вести себя так, как если бы он был этим человеком» [6, 121].

Такое состояние одинаково характерно для гипомании (бреда величия), когда происходят искажения в самоидентичности человека, и для художественных построений, базирующихся на мифологическом дискурсе и семантике возможных миров в целом, так как в «гипоманиакальном дискурсе нельзя отделить действительный мир от воображаемого» [6, 122].

Практически такую же проективную идентификацию можно наблюдать и в рассказе И. Одегова «Пуруша»:

«– Так вот, понял тут Пуруша, что один он на свете. И раз вокруг нет вообще ничего, то значит все-все – весь мир – находится внутри него. Лег он на спину, вот как ты сейчас, закрыл глаза...

– Я тоже закрыл, – сообщил Камал.

–...и начал представлять себе мир. Сначала Пуруша вообразил землю, широкую-широкую, потом покрыл ее горами, протянул реки, налил в ямы озера, и все места, где земли не хватило, залил водой. Потом он представил себе могучие

деревья и нежные цветы, выпустил на волю тигров, слонов, носорогов, косуль... <...>

Вороны стали жить на камнях, а голуби вить гнезда на ветках. У корней деревьев лисы вырыли норы, а в озерах друг за другом поплыли рыбы. Оглядел мир Пуруша и остался доволен. Не хватало только человека. Тогда Пуруша представил себе таких же, как он, – и в мире появились люди: мужчины и женщины. Стали они строить дома, охотиться и готовить еду на огне. Оглядел все это Пуруша еще раз и вдруг понял, что если он теперь откроет глаза, если хотя бы на миг придет в себя – то мир исчезнет, забудется, как сон. Испугался Пуруша и очень огорчился, а почуяв его сомнения, люди, звери и птицы выбрались из своих жилищ и стали Пурушу умолять сохранить им жизнь. И он, вздохнув, смирился и стал все глубже погружаться в забвение. Вот с тех пор Пуруша и спит. Иногда он вспоминает, что сам себя обрек на вечный сон, и злится на наш мир – и тогда на земле происходят несчастья. Но чаще Пуруша спит спокойно и улыбается во сне... как мой маленький Камал» [7, 225].

Если для депрессивного дискурса характерна обращенность к теме смерти («депрессия – бегство в болезнь»), то «гипомания – это бегство в здоровье» [6, 126]. В этом и кроется психотерапевтическая функциональность одеговской мифологической наррации. Нарциссистически гротескное сосредоточение на своем теле и неудовлетворенность недостаточной любовью к себе оборачивается иллюзией вселения в тело человека-нарцисса великих людей и богов: «Больной отождествляет свое тело и сверх Я с телами и Я всех переселившихся в него людей и всей вселенной» [6, 133]. Как отмечает К. Ясперс, описывая аналогичный случай в мифологии, «При всех этих процессах его «Я» больше не было личным «Я», но «Я» было наполнено вселенной. <...> Его «Я» было здесь, как прежде, не индивидуальным «Я», но «Я» = все, что во мне, весь мир» [8, 202].

Именно таков и механизм образования «мирового тела мегаломана» в описании клинического «случая Шребера» [9, 465]: это «характерное для рассмотренных случаев представление о теле мегаломана как о мировом теле, то есть репродукции мифологической идеи тождества микрокосма и макрокосма» [6, 135].

Результаты и обсуждение

Отсюда понятным становится соотнесенность мифологических первосюжетов с сюжетами мегаломаническими, что обнаружил еще

которая не дает ему покоя ни днем, ни ночью. Постоянно пребывая в возбужденном состоянии, человек строит грандиозные планы, проявляет чрезмерную активность в их реализации и, не сдерживаемый внутренней самокритикой и самооценкой, становится одержимым манией величия, всеислия, вседозволенности» [5, 415-416].

² «Гипомания – обратная сторона депрессии (травмы рождения и потери любимого объекта). Механизм защиты при депрессии – интроекция, при гипомании – проекция. Депрессия и гипомания имеют родственную черту – оральность» [6, 117].

О. Ранк, соотнеся сюжеты о знатном происхождении с мифом о чудесном рождении героя [10, 202-203].

Эту же гипотезу подтверждает и В.Н. Топоров: «Первочеловек – космическое тело, в мифопоэтических и религиозных традициях – антропоморфизированная модель мира. В основе этого образа лежит представление о происхождении вселенной из тела первочеловека, объясняющее характерный для мифопоэтической картины мироздания параллелизм между микрокосмом и макрокосмом, их изоморфизм, однородность. Иногда в космологических текстах говорится о том, что члены тела первочеловека создаются из соответствующих частей вселенной, но чаще человеческое тело выступает как первичное и исходное, а космическое устройство как вторичное и производное» [11, 300].

Космогоничность приведенных примеров дает возможность В. Рудневу, опираясь в том числе на высказывания Э. Джонса о «комплексе Бога» [12], обосновать концепцию о том, что мегаломанический сюжет с гротескным телом, отождествляемым с вселенной или великими личностями, есть проекция сюжета первотворения, а грандиозное тело мегаломана, в котором сосредоточена вся вселенная, есть тело первочеловека, «из которого творится макросом, тело, которое отдается в жертву сотворяемому миру и из которого этот мир творится» [6, 135].

По В. Рудневу, психологическая логика данной экстраективной (внешней) идентификации нарцисса/мегаломана соотносится с эдипальной символикой: мегаломан это Бог, но не Верховный Бог, а скорее младший Бог, Бог-сын. «И в этом смысле его задача либо просто осуществить волю Верховного Бога <...>, либо исправить его ошибки... Эта задача сводится, в сущности, к тому, чтобы создать некий новый мир, новую вселенную, потому что мегаломан и в бредовом, и в объективном смысле остается совершенно один. В бредовом смысле все человечество погибло, в объективном смысле он коммуникативно отрезан от реальных объектных отношений. Кроме него в мире никого нет <...> Есть только Старый Бог, который уже плохо соотносится или даже вообще уже умер <...> Поэтому единственное спасение – и у мегаломана есть для этого все ресурсы: ресурсы его бредового величия и всемогущества – это создать мир заново, пожертвовать себя миру, как и должен поступить младший Бог, Бог-сын христианской традиции, умирающий и воскресающий бог архаического мифа. И мегаломан создает бредовую новую

вселенную практически и в прямом смысле «из себя», из своего экстраективно-бредового тела, уподобляясь в этом первочеловеку <...>» [6, 135-136]. Не случайно белый человек, которого Камал находит в бессознательном состоянии, и принимаемся мальчиком за умершего Пурушу.

Как пишет Ю.М. Лотман, «Мифологическое описание принципиально монолингвистично – предметы этого мира описываются через такой же мир, построенный таким же образом. Между тем неомифологическое описание определено полилингвистично – ссылка на метаязык важна именно как ссылка на иной язык. <...> Соответствие и понимание в оном случае (неомифологическом) так или иначе связано с переводом (в широком смысле этого слова), а в другом же (мифологическом) – с узнаванием, отождествлением» [13, 58]. Если древнее мифологическое сознание приравнивается психоаналитиками к параноидно-шизофренической стадии развития, то неомифологическое – это всего лишь интертекстуальная отсылка к мифу с целью отреагировать свои психологические комплексы и проблемы.

Психотическое Я мегаломана узурпирует весь мир подобно мифологическому повествованию [14, 313; 15]. Не случайно в качестве примеров мегаломании В. Руднев приводит представления древних о мифологических перволюдях, Пань-Гу и Пуруше, макрокосмические тела которых диссоциировались (расчленились), «приносясь таким образом в жертву миру, в основу его творения» [6, 136].

Так как мегаломания воспринимается человеком как некое «инициальное освобождение, высвобождение творческой энергии» [16, 127], то рассказывание историй о богах и героях, их эмоциональный выплеск и одновременно событийное упорядочивание и стратегическое видение/объяснение всегда имеет ярко выраженный психотерапевтический эффект. Гипоманикальные и нарциссистические установки приравнены у В. Руднева к представлениям о сверхзначимости Нарцисса, решающего так свои проблемы недооцененности в социуме.

В анамнезе нарциссизма, переходящего в мегаломанию, депрессия переходит в гипоманию, и картина мира человека становится гротескно-заостренной, то есть как бы проясненной для самого творца [17, 139]. В этом и состоит жизненный проект мегаломана, стремящегося компенсировать свои нарциссистические раны (как правило, недолюбленность родителем=Верховным Богом) переходом из депрессии в гипоманию, ле-

чебно-компенсаторно раздувая свою личность/ телесность до вселенских масштабов.

Как правило, депрессивная картина мира, по версии И.П. Смирнова [18] и В.П. Руднева [19], соотносится с реализмом, придает событиям статус объективности и достоверности, что и требуется для традиционной организации художественного повествования. В рассказе И. Одегова это реалистические картины природы с показательно депрессивной эмоциональной окраской, данные, что показательно, по большей части с мегаломанического ракурса – с высоты птичьего полета: «Над Татопани, маленькой, затерянной среди высоких суровых Гималаев деревушкой, зажглись холодные острые звезды, и снега на вершине рыбьего хвоста Мачапучры засияли странным молочным светом от зарева восходящей Луны. Домики деревушки были раскиданы по склонам одной длинной извилистой и запутанной линией, а в самом крайнем как раз сейчас укладывали спасть Камала» [7, 224].

«В горах рассвет поздний. Пока солнце выберется из-за гребня Аннапурны, пока раскинет свои лучи по всем склонам, пока каждый дом найдет да в окна заглянет. <...> Облака висят над самой травой, а если с горы смотреть, то из облаков только верхушки деревьев и торчат. Но приходит солнце – и глядишь, тумана как не бывало, только кое-где из укромного уголка выскользнет облачко да тут же и растает» [7, 225]. «Наконец, они поднялись на холм, откуда стали видны крыши домов Татопани» [7, 229].

В психоанализе укоренилось мнение, что всякая психическая акцентуация – «родом из детства»: «Ему на днях только исполнилось восемь лет, и мир все еще вертелся вокруг него» [7, 224]. В частности, нарциссизм (как и любой психоз/невроз) это регрессия в архаическое, то есть инфантильное сознание [20, 129]. Отсюда и оральная фиксация в рассказе Одегова («широко-широко зевает Камал» [7, 224]), сосредоточение на «продуктовых» метафорах («молочный свет луны», «рыбий хвост горы»), вкусовых ощущениях от процесса вербализации («Пу... руша, повторил он задумчиво, словно пробуя слово на вкус [7, 228]) и материнских образах в целом («Так с утра еще и туманец – земля за ночь влагой напиталась, в себя втянула, заготовила – солнцу на прикорм – а теперь отдает» [7, 225]). Оральность и депрессивность, как правило, пакетные состояния, обусловленные нехваткой материнской любви и защиты.

Как уже отмечалось, любая психическая акцентуация – это инволюция, как бы повторное

«погружение в детство»: «если психотик движется в своем развитии в обратную сторону, то аналог величия должен отыскиваться в каких-то феноменах раннего детства». А именно это аналог «всемогущества младенца» (Ференци), возможного только в утробе матери [14, 333]: «детская иллюзия величия» насчет собственного всемогущества по меньшей мере не пустая иллюзия; ни ребенок, ни невротик с навязчивыми состояниями не требует от действительности ничего невозможного, когда не могут отказаться от мысли, что их желания должны исполняться; они требуют лишь возвращения того состояния, которое уже было когда-то, того доброго старого времени, когда они были всеильны» [20, 51].

Подобный мотив второго рождения героя (и сопутствующей ему травмы) в рассказе И. Одегова разворачивается последовательно во всех своих стандартных процедурных элементах: несетя каменный поток, теряется точка опоры, камень попадает Камалу в затылок, он теряет сознание и его сносит вниз по склону. «Ничего не было, а он появился, – спокойно ответил Асмет, вот как ты, например» [7, 224]. «Асмет вначале улыбался, кивал и поддакивал; потом просто улыбался, а когда Камал довел свой рассказ до оползня в горах и пробуждения Пуруши, совсем затих» [7, 231]. Именно оползень в горах, потеря сознания (символическая смерть при инициации) и пробуждение Камала уже в образе Пуруши и эксплицирует в рассказе Одегова символическую травму его второго рождения.

Так как телесный аспект идентификации очень важен для мегаломана [4, 315], процесс и травма рождения представлены в рассказе в типичной для бессознательного человека соматизации: с поэтапным процессом рождения младенца и околоплодными водами («они пошли вниз, к реке», «Камал двигался зигзагами, следуя изменчивой поверхности скалы. Такой путь был дольше, но безопаснее». «Камни эти казались волной, что попыталась проглотить гигантский валун, но не сумела, да так и застыли» [7, 227]); символическим материнским молоком отсутствующей, холодной матери Нарцисса («прихватив горсть кубиков сухого ячьего сыра – жесткого, как камень»), тюком шерсти, привязанным к лошадке Гите, символизирующим ее беременность и разрешение от бремени, когда этот тюк отвалился, а также судорожными попытками выбраться из горной расщелины, фольклорного образа материнской утробы («дорога из ущелья пошла под уклон», как бы указывая на выход из инициационного пространства).

Как пишет Г. Гроф, например, фобия улиц и открытых пространств (агорафобия) имеет связь с биологическим рождением и проистекает из контраста между субъективным ощущением замкнутости, зажатости и последующим огромным расширением пространства. Агорафобия относится к самому концу процесса рождения, к моменту появления на свет [21, 21].

Согласно О. Ранку, любая форма религии (в том числе мегаломаническое отождествление с Богом) в конечном счете стремится к воссозданию исходной, поддерживающей и защищающей ситуации симбиотического союза с матерью [22, 4]. И такой материнский персонаж действительно присутствует при травме рождения Камала. Как пишет А.А. Джундубаева, «Наполнен символикой и образ лошади Гиты. Во-первых, лошадь является архетипическим образом друга в литературе, во-вторых, это именно лошадь, а не конь, т.е. она является еще и анималистическим образом женщины, тем самым автор создает гармоничную пару двух существ, сочетающих мужское и женское начала, – а это необходимое условие гармонии в природе.

Значимо здесь и имя лошади – Гита, что с древнеиндийского языка переводится как «песня», а на языке идиш означает «хорошая». Отсюда, учитывая значение обоих имен, пару Камал-Гита, можно раскодировать как «совершенная, хорошая песня», а, иными словами, – «гармония» [2, 113].

Образ лошади Гиты, чью добрую морду Камал видит первой после камнепада и обморока в горах, символизирующих травму его рождения, как раз и представляет в рассказе недостающий, «утраченный» материнский образ. «Он лежал на животе, лицом в пыли. Ужасно болела голова и грудь. Камал попытался вдохнуть, закашлялся, выплевывая набившуюся в рот пыль (земля=смерть), перевернулся на спину и увидел, как прямо ему в лицо дышит, жуя губами, белесая лошадиная морда с грустными глазами» [7, 227].

По модели волшебной сказки, выкристаллизовавшейся из мифа, в образах животных-помощников главного героя осколочно выражены именно материнско-отцовские образы и функции. Согласно Г. Грофу, «перинатальное развертывание часто ассоциируется и с разнообразными трансперсональными элементами – такими, как архетипические видения Великой Матери или Ужасной богини – матери, Ада, чистилища, рая или царства небесного» [22, 3]. Мать Камала – фаллическая женщина, она одновременно и

мать, и отец (в ущерб своему природному материнскому началу): отец, а не мама, рассказывает ему сказки на ночь и берет на себя во многом материнские функции: «Папа шумно поливал себя водой и фыркал, как Гита» [7, 231]. В результате у героя двойственное, в том числе и эдипальное отношение к матери: Камал чуть не «столкнулся с матерью», «хмуро пошел в стойло, начал седлать Гиту, но вдруг разозлился и оттолкнул лошадь. <...>

– Никуда мы не пойдем, ясно! – закричал он, обращаясь то ли к маме, то ли к Гите – закричал и выбежал прочь, за ограду, чтобы больше не попадаться маме на глаза» [7, 231].

В основе процесса образования нарциссизма – неполный комплект объектов для психологического переноса, по сути, только мама при отсутствующем/слабом отце [4, 168]: отец Камала находится часто вне дома – «рисовые поля, каскадами раскиданными по склонам, где-то там сейчас и папа» [7, 226].

Как пишет А.А. Джундубаева, не случайно нарратором мифа о рождении героя становится Асмет, отец Камала, и рассказывает он ему эту историю перед сном (аналогом смерти в бессознательном): «<...> давным-давно, так давно, что даже во сне не увидишь, когда не было ни гор, ни реки, ни солнца на небе, появился человек по имени Пуруша» [7, 224].

С самого начала автором неомифологического повествования намечается некий развернутый эдипальный мотив, так как в развязке рассказа отец и сын меняются местами: теперь уже Камал, прошедший инициацию и отождествившийся с Богом, рассказывает своему отцу, засыпающему (= «умирающему», побежденному) свою историю.

«После ужина Асмет пошел спать, а Камал увязался за ним. Он дождался, пока папа разделется, заберется в кровать, и только после этого сел рядом.

– Лег? Ну, теперь ты слушай, а я буду тебе рассказывать, – сказал Камал. – Так вот, жил-был Пуруша...» [7, 231].

«– Пап, ну не спи! – возмутился Камал. – Сейчас же самое интересное! Но Асмет уже спал. Тогда и Камал, вздохнув, залез к нему под одеяло. Он закрыл глаза и начал представлять себе тяжелые, неподвижные горы и торопливые, спешащие куда-то реки; старые мохнатые ели на склонах и молодые гибкие ивы на берегах» [7, 231].

Мотив смены поколений (эдипово замещение) в этих антитезах особенно явен.

Однако Нарцисс не изживает эдипов комплекс полностью, так как отец для него ничего не значит, а мать является всего лишь отражением его самого [4, 171], когда вследствие недостаточной внимательности к ребенку с ее стороны у него включается механизм интроективной идентификации, такое состояние сознания, при котором «субъект уподобляет себя знакомому объекту, однако сохраняя при этом понимание отделённости своего собственного Я: «Я хочу быть похожей на мать»» [4, 122].

Мать Камала, фаллическая женщина, по сути, становится аналогом отца/Бога-отца/Пуруши, рождающего мир из своего тела, недодающая сыну любви, холодная, строгая, требовательная, отправляющая его в горы для инициационных испытаний, в символическую смерть (сон, туман, тишина – лейтмотивные образы смерти в рассказе: «ни звуков, ни запахов, не с кем воевать и охотиться»³; и «в этой внезапной тишине становятся слышны какие-то неземные, нечеловеческие секунды») [7, 227]. Как пишет В. Руднев, «патологический страх смерти (танатофобия) имеет корни в тревоге за жизнь и ощущении неминуемой биологической катастрофы, сопутствующих рождению» [4, 322].

Фаллическая мать как бы отталкивает от себя Камала, и этот инициационный очень болезненный процесс депривации (отделения от матери) – самый главный подспудный сюжет одеговского рассказа, аналогичный мифологическому сюжету чудесного рождения героя после символической инициационной смерти.

Нарцисс – «одиноким коршун» [7, 231], травмированный недолюбленностью матери, создающий мир в себе по модели идентификации с Богом. «- Так вот, понял тут Пуруша, что он один на свете. И раз вокруг него нет вообще ничего, то значит все-все – весь мир – находится внутри него. Лег он на спину, вот, как ты сейчас, и закрыл глаза» (=умер) [7, 225]. Мир Нарцисса функционально пуст – вот почему ощущение пустоты и опустошенности это его базовое ощущение [4, 171-172]. «Он изображал изумление и разочарование Пуруши, когда тот обнаружил, что вокруг ничего нет – вертел головой в разные стороны, закрывал глаза и тянул руки, словно в надежде нащупать что-то» [7, 231]. И это что-то – отсутствующая материнская любовь.

Камал, как и его фаллическая мать, холоден и мрачен, на отсутствие внимания он реагирует гне-

вом и жестокостью: «достал из кармана ножичек и кончиком осторожно надавил на щеку спящего. Реакции не последовало, и тогда Камал надавил сильнее, а потом легко чиркнул острием по коже. На щеке выступила кровь...» [7, 228]. В авторской одеговской «легенде» (по классификации В. Руднева – истерическом жанре) много колючего и острого, как сама психика Нарцисса («лопоухие ежи», «острый двойной пик Мачапучры», «длинный острый нож кукури, чтобы сражаться с врагами»), садистического и некрофильского: Камал конфликтует с матерью, толкает лошадку и пинает пса, кидается камнями в ворону и в незнакомца («выбрал камень покрупнее, прицелился, кинул и попал человеку прямо в лоб») [7, 228].

Заключение

Базовыми компонентами психики Нарцисса являются не только чувство собственной грандиозности, но и «гиперсензитивность к оценке и недостаток эмпатии, демонстративность и ментальная истерия» [22, 173], стремление ко всяческого рода деструкции (см.: концепцию некрофильского характера [25]), т.е. так называемый «злокачественный нарциссизм».

«На нарциссистической стадии развития Я ребенка становится грандиозным (мегаломаническим) благодаря архаическому отождествлению с фигурой всемогущего я-объекта. При нарциссической патологии или акцентуации, вторичном нарциссизме, который может перерождаться в «злокачественный нарциссизм» (термин О. Кернберга) пограничного или психотического уровня, это грандиозное Я, подпитанное идентификацией с всемогущим я-объектом, реактивируется и в нашем случае (в случае бреда величия) проявляется в виде экстраективной идентификации, которая, похоже, является ни чем иным, как репродукцией этого самого первичного отождествления с всемогущим я-объектом» <...> [14, 325].

О. Ранк в своей работе «Травма рождения и ее значение для психоанализа» пишет, что «в ряде успешно доведенных до конца случаев психоанализа, в конечной фазе процесс излечения бессознательного совершенно закономерно воплощается в типичной символике рождения». Он также отмечает, что «речь идет об известной фантазии повторного рождения, в которой воля пациента к выздоровлению облакает его излечение» [23, 3].

«История человеческих жилищ, начиная от поисков примитивного крова и кончая архитек-

³ «<...>сознание психотика <...> – умершее или умирающее в психическом смысле (сон)» [16, 120].

турными сооружениями, отражает инстинктивное воспоминание о матке – тепле, защищающем от опасности» [23, 3]. У Камала, успешно прошедшего инициацию, больше как бы нет потребности в отчем доме, и он готов к новому статусному рывку. Камал переживает отделение от матери и преодолевает депрессию, с ним связанную, находя выход своему злокачественному нарциссизму в мегаломании по универсальному мифологическому образцу, так как миф и «гипомания – это бегство в здоровье» [6, 126].

« – Так вот, Пуруша вырос и стал настоящим мужчиной – сильным, красивым, смелым воином...

– А борода у него была? – спросил Камал.

– Конечно, – кивнул Асмет, – и борода, и

усы. А еще у него был длинный острый нож кукури, чтобы сражаться с врагами, а на голове шлем» [7, 223]. Как известно, нож – фаллический символ.

«Да, если бы Камал придумывал эту легенду, он бы таким и сделал конец! Он бы придумал, что в какой-то предсказанный день мир, наконец, станет существовать сам по себе, и тогда Пуруша сможет проснуться. Наверняка!», – пишет автор, задавая герою траекторию мотива отказа от патологического нарциссизма благодаря травме рождения Героя [7, 229]. И именно мифологема Нарцисса задает тексту данный мифологический мотивный ряд: инициация, второе рождение, первотворение мира из тела и ментального мира писателя-мегаломана.

Литература

- 1 Сафронова Л.В. Первый художественный текст как «нарциссистическое преобразование» автора-творца // Сборник материалов 2 Международной конференции «Русский язык и литература в международном образовательном пространстве: современное состояние и перспективы» к 55-летию преподавания русского языка в Испании. – Гранада, 2010. – С.1871-1876.
- 2 Джундубаева А.А. Поэтика и семантика неомифа в рассказе И. Одегова «Пуруша» // Қазақстанның ғылымы мен өмірі – Наука и жизнь Казахстана – Science and life of Kazakhstan, № 3 (30) – Астана, 2015. – С. 160-170.
- 3 Якимович А.К. Сюрреализм и Сальвадор Дали: Вступительная статья. Дневник одного гения. – М.: Искусство, 1991. – С.5-43.
- 4 Руднев В.П. Апология нарциссизма: исследование по психосемиотике. – М.: Аграф, 2007.
- 5 Психоанализ: новейшая энциклопедия / Сост. и общ. ред.: В.И. Овчаренко, А.А. Грицанов. – М.: Книжный Дом, 2010. – 1120 с.
- 6 Руднев В. Поэтика гипомании // Руднев В. П. Введение в реальность. – М.: Аграф, 2011. – 224 с. – С. 117-140.
- 7 Одегов И. Пуруша // Литературная Алма-Ата: ежегодный литературно-художественный журнал. – Алматы, 2016. – С. 224-233.
- 8 Ясперс К. Избранные труды по психопатологии. Т. 2. М., 1996.
- 9 Канетти Э. Масса и власть. – М., 1997.
- 10 Ранк О. Миф о рождении героя // Между Эдипом и Озирисом: Становление психоаналитической концепции мифа. – М., 1998.
- 11 Топоров ТВ. Н. Первочеловек. – В кн.: Мифы народов мира. Т. 2. – М., 2000.
- 12 Джонс Э. Комплекс Бога. – М., 1973.
- 13 Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Миф-имя-культура // Избранные статьи. В 3 т. Т.1. – Таллин, 1992.
- 14 Руднев В.П. Бред величия: Об экстрактивной идентификации // Руднев В.П. Философия языка и семиотика безумия: Избранные работы. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2007. – 528 с. – С. 307-340.
- 15 Руднев В.П. Подымите мне веки: органическая мегаломания // Руднев В.П. Новая модель шизофрении. – М.: Аграф, 2012. – 228 с.
- 16 Руднев В.П. Полифоническое тело. – М.: Гнозис, 2010. – 400 с.
- 17 Руднев В.П. Логика бреда. – М.: Когито-центр, 2015. – 176 с.
- 18 Смирнов В.П. Психодиахронология. Психоистория русской литературы от романтизма до наших дней. – М., 1995.
- 19 Руднев В.П. Реальность как ошибка. – М., 2011.
- 20 Ференци Ш. Теория и практика психоанализа. – М., 2000. – С. 51.
- 21 Гроф С. За пределами мозга: Рождение, смерть и трансценденция в психотерапии. – М., 1992.
- 22 Ранк О. Травма рождения // http://bookz.ru/authors/otto-rank/travma-r_282-travma-r_282.html
- 23 Бек А., Фриман А. Руководство по когнитивной психотерапии. – СПб., 2002.
- 24 Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. Пер. с нем. Э.М. Телятниковой. – М.: АСТ- ЛТД, 2014.

References

- 1 Safronova L.V. Pervyi khudozhestvennyi tekst kak «nartsissisticheskoe preobrazovanie» avtora-tvortsa. [The first artistic text as a «narcissistic transformation» of the author-creator]. Proc. 2nd Inter. Sci. Conf. «Russian Language and Literature in the

International Educational Space: Current State and Prospects» to the 55th anniversary of teaching of the Russian language in Spain. Granada. 2010. Pp. 1871-1876. (In Russian)

2 Dzhundubaeva A.A. Poetika i semantika neomifa v rasskaze I. Odegova «Purusha». [Poetics and semantics of the neo-myth in the story of I. Odegov «Purusha»]. Science and life of Kazakhstan. 2015. No. 3 (30). Astana. Pp. 160-170. (In Russian)

3 Yakimovich A.K. Siurrealizm i Sal'vador Dali: Vstupitel'naia stat'ia. Dnevnik odnogo geniia. [Surrealism and Salvador Dali: Introductory article. Diary of one genius]. M.: "Iskusstvo", 1991. (In Russian)

4 Rudnev V.P. Apologiya nartsissizma: issledovanie po psikhosemiotike. [Apology of narcissism: a study on psychosemiotics]. M.: Agraf, 2007. (In Russian)

5 Psikhoanaliz: noveishaia entsiklopediia. [Psychoanalysis: The Latest Encyclopedia]. Ed. by Ovcharenko V.I., Gritsanov A.A. M.: "Knizhnyi Dom", 2010. 1120 p. (In Russian)

6 Rudnev V.P. Poetika gipomanii. [Poetics of Hypomania]. Introduction to reality. M.: Agraf, 2011. (In Russian)

7 Odegov I. Purusha. Literary Alma-Ata: an annual literary and art journal. Almaty, 2016. Pp. 224-233. (In Russian)

8 Jaspers K. Izbrannye trudy po psikhopatologii. [Selected works on psychopathology]. Vol. 2. Moscow, 1996. (In Russian)

9 Kanetti E. Massa i vlast'. [Mass and power]. Moscow, 1997. (In Russian)

10 Rank O. Mif o rozhdenii geroia. [The myth of the birth of the hero]. Mezhdue Edipom i Ozirisom: Stanovlenie psikhoanaliticheskoi kontseptsii mifa. [Between Oedipus and Osiris: The formation of the psychoanalytic concept of the myth]. Moscow, 1998. (In Russian)

11 Toporov T.V. Pervochelovek. [First-Person]. In the book: Myths of the World. Vol.2. Moscow, 2000. (In Russian)

12 Johns E. Kompleks Boga. [God's complex]. Moscow, 1973. (In Russian)

13 Lotman Iu.M., Uspenskii B.A. Mif-imia-kul'tura. [Myth-name-culture]. Loman Iu.M. Selected articles. Iss.3 Vol.1. Tallin, 1992. P. 58. (In Russian)

14 Rudnev V.P. Bred velichii: Ob ekstraektivnoi identifikatsii. [Delirium of Greatness: On an Extractive Identity]. Philosophy of Language and Semiotics of Madness: Selected Works. Moscow, "Territory of the future", 2007. (In Russian)

15 Rudnev V.P. Podymite mne veky: organicheskaia megalomania. [Lift up my eyelids: organic megalomania]. Novaia model' shizofrenii. [New model of schizophrenia]. M.: Agraf, 2012. 228 p. (In Russian)

16 Rudnev V.P. Polifonicheskoe telo. [Polyphonic body]. M.: Gnozis, 2010. 400 p. (In Russian)

17 Rudnev V.P. Logika bredda. [The logic of delirium]. M.: Kogito-tsentr, 2015. 176 p. (In Russian)

18 Smirnov V.P. Psikhodiakhronologika. Psikhistoriia russkoi literatury ot romantizma do nashikh dnei. [Psychodiagnostics. Psychohistory of Russian Literature from Romanticism to Our Days]. Moscow, 1995. (In Russian)

19 Rudnev V.P. Real'nost' kak oshibka. [Reality as an error]. Moscow, 2011. (In Russian)

20 Ferentsi Sh. Teoriia i praktika psikhoanaliza. [Theory and practice of psychoanalysis]. Moscow, 2000. (In Russian)

21 Grof S. Za predelami mozga: Rozhdenie, smert' i transtsendentsiia v psikhoterapii. [Beyond the brain: Birth, death and transcendence in psychotherapy]. Moscow, 1992. (In Russian)

22 Rank O. Travma rozhdeniia. [Birth injury]. http://bookz.ru/authors/otto-rank/travma-r_282-travma-r_282.html

23 Beck A., Friman A. Rukovodstvo po kognitivnoi psikhoterapii. [A Guide to Cognitive Psychotherapy]. Saint Petersburg, 2002. (In Russian)

24 Fromm E. Anatomiiia chelovecheskoi destruktivnosti. [Anatomy of human destructiveness]. Trans. from German by Teliatnikova E.M. M.: AST- LTD, 2014. (In Russian)

Таттимбетова К.О.¹, Джолдасбекова Б.У.²,

¹ докторант PhD, ²д. ф. н. профессор
Казахского национального университета имени аль-Фараби,
г. Алматы, Казахстан, email: kuralay555@mail.ru; dzholdasbekova.baiyan@kaznu.kz

КАЗАХСКИЕ УСТНЫЕ ТЕКСТЫ КАК ОДИН ИЗ ИНТЕРТЕКСТОВ В РУССКОЙ ПРОЗЕ И.П. ЩЕГОЛИХИНА

В статье рассматривается проблема изучения художественного текста как феномена культуры. Автор уделяет особое внимание анализу современной языковой личности русскоязычного автора, родившегося и выросшего в Казахстане. В статье автор дает информацию об «интертексте», «интертекстуальности» и «диалогичности», получивших широкое распространение в современной литературе. Автор рассматривает функциональные компоненты, которые выступают на первый план для определения интертекстуальности в произведениях русского писателя Казахстана Ивана Щеголихина. По мнению автора, рассмотрение каждого функционального компонента является актуальным для понимания и интерпретации жанрово-стилевого своеобразия литературных текстов различных жанров. Рассматриваются различные жанры произведения автора, насыщенные философскими рассуждениями, психологическими исследованиями героев и персонажей, содержат немало включений из других текстов в виде прямых цитат или реминисценций. Автор анализирует произведения Ивана Щеголихина, которые включают вставки устных текстов казахских преданий и легенд.

Описанные в работе положения о присутствии включений в виде текстовой или языковой вставки на страницах прозы И.П. Щеголихина представляет авторскую стратегию, особенно в плане межкультурного общения. Также в статье содержится большое количество примеров и количественных данных, иллюстрирующих и подтверждающих основные положения статьи.

Ключевые слова: автор, роман, интертекст, компонент, теория, текст, жанр, стиль, диалогичность, феномен, категория.

Tattimbetova K.O.¹, Dzholdasbekova B.U.²,

¹Doctoral candidate of PhD DSc, ²Professor of Al-Farabi Kazakh National University,
Almaty, Kazakhstan, e-mail: kuralay555@mail.ru; baiyan_zh@mail.ru

The Kazakh oral texts as one of intertekst in the Russian to I.P. Shchegolikhin's prose

In article the problem studying of the art text as culture phenomenon is considered. The author pays special attention to the analysis of the modern language identity of the Russian-speaking author who was born and grown up in Kazakhstan. In article the author gives information on "interteksta", "intertekstualnost" and the "dialogicity" which were widely adopted in modern literature. The author considers functional components which act into the forefront for definition of an intertekstualnost in the proyzvedeniyakh of the Russian writer of Kazakhstan Ivan Shchegolikhin. According to the author consideration of each functional component is relevant for understanding and interpretation of a genre and style originality of literary texts of various genres. Various genres of the work of the author sated with philosophical reasonings, psychological researches of heroes and characters Rassmatirivatsya, contain many inclusions from other texts in the form of direct quotes or reminiscences. The author analyzes works by Ivan Shchegolikhin which include inserts of oral texts of the Kazakh legends and legends.

The provisions described in work about presence of inclusions in the form of a text or language insert on pages of prose of I.P. Shchegolikhin represents author's strategy, especially in respect of cross-cultural

communication. Also, article contains a large number of examples and quantitative data the illustrating and confirming basic provisions of article.

Key words: author, novel, intertext, component, theory, text, genre, style, dialogicity, phenomenon, category.

Таттимбетова К.О.¹, Джолдасбекова Б.У.²,

әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің ¹PhD докторанты, ²профессоры, ф. ғ. д., Алматы қ., Қазақстан, e-mail: kuralay555@mail.ru; baiyan_zh@mail.ru

Қазақтың ауызша мәтіндері И.П. Щеголихиннің орыс прозасындағы интертекст ретінде

Мақалада көркем мәтінді мәдениет феномені ретінде зерттеу мәселесі қарастырылған. Автор Қазақстанда туып, өскен орыс тілді жазушының қазіргі тілдік тұлғасын сараптауға аса назар аударады. Мақалада автор қазіргі әдебиетте кеңінен тараған «интертекст», «интертекстуалдық» және «диалогиялық» туралы ақпарат береді. Автор Қазақстанның орыс жазушысы Иван Щеголихиннің шығармаларындағы интертекстуалды элементтерді анықтауға бағытталып, алдынығы қатардағы функционалды компоненттерді қарастырады. Автордың ойынша, әр функционалды компонентті қарастыру әр түрлі жанрдағы әдеби мәтіндердің жанрлық-стилдік өзгешелігін интерпретациялауда өзекті болып табылады. Автор шығармаларының философиялық толғауларға, кейіпкерлер мен персонаждардың психологиялық зерттеулеріне толы әр түрлі жанрлары қарастырылады және басқа мәтіндерден енген тікелей цитата немесе реминисценция ретіндегі көптен қосындылары бар. Автор Иван Щеголихиннің қазақ аңыздарының ауызша мәтіндері енген қосындылары бар шығармаларын зерттейді.

Суреттеліп отырған И.П. Щеголихин прозасының беттеріндегі тілдік және мәтіндік тұрғыдағы қосындылар мәдениетаралық қарым қатынастағы қосындылар авторлық стратегияның ерекшелігі болып табылады. Сонымен қатар, мақалада айтылып отырған мәселелерді растайтын және көрнекі құралдар мен сандық мәліметтер, мысалдар келтірілген.

Түйін сөздер: автор, роман, интертекст, компонент, теория, мәтін, жанр, стиль, диалогтылық, феномен, категория.

Введение

Изучение художественного текста как феномена культуры считается плодотворным не только для выявления жанрово-стилевых особенностей произведения, но и для выявления собственно текстовых свойств, к которым относятся категории интертекстуальности, языковой текстовой личности, прецедентных текстов.

В этой связи интертекстуальный анализ современной языковой личности русскоязычного автора, родившегося и выросшего в Казахстане, представляется особенно привлекательным. Для такого писателя казахская культура не экзотика, а параллельная, близкая, наряду с русской, среда, в которой он осуществляет свою творческую деятельность. Более того, поскольку действия, описываемые в его произведениях, происходят только или в основном в Казахстане, то в его текстах часто встречаются казахские слова, по преимуществу разговорного характера, топонимические названия, образы казахской действительности, пословицы и поговорки в переводе на русский язык, чувство юмора, близкое казахскому менталитету. И всё это мотивировано содержанием произведения,

и отчасти его жанрово-стилистическими особенностями.

Эксперимент

В качестве иллюстраций приведем на выбор примеры из одной только повести И.П. Щеголихина «Хочу вечности».

«Из Цюриха покатили сразу в гору, как у себя на Медео». «Зато сразу после выхода из туннеля начался настоящий юг – много солнца, такого же яркого, как у нас». «По казахскому обычаю почётное место как можно дальше от входа». «Мудрость есть кратчайший путь к истине». «А потом суп с котом, говорят у нас в Баканасе». «Кто-то скажет, что скрывать – плохо, кто-то наоборот похвалит, а самый мудрый ничего не скажет». «Ни Чарына, ни избушки, ни охоты...». «Ну, а сам ты кто, уважаемый аксакал?» «Не владею искусством говорить тосты за дастарханом». «Приходится вспоминать казахскую поговорку: сто друзей мало, один враг – много». «Наш стандарт прост, как и во все времена: если хочешь получить ишака, то проси верблюда». «Есть удивительная казахская поговорка: «Чем одному искать правильную дорогу, лучше блуж-

дать со многими». «Правильно моя фамилия – Шегали-хан. От тюркского слова «гвоздь», так называли тех, кто шёл в солдаты, у них сапоги с гвоздями, а у тюрков сапоги шитые. От тюркского гвоздя пошёл русский щеголь». «Советский Союз защищали все народы. Казахи не меньше, чем русские проявили героизм и самопожертвование на полях сражений Великой Отечественной». «Спокойно, рассудительно и невозмутимо выступил Габиден Мустафин. О сложностях нашей жизни», «Интересно, а сколько тысячелетий круглому столу в юрте кочевника? И сколько самой юрте, тоже круглой и с отверстием в куполе, чтобы видеть звёзды...». «Нет Востока и Запада нет, нет у неба конца, нет Востока и Запада нет – два сына есть у отца» – сказал поэт Олжас» [1].

В понимании таких понятий как «интертекст», «интертекстуальность» и «диалогичность», получивших широкое распространение, были намечены несколько различных подходов, в каждом из которых на первый план выступает тот или иной функциональный компонент:

- теория, понимающая интертекстуальность как результат активного взаимодействия разных лингвокультурных кодов (Ю. Кристева, Р. Барт);

- теория, рассматривающая «смысл» текста в традициях герменевтики как взаимоотношение «текст» – «читатель» (М. Риффатер);

- теория, согласно которой история литературы является результатом столкновения разных авторитетов (Х. Блум);

- теория, в которой история литературы видится как результат отношения между отдельными произведениями и системой литературных жанров (Ж. Женетт) [2, 31].

Рассмотрение каждого функционального компонента является актуальным для понимания и интерпретации жанрово-стилевого своеобразия литературных текстов различных жанров. Это может быть связано с тем, что, если текст-вставка по жанру отличается от жанра принимающего текста.

С категорией интертекстуальность тесно связан диалогический характер интерпретации текста, обусловленный тем, что за всяким текстом стоит личность его создателя, и интерпретация сказанного в тексте требует объединения многих гуманитарных наук, раскрывающих культурно-исторический контекст, систему кода или, точнее, множество кодов, отражённых средствами языка текста.

Диалогичность понимания текста, как подчёркивает И.В. Арнольд, отмечалось ещё Шлей-

ермахером, но разработкой теории диалога и «чужого голоса» в литературе все обязаны М.М. Бахтину. Текст, по Бахтину, является той особенностью, которая выделяет человека как объект гуманитарных наук, и является основой взаимопонимания людей, их духовного контакта. Субъективное «вживание» в чужую культуру необходимо, но не достаточно. Оно определяет диалогическую суть общения, но глубинное творческое понимание должно происходить в контексте всей культуры» [3, 345].

Одной из причин недостаточной разработанности интертекстуальности как проблемы композиционно-стилистической, по мнению И.В. Арнольд на рубеже XX-XXI веков, является большое разнообразие размеров, форм и функций включения «другого голоса». Общий признак этих включений – смена субъекта речи, автор может дать слово другому реальному автору и процитировать его в тексте или в эпиграфе. Включения особенно различны по длине. Это может быть одно какое-то взятое в кавычки «чужое слово», каких в произведениях И.П. Щеголихина встречаются на многих страницах. «Включение может быть маркировано указанием на источник в тексте или в специальных комментариях автора, но нередко читателю приходится самому догадываться о первоначальном тексте, и тогда эта активная работа читателя становится фактором, повышающим удовольствие от чтения» [3, 352].

Вот, что по этому поводу пишет сам Щеголихин, как бы выражая своё отношение к феномену интертекстуальности: «Безымянные персонажи тоже герои повести, может быть, даже главные. Я не могу раскрывать их имена, ибо тайна сия велика есть. Писатель не паспортист, а всего лишь «прохожий секрета». О сотворении, воображении, выдумке, о литературном творчестве много было сказано мудрых слов».

Согласно теории интертекстуальности текст не автономен, его содержание и восприятие базируется на множестве межтекстовых и вне-текстовых связей разного рода. Смысл текста художественного произведения насыщен множеством цитат, отсылок к другим текстам, непосредственно, в явном виде включённых в текст (явление «текст в тексте», прецедентных текстов) или скрытых неявных ассоциаций, порождаемых текстом. Именно эти связи составляют содержание категории интертекстуальности. Характер репрезентации интертекстуальности в литературно-художественном произведении различен, что порождает разную степень насы-

ценности его интертекстами разного рода: от явной репрезентации (максимальная степень) до скрытой (минимальная степень) [3].

Термин «интертекстуальность» впервые был озвучен болгарской исследовательницей Ю. Кристевой в 1966 году в её докладе о творчестве М.М. Бахтина, сделанном на семинаре Р. Барта и опубликованном в 1967 году в виде статьи «Бахтин, слово, диалог и роман». Как пишет Натали Пьеге-Гро: «... интертекстовая концепция Ю. Кристевой, развившей и интерпретировавшей идеи не известного в те годы ни во Франции, ни вообще на Западе русского мыслителя, поначалу встретила сдержанный приём со стороны парижского интеллектуального истеблишмента. Понадобился авторитет Ролана Барта, поддержавшего и оригинально развившего основные положения интертекстовой теории, чтобы эта теория обрела «права гражданства» и, войдя в научный обиход, превратилась в объект критического анализа и многочисленных интерпретаций» [5, 8].

Российская исследовательница Н.А. Фатеева, предлагающая собственную теорию процесса интертекстуализации вслед за А.И. Арнольд, также утверждает отесной связи теории интертекста с идеями М.М. Бахтина. «Термины «интертекстуальность», «интертекст» вместе с термином «диалогичность» получили очень широкое распространение (ср., например, работы Ю. Кристевой, Р. Барта, Ж. Дерриды, М. Риффатера, Г. Блума, К. Тарановского, И. Смирнова, А. Жолковского, И. Ильина, Р. Тименчика, С. Золына и др.). Однако, во-первых не существует чёткого теоретического обоснования понятий, стоящих за этими терминами, во-вторых, не получили полного развития идеи М.М. Бахтина, сформулированные им ещё в 1924 году в работе «Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве» [6, 5].

В книге Г.В. Денисовой во вступительной записке «Об этой книге» Стефано Гардзонио пишет, что «Интертекст до недавнего времени был словом модным, почти интерпретаторским талисманом, и обычно воспринимался и до сих пор воспринимается неоднозначно» [2, 5].

Через несколько лет эта же мысль, что интертекст стал модным направлением в мире литературы, повторила в своей книге М. Вилорайнен. Автор довольно обширного исследования, так же как и Г.В. Денисова считает, что интертекст связан с постмодернистским сознанием. По мнению исследователя, в постмодернистском сознании произошла не просто смена ориентиров,

приоритетов, ценностей, которая всегда происходит в живой культуре, но и трансформация самого категориального аппарата, с помощью которого эти ориентиры, приоритеты и ценности как утверждались, так и отвергались. Следствием такой трансформации и стала филологическая мода на интертекстуальность. «Недавняя филологическая мода на интертекстуальность была продиктована той же идеей засыпать рвы и стереть границы: тексты лишались статуса отдельности, наделялись свойством взаимопроникновения, результатом которого становился неисчерпаемый трансформизм смысла» [7, 467].

В аспекте нашей работы в этой цитате особенного внимания заслуживают мысли о взаимопроникновении текстов и о неисчерпаемом трансформизме смысла в лингвокультурном сознании автора и читателя.

О связи интертекста и лингвокультурного сознания индивидуума (автора) одним из первых вслед за Г.В. Денисовой отметил Ю.Н. Караулов в предисловии вышеназванной её книги: «Конечно книга – об интертексте: и как о фактологическом понятии и явлении, которое занимает сегодня умы многих филологов и без которого не существует уже сам мир текстов, и одновременно – как о методе герменевтического (через текст) анализа лингвокультурного сознания индивидуума (автора, читателя...)» [2, 9].

Сама автор книги «В мире интертекста...» в своих рассуждениях об интертексте исходит из трактовки его как «коммуникативной категории» и приводит системно организованный перечень десяти функций интертекста, которые соотносятся с общепринятыми представлениями о функциях языка в целом. Для нас очень важно отметить, что Г.В. Денисовой, как замечает Ю.Н. Караулов, сделана успешная попытка показать, что любая языковая личность, формирующаяся в рамках определённого лингвокультурного пространства, неизбежно оказывается под воздействием интертекстов и одновременно становится использующим их субъектом, организующим и упорядочивающим [2, 10].

Показательной в этом отношении и являются художественные тексты казахстанского писателя И.П. Щеголихина в литературном пространстве русской прозы. Все действия, описываемые в его рассказах, повестях, романах происходят в основном на просторах Казахстана – его Родины. Так, например, действия в романе «Старая проза» происходят в основном в городе Алма-Ате и немного на севере Казахстана. Главный герой романа Павел Хомутов женится на казах-

ке Азии, которая ласково обращается к мужу, используя казахские слова «жаным», «алтыным», «кунным». «Она называла его по-разному: алтыным – мой золотой, кунным – моё солнце и больше всего ей нравилось называть его жаным – милый, дорогой, любимый». Слово «жаным», многократно употребляясь в романе, становится ключевым. В самом конце романа, когда жизнь вновь испытывает героя на прочность, слово «жаным» автор пишет с заглавной буквы. «Асия снова собралась рожать и сказала мужу: «Оу, Жаным, спускайся с горы славы, будем жить на мои декретные» (198). На память приходят стихи русскоязычного казахского поэта О. Сулейменова «Аз Тэ Обичам» (1968): «скажи негромкое: жаным, аз тэ обичам. Подай мне руку, есть у нас такой обычай...» [8, 152].

Это один из многих примеров из авторского дискурса И. Щеголихина. Так, при воссоздании панорамы общественной и литературной жизни России 60-х годов 19 века в романе «Слишком доброе сердце» выведен главный герой – поэт и общественный деятель Михаил Михайлов – потомок легендарного Урака – героя казахских преданий, который близко к сердцу принимает беды и страдания казахского и русского народов. Находясь в экспедиции, он собирает сказки, народные предания, описания обычаев казахов и башкир. И. Щеголихин вкладывает в уста главного героя перевод необычного казахского слова «айналайн», так как считает, что «слово, язык живописуют душу народа». Слово «айналайн», действительно, как никакое другое «живописует» душу казахского народа, и его довольно трудно перевести на другие языки, в том числе и на русский.

Возможно, и это слово было использовано И. Щеголихиным под влиянием стихотворения О. Сулейменова «Айналайн» (1967 г.). В своей поэтической миниатюре О. Сулейменов вместо эпиграфа приводит перевод этого многозначного слова.

«Обращение к дорогому человеку – «айналайн».

«Кружусь вокруг тебя» – подстрочный перевод.

«Принимаю твои болезни» и «Любовь моя» – смысловые переводы. «Кружись, айналайн, Земля моя! Как никто, я сегодня тебя понимаю, я кочую, кружусь по дорогам твоим» [8, 144].

Различного жанра произведения автора, насыщенные философскими рассуждениями, психологическими исследованиями героев и персонажей, содержат немало включений из других

текстов в виде прямых цитат или реминисценций. Кроме этого, произведения И. Щеголихина включают вставки устных текстов казахских преданий и легенд.

Так, в конце повести «Шальная неделя» писатель мастерски использует исторический фразеологизм казахского языка военного времени «кара кагаз» – дословно «чёрная бумага» – похоронная на погибшего воина. С этим документом связана история, которую автор предлагает читателю, заканчивая повесть после рассуждений, напрямую связанных с понятием интертекстуальность. «Чем больше от сердца отрываешь, тем больше на сердце остаётся», – говорил поэт. Есть стихи, которые, воспринимаешь не думая. Есть стихи, которые, не подумав, не воспримешь, и они пройдут стороной, «как проходит косой дождь». А подумать – значит, добавить, преломить общее в частном, в личном» [4, 414].

Чтобы добавить, преломить общее в частном, автор в общую канву повести вставляет реальную грустную историю, в которой главную роль сыграл инвалид, потерявший ноги на войне. Безымянный солдат-инвалид совершает духовно-нравственный подвиг, о котором мало кто догадывался. (Свеча ничего не теряет, отдавая огонь другой свече).

«Удивительную историю рассказал мне один казахский писатель. Жила-была девочка в ауле перед войной, девушка шестнадцати лет. Полюбила юношу и проводила его на фронт. Получала письма, а потом в аул пришла похоронная. Но «кара кагаз», чёрная бумага, не попала ей в руки. На почте работал инвалид, потерявший ноги на фронте. Он стал писать девушке письма от имени погибшего воина: лежу в госпитале, ранен в руку, изменился почерк. Учись, любимая, работай, не унывай, встретимся после победы. И она отвечала: учусь, работаю, люблю и жду. Инвалид писал ей о несбывшейся мечте, о том, как из госпиталя он вернулся в строй, к своим друзьям-однополчанам, как дошёл до Берлина. Девушка отвечала, не зная, что письма её не идут дальше родного аула. Кончилась война, девушке уже двадцать лет. Надежда помогла ей вырасти бодрой, укрепила её. Письма стали приходить всё реже – служу в Германии, жив-здоров, на земле мир, мы уже взрослые, каждый вправе решать свою судьбу... Пришло время, девушка полюбила другого и вышла замуж. Сейчас у неё взрослые дети. О судьбе юноши узнала только через двадцать лет, когда в ауле поставили обелиск с именами павших» [4, 414].

По мнению Ю.Н. Караулова «понимание интертекста как коммуникативной категории открывает перед читателем (прогностический аспект) возможность взглянуть и на интертекст и на сам процесс коммуникации с новых позиций» [2, 10].

Одной из «базовых потребностей существования коммуникации как системы является потребность «перемещение в пространстве», которая транспортирует языковой и когнитивный материал между разными текстами во времени и в пространстве. Примером такого перемещения текста во времени и в пространстве является текст старинной казахской легенды, который использует И. Щеголихин в романе «Другие зори» в пятой главе под названием «Говорит Рудный». Текст легенды автор приводит опять-таки после внутреннего монолога главного героя, писателя Майорова, относительно понимания сказочных богатств, скрытых в недрах земли северного Казахстана. Эта легенда в метафорической форме объясняет происхождения наименования рек Аят и Тобол (гидронимов), а также, почему человек стал осваивать этот регион, превратив его в промышленный горнорудный центр республики.

«Надо дать слово Рудному, пусть говорит каждый, а ты сделаешь отбор. Рудный – людный. Как сказал поэт, «из них изо всех и из каждого я тку эту песню о себе». Из множества отберёшь для своей книги, своей именно, потому что отбор – это человек. «Вас нет люди, пока я вас не образую. И меня нет – без вас».

«Некогда в благодатном урочище с озером посредине стоял аул богача Сарбая... Однажды Сарбай взял колчан со стрелами и пошёл на охоту вместе со своим верным джигитом. По дороге на них напали волки. Преданный джигит увлёк стаю за собой и был растерзан, а Сарбай спасся бегством. У погибшего остался единственный сын по имени Тобол. Сарбай взял мальчика в свою юрту... Прошло десять лет. Тобол вырос красивым и отважным джигитом и полюбил дочь Сарбая красавицу Аят. И Аят полюбила юношу, но по закону предков пожениться они не могли – Аят ещё с пеленок была помолвлена с сыном знатного богача из Тургая».

Чтобы жениться на Аят, Тобол обещает через год привезти достойный калым. Своё обещание он выполняет, но, увы, с опозданием. Раненый от рук разбойников Тобол доставляет Сарбаю большой мешок рудных камней, которые Сарбай. Финал этой легенды глубоко трагичен из-за невозможности соединиться влюблённым: Аят утопилась в одной реке, Тобол – в другой.

«С тех пор река, что северней, называется Аят, а что южнее – Тобол. Они сливаются... Убитый горем, Сарбай вернулся в юрту, поднял мешок из воловьей шкуры и вытряс содержимое. И никаких сокровищ в нём не оказалось, а просто разные камни – белый, жёлтый, чёрный и серый упали к ногам Сарбая. Он разметал эти камни по всей округе, а самый тяжёлый и самый большой камень он велел бросить в озеро посредине урочища. С тех пор в народе живёт молва: тот, кто достанет камни Сарбая, будет самым богатым, женится на красивой невесте, обретёт счастье и продолжит род человеческий» [9, 338].

Резюме этой легенде подводит один из персонажей романа, утверждавший, что услышал эту легенду лет десять тому назад в бараке строителей от старого казаха, приехавшего к сыну на свадьбу. «А старые казахи почти все – поэты» [9, 338].

Результаты обсуждения

Полученные результаты анализа показывают, что интертекстуальные элементы в организации художественного текста выполняют важнейшую функцию.

По вышесказанному сам И.П. Щеголихин откровенно высказался на страницах своей автобиографической повести, тем самым определив свою позицию к рассматриваемой нами проблеме: «К советам Снегина творческим, по рукописи я прислушивался внимательно. Прочитав рукопись моего первого романа «Снега метельные», он буквально ошарашил меня: «Вы написали о целине, о событиях на Кустанайщине и умудрились по всему роману не показать ни одного казаха, не назвать ни одной казахской фамилии, хорошо ли это, Иван-свет-Павлыч? Замечание Снегина заставило задуматься, может быть, впервые – а ведь и впрямь события происходят на казахской земле и брать во внимание только русских да украинцев попросту неприлично, бесчеловечно. Я вписал роман в окружающую среду, и сам стал ближе к этой среде».

Анализ интертекстуальных элементов в произведениях Ивана Щеголихина показал, что художественная проза Ивана Щеголихина в самых различных её жанрах – интертекстуальна. И. Щеголихин как языковая личность, формировался в рамках билингвального лингвокультурного пространства. В этих условиях он, как русская языковая личность, понимал и воспринимал казахскую культуру и язык, как необходимый компонент для своей творческой деятельности.

Заключение

Таким образом, присутствие включений в виде текстовой или языковой вставки на страницах прозы И.П. Щеголихина представляет авторскую стратегию, особенно в плане межкультурного общения. Специального внимания интерпретатора заслуживают возможности и способы передачи

интертекстуальных знаков (казахской культуры) в другую лингвокультуру (русскую), как важная часть диалога читателя с автором. Для полноты понимания насколько это привносит своеобразие в жанрово-стилевую характеристику произведений Щеголихина, необходимо анализировать место включения, определяющего его функцию, особую форму включения и его жанр.

Литература

- 1 Щеголихин И.П. Хочу вечности. Повесть. – Алматы, 2000. – 320 с.
- 2 Денисова Г.В. В мире интертекста: язык, память, перевод. – М., 2003. – 298 с.
- 3 Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. – СПб., 1999. – 444 с.
- 4 Щеголихин И.П. Шальная неделя. Повести. Пятый угол. – Алма-Ата, 1987. – 416 с.
- 5 Натали Пьеге-Гро. Введение в теорию интертекстуальности / Перевод с французского. – М., 2008. – 240 с.
- 6 Фатеева Н.А. Интертекст в мире текстов. Конрапункт интертекстуальности. – М., 2006. – 280 с.
- 7 Виролайнен М. Исторические метаморфозы русской словесности. – СПб., 2007. – 495 с.
- 8 Сулейменов О. Эссе. Публицистика. Стихи. Поэмы. Аз и Я. – Алма-Ата, 1990. – 592 с.
- 9 Щеголихин И.П. Старая проза: романы. Другие зори. – Алматы, 1990. – 416 с.

References

- 1 Shchegolikhin I. P. Hochuvechnosti. [I want eternity] Story. – Almaty, 2000. 320 p. (In Russian)
- 2 Denisova G. V. V mirintekstualnosti: yazik, pamiyat', perevod. [In the world of the intertekst: language, memory, translation]. – M, 2003. – 298 p. (In Russian)
- 3 Arnold I.V. Semantika. Stilistika. Intertekstual'nost. [Semantics. Stylistics. Intertekstualnost]. – SPb. 1999. 444 p. (In Russian)
- 4 Shchegolikhin I. P. Shal'naiyanedeliya. Povesti. Piyatyugol. [Crazy week. Stories. Fifth corner] – Alma-Ata, 1987. 416 p. (In Russian)
- 5 Natali Pyege-Gro. Vvedenie v teoriuintertekstual'nosti. [Introduction to the theory of an intertekst] Translation from French. – M, 2008. 240 p. (In Russian)
- 6 Fateeva N.A. Intertekst v mirtekstov. Conrapunktintertekstual'nosti. [Intertekst in the world of texts. Counterpoint intertekstualnost] – M, 2006. 280 p. (In Russian)
- 7 Virolainen M. Istorichieskietomorfozyrusskoislovesnosti. [Historical metamorphoses of the Russian literature] – SPb. 2007. 495 p. (In Russian)
- 8 Suleymenov O. Esse. Publicistika. Stixi. Poemy. Az I Ya. [Essay. Journalism. Verses. Poems. Az and I] – Alma-Ata, 1990. 592 p. (In Russian)
- 9 Shchegolikhin I. P. Staraiyaproza: romani. Drugiezori. [Old prose: novels. Other dawns] – Almaty, 1990. 416 p. (In Russian)

3-бөлім
ТІЛ БІЛІМІ

Раздел 3
ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Section 3
LINGUISTICS

Алимжанова Г.М.,

д. ф. н., академик МАНПО, доцент Университета «Туран»,
Казахстан, г. Алматы, e-mail: agmdiamond@mail.ru

**ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
РИТУАЛИЗОВАННОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ СИТУАЦИИ –
«СВАДЬБА»
(на материале русской, британской и американской культур)**

В данной статье рассматривается лингвокультурологическая ритуализованная коммуникативная ситуация – «свадьба» на материале русской, британской и американской культур. Ритуал способствует устойчивости основных принципов социальной жизни коллектива людей, этнической, религиозной общности. Ритуализованные формы поведения – это общение в рамках фрейма, который предстает в виде цепочки условий: кто – кому – когда – где – что – почему – зачем – как, а по своей сути является процессом коммуникативного акта. Анализ фактического материала позволил выявить, что является общим, какими характеризуется различиями, наличие национально – специфичных особенностей, присутствующие только в определенной культуре и обусловленные философскими, религиозными верованиями и глубокими национальными традициями для всех анализируемых нами культур.

Ключевые слова: Лингвокультурология, ситуация, фрейм, свадьба, ритуал, культура, форма, поведение, национальный, особенность, различие, общее.

Alimzhanova G.M.,

Doctor of Philology, Academic of IASPE, A/Professor University of TURAN,
Kazakhstan, Almaty, e-mail: agmdiamond@mail.ru

**Linguocultural analysis of ritualized communicative situation – “wedding”
(on the basis of Russian, British and American cultures)**

This article deals with the linguocultural ritualized communicative situation – a «wedding» on the material of Russian, British and American cultures. The ritual contributes to the stability of the basic principles of the social life of the collective of people, ethnic, religious community. Ritualized forms of behavior are communication within a frame that appears as a chain of conditions: who-to whom – when – where – what – why – what for – how, in essence, is a process of communicative act. The analysis of factual material made it possible to reveal what is common, what is characterized by differences, the presence of nationally specific features that are present only in a certain culture and conditioned by philosophical, religious beliefs and deep national traditions for all cultures analyzed by us.

Key words: Linguoculturology, situation, frame, wedding, ritual, culture, form, behavior, national, feature, difference, general.

Әлімжанова Г.М.,

ТУРАН Университетінің доценті, ф. ғ. д., ХББҒА Академигі,
Қазақстан, Алматы қ., e-mail: agmdiamond@mail.ru

**«Үйлену тойы» – коммуникативтік салттық жағдайының лингвомәдениеттік талдауы
(орыс, британдық және американдық мәдениеттер негізінде)**

Бұл мақалада «үйлену тойы» атты лингвомәдени коммуникативтік салттық жағдай орыс, британ және американдық мәдениеттер негізінде қарастырылады. Салттық мінез – құлық формалары –

пайда шеңберіндегі байланыс болып табылады, ол өз кезегінде жағдай тізбегі болып келеді: кім – кімге – қашан – қайда – не – неге – не үшін – қалай, ал мәні бойынша байланыс актінің процесі болып табылады. Берілген материалдың талдауы қандай ортақ ұқсастықтар бар екенін, айырмашылық ерекшеліктерін, философиялық және діни – нанымдық ерекшеліктерін көрсетуге мүмкіншілік берді.

Түйін сөздер: Лингвомәдениет, жағдай, жақтау, үйлену, салт, мәдениет, пішін, мінез – құлық, ұлттық, ерекшелік, айырмашылық, ортақ.

Введение

Возрастание интереса к феномену культуры с неизбежностью актуализирует такие проблемы, как язык и культура, основы развития поликультурной и многоязычной личности, социокультурные нормы речевого поведения в условиях межкультурной коммуникации. В условиях межкультурной коммуникации должно уделяться внимание национальной специфике речевого этикета и речевого поведения.

Ритуал (в переводе с латинского *ritualis* – обрядовый) – «совокупность и установленный порядок обрядовых действий при совершении какого-либо религиозного акта; выработанный обычаем или установленный порядок совершения чего-либо, церемониал» [1, 436]. Из этого определения следует, что он считается исторически сложившейся нормой поведения в рамках определенных религиозных систем.

Во время ритуала форма исполнения действия строго канонизирована и носит демонстративный характер, имеет символическое значение.

Ритуал связан с магией и другими культовыми и религиозными обрядами.

Ритуал способствует устойчивости основных принципов социальной жизни коллектива людей, этнической, религиозной общности.

Понятия – «ритуал», «обряд», «обычай» являются формами выражения этикета, его составными частями, следовательно, этикет – объемное понятие, которое включает эти компоненты.

При рассмотрении соотношения этикета и ритуала следует отметить, что признаками ритуала, в отличие от этикета, является то, что в ритуале нет адресата и адресанта, так как они едины, в ритуале существуют определенные эталонные тексты, которые он посылает сам себе, чтобы проверить свою устойчивость во времени. В ритуале диалогичность относится к плану содержания, так как она проявляется на более глубоких структурах, уровнях.

Ритуал представляет стереотипную форму массового поведения, которая выражается в повторении стандартизированных действий.

Ритуал используется как средство приобщения индивидов к господствующей в данном обществе системе ценностей.

Функциями ритуала являются: способность укреплять групповую солидарность; способность любых ритуалов к общественному сплачиванию; независимо от цели, на которую они направлены, и от характера чувств, которые определяют лицо ритуала.

А.К. Байбурин отмечает, что «между ритуалом и этикетом существует множество переходных форм», и здесь имеются в виду различные строго регламентированные действия. И эти промежуточные формы А.К. Байбурин называет «ритуализованными формами поведения» [2, 17].

Ритуал является своеобразной формой игры, которую можно, заимствуя театроведческий термин, назвать перформанс, т.е. «способ исполнения, преподнесения реципиентам какого-либо смысла» [3, 233]. Этикетно – ритуализованное общение в общей теории коммуникации именуется перформансной коммуникацией. Перформанс располагает свое сообщение в пространстве. Под перформансом вслед за Р. Шехнером, Г.Г. Почепцов определяет «действия одного человека или группы перед другим человеком или группой, так как центральной характеристикой здесь становится третье лицо, наблюдатель, зритель, наличие которого кардинальным образом меняет всю процедуру» [4, 332].

Следует отметить, что степень ритуализованности коммуникативных ситуаций у представителей разных народов различна. Ритуалы особо торжественного характера носят фреймовый характер.

По определению А.И. Новикова, «фрейм – это некоторая структура, содержащая сведения об определенном объекте и выступающая как целостная и относительно автономная единица знания, обеспечивающая адекватную обработку стандартных ситуаций» [5, 164]. Фрейм как микротекст имеет основные характеристики текста: развернутость, последовательность, связность, законченность.

Таким образом, фрейм – это знание общих условий совершения действия в различных типах речевого общения. Общение в рамках фрейма предстает в виде цепочки условий: *кто – кому – когда – где – что – почему – зачем – как*, а по своей сути является процессом коммуникативного акта.

Ритуалами в различных культурах являются обряды особенно торжественного характера: кончина человека, воинские парады, свадебные торжества, праздничные шествия, официальные встречи, митинги, фестивали, карнавалы, инаугурации, театральные постановки, подписание важных официальных документов (договоры, контракты), свадебные юбилеи, возрастные юбилеи, открытие и закрытие международных игр (олимпийские игры), фирменные презентации, рекламные компании, демонстрации, различные шоу и т.д.

Ритуализованное общение имеет ярко выраженную национально культурологическую окраску, т.е. фреймовая основа перформансного общения, несмотря на наличие некоторых константных моментов, существует ряд моментов, указывающих на творческий характер перформансного общения.

Постоянство перформанса не означает его неизменности. Развитие материальной культуры, изменения социального, политического, экономического характера, длительные контакты с другими государствами и народами приводят к изменению формы перформансной коммуникации.

Эксперимент

В качестве иллюстрации к вышесказанному подвергнем сравнительному анализу ритуал свадьбы в различных странах.

В данной статье рассматривается ритуализованная речевая ситуация – свадьба в сопоставительном аспекте, на материале русской, британской и американской культур.

В настоящее время наблюдается формирование новой современной культуры, в которой традиционные элементы исчезают, унифицируются. С другой стороны, идет возрождение элементов традиционной культуры.

Сравнительный анализ фактического материала позволяет определить следующее. В лингвокультурологической строго ритуализованной речевой ситуации «свадьба» *общим для всех анализируемых нами культур является:*

Наличие – слотов и актантов.

1) В русской культуре фреймовая структура «свадьбы» представлена 7 слотами, включающими 12 актантов.

Слот 1. Предвенечный.

1.1 Сватовство – на данном этапе сначала шли переговоры со сватами о предстоящей свадьбе. Затем сваты спрашивали согласия хозяев на брак, при согласии объявляли о свадьбе.

Слот 2. Подготовка к венчанию.

1.2 Платье невесты – подготовка свадебного национального наряда.

1.3 Шитье приданого невесты – традиционно изготовлялось матерью и невестой своими руками.

1.4 Приготовление национальных угощений.

Слот 3. Приданое невесты.

1.5 Подготовка приданого невесты (весь комплект, кроме личных вещей).

Слот 4. Прощание с родным домом – невесты.

1.6 Прощальная песня невесты с родным домом.

Слот 5. Свадьба – церковный обряд.

1.7 Свадебное венчание – христианско-религиозный обряд русской культуры.

Слот 6. Свадебный обряд.

1.8 Обмен обручальными кольцами жениха и невесты. Данный обряд является традиционным явлением и присутствует в русской культуре под влиянием европейской.

1.9 Разбрасывание риса подразумевает, что бы в жизни молодых были достаток и благополучие.

1.10 Свадебный пирог (хлеб, соль).

Слот 7. Послевенечный этап.

1.11 Будят молодых – традиционно молодых после первой брачной ночи будила мать жениха. Данный обряд имел важное значение для семьи в целом, который в своей основе символизировал «чистоту», «невинность» невесты.

1.12 Медовый месяц.

Лингвокультурологический концепт, ритуализованный обряд «свадьба» в русской культуре представлены наименьшим числом слотовых структур. Изначально данный обычай был представлен различными обрядами и традициями, которые со временем отмирали, и на сегодняшний день сохранились только наиболее значимые из них.

2) В британской культуре фреймовая структура «свадьбы» представлена 5 слотами.

Слот 1. Приглашение – не пользуются готовыми открытками, делают своими руками, дизайн приглашения должен быть прост и ори-

гинален. Символ – переплетенные обручальные кольца.

Слот 2. Подарки невесте – традиционно все родственники невесты и жениха заранее дарили различные подарки, обязательно практически необходимые молодой будущей семье.

Слот 3. Помолвка – это праздник перед браком, не уступающий по пышности иным свадьбам.

Слот 4. Церковный брак – в Великобритании церковный брак имеет равные права с гражданским. После церемонии венчания или официальной регистрации брака традиционно в небольшом кругу родственников и друзей отмечалось данное событие.

Слот 5. Поздравление – британский речевой этикет предусматривает поздравления, в строгом смысле этого слова, по случаю бракосочетания.

Лингвокультурологический концепт, ритуализованный обряд «свадьба» в британской культуре представлена пятью количеством слотов во фреймовой структуре. В отличие от русской культуры в британской культуре присутствует такой слот, как помолвка. Традиционно у британцев невесте не готовят специального приданого, подразумевая достаточную высокую финансовую состоятельность как невесты, так и жениха. На наш взгляд, данный факт обусловлен тем, что в западном мире обряд бракосочетания совершается в основном между людьми, достигшими 30 летнего возраста и определенного материального достатка.

3) В американской культуре фреймовая структура «свадьбы» представлена 12 слотами:

Слот 1. Сообщение о помолвке – когда девушка и парень принимают решение о помолвке, они сообщают родителям и близким.

Слот 2. Мальчишник – последний холостяцкий обед.

Слот 3. Девичник – подружки невесты приглашали ее на своего рода «прощальный ленч».

Слот 4. Проезд свадебного кортежа – когда приходит время ехать в церковь, машины уже должны ждать у дома.

Слот 5. Ожидание жениха – на церемонию жених со свидетелем прибывают в церковь. Они остаются в кабинете священника, где ожидают приезда невесты.

Слот 6. Прибытие невесты – на свадебную церемонию невеста прибывает в церковь ровно минуту спустя.

Слот 7. Свадебный прием – невеста и подружки невесты начинают облачаться в свадеб-

ные наряды. Все подружки невесты одеваются в одной комнате, в доме невесты, присутствуют мать невесты, близкая подруга.

Слот 8. В обязательном порядке разливание шампанского – первым принято наполнять бокал невесты, потом жениха, а после этого – всем остальным, начиная со свидетельницы со стороны невесты, сидящей слева от жениха.

Слот 9. Тосты – свидетель поднимает первым тост за жениха и невесту, все, за исключением жениха и невесты, встают, поднимают бокалы и пьют за молодых.

Слот 10. Поздравления родителей и других гостей – для жениха и невесты.

Слот 11. Свадебный букет – невеста перед отъездом со свадьбы поворачивается спиной к незамужним девушкам и кидает свой букет. Поймавшая букет девушка, согласно преданию, следующей выйдет замуж.

Слот 12. Медовый месяц.

Ритуализованный обряд «свадьба» в американской культуре включает 12 различных слотов. Национально – специфичен слот «мальчишник», «девичник», «порядок разливания шампанского». Слот «свадебный букет», отличающий американскую культуру, стал в последние годы заимствоваться другими культурами.

Итак, во фреймовой структуре концепта «свадьба», в анализируемых культурах, количество слотов и включающих актантов распределилось следующим образом:

1. В русской культуре – 7/12.
2. В британской культуре – 5.
3. В американской культуре – 12.

Результаты и обсуждение

Во фреймовой структуре лингвокультурологического концепта «свадьба», общим для анализируемых культур является – произнесение особых ритуализованных речевых формул в адрес новобрачных (молодоженов).

1. В русской культуре:

В русской культуре, как и в казахской культуре произносят благословление и традиционные выражения.

1.1 Родители благословляют на брак: Благословляю Вас на новую семейную жизнь. Храни вас Господь!

1.2 Дорогие жених и невеста! От всего сердца поздравляем вас со вступлением в законный брак!

1.3 Дружно живите, друг друга любите.

Пусть жизнь будет счастьем полна!

Верность храните, деток растите,

За все это пейте до дна!
 Чтоб жизнь молодую прожить не впустую,
 Чтоб было о чем вспоминать.
 Желаю вам свадьбу свою золотую
 За этим столом отмечать.
 Пусть не погаснет никогда
 Счастливой жизни зорька!

2. В британской культуре:

Английский речевой этикет предусматривает поздравления, в строгом смысле этого слова, по случаю бракосочетания:

2.1 Сженитьбой! – Let me congratulate you on your marriage!

2.2 Сзамужеством! – I hear you got married. Congratulations!

2.3 Я хочу пожелать вам, чтобы ваши мечты сбылись! – May (all) your dreams cometrue!

3. В американской культуре:

3.1 May (all) your dreams come true! – Я хочу пожелать вам, чтобы ваши мечты сбылись!

3.2 I wish you happiness!, I want you to be happy! – Я хочу, чтобы вы были счастливы!

3.3 Let me congratulate you on your marriage! – С женитьбой!

Во фреймовой структуре лингвокультурологического концепта «свадьба» в анализируемых культурах присутствует обязательное наличие особых ритуализованных речевых формул, выражений, произносимых в адрес молодоженов / новобрачных/.

Для анализируемых культур характерны пожелания, связанные с отвлеченными понятиями: счастье, любовь, успех, удача.

Во фреймовой структуре лингвокультурологического концепта «свадьба» общим для всех анализируемых культур является – преподнесение подарков.

Универсальность данного компонента проявляется в таких подарках, как: цветы, деньги, все необходимое для молодой семьи. А национально – культурная специфика проявляется, на наш взгляд, в преподнесении традиционных, национальных подарков для молодоженов:

Все поздравления сопровождаются объятиями, поцелуями, выражением радости, восхищения и т. д.

3.1 В русской культуре: Национальное платье; самовар.

3.2 В британской культуре: Национальные сувениры; семейный зонтик; свадебная корона, сделанная, украшенная своими руками.

3.3 В американской культуре: Национальные сувениры; фотографии в рамках – различного возраста.

Лингвокультурологический концепт «свадьба» в своей фреймовой структуре предполагает обязательное наличие, во всех анализируемых культурах, такого компонента, как – сговор, договоренность обеих сторон о бракосочетании молодых.

Следует отметить, что данный компонент имеет очень важное значение для обеих сторон. При этом учитывались определяющие факторы: социальное положение в иерархической структуре общества; финансовый достаток и материальное положение; генетические связи; интеллектуальный уровень образования и другие. Данный компонент присутствует и сейчас в анализируемых культурах и все больше актуализируется.

Следует отметить, что для всех анализируемых культур характерно также наличие таких универсальных компонентов, как *посещение святых и культурных мест определенной страны; «свадебные наряды невесты и жениха».*

Лингвокультурологическая строго ритуализованная речевая ситуация «свадьба» характеризуется различиями для анализируемых культур:

Лингвокультурологический концепт «свадьба» в анализируемых нами культурах различается общей организацией, устройством церемонии. Для каждой культуры церемония «свадьбы» особый традиционный ритуал.

В зависимости от уровня проведения данного ритуала анализируемые культуры условно разделены на 2 группы: 1 группа – характеризуется высоким эмоционально – экспрессивным фоном организации и проведения церемонии «свадьбы»; 2 группа – характеризуется средним эмоционально – экспрессивным фоном организации и проведения церемонии «свадьбы».

К первой группе относится британская культура. Указанная страна имеет многовековые, тысячелетние традиции, которые чтят до сих пор. Преемственность традиций, ритуалов прослеживается очень ярко и национально – специфично. Скрупулезная и детальная организация церемонии «свадьбы» в указанной культуре отличает от других культур.

Ко второй группе мы относим русскую и американскую культуры. В указанных странах средний эмоционально – экспрессивный фон, тем не менее требующий значительных затрат, включая все мероприятия ритуала «свадьбы».

Указанные две группы характеризуются наряду с вербальной коммуникацией также наличием невербальных средств общения (пространственно – временная рамка процесса церемонии,

последовательность действий, преобладание различных национально – культурных символов, жесты, тактильная коммуникация, проксемика, цветовая символика, поцелуи, прикасания, обнимания и т.д.).

Хотелось бы отметить, что все же проведение церемонии ритуала «свадьбы» в анализируемых культурах зависит от материального достатка, благополучия родителей невесты и жениха, хотя традиции накладывают свой отпечаток на данную лингвокультурологическую ритуализованную ситуацию «свадьбу».

Лингвокультурологический концепт, ритуализованная ситуация «свадьба» в анализируемых культурах различается выбором дня церемонии.

Следует отметить, что в данных культурах отдается предпочтение временам года – лету и осени, когда стоит хорошая теплая погода и созревает урожай.

Различия в выборе дня церемонии проявляется в запретах, обусловленных глубокими философскими и религиозными верованиями в данных культурах.

В лингвокультурологической строго ритуализованной речевой ситуации «свадьба», в анализируемых нами культурах, *есть национально – специфические особенности*, наличествующие только в определенной культуре и обусловленные философскими, религиозными верованиями и глубокими национальными традициями.

Заключение

Таким образом, укажем самые яркие национально – специфические особенности каждой культуры.

В русской культуре:

1. Перед застольем, на свадьбе, и на стороне невесты, и на стороне жениха специальные люди проходят по всем столам и собирают у

приглашенных гостей подарки и денежные конверты.

2. Поют краткие, лаконичные, шуточные частушки на различные социальные темы.

3. Встречают сватов караваем хлеба и с солью.
В британской культуре:

1. Готовят специальный альбом с фотографиями (родители невесты и жениха), начиная с рождения до бракосочетания – это давняя традиция британцев.

2. Подруги невесты делают своими руками специальную корону для новобрачной.

3. На шелковом платке вышивают инициалы жениха и невесты, а также пожелания.

В американской культуре:

1. Традиция «букет невесты», – невеста поворачивается спиной к незамужним девушкам и бросает его, кто поймает, та следующей выйдет замуж.

2. На официальную церемонию регистрации брака невеста и жених приезжают отдельно. Невесту ведет, под руку, отец на церемонию и лично передает в руки жениха.

3. Машина на которой уезжают новобрачные украшена ярко, и должна издавать специфические звуки, обычно это пустые консервные банки, привязанные веревками к машине.

4. Церемония регистрации может быть прервана, если кто – то из приглашенных скажет, что против бракосочетания. Об этом спрашивает традиционно служитель церкви.

5. Жених и невеста повторяют специальные слова, вслед за служителем церкви, которые он произносит отдельно для невесты сперва, а затем уже для жениха. [6,277].

Таким образом, лингвокультурологический концепт «свадьба» в каждой из анализируемых культур имеет особые национально – специфические особенности, характеризующие глубокие традиции, обусловленные философскими и религиозными верованиями.

Литература

- 1 Плечкина В.В. Словарь иностранных слов.– Москва: Русский язык, 1986.– 624с.
- 2 Байбурун А.К. Об этнографическом изучении этикета // Этикет у народов Передней Азии: Сборник статей. – Москва: Наука, 1988. – С.12–38.
- 3 Пави П. Словарь театра – Москва: Прогресс, 1991. – 233с.
- 4 Почепцов Г.Г. Теория коммуникации. – Москва: Гнозис, 2001. – 651с.
- 5 Новикова Т.Б. Заимствование культурных концептов // Языковая личность: проблемы когнитивной и коммуникации. – Волгоград, 2001. – С.118–121.
- 6 Алимжанова Г. М. Сопоставительная лингвокультурология: взаимодействие языка, культуры и человека. – Алматы, 2010. – 300с.

References

- 1 Plechkina V.V. Slovar' inostrannyh slov [Vocabulary of foreign words]. Moskva: Russkij jazyk, 1986. 624p. (In Russian)
- 2 Bajburin A.K. Ob jetnograficheskom izuchenii jetiketa [About ethnographic study of etiquette]. Jetiket u narodov Perednej Azii: Sbornik statej. Moskva: Nauka, 1988. P.12–38. (In Russian)
- 3 Pavi P. Slovar' teatra [Vocabulary of theatres]. Moskva: Progress, 1991. 233p. (In Russian)
- 4 Pohepcov G.G. Teorija kommunikacii. [Theory of communication]. Moskva: Gnozis, 2001. 651p. (In Russian)
- 5 Novikova T.B. Zaimstvovanie kul'turnyh konceptov. [Borrowing of cultural concepts]. Jazykovaja lichnost': problem kog-nicii i kommunikacii. Volgograd, 2001. P.118 –121. (In Russian)
- 6 Alimzhanova G. M. Sopostavitel'naja lingvokul'turologija: vzaimodejstvie jazyka, kul'tury i cheloveka. [Comparative linguoculturology: interaction of language, culture and human]. Almaty, 2010. 300p. (In Russian)

Бижкенова А.Е.¹, Султанбекова С.А.²,

¹д. ф. н. профессор, ²PhD докторант Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева, Казахстан, г. Астана, e-mail: abizhkenova@mail.ru; sagima2007@mail.ru

К ВОПРОСУ ОБ ЭТИМОЛОГИИ СУФФИКСА -МАН/-МЕН В КАЗАХСКОМ ЯЗЫКЕ И О ЕГО ВОЗМОЖНОМ РОДСТВЕ С ГЕРМАНСКИМ -MAN (-MANN)

Эта статья отражает этимологию казахского словообразовательного суффикса -ман/-мен и его возможного родства с суффиксом – man (-mann) в индоевропейских языках. Актуальность темы обусловлена динамикой появления неологизмов с данным суффиксом в казахском языке, обозначающим деятельность человека.

Целью данной статьи является проведение этимологического анализа суффикса -ман/-мен в казахском, – man в английском и -mann в немецком языках и определение возможных этимологических и семантических связей между этими суффиксами. Результаты проведенных анализов показали, что данные словообразовательные морфемы в таких разноструктурных языках, как казахский, английский и немецкий языки могут быть генетически родственными, так как исторически относятся к единой языковой семье.

Ключевые слова: словообразование, аффиксация (суффиксоид), этимология, семантическое родство, древо языков.

Bizhkenova A.E.¹, Sultanbekova S.A.,

¹Dr. of Phil. Sc., professor, ²PhD student of L.N. Gumilyev Eurasian National University, Kazakhstan, Astana, e-mail: abizhkenova@mail.ru; sagima2007@mail.ru

To the issue of etymology of the suffix -ман/-мен in the kazakh language and its possible relations to german -man (-mann)

This article deals with etymology of Kazakh word-building suffix -ман / -мен and its possible relatedness to Indo-European languages' -man (-mann). The actuality of this theme is urged with appearance of numerous neologisms with this suffix in Kazakh denoting the activity of a man.

The aim of this article is to hold etymological analysis of suffix -ман / -мен in the Kazakh language, -man in English and -mann in German and to define available etymological and semantic ties between these suffixes. Results of the conducted analyses have shown that the given word-building morphemes in different-structured languages such as Kazakh, English and German languages might be genetically related as historically they refer to one and the same language family.

Key words: word-building, affixation, etymology, semantic relation, tree of languages

Бижкенова А.Е.¹, Султанбекова С.А.²,

Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің ¹профессоры, ф. ф. д.,
²PhD докторанты, Қазақстан, Астана қ., e-mail: abizhkenova@mail.ru; sagima2007@mail.ru

Қазақ тіліндегі -ман/-мен жұрнағының этимологиясы және оның герман тобы тілдеріндегі -man (-mann) жұрнағына қатысы

Бұл мақала қазақ тілі сөзжасамындағы -ман/-мен жұрнағының этимологиясын және оның Үнді-Еуропа тілдеріндегі –man (-mann) жұрнағына қатысын қарастырады. Мақаланың өзектілігі қазақ тілінде осы жұрнақтың көмегімен адамның белгілі бір іс-әрекетін білдіретін неологизмдердің санының өсуіне байланысты.

Мақаланың мақсаты қазақ тіліндегі -ман / -мен жұрнағымен, ағылшын тіліндегі -man және неміс тіліндегі -mann жұрнағына этимологиялық талдау жасау және осы жұрнақтар арасындағы болуы мүмкін этимологиялық және семантикалық байланыстарын анықтау болып табылады. Талдау нәтижелері қазақ, ағылшын және неміс тілдері сияқты түрлі құрылымдық тілдердегі осы сөзжасам морфемаларының тарихи тұрғыдан түбі бір тілдік семьяға жататын болғандықтан генетикалық тұрғыдан бір-біріне қатысы бар болуы мүмкіндігін көрсетіп отыр.

Түйін сөздер: сөзжасам, аффиксация, этимология, семантикалық қатыс, тілдер ағашы

Введение

Развитие компьютерных и информационных технологий, геополитических процессов неразрывно влекут за собой расширение лексиконов в современных языках. Как правило, обогащение словарного запаса происходит в большинстве своем посредством интралингвистических средств в языках.

В этом плане казахский язык не является исключением. Процесс словообразования в казахском языке развивается в настоящее время колоссальными темпами. Появление новых слов базируется на выработанных механизмах словообразования в казахском языке. Наиболее активным проявляет себя аффиксация (*мерей-гер* (юбилар), *жеңіс-кер* (чемпион), *ертең-гілік* (утренник), *рет-те-ме* (график), *саты-лым* (продажа), *шип-жай* (профилактика) и т.д.)

Ученые замечают, что некоторые аффиксы, такие как -кер, -гер; -дама, -деме, (-нама, -неме, -тама, -теме); -хана, -ман/-мен и некоторые другие [1, 82], которые ранее считались непроемкими, в последнее время демонстрируют особую продуктивность, например: *таным-гер* (знаток, мастер), *зерт-кер* (лаборант); *сауал-дама* (вопросник), *жауап-тама* (допрос); *зергер-хана* (ювелирная мастерская), *сән-хана* (ателье), *айдар-ман*, *мәжіліс-мен* [2, 20].

В этом списке выявляются отдельные суффиксы, которые вызывают исследовательский интерес относительно их происхождения. К таковым относим -ман/-мен в казахском языке. Задаемся вопросом об их возможном генетическом и семантическом родстве с -man (-mann) в германских языках.

Целью данного исследования является проведение этимологического анализа суффиксов -ман / -мен в казахском языке, -man в английском и -mann в немецком языках, а также определение возможной этимологической и семантической связи между указанными суффиксами.

Объектом данного исследования являются те языковые факты, которые подтверждают унифицированность формы, содержания и происхож-

дения словообразовательных суффиксов -ман / -мен в казахском, -man в английском и -mann в немецком языке.

В процессе краткого исследования использованы дескриптивный, сравнительно-исторический и сопоставительный методы.

Обзор литературы

Как было предопределено выше, казахские суффиксы -ман/-мен, принимают активное участие в создании новых слов. Примеров тому достаточно, как утверждает С. Байзаков: *айдар-ман* (шофёр), *алар-ман* (покупатель), *сатар-ман* (торговец) [2, 21]. Эти суффиксы Ж. Исаева упоминает в списках суффиксов-аллофонов, в которых действует сингармонизм -ман / -мен (-пан/-пен, -бан/-бен). В этом случае, да и в других тоже, суффиксы передают значение «человек, имеющий дело с определенным родом деятельности» [3, 128].

Заглянем для начала в древнюю историю данного суффикса. Первые исследования датируются серединой 19 века. Среди исторических научных записок о словообразовательных морфемах, в том числе суффиксах, выделяется «Руководство по сравнительной филологии» Т.Л. Папилона [4, 209] и работы Макс Мюллера «Чипы из немецкой мастерской» [5, 33]. Т.Л. Папилон связывает источник полусуффикса -man со второй формой греческого инфинитива. Первая форма – *μεναι*, -μεν (*ἐδ-μεναι*, *ἀμυνέ-μεν*) – гомерический инфинитив, но вторая форма – *εναι*, -ειν (*λελοιπ-εῖναι*, *λείπ-ειν*) соответствует в санскрите *manē* (*manai*), т.е. дательному падежу суффикса -man, благодаря которому формируется большое количество слов в санскрите, греческом языке и латыни. Так, например, от глагола *gnā* в санскрите «*to know*» «*знать*» образуется (*g*) *nāman* или в латинском (*g*) *nomē* «имя». Одновременно формируется соответствующий корень в греческом языке *γνω-*, который образуется от *γνω-μῶν* (*γνώ-μῶν-ος*)= «*a knower*», «*знающий*», отсюда – суффикс – *μῶν*, – *μεν* (= -man), который в греческом языке используется главным образом для формирования мужских

существительных как, например *τλήμων, ποιμήν* и т. д. [4, 209].

Таким образом видим, как источники свидетельствуют об очень древнем и непростом происхождении суффикса *-man*, а также его функции для формирования существительных исключительно мужского рода.

Итак, суффикс появляется во многих языках. Словообразовательное значение его демонстрирует сходство – формируются слова со значением *человек, род деятельности человека*. Этому доказательством являются словарные гнезда в словарях «Лексикон санскрита», «Индоевропейско-русском этимологическом словаре» Юлиуса Покорного, «Индоевропейско-русском этимологическом словаре» С.А. Старостина [6].

Слова *a man* в английском языке и *der Mann* в немецком языке обозначают человека, а вот в грамматическом рассмотрении они могут выступать в роли суффиксоидов. Так приведем примеры в немецком языке: *See-mann, Panzer-mann, Arbeits-mann, Berg-mann* и т.д. Автором книги «Словообразование современного немецкого языка» М.Д. Степановой сделан вывод о том, что полусуффикс (суффиксоид) *-mann* в немецком языке употребляется чаще и, как правило, имеет определенную сферу использования, обозначающую профессию человека [7, 184]. Э.М. Дубенец (2004) на примере английского языка пишет: «Существуют также спорные случаи, есть ли у нас суффикс или корневая морфема в структуре слова. В таких случаях мы называем такие морфемы полусуффиксами, а слова с такими суффиксами можно классифицировать либо как прикрепленные слова, либо как составные слова, например: *-man (post-man – почтальон)*» [8, 30].

Известный тюрколог А.Н.Кононов (1956) относительно новой истории данного суффикса пишет следующее: «*-man / -men* этот аффикс до середины тридцатых годов текущего столетия (XX в.) был непродуктивным и сохранялся лишь в ограниченном количестве имен прилагательных и существительных. В середине тридцатых годов нашего столетия (XX в.) в период интенсивного словотворчества, данный аффикс был искусственно возрожден (вероятно, не без желания создать слова, внешне похожие на немецкие и английские, образованные суффиксами *-mann, -man*), и с помощью его был создан (преимущество от глагольных основ), ряд имен существительных, которые закрепились в письменном – литературном и официальном языке со значением имени деятеля: *ögret-men* ‘учитель’,

gös-men ‘переселенец’, *söz-men* ‘красноречивый’» [9, 105].

С. Шокабаева в своей диссертации по словообразованию казахских непродуктивных суффиксов, предполагает, что в казахском языке суффикс *-ман* появился из персидского языка, где данный суффикс используется как отдельное слово и означает понятие – «человек» [1, 83]. Данного мнения придерживается и лингвист Г. Жексембаева (1992) [10, 147].

Вопрос о проникновении данного суффикса в казахский язык проясняет лингвист Л.З. Рустемов. В своем труде об арабо-персидских заимствованиях в современном казахском языке Л.З. Рустемов упоминает, что северная группа сакских племен, населявших территорию Казахстана в VI-IV вв. до н.э. изъяснялась на тюркских языках, тогда как южная группа для этих целей использовала иранский язык. Л. Рустемов утверждает, что кочевые сакские племена, чья культура и искусство достигли значительного уровня развития, находились в тесном контакте с Персией [11, 44].

На наш взгляд, свои утверждения ученый базирует еще и на данных генеалогической карты происхождения языков В. Милитарева [12]. Данная карта дает представление и факты происхождения и локального произрастания современных языков на общем языковом древе. Ниже приводим данную карту.

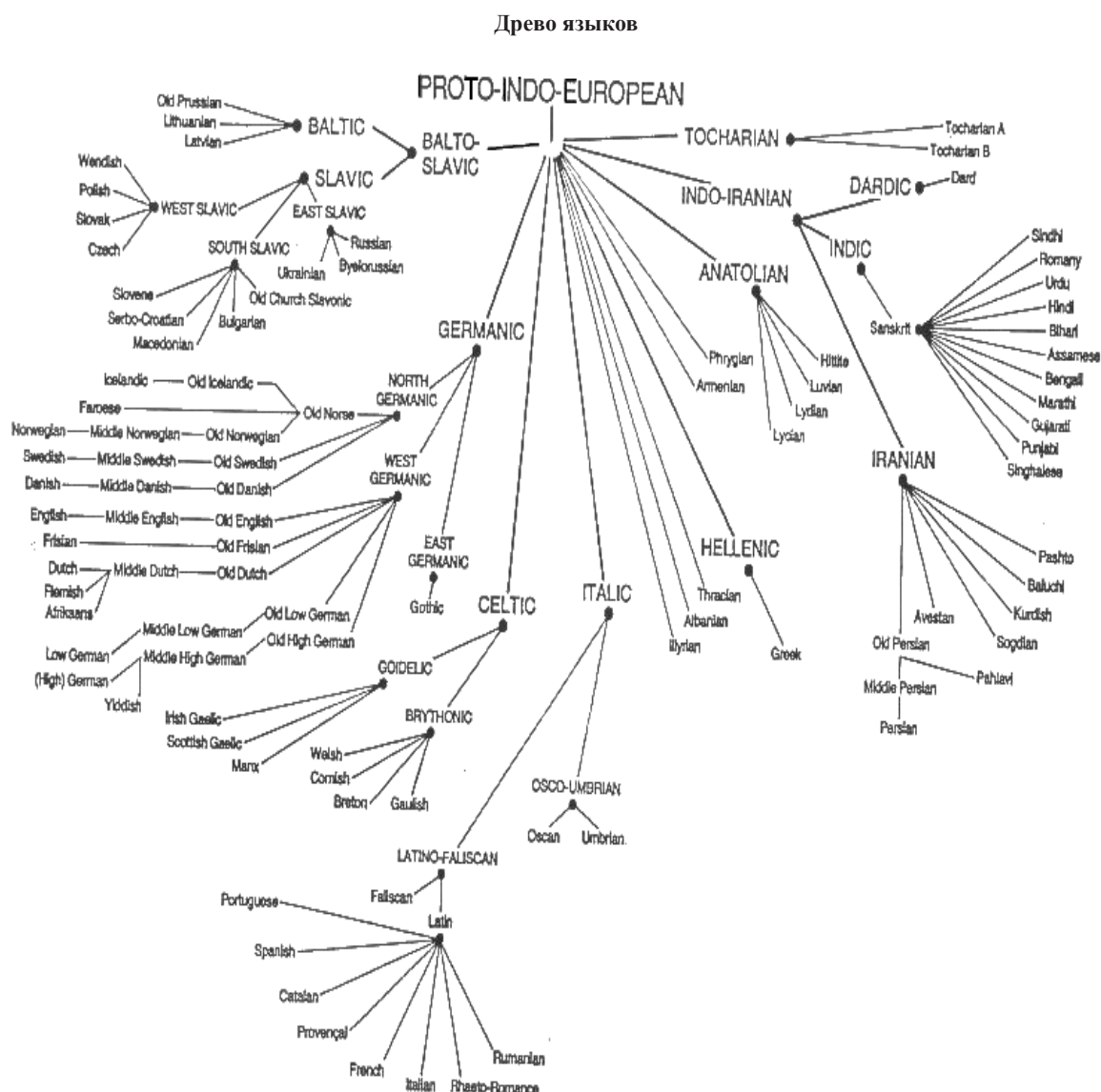
Данная фактология подтверждает предположение об источнике суффикса *-ман* в казахском языке – он заимствован из древнеперсидского языка. Этому же мнению придерживается известный ученый-тюрколог Б. Орузбаева (1964) [13, 183].

Результаты и обсуждение

Таким образом, можно сказать, что данное предположение не только имеет право на существование, но и опирается на мнение ряда ученых и результаты проведенных ими исследований. Мы также склонны считать, что казахский *-ман* может восходить к древнеперсидскому языку, а это означает, что он относится к индоевропейской семье языков. Древнеперсидский язык относится к иранской группе языков индоевропейской ветви индоевропейской семьи языков. По утверждению европейских историков-лингвистов, суффикс *-man (-mann)* в европейских языках происходит из древнегреческого языка. Здесь все же возникает вопрос – древнеперсидский или древнегреческий является первоосно-

вой рассматриваемого суффикса. Думаем, здесь понадобятся более глубокие исследования неостратических языков древности. Пока мы остановимся на гипотезе морфологического родства казахского и европейского суффикса, т.к. мы выяснили, что они восходят к единому языковому

ареалу – индоевропейской семье языков. Словопроизводная морфема *-ман / -мен* казахского языка, полусуффикс (суффиксоид) *-man(-mann)* английского и немецкого языков восходят, на наш взгляд, к общему индоевропейскому слову *tan-* в значении *мужчина, человек*.

По мнению Р. Сыздык [14, 247], суффикс *-ман* стал продуктивным в казахском языке в 70-80-е годы XX века. Она пишет, что суффикс означает действие, которое еще не произошло, но должно произойти посредством добавления к причастию будущей формы времени на казахском языке: *жылар-ман* – обозначает состояние человека, который собирается плакать. Т.е. автор

убежден в том, что при помощи этого суффикса передается исключительно состояние человека, но никак не создается имя существительное, относящееся к обозначению лица, занимающегося определенным родом деятельности. В своих трудах ученый не соглашается с А.Ермековым по поводу предложенного в 50-х годах XX века неологизма *оқырман* «*читатель*». По мнению Р.

Сыздык, слово должно изначально обозначать человека, который просто собирается прочесть что-либо, но никак не человека, который читает что-то. Она считает неправильной семантику производного существительного. Наряду с этим Р. Сыздык не допускает идентификации казахского суффикса *-ман* с суффиксом *-man* индоевропейских языков, где последний обозначает определенное лицо.

Следует отметить, что существенной особенностью полусуффикса (суффиксоида) *-man* (*-mann*) английского и немецкого языков является относительная непродуктивность, подтверждением тому могут служить корпус неологизмов немецкого языка www.wortwarte.de [15] и корпус неологизмов английского языка www.word.spy [16], где за 9 месяцев 2017 г. не зафиксировано ни одного нового слова с суффиксоидом *-man* (*-mann*), чего нельзя утверждать об однородном суффиксе казахского языка. Ученые-казаховеды

отмечают, что данный суффикс начал демонстрировать словообразовательную активность [1, 82].

Заключение

Таким образом, подведем некоторые итоги всему сказанному. Во-первых, суффикс *-man/-men* в современном казахском языке становится активной словообразовательной морфемой. Во-вторых, в современных английском и немецком языках, омонимичный словообразовательный элемент выполняет роль суффиксоида и не так активен и продуктивен в образовании неологизмов. В-третьих, считаем, что выше указанные словообразовательные морфемы в таких разноструктурных языках, как казахский, английский и немецкий языки могут быть генетически родственными, так как исторически относятся к единой языковой семье.

Литература

- 1 Шокабаева С.С. Қазіргі қазақ тіліндегі өнімсіз жұрнақтардың сөзжасамдық әлеуеті: Фил. ғыл. канд. дисс.: 10.02.02 – Астана. Л.Н.Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті 2010. – С. 82.
- 2 Бизаков С. Казахский язык: просто о сложном. – Алматы: Атамұра, 2014. – С. 20
- 3 Исаева Ж. Әдеби тілдің нормасынан ауытқыған сөздердің тарихи-лингвистикалық аспектісі. – Алматы: Арыс, 2004 – 128 б.
- 4 Papillon T.L. A Manual of Comparative Philology as applied to the illustrations of Greek and Latin Inflections. – Oxford: Clarendon Press, 1876. – XII, p.209
- 5 Müller F.M. Chips From A German Workshop. Essays Chiefly On The Science Of Language. With Index To Volumes III and IV. – New York: Charles Scribner's Sons, 1881. – p.33
- 6 <http://www.lexicons.ru>
- 7 Степанова М.Д. Словообразование современного немецкого языка. – Москва: Литература на иностранных языках, 1953. – с.184
- 8 Дубенец Э.М. Современный английский язык Лексикология. – Москва: Глосса Пресс – СПб.: Каро, 2004 – с. 30.
- 9 Кононов А.Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. Москва-Ленинград, 1956. – с.105-106.
- 10 Жексембаева Г. Е. Қазақ тіліндегі кірме сөздердің сөзжасам қызметі: филол.ғыл.канд.дисс.қолжазбасы. – Алматы, 1992. – 147б.
- 11 Рустемов Л.З. Қазіргі қазақ тіліндегі араб-парсы кірме сөздері. – Алматы: Ғылым, 1982. – 44б.
- 12 <http://www.dictionnaire.narod.ru/tree.htm>
- 13 Орузбаева Б.У. Словообразование в киргизском языке. – Фрунзе: АН Киргизской ССР, 1964. – с.183
- 14 Сыздык Р. Қазақ тіліндегі ескіліктер мен жаңалықтар. – Алматы: Арыс, 2009 – 247б.
- 15 www.wortwarte.de
- 16 www.word.spy

References

- 1 Shokhabayeva S.S. Khazirgi khazakh tilindegi onimsiz zhurnakhtardyn sozzhasamdyk aleuety: [Word-building Potential of Non-productive Suffixes in Contemporary Kazakh Language] Phildgyl.kand.diss.: 10.02.02 – Astana. L.N.Gumilyev atyndagy Eurasia Ultyk University 2010.- p.82 (in Kazakh)
- 2 Bizakov S. Kazakhski yazyk: Prosto o slozhnom.[Kazakh Language: Just about Complex Phenomenon] – Almaty: Atamura, 2014. – p.209 (in Russian)
- 3 Issayeva ZH. Adebi tildin normasyнан ауыtkhygan sozderding tarikhi-lingvistikal'kh aspektisi. [Historical-Linguistic Aspect of Literary Interferential Words]– Almaty: Arys, 2004 – p.128 (in Kazakh)
- 4 Papillon T.L. A Manual of Comparative Philology as applied to the illustrations of Greek and Latin Inflections. – Oxford: Clarendon Press, 1876. – XII, p.209 (in English)

- 5 Müller F.M. Chips From A German Workshop. Essays Chiefly On The Science Of Language. With Index To Volumes III and IV. – *New York*: Charles Scribner's Sons, 1881. – p.33 (in English)
- 6 <http://www.lexicons.ru>
- 7 Spepanova M.D. Slovoobrazovanie sovremennogo nemetskogo yazyka. [Word-formation in Contemporary German Language] – Moskva: Literatura na inostrannykh yazykakh 1953 — p.184 (in Russian)
- 8 Dubenec E.M. Sovremennyy angliiskiy yazyk. Leksikologiya. [Contemporary English Language. Lexicology] – Moskva: Glos-
sa Press – Sankt-Peterburg: Karo, 2004 – p .30 (in Russian)
- 9 Kononov A.N. Grammatika sovremennogo tureckogo literaturnogo yazyka. [Grammar of Contemporary Turkish Literary
Language] Moskva – Leningrad, 1956. – P.105-106 (in Russian)
- 10 Zheksembayeva G.E. Khazakh tilindegi kirme sozderding sozhasam khyzmeti [Word-building Function of Borrowings in
the Kazakh Language]: philol.ghyl.kand.diss.kholzhasbasy. – Almaty. 1992. – p.147 (in Kazakh)
- 11 Rustemov L.Z. Khazirgi khazakh tilindegi arab-parsy kirme sozderi. [Arabic-Persian Borrowings in the Contemporary
Kazakh Language] Almaty: Gylym, 1982 – p.44 (in Kazakh)
- 12 <http://www.dictionnaire.narod.ru/tree.htm>
- 13 Oryzbayeva B.U. Slovoobrazovanie v kirgizskom yazyke. [Word-Formation in Kirgiz Language] – Frunze: AN Kirgizskoi
SSR, 1964.- p. 183 (in Russian)
- 14 Syzdyk R. Khazakh tilindegi eskilikter men zhanalykhtar. [] – Almaty: Arys, 2009 – 247b. (in Kazakh)
- 15 www.wortwarte.de
- 16 www.word.spy

Жұбаева О.С.,

А. Байтұрсынұлы атындағы Тіл білімі институты грамматика
бөлімінің меңгерушісі, ф. ф. д.,
Қазақстан, Алматы, e-mail: alm-ornai@mail.ru

«ЕТІС» ГРАММАТИКАЛЫҚ КОНЦЕПТІ: КОГНИТИВТІ АСПЕКТ

Мақалада қазақ тіліндегі грамматикалық категориялардың мазмұндық және коммуникативтік негізіндегі антропоэзектік сипаты мен антропоэзектіліктің көріну деңгейі көрсетіледі. Мақалада қатынас негізіндегі грамматикалық категорияның антропоэзектілік сипаты көрсетіліп, қолданылу ерекшеліктері анықталады. Түрлі әлеуметтік-демографиялық топтан құралған информанттар арасында эксперименттер жүргізу арқылы жекелеген грамматикалық категорияларды (етіс) сөйлеушілердің қабылдау ерекшелігі, етіс семантикасының тілдік санадағы көрінісін, түсінік деңгейі анықталады. Қазақ тілді сөйлеушілердің тілдік санасында өздік, ырықсыз, ортақ етіс мазмұн межесі мен тұрпат межесі тұрғысынан толық қалыптасқаны, ал өзгелік етіс тұлғалары тілдік санада әлі орныға қоймағаны, оның себептері көрсетіледі. Грамматикалық категориялар концептуалдау және категориялау үдерістерінің нәтижесі екенін көрсете отырып, морфологиялық репрезентация арқылы грамматикалық категориялардағы ұлттық тілдің өзіндік ерекшеліктері айқындалады.

Түйін сөздер: антропоэзектік, грамматикалық категория, қарым-қатынас, ұлттық ерекшелік.

Zhubaeva O.S.,

DSc, Head of the Department of Grammar Institute of Linguistics named after A. Baitursynuly,
Kazakhstan, Almaty, e-mail: alm-ornai@mail.ru

The grammatical concept of «voice»: cognitive aspect

The purpose of the research is to reveal the character of anthropocentricity of grammatical categories in their meaning and functioning. On the basis of generalization and comparative analysis of nature and forms of human factor reflection in Kazakh grammatical categories there has been revealed the national-cultural specific character of grammatical categories. In the research paper an integrated description of anthropocentricity of the main grammatical categories in the Kazakh language is given; the national-cultural originality of grammatical categories has been revealed. Carrying out some experiments with a number of informants with different social-demographic profiles, to reveal in a linguistic consciousness of native speakers of the Kazakh language the reflection of grammatical category of voice that is substantially complicated and still interpreted in different ways by various researchers.

Key words: anthropocentricity, grammatical categories, the action of communication, national and cultural specificity.

Жубаева О.С.,

д. ф. н., зав. отделом грамматики Института языкознания имени А. Байтұрсынова,
Казахстан, г. Алматы, e-mail: alm-ornai@mail.ru

Грамматический концепт «злог»: когнитивный аспект

В данной статье выявлен характер антропоцентричности грамматических категорий в их содержании и функционировании. На основе обобщения и сравнительного анализа характера и формы отражения человеческого фактора в грамматических категориях казахского языка выявлена национально-культурная специфика грамматических категорий. Исследование закладывает

основы нового для казахского языкознания научного направления – антропоцентрической грамматики казахского языка. Путем проведения серии экспериментов с разными по социально-демографическим параметрам информантами выявлено отражение в языковом сознании носителей казахского языка грамматической категории залога, являющейся в содержательном плане сложной и до сего времени неоднозначно трактуемой разными исследователями. Таким образом, в работе дана комплексная характеристика антропоцентричности грамматических категорий казахского языка, выявлена национально-культурная самобытность грамматических категорий.

Ключевые слова: антропоцентричность, грамматические категории, акт коммуникации, национально-культурная специфика.

Кіріспе

Түркітануда, оның ішінде қазақ тіл білімінде етіс категориясы ғалымдар назарын аудартып, көптеген талас тудырып келеді. Етісті антропоэзектік тұрғыдан зерттеп, оның тілдік табиғатын ашу етістің өзіндік ерекшелігін түсінуге мүмкіндік береді. Сол арқылы тіл білімінде талас тудырып жүрген көптеген мәселелер өз шешімін табады.

Ғасырдан астам уақыт бойы сөз болғанмен, бұл мәселе төңірегінде әлі де шешіле қоймаған түйткілдер баршылық. Ұлттық тіл білімі қалыптасқанға дейінгі зерттеушілер етісті бірде етістік (А.Казембек), бірде форма, формация (Н.И. Ильминский), бірде вид («Грамматика алтайского языка») деп түрліше атаған. П.М. Мелиоранский, М.Терентьев грамматикаларында ғана етіс түрлері «зalog» деп аталған. Етістіктің бұл түрін етіс деп танымай, оның орнына форма, негіз, етістік сияқты атауларды қолдану Н.П. Дыренкова [1], А.Н. Кононов, В.Е. Егоров, Ж.Дени т.б. еңбектерінде де өріс алды. Сонымен қатар М.А. Казем-Бек [2], Н.И. Ильминский, М. Терентьев, П.М. Мелиоранский еңбектерінде болымсыз етістіктер етістің бір түрі ретінде («отрицательный залог») берілген. *-ңқыра/-ңкіре* жұрнақтарын Н.И. Ильминский «уменьшительная форма» деп атаса, «Грамматика киргизского языка» деген кітапта ол күшейткіш етіс («усилительный залог») көрсеткіштері ретінде берілген. Яғни ұлттық тіл білімі қалыптасқанға дейінгі кезеңде зерттеушілер етіс категориясын түрліше таныған, ортақ ұстанымдар болмаған. Ал етістіктің болымсыздық жұрнақтары да, *-ңқыра/-ңкіре* жұрнақтары қатынас мәнін бере алмайды. Сондықтан олар етіс категориясын құрай алмайды. А.Байтұрсынұлы етістің 10 түрін көрсетеді: *өздік*: -н, *ырықсыз*: -л, *ортақ*: -с, *салт*, *сабақты*, *беделді*: -дыр, *өзгелік*: -ғыз, *шығыс*: -стыр, *өсіңкі*: -қыла, *дүркінді*: -ңқыра. А. Байтұрсынұлы мен Қ. Кемеңгерұлы,

Қ. Жұбановтың етістерді тануын салыстыратын болсақ, мынадай ерекшеліктер байқалады:

1-кесте – Ұлттық тіл білімі қалыптасқан кезеңдегі ғалымдардың етісті жіктеуі

А.Байтұрсынұлы	Қ.Кемеңгерұлы	Қ.Жұбанов
1. өздік: -н 2. ырықсыз: -л 3. ортақ: -с 4. салт 5. сабақты 6. беделді: -дыр 7. өзгелік: -ғыз 8. шығыс: -стыр 9. өсіңкі: -қыла 10. дүркінді: -ңқыра	1. өздік (возвратный): -н 2. ырықсыз: (страдательный): -л 3. ортақ (взаимный): -с 4. салт (средний) 5. сабақты етіс -т, -ыр/-ір/-р, -дыр/-дір, -қыз/-кіз 6. беделді етіс: -т, -ыр/-ір/-р, -дыр/-дір, -қыз/-кіз прогрессивный вид: -қыла/-кіле многократный вид: -ңқыра/-ңкіре	1. өздік етіс 2. ырықсыз: -л 3. ортақ: -с 4. салт 5. сабақты 6. өзгелік етіс: -тыр/-тір, -қыз/-кіз, -ыт/-іт, -ыр/-ір 7. өсіңкі етіс: -ңқыра/-ңкіре

Ғалымдар салт, сабақты, өздік, ырықсыз, ортақ етістерді бірдей таныған. А. Байтұрсынұлы әр етіс түрін даралап, әрқайсысының көрсеткіштерін көрсетіп, оған өзінше ат беруге тырысса, Қ. Кемеңгерұлы мен Қ. Жұбанов мағыналық, тұлғалық ұқсастықтарына байланысты басын біріктіріп, жинақтауға ұмтылған. А. Байтұрсынұлы жіктеуіндегі беделді етіс, өзгелік етіс, шағыс етістерді топтастырып, бір етіс түрінде беру, дүркінді етісті (многократный вид) етіс қатарына қоспау жағынан келгенде, Қ. Кемеңгерұлы мен Қ. Жұбанов еңбектері өзара ұқсас. Қ. Жұбанов өсіңкі етісті етіс қатарына шартты түрде қосып отырғанын айта келіп,

былай дейді: «Өсіңкі етіс мағынасы жағынан етіс емес, сонда да құрылысы жағынан (етіс үстеулері сияқты мұның үстеуі түбір мен **-маның** аралығына тығылатын болғандықтан) етіске ұқсас болғандықтан, жетінші етіске мұны да санадық» [3, 380].

А. Байтұрсынұлы жіктеуіндегі беделді етіс, өзгелік етіс, шағыс етістерді Қ. Кемеңгерұлы мен Қ. Жұбанов жинақтап, өзгелік етіс (*беделді етіс* – Қ. Жұбанов) түрінде берген. Қ. Кемеңгерұлы *-т, -р, -қыз, -тыр* т.с.с. жұрнақтардың сөздің соңғы дыбысына қарай ауысып отыратынын, алайда олар сөзге бірдей мағына үстейтінін көрсетеді. Қ. Жұбанов беделді, өзгелік етістерді топтастырып беру себебін былайша түсіндіреді: «Бұрынғы өзгелік етіс пен беделді етісті екеуін бір қостық. Үйткені екеуі де – өзге біреу арқылы істелетін іс. Өзге біреуге беделінді саласың ба, қорқытасың ба – бәрібір. Тіл мұнысын айырмайды» [3, 381]. Сол сияқты өсіңкі, дүркінді етістерді етіс категориясына қоспаған. Сондықтан А. Байтұрсынұлы етістің 10 түрін көрсетсе, Қ. Кемеңгерұлы 6 түрін, Қ. Жұбанов 7 түрін көрсетеді.

Жоғарыда аталған етіске қойылатын талаптар үдесінен тексеретін болсақ, сабақты етіс етіске қойылатын талаптарға толық жауап береді. Сабақты етіс те, басқа етістер сияқты, қатынас идеясын репрезентациялап, субъектілі-объектілі қатынасты білдіреді. Қазіргі ғылыми парадигмаларда таным процесіндегі субъектінің белсенділігіне ерекше назар аударылады [4]. Сабақты етіс тұлғалары морфологиялық жолмен берілетін етіс концептінің мазмұнында «белсенділік» сипатын активтендіреді. Сол арқылы «белсенділік» морфологиялық мәні түзіліп, бастауыш қызметіндегі субъект қимылдың иесі екенін білдіреді. Мысалы: Шілденің шеке қызар, ми қайнар күні. Ділграмның тақтайдай қара жолмен қос ат жеңіл тырашбеңкені *быжылдаттып* келеді (Ж. Аймауытұлы, Шығ.). Сәуірдің алашабыр бұлты арылмай-ақ Баянауыл, Қызылтаудағы қалың сүйіндік *атандарын алқынттып*, бұйдасын көш құлаш созып, Бөкембай, Арқалық, Жаманадыр, Желдіадырдан асып, Шідертіге қарай ағылтегіл құлай бастайды (Ж. Аймауытұлы, Шығ.).

Бұл мән жалпылық сипат алып, субъектінің бастауыш қызметінде, объектінің толықтауыш қызметінде жұмсалатынын білдіреді. Ол семантикалық, синтаксистік және мәнмәгін факторлары сияқты қосымша лингвистикалық факторлардың көмегімен нақтылана түседі.

Тура толықтауышты ғана қажет ететін, салт етістерге *-т, -тыр, -қыз, -р* жұрнақтары жалғану арқылы жасалған етіс түрі – *сабақты*

етіс те, сабақты етіске (негізгі, туынды) аталған қосымшалар үстеліп, сөйлемде тура толықтауышпен қатар барыс септікті жанама толықтауыштың да болуын қажет ететін етіс түрі *өзгелік етіс* болуы керек. Бұл орайда «Қазақ грамматикасында» С. Исаев етістіктің салттылық және сабақтылық сипаты оның жалпы грамматикалық семантикасына, яғни тура объективтіні қажет ету-етпеуіне байланысты екенін айта келіп: «Салттылық-сабақтылық мәнді көрсетерлік етістіктің *арнайы грамматикалық (парадигмалық) формалары жоқ* (ерекшелеген – біз, О.Ж.). Етіс жұрнақтарының көпшілігі салттылық-сабақтылық мәнмен, яғни өзгелік етіс сабақтылықпен, өздік етіс пен ырықсыз етіс салт етістікпен байланысты, бірақ бұл қасиет оның бірден-бір грамматикалық көрсеткіші емес. Салттылық-сабақтылық мән етістіктің грамматикалық мағынасы арқылы түсініліп, сөйлеу процесінде тура толықтауышты (тура объектіні) меңгеру-меңгермеу сипаты негізінде көрінеді. Сөйтіп, бұл құбылыс етістіктің таза грамматикалық сипаты емес, әрі тікелей семантикалық, әрі синтаксистік-қатынастық қасиеттерінің көрінісі болып табылады. Сондықтан салттылық-сабақтылық сипатты (грамматикалық ерекшелікті) етістіктің лексика-грамматикалық категориясы деп таныған жөн», – дейді [5, 499]. Бұл орайда бір нәрсені ескеру қажет: қазақ тілінде салт етістің арнайы көрсеткіштері болмағанмен, сабақты етістің көрсеткіштері бар: *-т, -тыр, -қыз, -р*. Алайда бұл көрсеткіштер өзгелік етіс қосымшаларымен ұқсас, омонимдес жұрнақтар болып табылады. Осындай тұлғалық ұқсастығына байланысты А. Байтұрсынұлы, Қ. Кемеңгерұлы, Қ. Жұбанұлы еңбектерінде етіс категориясы ретінде танылған салт, сабақты етістер 30-жылдардың аяғынан бастап оқулықтар мен грамматикаларда етіс қатарынан ығыстырыла бастайды. І. Кеңесбаев 1939 жылы жарық көрген «Қазақ тілі» атты оқулығында Қ. Кемеңгерұлы, Қ. Жұбановтардың үлгісімен етістің 6 түрін көрсетіп, салт, сабақты етістіктерді етіс ретінде танығанмен, кейінгі еңбектерінде етістің 4 түрін ғана атайды. 30-жылдардың аяғынан бастап, көрсеткіштері бірдей болғандықтан, сабақты етіс пен беделді (өзгелік) етіс біріктіріліп, салт, сабақты етістер етіске тән мағынасы мен қызметіне қарамастан, етіс аясынан алшақтатыла бастады. Бұл үрдіс 1957 жылы Уфада өткен етіс мәселесін қарастырған координациялық кеңесте де өріс алды. Бұл арада, сабақты етіс пен беделді (өзгелік) етістің басын біріктіру керек дегенде,

аталған етістердің өзіндік ерекшеліктері ескерілмей қалып отыр. Біріншіден, сабақты етісте тура толықтауыш қана қатысады, ал өзгелік етісте тура толықтауышпен қатар барыс септігіндегі жанама толықтауыш та болуы шарт; екіншіден, сабақты етіс салт етістікке *-т, -қыз, -тыр, -р* сияқты қосымшалардың жалғануы арқылы жасалса, беделді (өзгелік) етіс осындай туынды сабақты етістіктерге немесе негізгі сабақты етістіктерге аталған жұрнақтардың үстелуінің нәтижесінде ғана жасалады. Осындай ерекшеліктеріне байланысты Ы. Маманов, С. Исаев еңбектерінде сабақты етістік пен өзгелік етісті біріктіру қисынсыз болатыны туралы айтылады. Ы. Маманов *өткізу, түсіру, көбейту, көңілдендіру, пісіру* – сабақты етістік, *көріну, созылу, үзілу, жырылу, салыну, сүйіну* етістіктерін салт етістіктерге жатқызып: «Салт және сабақты етістіктердің арнайы морфема арқылы жасалған тұлғасы олардың ауыспалы түрі болып табылады. Себебі арнайы морфемалар арқылы салт етістіктердің бір-біріне ауысуы етіс формаларымен ұштасып жатады. Яғни өздік және етістіктердің жұрнақтары сабақты етістікті салт етістікке айналдыратын морфема қызметін атқарса, өзгелік етіс жұрнағы салт етістікті сабақты етістікке айналдыратын морфема болып табылады... Салт етістіктер екі түрде жұмсалады. Біріншісі, тура салт етістік бұған түбір етістік (негізгі түбір, туынды түбір, қос түбір, тіркесті түбір) күйінде тұрып табыс септігін меңгермейтін етістіктер жатады. Олардың салт етістік мағынасын білдіретін арнайы грамматикалық көрсеткіші болмайды. Салттық мағына бұлардың өз бойында, яғни лексикалық мағынасында сақталады... Салт етістіктің екінші түрі – ауыспалы салт етістік. Бұл сабақты етістіктерге өздік және ырықсыз етіс жұрнақтары жалғану арқылы жасалады. Мысалы: *көріну, басылу, көтерілу, зарлану* т.б.», – деп жазады [6, 37]. Сабақты етіс етіске тән өзіндік мағынасы мен арнаулы көрсеткіштері болуына байланысты (*-т, -тыр, -қыз, -р*) етіс категориясынан өз орнын алуы керек. Ал сабақты етіс етіс ретінде танылатын болса, онымен оппозиция құрайтын, яғни тура толықтауышты (объектіні) керек етпейтін салт етіс те осы категория шеңберінде қарастырылуы қажет.

Ы. Маманов орыс топтарына қазақ тілін үйретуге арналған оқу құралында етіс түрлерін салт-сабақты етістіктерге қатысына қарай сипаттайды: «*Сабақты етістік* в казахском языке бывают лексические и каузативные. Лексические переходные глаголы – это основы

глагола, а каузативные переходные глаголы образуются путем присоединения к основе непереходного глагола суффиксов: *-дыр, -дір, -тыр, -тір, -ғыз, -гіз, -қыз, -кіз, -т*. Например: *Бала ұйықтады. – Мальчик уснул. Айша баланы ұйықтатты. – Айша усыпляла ребенка. Машина жүрді. – Машина завелась. Шофер машинаны жүргізді. – Шофер завел машину*. Каузативные глаголы в казахском языке образуются от всех непереходных глаголов без исключения и обозначают действие, которое совершается от воздействия со стороны. *Салт етістік* обозначает действие, которое не переходит на объект и не имеет при себе прямого дополнения, выраженного винительным падежом. Салт етістіктер в казахском языке делятся на лексические и грамматические. Лексические непереходные глаголы – это основы глагола, без специального грамматического показателя. Например: *жүру – ходить, жүргізу – бегать, ұйықтау – спать, қуану – радоваться* и т.д. Грамматические непереходные глаголы образуются от основы переходного глагола с помощью суффиксов: *-ын, -ін, -ыл, -іл*. Они по значению соответствуют в русском языке возвратному и страдательному залогами. Например: *хат жазылды – письмо написано, кітап оқылды – книга прочитана, бала жуынды – мальчик умылся, Катя киінді – Катя оделась*» [6, 320].

Біздің ойымызша, салт, сабақтылықты орыс тілінің үлгісімен переходность/непереходность категориясына байланысты сөз етпей, дербес етіс түрі ретінде арнайы қарастыру керек. Сондықтан өздік және ырықсыз етістердің негізгі мәнін етістерді салт-сабақты етістікке айналдыру қызметімен шектеуге болмайды.

Өзгелік етіс қимыл, іс-әрекеттің тікелей субъектінің өзі арқылы емес, екінші бір субъекті (ол екінші субъекті қимылды, іс-әрекетті тікелей орындап, іске асырушы субъекті агент деп аталады) арқылы істелінетінін, іске асатынын білдіріп, сабақты етістіктен (кез келген етістіктен емес) белгілі бір қосымшалар арқылы жасалатын етіс категориясының түрі болып табылады. Демек, өзгелік етісте қимылды, әрекетті іске асырушы субъекті бір емес, екеу болады: бірі – іс-әрекетті, қимылды орындаушы, сөйлемде ол грамматикалық бастауыш қызметінде болады, яғни бұл логикалық субъекті әрі грамматикалық субъекті болады, екіншісі, іс-әрекетті, қимылды тікелей орындаушы субъекті (агент). Ол сөйлемде берілмеуі де мүмкін, берілсе, барыс септік тұлғасында тұрып, ол сөз сөйлемде жанама толықтауыш қызметін

атқарады. Бұл – бір. Екіншіден, өзгелік етіс тек сабақты етістікпен жасалады, сабақты етістікке өзгелік етіс қосымшасы үстелгенде, ол баяндауыш болып тұрған сөйлемде тек іс-әрекет, қимылды тікелей атқарушы барыс септіктегі екінші субъект (агенс) қана пайда болады, баяндауыш сабақты етістікті сөйлемде іс-әрекетті орындатушы субъект пен объект өзгелік етіс қосымшасы қосылмай тұрғанның өзінде бар болатын [5, 510].

Қазақ тілінің ғылыми бейнесін қалыптастыруға атсалысқан ғалымдардың еңбектерін сараптай келе, Қ. Кемеңгерұлы мен Қ. Жұбанов беделді (өзгелік) етістің өзіндік ерекшелігін түсінгенін көреміз. Ғалымдар *-т*, *-қыз*, *-тыр*, *-р* жұрнақтары салт етіске жалғанса, беделді етіс емес, сабақты етіс жасалатынын, ал беделді етіс болуы үшін аталған қосымшалар сабақты етістіктерге жалғануы керектігін айтады. Сонымен қатар Қ. Кемеңгерұлы беделді етіс болу үшін тура толықтауышпен қатар жанама толықтауыштың да болуы шарт екенін ескертеді. Ғалым *сындыр*, *отырғыз* сияқты сабақты етістер мен *сындырт*, *жүргіздір*, *қаздыр*, *сұрат* секілді беделді етістерді салыстыра отырып, көрсеткіштері бір болғанмен, олар түрлі етіске жататынын айтады. Сонда, Қ. Кемеңгерұлының түсіндіруінше, тура толықтауышты ғана қажет ететін, салт етістерге *-т*, *-тыр*, *-қыз*, *-р* жұрнақтары жалғану арқылы жасалған етіс түрі – сабақты етіс те, сабақты етіске (негізгі, туынды) аталған қосымшалар үстеліп, сөйлемде тура толықтауышпен (прямое дополнение – Қ.К.) қатар барыс септікті жанама толықтауыштың (косвенное дополнение – Қ.К.) да болуын қажет ететін етіс түрі беделді етіс болуы керек [6].

Ғалым тұжырымдары кейін Ы. Маманов еңбектерінде сабақтастықтапқан. Зерттеуші өзгелік етісті субъектінің қимылы объектіге тікелей емес, екінші біреу арқылы бағытталатынын білдіретін сабақты етістіктің грамматикалық формасы ретінде сипаттай келіп, қимыл иесі бір істі тікелей өзі істемей, екінші біреуге істетіндігін көрсететінін айтады. Ы. Маманов өзгелік етіске былайша анықтама береді: «Өзгелік етістің анықтамасы: қимылдың түп иесі атау септігінде, бастауыш қызметінде жұмсалады да, қимылды тікелей орындаушы барыс септігінде жанама толықтауыш қызметін атқарады... Сөйтіп, өзгелік етістік болу үшін, ол сөйлемде барыс септігіндегі жанама толықтауыш қызметіндегі агенсті керек етеді. Агенс сөйлемде айтылуы да, айтылмауы да мүмкін. Салт етістіктен өзгелік етіс жұрнағы арқылы жасалған сабақты

етістіктер агенсті керек етпейді. Салт етістіктен сабақты етістікке айналған етістік тұлғасын өзгелік етіске айналдыру үшін оның үстіне тағы да өзгелік етіс жұрнақтарының біреуі жалғануы шарт» [7, 42]. Өзгелік етістің сабақты етістен ғана жасалатыны туралы С.Исаев та атап көрсеткен болатын: «Өзгелік етіс қосымшасы салт етістікке жалғанғанда, салт етістіктен бірден өзгелік етіс тудырмайды, тек салт етістікті сабақты етіске айналдырады, енді осы сабақты етістікке екінші рет етіс қосымшасы жалғанғанда барып өзгелік етіс жасалады [8, 181]. Ғалым өзгелік етістің өзіндік ерекшелігін толық түсініп, оны былайша сипаттайды: «Өзгелік етіс қимыл, іс-әрекеттің тікелей субъектінің өзі арқылы емес, екінші субъекті (ол екінші субъекті, қимылды, іс-әрекетті тікелей орындап, іске асырушы субъекті агенс деп аталады) арқылы істелетінін, іске асатынын білдіріп, сабақты етістіктен (кез келген етістіктен емес) белгілі қосымшалар арқылы жасалатын етіс категориясының түрі болып табылады. Демек, өзгелік етісте қимылды, әрекетті іске асырушы субъекті бір емес, екеу болады: бірі – іс-әрекетті, қимылды орындатушы иесі, сөйлемде ол грамматикалық бастауыш қазметінде болады, яғни бұл логикалық субъекті әрі грамматикалық субъекті болады, екіншісі, іс-әрекетті, қимылды тікелей орындаушы субъекті (агенс) ол сөйлемде берілмеуі де мүмкін, берілсе, барыс септік тұлғасында тұрып, ол сөз сөйлемде жанама толықтауыш қызметін атқарады. Бұл – бір. Екіншіден, өзгелік етіс тек сабақты етістіктен жасалады, сабақты етістікке өзгелік етіс қосымшасы үстелгенде, ол баяндауыш болып тұрған сөйлемде тек іс-әрекет, қимылды тікелей атқарушы барыс септіктегі екінші субъект (агенс) ғана пайда болады, баяндауыш сабақты етістікті сөйлемде іс-әрекетті орындатушы субъекті мен объекті өзгелік етіс қосымшасы қосылмай тұрғанның өзінде бар болатын» [8, 181].

З.К. Дербишева қырғыз тілінің материалдарын негізге ала отырып, түркі тілдеріндегі өзгелік етіс мәнінің қалыптасуы туралы былай дейді: «Для грамматической системы тюркских языков особо значимой является категория каузативности. Иначе она называется категорией понудительности, которая пронизывает всю глагольную систему тюркских языков. Семантика этой категории состоит в том, что с помощью специальных грамматических аффиксов выражается значение принуждения осуществить то или иное действие: *жаздыр*, *тургуз*, *иштет*, *ичир*, *ойнот*, *байлат*, *уктат* и т.д. Эта катего-

рия представляет специфику грамматического строя тюркских языков. Нам представляется, что и здесь напрашивается экстралингвистическая мотивация, связанная, с одной стороны, с политической системой, существовавшей у многих тюркских народов, живших несколько тысячелетий в условиях военных государственных образований, с жесткой системой принуждения, и с другой стороны, многовековая традиция возрастной иерархии, связанная с почитанием старших, выражающимся в беспрекословном им подчинении. В этой иерархии взаимоотношений воля старшего по чину или по возрасту передается через посредника третьему лицу. Укоренившись в менталитете тюркского человека, такой стиль отношений не мог не найти отражения в языковой системе. Так, в кыргызском языке почти каждый глагол уточняется с точки зрения каузативности» [9]. Бұл ерекшелік қазақ тіліне де тән.

Эксперимент

Етіс тұлғаларының мағынасы мен қызметінің тілдік санадағы көрінісін айқындау мақсатында арнайы дайындалған кестені толтырту арқылы оқушылар, студенттер, аудармашылар, оқытушылар және маман емес адамдар арасында эксперимент жүргізілді.

Информанттардың жалпы саны — 60, олардың 54-і қазақ тілін еркін меңгерген, ана тілім деп есептейді. Ал алтауы қазақ тілін үйреніп жүр.

Информанттардың жас мөлшері — 13 жас пен 56 жас аралығы.

Эксперимент жүргізілген уақыт: 2009-2010 жылдар аралығы.

Эксперимент материалдары — қазақ тіліндегі етіс тұлғалары.

Эксперимент мақсаты — етіс тұлғаларының қызметі мен мағынасын ажырату арқылы осы тұлғаларды информанттардың тілдік санасындағы қызметін анықтау. Сол арқылы сөйлерменнің тілдік санасына көңіл бөлу, қазақ тілін ана тілім деп есептейтін, еркін меңгерген сөйлермендер мен қазақ тілін жаңадан үйреніп жүрген сөйлеушілердің тілдік санасындағы, сондай-ақ қазақ тілін үйретіп, қазақ тілі бойынша дәріс беріп жүрген мұғалімдер мен орыс тілінен қазақ тіліне аударма жасап жүрген аудармашылардың тілдік санасындағы етіс тұлғаларының қызметін айқындау.

Эксперимент тапсырмалары бірнеше бағытта жүргізілді:

1) етіс тұлғаларын ажырату үшін формаларын беріп, информанттарға ол тұлғалардың қай етіске тиесілі екенін ажырату, сонан соң мысал келтіру;

2) етіс тұлғаларын қатыстырып, сөйлем құрату, сонан соң оның қай етіс тұлғасы екенін анықтау;

3) етіс тұлғаларын қатыстырып, сөйлем құрату, ол сөйлемдерді орыс тіліне аударту, сонан соң етіс тұлғасының қай етіске тиесілі екенін анықтау;

4) етіс тұлғаларының қай етіске тиесілі екенін көрсетіп, сонан соң мысал келтіру.

Информанттарға тапсырмалардың бір түрі ғана берілді. Яғни информанттарға 4 түрлі тапсырма берілді. Тапсырма беруде қазақ тілі пәнінің мұғалімдеріне, аудармашылар мен қазақ тілін жаңадан үйреніп жүрген сөйлеушілерге ерекше мән беріліп, тапсырма соған сәйкес берілді. Мұнда тұлғадан мағынаға қарай және мағынадан тұлғаға қарай бағытталған зерттеу ұстанымдарына сәйкес информанттар бір тапсырмаларда алдымен етіс тұлғасының қай етіске тиесілі екенін көрсетіп, кейін мысалдар келтіру тапсырылса, енді бірқатар тапсырмаларда, керісінше, алдымен етіс тұлғаларын қатыстыра отырып, мысалдар келтіріп, кейін соның негізінде етіс түрін анықтау тапсырылды. Информанттар шақ тұлғаларының қай етіске тиесілі екенін +/- таңбалары арқылы белгілеу тапсырылды. Мұнда арнайы дайындалған кестеге бүгінгі таңда қазақ тілі оқулықтары мен грамматикаларында көрсетіліп жүрген етістермен қатар (өздік, ортақ, ырықсыз, өзгелік) «басқа етіс» және «жауап беруге қиналамын» түрінде арнайы екі орын (графа) қалдырылды.

Эксперимент қорытындысы бойынша, ортақ етіс пен өздік етіс қосымшаларының мағынасы мен қызметі 100% дұрыс көрсетілді. Ырықсыз етіс тұлғаларының мағынасы мен қызметін анықтауда информанттардың 10% жауап беруге қиналыпты. Бұл орайда экспериментке мамандарды ғана тартуды мақсат етпедік. Сол себепті қарапайым сөйлерменнің тілдік санасындағы көрінісін айқындау мақсатымен тілді меңгергенмен, мүлде басқа салада жұмыс істеп жүрген информанттар қамтылды. Информанттар арасында едәуір қиыншылық тудырған етіс тұлғалары — өзгелік етіске қатысты болды. Мұнда мектеп оқушылары мен мұғалімдер бірауыздан *-т*, *-қыз*, *-тыр*, *-р* жұрнақтарын өзгелік етіс көрсеткіші ретінде таныған. Бір қызығы — алдымен тұлғаның қай етіске тән екенін анықтап, кейін мысал келтіру

тапсырылған информанттардың барлығы да аталған жұрнақтарды (*-т, -қыз, -тыр, -р*) өзгелік етіс қосымшасы ретінде көрсеткен. Ал алдымен мысалын келтіріп, кейін тұлғаның қай етіске қатысты екенін анықтау тапсырылған информанттар, аудармашылар мысалды дұрыс келтіргенмен, бұл жұрнақтардың қай етіске қатысты екенін анықтауда жауап бермеген. 2 аудармашы аталған қосымшаларды «басқа етіске» жатқызған. Сол сияқты орыс тілді, қазақ тілін еркін меңгермеген 3 информант та мысалды дұрыс келтіргенмен, жұрнақтардың қай етіске қатысты екенін көрсете алмаған.

Нәтиже мен талқы

Сонымен, эксперимент нәтижелерін зерделей келе мынадай қорытындыға келдік:

1) информанттар үшін ортақ, өздік етіс тұлғалары ешқандай қиындық тудырмаған, барлық информант бұл етіс тұлғаларын дұрыс көрсеткен;

2) қосымшалары ұқсас (*-ыл/-іл; -ын/-ін*) болғанмен, информанттардың 90% өздік етіс пен ырықсыз етіс тұлғаларын ажыратқан;

3) өзгелік етіс қосымшаларының қызметі мен мағынасын талдауда информанттар біраз қиналғаны байқалады. Мұнда қазақ тілі пәнінің мұғалімдері (2) мен мектеп оқушылары *-т, -қыз, -тыр, -р* жұрнақтарын өзгелік етіс көрсеткіші ретінде көрсеткен. Бұл жұрнақтардың өзіндік ерекшеліктерін аудармашылар байқаған. Сондай-ақ қазақ тілін толық меңгере қоймаған информанттардың «жауап беруге қиналғанын» да аталған қосымшалардың мағыналық ерекшеліктерін байқағаны деп бағамдауға болады. Сондай-ақ 15 информант *-т, -қыз, -тыр, -р* жұрнақтарын өзгелік етіс көрсеткіші ретінде көрсетіп, мысалдары да соған сәйкес келді.

Эксперимент нәтижелерін талдай отырып, қазақ тілін ана тілім деп санайтын, тілді еркін меңгерген, тіпті қазақ тілі пәні бойынша сабақ беріп жүрген мұғалімдердің тілдік санасында *-т, -қыз, -тыр, -р* жұрнақтары өзгелік етіс көрсеткіштері ретінде әбден қалыптасып, сіңіп қалғанын, ал аудармашылардың екі тілді салыстыру негізінде ол жұрнақтардың өзіндік ерекшеліктері бар екенін байқағанын аңғарамыз. Сондай-ақ алдымен тұлғаның қай етіске тән екенін көрсетіп, кейін мысалдар келтірген информанттардың дені бұл жұрнақтарды өзгелік етіс қосымшасы ретінде көрсеткен, ал алдымен мысалдар келтіріп, кейін ол тұлғаның қай етіс көрсеткіші екенін анықтаған информанттар бұл жұрнақтың қай етіске тән екенін ажыратуда

қиналған. Яғни информанттардың тілдік санасында олар өзгелік етіс көрсеткіші ретінде толық қалыптаса қоймаған, нақты тілдік деректер оған мүмкіндік бермеген.

Бірқатар түркологтар төрт етістің жасалуына негіз болады деп есептеп, **негіз етісті** (основной или исходный залог) етіс категориясының құрамына қосып жүр. Осыған байланысты қазақ тіл білімінде негізгі етісті тануға байланысты екі түрлі бағыт қалыптасқан:

1) негізгі етісті етістің бір түрі деп көрсеткен еңбектердің қатарына: «Қазақ тілінің грамматикасы» (етіс категориясын жазған – А. Хасенова); А. Ысқақов «Қазіргі қазақ тілі. Морфология»; Ш. Бектұров, М. Серғалиев «Қазақ тілі» т.б. еңбектерді жатқызуға болады.

2) Негізгі етісті етіс қатарына қосуға болмайды деп санайтын ғалымдардың қатарында Ы. Маманов, С. Исаев т.с.с. атауға болады.

Негізгі етістің басқа етістер сияқты өзіндік көрсеткіші де, етіс категориясына тән мағынасы да жоқ, ол субъектілік-объектілік қатынасты білдірмейді. Осыған байланысты С. Исаев: «Негізгі етіс деп аталатын етіс түрінің етістік түбірі деген ұғымнан, мейлі негізгі түбір, мейлі туынды түбір, мейлі күрделі түбір болсын, не семантикалық жағынан, не формалық жағынан, не синтаксистік қызметі, басқа сөздермен қарым-қатынасы жағынан ешбір айырмашылығы жоқ екен. Бұл – бір. Екіншіден, грамматикалық я лексика-грамматикалық категория түрлеріне негіз болатын тұлға, яғни негізгі етіс деп аталған, дұрысында, етістік түбірі деген тұлға ол категорияның бір түрі бола алмайды, категория шеңберіне енбейді, сол категория түрлеріне негіз ғана болады. Сондықтан негізгі етіс деген етіс категориясының түрі жоқ, етіс категориясына, түрлеріне негіз болатын негізгі, туынды, күрделі етістік түбір деген ғана ұғым бар», – дейді [6, 178]. Ендеше, етіс категориясына қойылатын талаптың, анықтаманың шеңберіне мағыналық жағынан да, тұлғалық жағынан да мүлде келмейтін форманы етіс деп тану – әлі де талас тудыратын мәселе. Олай болса, түркітануда неше жылдар бойы талас тудырып жүрген негізгі етістің орнына салт, сабақты етістерді етіс қатарында тануға әбден болады.

Етіс категориясына байланысты ғалымдар арасында үлкен талас тудырып жүрген мәселенің бірі – етістің табиғатына байланысты. Бірқатар ғалымдар (А. Хасенова) етісті сөзжасамдық қосымша ретінде таныса, енді бірқатары (Қ. Кемеңгерұлы, Ы. Маманов, С. Исаев) оны форма тудырушы қосымша ретінде таниды.

Қ.Кемеңгерұлы етіс жұрнақтарының салт етісті сабақты етіске айналдыра алатынын айтып, «Қазақша-орысша тілмашта» етістерді жеке ретрест ретінде бергенмен, етіс қосымшаларын сөз тудырушы жұрнақтар қатарында танымайды. Б.И. Маманов етістіктің морфологиялық жігін: 1) лексикалық бүтін және 2) грамматикалық бүтін деп екіге ажыратып, лексикалық бүтінге түбір, туынды түбір, кіріккен түбір, қос түбір, тіркесті түбір (тіркесті сөздер) түріндегі сөздерді, ал грамматикалық бүтінге етіс, күшейтпелі етістіктерді (*барыңқыра, айтыңқыра*), күрделі етістіктерді (*қайнап кетті, жазып отыр*); есімше, көсемше, тұйық етістіктерді жатқызады [6, 8]. Яғни етісті грамматикалық категория аясында қарастырады. Н.К. Дмитриев «Грамматика башкирского языка», «Грамматика кумыкского языка», И.А. Батманов «Грамматика киргизского языка», М. Насилов «Учебник уйгурского языка», Н.П. Дыренкова «Грамматика шорского языка», Н. Сауранбаев «Қазақ тілі, «Қазіргі қазақ тілі», А. Хасенова, Н. Оралбаева, Ф. Мадина, А. Әбілқаев «Қазақ тілі» етіс жұрнақтарының сөз тудырушылық қызмет атқаратынын айтса, Б.И. Маманов оларды форма тудырушы жұрнақтар қатарында таниды, яғни етіс жұрнақтарының жалғанған сөзінің лексикалық мәнін өзгертпей, солармен коррелятивті түрде өмір сүретінін айтады: «Форма тудырушы жұрнақтар өзінің жалғанған сөзінің лексикалық мағынасын өзгертпейді, тек сол жалғанған өзіне грамматикалық мағына үстейді. Форма тудырушы жұрнақ бір сөз табын екінші сөз табына аудармайды, бастапқы сөз қай сөз табы болса, форма тудырушы жұрнақ арқылы жасалған тұлға да сол сөз табына тән грамматикалық форма болып саналады. Мұндай грамматикалық тұлғалар өзі жасалған бастапқы тұлғамен коррелятивті түрде қатар өмір сүреді. Мысалы, етістік түбіріне *-ыңқыра/-іңкіре* жұрнағы жалғану арқылы жасалған күшейтпелі етістіктер: *ал – алыңқыра, жүр – жүріңкіре, же – жеңкіре, іш – ішіңкіре, көтер – көтеріңкіре*. Бұлардың лексикалық мағынасы бір, ал грамматикалық мағыналары басқа, жарыспалы түрде, қатар өмір сүреді [6, 23].

Етіс тұлғаларының мәндері оқулықтар мен оқу құралдарында толық көрсетіле бермегенмен, тілімізде сақталып қалуы грамматикалық тұлғалардың этномәдени тұтастықты сақтап

қалудағы қызметін көрсете алады. Бұл орайда академик Р.Сыздық тіл мәдениеті үшін күрестің тілдің бірнеше деңгейлеріндегі нормаларды сақтауға негізделетінін айтады: «Бүгінгі күрес мақсаты – қазақ тілінің мемлекеттік тіл дәрежесіне сай әлеуметтік қызмет өрісін кеңейту арқылы оның ұлттық тіл ретінде тарих көшінен қалып қоймауын көздеу. Тіпті дәлірек айтсақ, бүгінгі күрес – тілін сақтау арқылы қазақ деген халықтың, қазақ деген ұлттың жойылып кетпеуіне жол бермеу үшін күрес, жан беріп, жан алысып жатқан айқас. Өйткені тіл сол халықтың даралық сипатын көрсететін ұлттық рухани-мәдени коды. Тіл – тек қатынас құралы ғана емес, адамды сол халықтың туа біткен толыққанды мүшесі ететін күш, әр адамды сол тілді пайдаланушы халықтың тұлғасы етіп шығаратын құдіретті күш, тіл – ұлттық сананы түзетін құрал. Ол үшін тілді бүгінгі қазақша сөйлей алмайтындарға үйретіп жатқанымыздағы мақсат – күнделікті тіршілігімізде көше сұрай алатындай, магазиндегі не базардағы тауардың бағасын сұрай алатындай, қазақша амандасып, қайыр-қош айта алатындай дәрежеде білгізу емес, қазақшаны еркін сөйлей, оқи, жаза алатын дәрежеде, білгізуіміз керек. Сол күнде бүгінгі ана тіліміз үшін күресіміз барлық майданда жеңері хақ. Міне, осы айқаста дәл бүгінгі біздің барша мақсат-мұратымыз қазақ тілін келесі ұрпақтарға әйтеуір «аман-есен» жеткізу ғана емес, ғасырлар бойы жинақталған сөздік байлығын, дыбыстық гармониясын, грамматикалық жүйелілігін бұзбай, оларды қырнай түсіп, жетілдіре түсіп жеткізу екенін жақсы түсінсек» [10, 10].

Қорытынды

Сонымен, қатынас тілде түрліше көрініс тауып, түрліше концептуалданады. Морфология деңгейінде ол етіс категориясы арқылы көрінеді. Бұл концепт, морфологиялық жолмен берілетін басқа концептілер сияқты, жіктеуші сипатта болады. Ол адам санасында тіл арқылы түзіліп, белгілі бір жағдаятқа қатысушылардың субъектілі-объектілі қатынастары туралы тілдік білімдерге негізделеді. Жіктеуші сипатта болумен қатар ол тіл жүйесі мен сөйлеушіге бағытталады. Яғни етіс концепті етіс морфологиялық категориясы мен оның көрсеткіштері арқылы көрініс табатын концептуалды деңгей бірлігі болып табылады.

Әдебиеттер

- 1 Дыренкова Н.П. Грамматика ойротского языка. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1940. – 304 с.
- 2 Казем-Бек А. Общая грамматика турецко-татарского языка. – Казань: Типография университета, 1846. – 457 б.
- 3 Жұбанов Қ. Қазақ тілі жөніндегі зерттеулер. – Алматы: Ғылым, 1999. – 581 б.
- 4 Айдарбек Қ., Сүйерқұл Б. Ғылыми дискурстағы кәсіби тілдік тұлғаның қалыптасуы жайында // Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университетінің хабаршысы. «Филология ғылымдары» сериясы. – 2016. – № 2 (56). – 12-16-б.
- 5 Қазақ грамматикасы. – Астана, 2002. – 783 б.
- 6 Кемеңгерұлы Қ. Оқу құралы. – 2-кітап – Қызылорда, 1929. – 194 б.
- 7 Маманов Ы. Қазақ тіл білімінің мәселелері. – Алматы: Арыс, 2007. – 488 б.
- 8 Исаев С. Қазақ тіл білімінің мәселелері. – Алматы: Арыс, 2008. – 624 б.
- 9 Дербишева З.К. Национальный менталитет и его отражение в языке // <http://www.univer.gagauzia.ru>
- 10 Сыздық Р. Қазақ теледидарының тіл мәдениеті қандай? // Тіл және қоғам. – 2005. – №2 (4). – 9-17-б.

References

- 1 Dyrenkova N.P. Grammatika ojrotskogo jazyka. – M.-L.: Izd-vo AN SSSR, 1940. – 304 s.
- 2 Kazem-Bek A. Obshhaja grammatika turecko-tatarskogo jazyka. – Kazan': Tipografija universiteta, 1846. – 457 b.
- 3 Zhubanov Q. Qazaq tili zhoenindegi zertteuler. – Almaty, 1999. – 581 b.
- 4 Ajdarbek Q., Sujerqul B. Gylymi diskurstagy kaesibi tildik tulganynq qalyptaswy zhajynda // Abaj atyndagy Qazaq ulttyq pedagogikalyq universitetining habarshysy. «Filologija gylymdary» serijasy. – 2016. – № 2 (56). – 12- 16-b.
- 5 Qazaq grammatikasy. – Astana, 2002. – 783 b.
- 6 Kemengeruly Q. Oqu quraly. – 2-kitap – Qyzylorda, 1929. – 194 b.
- 7 Mamanov Y. Qazaq til biliminiñ maeseleleri. – Almaty: Arys, 2007. – 488 b.
- 8 Isaev S. Qazaq til biliminiñ maeseleleri. – Almaty: Arys, 2008. – 624 b.
- 9 Derbisheva Z.K. Nacional'nyj mentalitet i ego otrazhenie v jazyke // <http://www.univer.gagauzia.ru>
- 10 Syzdyq R. Qazaq teledidarynyng til maedenieti qandaj? // Til zhaene qogam. – 2005. 2 (4). – 9-17-b.

Мажит Б.,

магистрант 2 курса Казахского университета международных отношений и
мировых языков им. Аблайхана, Казахстан, г. Алматы,
e-mail: bagila.mazhit@mail.ru

ПОНЯТИЕ «СЕМЬЯ» НА КАЗАХСКОМ ЯЗЫКЕ И КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ПОЛЕ

В этой статье рассматривается понятие «семья» на казахском языке и понятие «семья» по сравнению с другими альтернативными именами на языке, основанном на мировоззрении и культуре казахского народа. Известно, что основным фактором в языке в антропоцентрическом направлении является человек. Место человека в обществе определяется в соответствии с языком традиционной казахской семьи, исторической основой и общественной деятельностью. Изучение понятия «семья» широко использовалось при анализе словарей казахского языка, пословиц и высказываний, этнографических материалов. В результате понятие «семья» и концептуальная область признаются как особая система регулирования прав человека, неписаный закон, который на протяжении веков сводился к сознанию людей. Понятие «семья», имеющее первостепенное значение, и результаты, полученные при анализе его концептуального поля, свидетельствуют о том, что семья является наиболее прочной основой общественных отношений.

Ключевые слова: концепт, концептуальное поле, антропоцентрическая ориентация, лингвистика, аксиологический стереотип, культура.

Mazhit B.,

2nd year Master student of Kazakh Ablai Khan University of International Relations and
World Languages, **Kazakhstan, Almaty**, e-mail: bagila.mazhit@mail.ru

The concept of "family" in the Kazakh language and conceptual field

In this article, the concept of "family" in the Kazakh language and the concept of "family" are studied in comparison with other alternative names in the language based on the outlook and culture of the Kazakh people. It is known that the main factor in the language in anthropocentric direction is human. The place of a person in the society is defined according to the language of the traditional Kazakh family, historical basis and social activity. The study of the concept of "Family" was widely used in the analysis of Kazakh language dictionaries, proverbs and sayings, ethnographic materials. As a result, the concept of "family" and the conceptual field are acknowledged as a special system of human rights regulation, an unwritten law, that has been reducing to the consciousness of the people for centuries. The concept of "family" that is of paramount importance and the results obtained in the analysis of its conceptual field testify to the fact that the family is the most solid foundation of public relations.

Key words: concept, conceptual field, anthropocentric orientation, linguistics, axiological stereotype, culture.

Мәжит Б.,

Абылайхан атындағы Қазақ халықаралық қатынастар және әлем тілдері университетінің
2 курс магистранты, Қазақстан, Алматы қ., e-mail: bagila.mazhit@mail.ru

Қазақ тіліндегі «отбасы» концептісі және концептілік өрісі

Бұл мақалада қазақ тіліндегі «отбасы» концептісі және «отбасы» концептілік өрісі қазақ халқының дүниетанымы, мәдениеті негізінде тілдегі өзге де баламалы атаулармен салыстырыла отырып зерттеледі. Антропоцентристік бағыт бойынша тілдегі негізгі фактор адам екені белгілі.

Адамның қоғамдағы орны дәстүрлі қазақ отбасында қалай жүйеленгені, тарихи негізі мен әлеуметтік қызметі тіл деректері бойынша анықталады. «Отбасы» концептісін зерттеу, талдау барысында қазақ тілінің түсіндірме сөздіктері, мақал-мәтел жинақтары, этнографиялық материалдар кеңінен пайдаланылды. Нәтижесінде «отбасы» концептісі мен концептілік өрісі қамтитын мән адам құқықтарын реттейтін арнаулы жүйе, жазылмаған заң ретінде халық санасына орнығып, ғасырлар бойы маңызын жоймай келе жатқаны белгілі болады. Көпшілік тарапынан аса жоғары маңызға ие «отбасы» концептісі мен оның концептілік өрісін талдау барысында алынған нәтижелер қоғамдық қатынастың ең берік негізі отбасы екендігін дәлелдейді.

Түйін сөздер: концепт, концептілік өріс, антропоцентристік бағыт, лингвомәдениеттану, аксиологиялық стереотип, мәдениет.

Кіріспе

Қазіргі қазақ тіл білімінде мәдени, этномәдени зерттеулердің алар орны басым бағытқа ие болды. Бұл үдеріс әлемдік тіл біліміндегі үдеріспен тығыз байланысты екені белгілі жайт. Тіл, мәдениет, этнос арасындағы байланысты зерттейтін ғылым саласы ретінде танылған лингвомәдениеттанудың басты нысаны халық пен тіл, халық дүниетанымы мен дәстүрі. Бүгінгі тіл білімінің алға қойған мақсаттарының бірі ретінде осы тіл деректеріне сүйене отырып, халық санасындағы қалыптасқан заңдылықтардың себебін анықтау, не сол бағытта халық тарихының бір дереккөзі ретінде тілдің танылуын негіздеу болып табылады.

Тіл біліміндегі концепт ұғымы мен концептілік өріс түсінігінің шегінде «отбасы» концептісінің және концептілік өрісінің басым деректері зерттеу нысаны ретінде талданып, белгілі нәтижелерге жеткізді. Тіл білімі ғалымдары XX ғасырдан бастап тілді танудың пастулаты ретінде екі тезиске арқа сүйеуде: 1) тіл санадан тыс өмір сүрмейді; 2) тіл ақиқатты ұғып-түсінудің терең философиясымен байланысты [1, 18].

Тіл мен мәдениеттің байланысы лингвомәдениеттанудың басты зерттеу нысаны. Тіл білімі мәселелерін әр түрлі ғылым салаларымен байланыста қарау кең көлемді зерттеулерге жол ашып, ғылыми нәтижелерге қол жеткізгені анық. XX ғасырдың екінші жартысынан бері қалыптасқан лингвомәдениеттану осындай пәнаралық бағыттардың бірі. Әуелде тіл мен мәдениет арақатынасы мәселелері түрлі деңгейлерде философтар Платон, И. Гердер, Э. Кант, т.б. еңбектерінде қарастырылса, бертін келе В. фон Гумбольдт, Э. Сепир, Б. Уорф, Кассирер, Л. Вайсгербер зерттеулерінде ғылыми ізденіс дәрежесінде көрініс тапты. Кеңес дәуірінде орыс ғалымдары: А. Потебня, Н. Топоров, В.В. Иванов, А. Толстой еңбектерінде, қазақстандық ғалымдар академик Ә. Қайдаров, Р. Сыздық, Е. Жанұзақов, Ж.

Манкеева т.б. ғылыми еңбектерінде этнолингвистикалық бағытта зерделенді.

Бүгінгі лингвистикадағы адамның санасындағы, танымындағы, ойлау үдерісіндегі құбылыстарды тілдік бірліктер арқылы көру, тану бағыты конитивтік лингвистика мен ұлт тілі мен мәдениетінің, дүниетанымының тілдік бейнеде көрінісін зерттейтін бағыт лингвомәдениеттанудың өзара жақын тұстары да, зерттеу нысанына әр тараптан келетін ерекшеліктері де бар. Соған қарамастан зерттеу нысаны ретінде алынып отырған «отбасы» концептісін талдау, талқылау барысында кең тараған тіл білімі жетістіктерін толық қолдануға көңіл бөлінді.

Лингвистиканың бүгінгі бағыттарының қазақ тіл білімінде көрініс табуы күні бүгін пайда болған жоқ, тамыры тереңде. Қазақ тілінің оқулықтарын жазып, емлесін бір іздендіруге күш салған Ахмет Байтұрсынұлының еңбектерінен осы бағыттардың сілемдерін көруге болады. Адам баласының танымы тілде көрініс табады. Ойымыз тіл арқылы жарыққа шығады. А. Байтұрсынұлының: «Сөз өнері адам санасының үш негізіне тіреледі: 1) ақылға, 2) қиялға, 3) көңілге. Ақыл ісі – аңдау, яғни нәрселердің жайын ұғыну, тану, ақылға салып ойлау, қиял ісі – меңзеу, яғни ойдағы нәрселерді белгілі нәрселердің тұрпатына, бейнесіне ұқсату, бейнелеу, суреттеп ойлау; көңіл ісі – түю, талғау. Тілдің міндеті – ақылдың аңдауын аңдағанынша, қиялдың меңзеуін меңзегенінше, көңілдің түюін түйгенінше айтуға жарау. Мұның бәріне жұмсай білетін адамы табылса, тіл шама-қадарынша жарайды. Бірақ тілді жұмсай білетін адам табылуы қиын. Ойын ойлаған қалпында, қиялын меңзеген түрінде көңілдің түйгенін түйген күйінде тілмен айтып, басқаларға айтпай білдіруге көп шеберлік керек» [2, 343], – деген сөзінде адам санасындағы ұғым-түсініктердің сыртқы ортаға танылуы айқын көрініс табады.

Қазақ тіліндегі «отбасы» концептісін талдау барысында қазақ тіл білімінің атасы

А. Байтұрсынұлы еңбектеріне, сондай-ақ қазіргі белгілі ғалымдардың еңбектеріне сүйенеміз.

Талдау

Болмысты тану, түсіну, ұғу нәтижесінде жинақталған ақпарат тілде көрініс табады. Әлемнің тілдік бейнесі негізінен субъективті сипатта болады, себебі онда нақты бір адамның көзқарасы, дүниетанымы көрінеді. Ол атадан балаға берілетін категориялар жүйесі арқылы белгілі бір код құрап, дайын күйінде қабылданып отырады. Адамның болмысты тануы, түсінуі, ұғуы арқылы жинақтаған білімі тілдік бірлікте көрініс табады. Адам өзіне дейінгі жинақталған білім қорын қабылдау арқылы этномәдени қауымдастықтың өмір тәжірибелерін де қабылдайды. Адамның танымдық әрекеті – ақиқат болмысты ұғуға, қоршаған ортаны танып, жинақтаған білімі негізінде әлемдегі орнын түсінуге бағытталады.

Адам қашанда әлемді танып, өз орнын айқындауға талаптанады. Тіл – сөйлеушінің дүниетаным ерекшеліктерін бейнелейтін құрал, ерекше ұлттық ділдің көрсеткіші, мәдениеттің негізі. Тіл – адам санасының көрсеткіші. «Тіл – мәдениет – этнос» мәселесінде этномәдени сананың орны ерекше. Этномәдени сана – белгілі бір қоғам үшін әлеуметтік мәні ерекше болатын білімдер жиынтығы, ол тіл арқылы көрініс тауып, сақталып отырады. Себебі тіл, мәдениет, этнос өзара тығыз байланысты. Тіл – мәдениеттің құралы, құраушы бөліктерінің бірі болумен қатар белгілі бір тілдік ортада дамитын этникалық тұлғаның өзегін құрайды.

Әрбір сөйлеуші мәдениетті жеткізуші болып табылады, тілдік таңбалар мәдениет таңбасы ретінде де қолданылып, ұлттық мәдениеттің ерекшелігін білдіреді. Сан ғасырлар бойы жинақталған білім қоры салт-дәстүр, дағды біліктер, ойлау ерекшеліктері, дүниетаным белгілі бір этникалық мәдени қауымдастыққа тән сипат алады.

Тілдік таңба этнотілдік сананың көрсеткіші болып табылады, мәндер жүйесі этномәдениет жүйесін айқындайды. Осыған байланысты А. Байтұрсынұлы: «Біз қазақ тіліндегі сөздердің бәрін білгеніміз қазақ тілін қолдану болып табылмайды. Тілді қолдана білу деп айтатын ойға сәйкес келетін сөздерді таңдап ала білуді және сол сөздерді сөйлем ішіне орын-орнына дұрыстап қоя білуді айтамыз. Қазақ тілі қазақ ортасындағы бәріне бірдей ортақ пайдаланбайды. Әркім әр сөзді өзінше қолданады, өзінше

тұтынады. Бүтін пікірін айтып шығатын әңгіме ішінде түгіл, жалғыз ауыз амандасу жүзінде де әркім әртүрлі сөз қолданады. Мәселен, біреу «амансыз ба?» деп, біреу «есенсіз бе?» деп, біреу «сәлемет жүрсіз бе?» деп, біреу «күйлі, қуатты барсыз ба?» деп амандасады. Бәрінің де ой мақсаты бір, бәрінікі де амандық білу, амандық сұрау, бірақ әркім әртүрлі сөз қолданып, өзінше сұрайды», – деп жазады [2].

Қазақ тілінде «отбасы» ұғымын білдіретін бірнеше сөз бар. Олар отбасының белгілі бір қоғамдық орнын, әлеуметтік белгісін танытатын сипаттарға ие. «Үй», «үйелмен», «шаңырақ», «отау», «отбасы», «жанұя», «босаға», т.б.

Бұл сөздердің концептілік мәні өз алдына «отбасы» концептінің мәнін ашуда, «отбасы» концептінің сипатын танытуда үлкен қызмет атқарады. Қазақ тіліндегі әр қилы сипаттағы концептілердің өрісі, сипаты, мәні өз алдына белгілі бір талдауларды, зерттеуді қажет еткендіктен, әзірге «отбасы» концептімен тікелей байланысты қырларын танытуды, сол бағытта ізденіс барысында кезіккен, танылған жақтарын ашықтауды жөн көрдік.

Әуелі «үй» сөзінің «отбасы» концептісіне қатысты жақтарын ашықтасақ. «Үй» концептісі өз алдына, «үй іші», «үй болу», «үйге шақыру», «үйлі болу», «үйлену», т.б. сөздер мен сөз тіркестерінде кездесіп «отбасылық» маңызы бар сипаттағы ұғымдарды білдіреді.

«Қазақ тілінің түсіндірме сөздігінде»: «үй – 1 Адам тұратын баспана; 2 Ауыс. Отбасы, үй іші» [3, 866] – деген анықтама берген. Бұдан көрінетіні қазақ тілінде «отбасы» концептімен бір мәнде қолданылатын сөз «үй». «Балалы үйдің ұрлығы жатпайды» деген секілді нақылдарда «үй» сөзінің «отбасы» мағынасында қолданыла береді. Жалпы алғанда «үй» концептінің бірнеше ұғымдық мәні бар. Соның азына тоқталып өтсек.

Әуелі «үй» концепті баспана мәнінде қолданылады. Бұл жағынан келгенде «үй» концепті мәдени мұралар қатарына жатады. Себебі, әлем халықтарының заттық мәдениетінің айғағы ретінде үй этностың, тайпаның, халықтың мекен-жайын білдіре отырып, олардың өмір сүру жағдайынан, тұрмыс-салтынан, әдет-ғұрпынан хабар береді. Басқа халықтармен тарихи-мәдени байланысын, материалдық және рухани, эстетикалық дамуын көрсетеді. Ал мұндай жағдайдың бәрі тілімізде тіл білімінің этнолингвистика атты жаңа саласында қарастырылады. Ұлттық дәрежеде болған «үй» концептісінің тілдік деректерін этнолингвистикалық аспектіде қарастыру керек. Ондай аспектіде қарастыру

үшін тіліміздің құндылықтарына, яғни мақалдар мен мәтелдеріне, көркемсөз байлығына мән берген дұрыс.

Қазақ мақал-мәтелдері сонау Орхон-Енисей жазба ескерткіштерінен бастау алады. XII-XIII ғасырлардан бізге жеткен жазба ескерткіштердің тілінде мақал мен мәтелдер баршылық. Мысалы: Орхон жазбаларында: «Бастыны еңкейтіп, тізеліні бүктірген» («Күлтегін» жырынан), «Өлімнен ұят күшті» («Тоныкөк» жырынан) деген мақал-мәтелдерді кездестіреміз. Ал Махмұт Қашқаридің «Дивани лұғат-ат түрік» сөздігінен: «Ұлық болсаң, кішік бол, халық үшін бәлік бол», ал «Құдатғу біліктен»: «Біліп сөйлеген білікке саналар, білімсіз сөз өз басын жояр» [4, 156] дейтін мақал-мәтелдерді байқауға болады. Бұл деректерге сүйенер болсақ, мақал-мәтелдердің бастауы сонау көне ескерткіштерде жатыр.

Мақал-мәтелдер – халық даналығының қазына байлығы. Олар ғасырлар бойы қалыптасып, сол халықпен мәңгі бақи бірге жасап, біте қайнасып кеткен дүние. Сондықтан да оны жұртшылық жадына сақтап, өзінің күнделікті өмірінде, өзара қарым-қатынасында пайдаланады. Мақал-мәтелдер әр алуан тақырыпқа сай туындаған. Мәселен, туған жер жайында, отбасы жөнінде, достық туралы, еңбек, адам, адамгершілік, білім туралы, т.б..

Қай тақырыптағы мақал-мәтел болмасын оның құрылуына, жасалуына қандай да бір сөздер ұйытқы, негіз болады. Сондай ұйытқы сөздердің бірі – «үй». Себебі адам болған соң кім-кім де отбасын құрып, өз алдына үйі болуын ойлауы керек. Адам баласы үй-күйі болмаса азып-тозып кетеді. Осыны түсінген қазақ «Үйің болса, күйің болады» немесе «Үйі жоқтың – күйі жоқ» деп жатады. Бұл мақалдар арқылы екі бірдей мағына беріледі. Ол бұл мақалдардың құрамындағы «үй» сөзімен байланысты. «Үй» бір жағынан алғанда тура мағынасында, яғни баспана мағынасында жұмсалып тұрған сияқты. Себебі баспанасы болмаған адамдардан маза кетіп, басына баспана алудың қамымен жүргендіктен, шынымен-ақ ол адамдардың күйі болмайды.

Екіншіден, бұл жерде «үй» дегенді отбасы деп те қабылдауға болады. Өз отбасын құрған адамдар орнығып, көңіл-күйлері жай табары анық. Сондықтан, үйленбей ұзақ жүріп қалған балаларына ата-аналары ««Үйің болса, күйің болады» үйленуді ойластыр, балам» деп жатады. Алайда, отбасы болған соң онда әке де болуы керек, шеше де болуы керек. Тек қана толыққанды отбасында өскен бала ойын еркін айтып, еш кемшілікті сезінбей өседі.

Әкенің, не ананың болмауы баланың ер жетіп, қалыптасуында өз ізін түсірері сөзсіз. Бала тәрбиесінде ананың да, әкенің де үлестерін қосқаны дұрыс. Әсіресе, бала үшін ананың болуы өте маңызды. Себебі, әке отбасының тірегі болса, ана отбасы-ошақ қасының жылуын сақтаушы тұлға. Әкесіз өскен балалар негізінен жасық, ал анасыз өскен балалар көбіне қатыгездеу болып өседі.

Мұны әуел бастан түсінген қазақ халқы «Атасыз үй – батасыз, анасыз үй – панасыз» деген даналық сөз айтады. «Үйді қырық еркек толтыра алмайды, бір әйел толтырады» деп тегін айтпаған ғой, әйелсіз үйдің сәні, оттың жылуы жоқтай сұрқия тартары да өтірік емес. «Үйдің басын қатын қосар, Елдің басын батыр қосар» деп тегін айтылмаған ғой.

Бірақ қазақ үшін атаның жолы бір басқа. Себебі ата ақылын, атаның (бұл жерде «ата» деп алынып отырған сөз әке мағынасында жұмсалып тұр) дұрыс жол көрсетуін ұғынған, соны бойына сіңірген ұрпақтың болашағы да жарқын, ол әрқашан көктеп, көгере берері анық. Мұны тіліміздегі «Батасыз ел жарымас, баталы ел арымас» деген мақалдан да байқауға болады. Алайда өкінішке орай не тағдырдың жазуымен, не адамдардың өз қолымен, өз еркімен әкесіз, яғни атасыз өсіп жатады. Осыған орай халық даналығы «Атасыз үй болса да, ассыз үй болмайды» дейді. Бұл мақалды көбіне жол жүріп келе жатқан жүргіншілер айтады.

Қазақ халқы ежелден қонақжай халық, ол қолындағы барын «құдайы қонағынан» аяңған емес. Сондықтан да «Келгенше қонақ ұялады, келгеннен соң үй иесі ұялады» демекші, қай үйге түсерлерін, яғни түнеп шығарларын білмеген жолаушылар, негізінен үйдің сыртқы келбетіне үлкен мән берген және үйдің сыртқы пошымына қарап ол үйдің иесінің кім екенін айқындап отырған. «Үйлері қоңыр екен деп көп ауылдан кетпеңіз» деген халық даналығын да жадынан еш шығармаған жолаушы кейде кедей ауылға түнделетіп тап болып отырса да, түнеп шығуды өтінген. Ондайда көбіне «Аш адам ұрысқақ, арық адам тырысқақ келеді» демекші жарлы-жақыбайлар жарты наны болса да бөліп жеуді, тіпті жейтін наны болмаса да «Қуыс үйден құр шықпас» деп ыстық сумен болса да бойларына әл беруді жөн көретін қарапайымдылық, қонақжайлылық танытылып отырған.

«Үй иесі мейірлі отырса, қонақ көңілді отырады» дегенде естен шығармауға тырысып, жылы қабақ танытады. Қазақта «Би болмасаң болма, би түскендей үй бол» деп тегін айтпайды. Жола-

ушылап келе жатқан адам әр түрлі жағдайларды басынан өткерері анық. Кейде түсетін үйінде «ер адам болмай, ұялып қалмаспыз ба» деген ой да мазаламай тұрмаған. Алайда үй таңдайтындай күйде емес екенін, бір шыны болса да ыстық шай ішіп, әсіресе қыста, бой жылыту қажеттігін түсінген жолаушылар «Атасыз үй болса да, ассыз үй болмайды» осы бір үйге түсейік деп шешкен. Өкінішке орай, ондай жүргіншілерді әркезде құшақ жая қарсы ала бермеген, кей үйдің иелері түнеуге рұқсат бермей, басқа үйге жөн сілтеп, шығарып жіберіп те отырған.

«Үйі аппақ екен деп оңаша үйге түспеңіз» деген мақал осыдан қалса керек. «Үйінен қырық қадам шыққан адам – мүсәпір» демекші мұндай қылықты басынан кешу ауыр тиген жолаушы қазаққа жат мінез танытқан кезде «Әдепсіз үйге кірме, әкімсіз елде тұрма» деген осы да деп қана кетіп отырған. Ондай үй иелері тек өз басының ғана қамын ойлайды, елмен араласуды білмейді. Қазақ халқына мұндай қылық тән емес.

Жалпы алғанда қазақтың қонақжай халық екенін барша әлем біледі. Сондықтан да бала тәрбиесінде көбіне ата-аналары балаларына «Ішілмеген ас күлмен тең, кісі кірмеген үй көрмен тең» үйіңнен қонағың арылмасын деп бата беріп жатады. «Үй баласымен базарлы, қонағымен ажарлы», «Үйіңе қонақ келсін, алыстан сұрап келсін», – деп қонақ келсе мәз болып қарсы алуды, қонақжайлылық танытуды уағыздайды. Әсіресе жаңа отау құрып, еншісін алып бөлек шыққан баласының бойына осындай қазақи қонақжайлылықты дарытуға тырысады. Осыны естіп өскен ұрпақ «Үлкен үйдегілер күлсе, кіші үйдегілер езу тартар» демекші ата жолын жалғастырып, қонағы келсе «Түгін шыққан үй жылы, Төскейлей шыққан күн жылы» деп қойын сойып, ет асып жатады.

Сонымен қатар қазақта «Үйге келген адамға үйдей өкпенді айтпа» деген мақал бар. Қазақта қаншама ренжулі жүрген адам болса да, ол адам үйіне құдайы қонақ ретінде келгенде, еш уақытта да өкпесін айтпаған, суық қабақ танытпаған. Керісінше, «Үйге кірген жыланның да басына ақ құйып шығар» деген халық даналығын ұстанып, ол келген адамға сый-сияпатын көрсетіп, дастарқан жайып, дәм-тұзынан таттырған. Әрине, әркімге өз үйі алтын діңгек. «Қайран менің өз үйім, кең сарайдай боз үйім» немесе «Өз үйім, өрен төсегім» деп тегін айтылмаған ғой, қаншама қонақжайлылық танытқанмен де, әркім өз үйіне оралғанша асығары да шындық. «Туған үйдің түтіні жылы, Туған ананың күтімі жылы» деп тегін айтылмаған ғой. Себебі үй ол – отбасы,

үй ол – Отан, үй ол – туған ел, үй – сенімен біте қайнасып жатқан жұртың, халқың. Сондықтан да халық «Жаман үйден қосым артық. Сынық ошақтан мосым артық» дейді.

Жалпы үй ол жеке бастың ғана қорғаны емес, отбасының, елінің де қорғаны болуы керек. Отбасы бар, балалы-шағалы үйдің өмір салты да қызықты болмақ. Себебі бала өріс, бала көптік, көпшілдік. Бала болғандықтан туыс та көп, ұрпақ жалғастығы да бар. «Үйде кісісі көп болса, далада кісі тимейді» немесе «Үйде туысы көпке түзде дұшпан тимейді» деген мақалдарда шындық жатыр.

Қазақта «Балалы үй – базар, баласыз үй – қу мазар» деп тегін айтылмаған. Қазақ үшін бала үлкен құндылық, өмірдің мәні мен сәні. Бала былдырына, бала күлкісіне не жетсін. Бала – қуаныш, шаттық сыйлаушы, бала – өмір ұзыртушы. Олай дейтініміз психолог ғалымдар «адам неғұрлым көп күлсе, шынайы күлсе, соғұрлым өмірі ұзарады» дейді. Ал шынайы күлкі сыйлаушы пәк сезімді бала. Ендеше бала – өмір ұзартушы деп отырғанымыз орынды. Шынымен-ақ бүлдіршін баламен сөйлескенде адам еріксіз балалық шағына қайтып оралғандай болады. Үп-үлкен, тіпті лауазымдағы адамдар да баламен бала болып жатқанын көргенде риясыз риза боласың.

Халықта: «Үйің үй-ақ екен, ішінде ойнайтын баласы болса» деп немесе «Үйінде ұл-қызы бардың көгінде сөнбес жұлдызы бар» деп тегін айтпайды. Адам – баласы үшін дүние жинайды, баласы үшін еңбек етеді. Ал егер артында жиған тергеніңе ие болып қалар ұрпағың болмаса, ғұмырыңның зая өткені емес пе?! «Жалғыз ағаш үй болмас, жалғыз адам би болмас» деген. Алайда, бір үйдегі, бір отбасындағы адамдар бір-біріне қонақ іспетті. Өйткені олардың әрқайсысы өсіп, жетіліп өз алдына отбасын құрып, шаңырақ көтеріп жатады. Осыны ұғынған халық: «Үй іші толған жансың, бір-біріңе меймансың», – дейді. Қазақта үйге, балаға байланысты «Балалы үйде ұрлық жатпайды» деген де мақал бар. Бұл баланың пәктігін, еш арамдық ойламайтын тазалығын танытады. Шынымен-ақ бала біреуден бірнәрсені жасыру керек дегенді білмейді. Балаға үйде еркіндік берілуі керек, сонда ғана балада еркін ойлауға мүмкіндік туады. Ал ондай баладан жақсы адам шығары анық. «Үйде оңбаған түзде де оңбайды», «Үйде өскен бұзау түзде өгіз болмайды» деген халық даналығы соны мегзейді. Ал «Үйде озған, түзде де озар». «Түздегі май ішеді, Үйдегі зәр ішеді» демекші баланың қанатын қайырмай, еркін ұшуына

мүмкіндік беру қажет. Бала шетке шығып білім-ғылым жинауы қажет. Ол оның ертеңіне қажет болар азық. Саналы бала өмір жолында көрген қателіктерінің кейін қайталанбауын ойлайды, қиындықтарының арқасында шыңдалады. Оны «Үйден ұзап шықпасаң, қатынға қадірің болмайды. Ауылдан ұзап шықпасаң, жақынға қадірің болмайды» деген мақал соның айғағы іспетті.

Жалпы отбасы, отбасы тәрбиесі туралы мәселе «үй» концептісімен тығыз байланысты болып келеді. Себебі, отбасы дегеніміздің өзі «үй». Біз жұмысымыздың екінші тарауында «үй» концептісінің білдіретін мағыналарын санамалап ашып түсіндіргенбіз. Соның бірі «үй» концептісінің білдіретін мәні отбасы екендігі. Ал отбасы қоғамның тірегі. Қоғамдағы көп нәрсе отбасы тәрбиесіне байланысты болып келеді. Қазақ халқы үйде мақал-мәтел арқылы, тұспал сөз (өлең), тұрақты оралымдар арқылы балаларын жайлап, ақырын, дауыс көтермей-ақ тәрбиелеп отырған. Жастарға өнер-білім, тіл үйретуде әсіресе мақал-мәтелдердің мәні аса зор. Мақал-мәтелдерде бала тәрбиесіне үлкен мән беріледі. «Қызға қырық үйден тию» демекші бала тәрбиесімен тек отбасы, өз үйі ғана емес, туған-туысқандары, тіпті бүкіл ел боп айналысқан, жас ұрпақты жақсылыққа баулыған.

Отбасында адам бойындағы асыл қасиеттер жарқырай көрініп, қалыптасады. Алайда үй болған соң әр түрлі жағдайлар болып жатады. «Үй болған соң шыны-аяқ шылдырамай тұрмайды», демекші ұрыс-керіс те болып қалуы ықтимал. Дегенмен «Үйдегі қоқысты далаға төкпе» дегендей ұрыс-жанжал шығарып, ойбайлап шашын жайып көшеге шығу қазаққа жат қылық. «Үйде – атан, түзде – бура» бола білу керек. «Үйде шешен, дауға жоқ, Үйде батыр, жауға жоқ» болудың қажеті жоқ.

«Үй» ол – қасиетті орда, тұрақ, баспана. Үйде жылылық болуы қажет. «Үйде бір күн ұрыс болса, қырық күндік ырыс кетеді» деп тегін айтылмаған. Сондықтан әрқашан төзімділік таныту қажет, босқа айқай шығарып, үйдің берекесін кетіруге болмайды. «Үйден шаң шықса, дастарқаннан құт қашар» «Үйге ұт кірді – егіншінің көкейіне құт кірді» деген аталарымыз. Ендеше отбасының, үйдің тірегі болып отырған ер адам да, үйдің ұйытқысы болып отырған әйел адам да осыны естен еш шығармауы тиіс. Сондай-ақ қазақта «Үй ішінен жау шықса, тұра қашып құтыла алмассың» дегенді кесе көлденең тартып, ауызбіршілікке, адалдыққа, ынтымақ-бірлікке тәрбиелеп отырған. Алдымен, бір-біріне мейрімді, қорған бола білуге, соның

негізінде отбасы мәселесін, ел мәселесін жеке бас мәселесінен жоғары қоюға тәрбиелеген.

«Бір үй аш болса, ауыл аш, ауыл аш болса, ел аш» дегенді айтып адам тағдыры ел тағдырымен тығыз байланыстылығын танытқан. «Жаяудың шаңы шықпас, жалғыздың үні шықпас» дегендей атамыз қазақ жалғыз өзің тойғаныңша, көппен бірге қиналуды бала бойына дарытуды жөн көрген. Не көрсе де елімен бірге көруді дұрыс деп тапқан халық бала қаншама жыраққа шыққанмен, ол әрқашан еліне, үйіне қайтып оралуы қажеттігін де баласының санасына құйып отырған. Бұл жерде «Үй» концептісі отбасы мен қатар Отан, ел, туған жер дегенді де білдіретіндігін айтуымыз қажет. Басқа елдің тасы да бөтен, суы да бөтен демекші, әр елдің өз салты бар, өз мүддесі бар. Сондықтан да «Басқа үйдің жығуын білсем де, тігуін білмеймін» дейді қазақ. Бұл жерде «үй» концептісі ел мағынасында қолданылғаны байқалады.

«Күйі бірдің күні бір, үйі бірдің шиі бір», «Ордаға керек отауға да керек» демекші не мәселе болса да бірге шешу керектігін айтады. Бүгін елің үшін деп істегенің ертең өз үйіңе де, яғни отбасыңа да қажетті шаруа екенін түсінуіміз керек. Және керісінше, Отан әр отбасынан әр үйден құрылатынын да ұмытпауымыз қажет. Яғни, Отан, отбасы, үй бәрі бір-бірімен тығыз байланысты. Сондықтан «Бір үй аш болса, ауыл аш, ауыл аш болса, ел аш» дейді. Елдегі болып жатқан жағдай отбасы психологиясына, отбасы мәдениетіне, отбасы тәрбиесіне, қала берді «Үйдегі есепті базардағы нарық бұзар» немесе «Үйдегі нарық көшеге тура келмейді» демекші отбасы бюджетіне де әсер етіп отыратыны шындық.

Бүгінгі күні қазақ қоғамы алдында тұрған үлкен келелі мәселелердің бірі осы – үй мәселесі. Көптеген төл жұртымыздың баспанасыз отырғаны да ащы шындық. «Үйі бардың күйі бар, үйі жоқтың күйі жоқ» дейді халық. Сондықтан да елбасымыз осы мәселеден шығудың бірден-бір жолын ойластырып, өзінің бір Жолдауында «Тұрғын үй-коммуналдық» мәселесін жолға қоюды ұсынған болатын. Осы ретте «Үйі жоқтың көңілінде алтын сарай жүреді» демекші қолжетімді баспана мәселесі бүгінгі таңда қолға алынуда. Ол туралы бұқаралық-ақпарт құралдары жазып та жатыр, сөйлеп те жатыр. Яки халықты жасалып жатқан істерден құлақтандыру үстінде. Жалпы, «үй» концептісі қоғам өмірінде әлеуметтік, мәдени, экономикалық мәселелермен тығыз байланысты болып келетін концепт.

«Үй» концепті қазақ тілінің көптеген лексикалық бірліктерінің құрамында ұшырасады. Соның бірі мақал-мәтелдер. «Үй» концепті құрылымына негіз болған сексенге жуық мақал-мәтел бар. Оларды зерделей келе, үй қазақ халқының таным-түсінігін, тұрмыс-салтын, мәдениетін, әдебін, тәлім-тәрбиесін көрсететін этномәдени концепті екеніне көз жеткізуге болады.

«Үйелмен» толық құрамды отбасыны айқындайтын ұғым. Кей кездері «әулет» ұғымымен мәндес келеді. Дегенмен «әулетке» қарағанда мәні жағынан кейінгі орындағы сөз. Мұның өзі «үйелмен» сөзінің білдіретін мәні әулеттің бір бөлігін таныту, яғни бір шаңырақ астында тұратын отағасынан тарайтын үлкен отбасы ұғымын ұғындырады. «Үйелмен» сөзіне «Қазақ тілінің түсіндірме сөздігінде»: «үйелмен – үй-мүлік, үй-жай, қора-қопсы» деген анықтама береді, сонымен қатар «үйелменімен – түгелімен, тұтасымен» [3, 867] деген анықтама да осы бір сөздің тілдік нұсқалары болып келеді. Бұдан көрінетіні біздің жоғарыда үйелмен сөзінің түсінігіне толықтырулар мен аздаған өзгерістер арқылы «отбасы» концептімен бір үйлес атау екенін анықтауымыз дәлелді екенін көрсетеді.

«Шаңырақ» сөзі өз мәнінде киіз үйдің бір бөлігі. Ал қолданыста үй, отбасы деген ұғымдарды да білдіреді. «Қара шаңырақ» тіркесі «үлкен үй», «ата-ананың үйі», «әулеттің ұйытқы ортасы» деген мәндерде қолданылады. Бұл ұғым қазақтың «ежелгі қоныс», «ата қоныс», «ата мекен» ұғымдарымен сыйысып, осы ұғымдардың мәнін ашықтайды, ұғымын үстейді. Сөздікте: «шаңырақ – 1 Киіз үйдің уықтарын біріктіріп, еңсесін көтеріп, тұтастырып тұратын дөңгелек шеңбер; 2 Ауыс. әркімнің тұрған, туған үйі» [3, 902] деген анықтама беріледі. Мұнда да «отбасы» концептіне байланысты белгілерді көруге болады. Жалпы мәнде қарағанда «шаңырақ» дегеніміз «отбасы» концептін танытуда қасиетті ұғым, қастерлі сөз екенін анық байқауға болады.

«Отау» да өз алдына баспана ұғымында қолданылғанымен «отбасы» мәнінде де жұмсалыады. «Ақ отау», «жас отау» ұғымдары жаңа шаңырақ көтерген жұбайлардың үйіне айтылса, бір жағы олардың жас отбасы екенін айқындайтын сөз. Сонымен бірге олардың «отбасы» екенін ашықтайтын ұғым. Оның сөздіктегі анықтамасы да сөзімізге дәлел: «отау – жаңадан тұрмыс құрып, енші алып бөлінген ұлдың үйі; отау үй» [3, 643].

«Босаға» деп үйдің кіре беріс бөлігін айтады. Осы ұғым үй иесінің атымен қосарланып,

сол кісінің отбасы, үйі екенін де білдіреді. Дегенмен қазақ ұғымында босағаға қатысты түрлі түсініктер, ырымдар, тыйымдар бар. «Босаға – 1 есіктің екі жақтауы, 2 төрге қарама-қарсы, төменгі есік жақ; 3 Ауыс. үй, отбасы, табалдырық» [3, 139]. «Босағадан ену», «Босаға аттау», «Босағада тұрмау» секілді ырымдар мен тыйымдар «босаға» сөзінің қадірін арттырып, көшпелі қазақ халқының санасында берік орын алған қасиетке ие сөз екенін де аңғармау мүмкін емес.

«Жанұя» қазақ сөзжасамының жетістіктерінің бірі. Бұл сөздік қолданысымызға енбей тұрып түрлі дау тудырған сөздердің қатарында. Дегенмен өзінің сәтті жасалу жолы мен айтуға жеңілдігінен қолданысқа еніп кетті. Сөздікте қысқа ғана «отбасы» [5, 18] деп түсінік берілген. «Жанұя» орыстың «семья» сөзінің қазақ тіліндегі баламасы немесе нұсқасы есебінде жасалды. Қазір «жанұя жарасымы», «жанұя жарастығы» секілді тіркестермен қатар қолданылады. Ұғымы отбасының ауыз бірлігі мол, жарасымды өмір сүріп отырғанын білдіреді.

«Әулет» сөзі қазақ тілінде «үрім-бұтақ, өрен-жаран» [3, 94] деген мағына береді. Бұл өз кезегінде қазақ салтындағы «Жеті ата» ұғымымен үйлесетін, мәнін ашатын сөз. Халық санасында «жеті ата» ұғымы үлкен мәнге ие өзіндік ұстанымдары мен ырымдары, тыйымдары бар түсінік. Бұл отбасылық қатынасты жолға қоятын, неке мәселесін реттейтін, жөн-жоралғы мен түрлі дәстүрлерді басшылыққа алуға үндейтін заң деуге болатын қағидаттар. Атадан балаға жалғасқан тізім жеті атадан асумен отбасылық қатынастардың жаңа жолға қойылуы жүзеге асады. Алайда қазақ шежіресінде тікелей ата-бабаларынан бастап олардың ұрпақтарын қоса есептегенде кездесетін жиырма екі түрлі атау бар. Мұны зерттеуші ғалым Ж. Кейкін «Қазақы атаулар мен байламдар» атты еңбегінде моңғол жеріндегі қазақтардың ата тек шежіресін зерттеуші Шынай Рахметұлы бір кіндіктен тараған жиырма екі сатылы ұрпақтың атауын тізбектеп, оларды төрт тектік буынға бөліп қарастырғанын айта отырып сол тізімді келтіреді. Бұл 22 атаның ішіне «жеті ата» да енеді. Үстірт қарағанның өзінде «жеті ата» ұғымы орта жол екенін аңғаруға болады. Сонымен «22 ата»: бабалар буыны: тұқиян, төркін, тектік, баба; аталар буыны: әз ата, ата, әке; немере ағайын буыны: бала, немере, шөбере, шөпшек, өбере; қалыс ағайын буыны: туажат, жүрежат, жекжат, жұрағат, жамағат, өркен, әулет, зәузат, жаран, қалыс [6, 27].

Қазақ тілінде сонымен бірге «Он ата» түсінігі де бар. Олар: әке, бала, немере, шөбере, шөпшек, немене, туажат, жүрежат, жекжат, жұрағат [6, 21]. Алайда құдандаласу сегізінші атадан басталады. Көбіне «жекжатқа» жеткенде құдандалы болып жатады. «Құда-жекжат» деген атау осыдан туса керек.

Отбасылық қатынастарды жолға қоюда «отбасы» концептінің өрісі кең. Бұл ұғымдар шаңырақтың шайқалмай тұруын, неше атасынан жалғасқан татулық пен бірліктің мығым болуын қамтамасыз етеді.

Концептілік өріс – көп қырлы, кеңістіктік, тұтас құбылыс. Сонымен бірге ол – халықтың дүниетанымымен, әлемді қабылдауымен, тарихымен, менталитетімен, мәдениетімен байланысты ашық жүйе. Кез келген тілдің концептілік өрісінің үшқырлылығы – тілмен, рухани мәдениетпен, объективті шындықпен өзара байланысуы және әсерлесуі нәтижесінде қалыптасады. Осыдан концептілік өрістің мынадай негізгі белгілерін көруге болады: 1) Көлемділік – халықтың мәдени тәжірибесі, мәдени дәстүрі мен түсініктерінің байланысын білдіреді; 2) Үшқырлылық – тілді халықтың мәдениеті, тарихы, дүниетанымын қамтитын құбылыс ретінде көрсетеді; 3) Тұтастық – концептілік өріс белгілі бір халықтың тұтас ұлттық мәдениетін сипаттайды.

Жеке сөздің концепті толықтай сол сөздің семантикалық немесе ассоциативтік өрісі арқылы ашылады. «Сөздің семантикалық немесе ассоциативтік өрісінде жатқан ақпарат өзінің құрамында когнитивті және прагматикалық білімдердің элементтерін бейнелейді. Мысалы, сөздің ассоциативтік өрісінде бар «семантикалық контекст» өз қатарында концептінің иерархиялық ұйымдастырылуындағы түрлі қатынастарды береді» [7, 5].

Кең мағынада концепт құрылымын шеңбер ретінде елестетуге болады, оның орталығында негізгі ұғым, концепт ядросы болады да, ал перифериясында мәдениет, дәстүр, халықтық немесе тұлғалық тәжірибе арқылы танылған ұғымдар қатары болады. Ядро – лексеманың сөздіктегі мағыналары. Периферия – субъективті тәжірибе, коннотациялар, ассоциациялар, т.б. лексеманы құрайтын түрлі прагматикалық құрамдастар.

«Отбасы» концептілік өрісін шартты түрде мынадай 5 лексика-семантикалық топқа жіктеуге болады: 1) Мекендік; 2) Туысқандық; 3) Адамгершілік; 4) Эмоциялық; 5) Рухани және материалдық.

Біздің жүйелеуімізде «отбасы» концептілік өрісі жоғарыдағы 5 топ бойынша төмендегідей нәтиже берді:

Мекендік өрісі: отан; әулет; қарашаңырақ; шаңырақ; жанұя; ыстық ұя; тал бесік; туған үй; т.б.

Туысқандық өрісі: жеті ата: түп ата, тек ата, арғы ата, баба, ата, әке, бала, немере, шөбере, шөпшек, немене, туажат, жекжат, жұрағат; ата, әже; әке, ана, шеше; аға, іні, қарындас; әпке, сіңлі; жиендер; т.б.

Адамгершілік өрісі: тәрбие; бауырмалдық; тазалық; адалдық; сыйластық; жауапкершілік; түсіністік; сенім; құрмет; т.б.

Эмоциялық өрісі: махаббат; сүйіспеншілік; қуаныш; шаттық; мейірімділік; бакыт; жылулық; аялы алақан; т.б.

Рухани және материалдық өрісі: еңбек; жақсылық жасау; рухани және материалдық байлық; қамқорлық; қол ұшын беру; қолдау; көмек беру; кеңес беру; сүйеніш болу; т.б.

Бес өріс негізінде өзге де қатынастарды, өзге де атауларды топтастыруға болады. Сонымен қатар өзге де топтарға топтастыратын тілдік санадағы ұғымдар мен түсініктер бар болуы мүмкін екенін жоққа шығаруға болмайды.

Нәтиже және талқылау

Тілдің сөздік құрамын зерттеу арқылы сөйлеушілердің тілінде көрініс тапқан негізгі құндылықтарды айқындауға болады. Бұл орайда тілдің тұрпат межесімен қатар мазмұн межесін де ескеру қажет. Тілдік семантика белгілі бір тілдік ұжымға және жеке сөйлерменге тән мәдениет әлемінің ерекшелігін сипаттайды. Адам мен халықтың дүниетанымын бейнелейтін адамзат санасы мәдениеті мен тілі арқылы көрініс табады. Әр адам белгілі бір ұлттың өкілі болғандықтан, ұлттық дәстүр, тіл, тарихы, әдебиеті бөлек болады. Әр тіл дүниені өзінше бейнелейді. Адам болмысты тілі арқылы таниды. Этномәдени ақпарат санада шифр, код түрінде көрініс табады. Сол арқылы этнотілдік санада тілдік мәндерде кодталған әлем бейнесі көрінеді. Ғаламның тілдегі көрінісі осы тілде сөйлейтін халықтың ұжымдық шығармашылығы болып табылады. Әрбір жаңа ұрпақ ана тілін меңгерумен қатар ұлттық сипат, дүниетаным көрініс тапқан мәдениет кешенін де қабылдайды.

Тіл ғалам мен мәдениетті бейнелеумен қатар сөйлерменін қалыптастырады, оның салт-дәстүрін, дүниетанымын, ділін, ұлттық сипа-

тын, идеологиясын айқындайды. Әр халық мәдени, тарихи даму барысында қоршаған ортамен тығыз байланыста әлем туралы білімін жинақтап, сақтайды, вербалды сана, ерекше мәдени код түрінде тіл арқылы ұрпақтан ұрпаққа жеткізіп отырады. Жастардың үлкендердің сөзін түсіне алмауы немесе ақын-жазушылардың шығармаларын түсіне алмауы этномәдени кодты игере алмау салдарынан туындайды. Осыған байланысты ғалым А. Байтұрсынұлы: «Һәр жұрттың түрінде, тұтынған жолында, мінезінде қандай басқалық болса, тілінде һәм сондай басқалық болады. ...Қазақ сөздерін алып, орыс я ноғай сөзінің жүйесімен тізсе, әрине, ол нағыз қазақша болып шықпайды. Сондай кемшілік болмас үшін һәр жұрт баласын әуелі өз тілінде оқытып, өз жазу-сызу үйретіп, өз тілінің жүйесін білдіріп, жолын танытып, балалар әбден дағдыланғаннан кейін, басқаша оқыта бастайды. Біз де тіліміз бұзылмай сақталуын тілесек, өзгелерше әуелі өз тілімізбен оқытып, сонан соң басқаша оқыту тиіс» [8, 142], – деп жазады.

Әлемнің тілдік бейнесіндегі «отбасы» концептісі аясында қазақ отбасының этномәдени ерекшеліктерін ескере отырып талдау жасаудың бірнеше жолын қарастырып көре қажеттігі зерттеу барысында анықталды. Атап айтқанда:

- ұлттық дәстүрлі таным жүйесіндегі «отбасы» концепті;
- мифтік танымдағы «отбасы» концепті;
- тұрақты тіркестер мен мақал мәтелдердегі «отбасы» концепті;
- «отбасы» концептінің ұғымдық мәнін ашуда БАҚ-тың қызметі;
- көркем туындылардағы «отбасы» концептінің кездесу реті;
- тарихи жағдаяттарға орай қалыптасқан «отбасы» концептіне үстеме түсініктер мен ұғымдар; т.б.

Қазақ «Отан отбасынан басталады» деп қоғамдағы отбасы институтының орнын аса жоғары бағалап, маңызын арттырып қойған. Халықтық тәлім-тәрбиенің негізінде отбасы тәрбиесі, отбасындағы ата мен әже, әке мен ана, балалардың өз орындары бар. Әрбірінің алдында жазылмаған заңдылықтар мен айтпай ұғынылатын міндеттері болады. Қазақ отбасы бала жастан тәлім-тәрбиені осы бағытта өрістететіні халықтық мақал-мәтелдер мен бала қиялын дамытуға арналған ойын өлеңдерінде, ұлттық ойындарында анық көрінеді.

Сонымен «отбасы» концептісін осы классификацияларға салып қарастырып көргенде, біріншіден, тақырыптамалық тұрғысынан отба-

сы концептісі эмоционалды десек болады, ол махаббат, бақыт, бақытсыздық деген сияқты басқа да эмоционалды концептілерді тудырады. Отбасылық әдебиет дегеніміз мәтіндік концепт болып табылады. Студент концептісін білуге көмектесетін білім концепт деп те айта аламыз. Екіншіден, тасымалдаушылар тұрғысынан отбасы концептісі микротоптық, жалпы адамдық десек болады. Үшіншіден, әлеуметтік лингвистикалық типтегі дискурстардың (саяси, іскерлік, бұқаралық-ақпараттық, жарнамалық, ғылыми, педагогикалық, діни, спорттық, медициналық) барлығында дерлік қызмет атқарады. Қолданыс саласындағы белгілеріне қарай метакәсіби болып келеді.

Адамдық санасындағы ұғымдық аппараттың арқаулы элементі бола тұрып, концепт күрделі әмбебаптық құбылыс болып табылады. Бір-бірімен өте тығыз байланысқан, ұғымдық аялары өзара қиылысып, бірін-бірі анықтап және толықтырып отыратын концептілердің бар болуы ешқандай күмән тудырмайды. Туыстық компоненттер мен тығыз ассоциативтік және дифференциалдық арақатынастарының себептерінен, осындай күрделі құбылыстарды гиперконцепттер деп атаған жөн. Осы тәріздес құбылыстар зерттеушінің қызығушылығын тудырады, себебі ұғымдық аппараттың терең әмбебаптығын ашуға мол келешек береді.

Адамдық сананы зерттейтін сала есебінде туыстық компоненттер тобының бірі болып отбасы / үй көрсетіледі. Отбасы / үй концепттері адам мәдениеті мен санасында ең маңызды да өмірлік концепттер қатарына жатады. Бұл концептілердің жақындықтарында күмән жоқ, ал оларды репрезенттейтін лексемаларының ұқсастығы мен синонимдігі, сөздіктерде, ауызекі тілде, көркем мәтіндерде жазылған [9, 51].

Сонымен қатар Вивиан Эванстың «Когнитивтік лингвистика глоссарийі» кітабында концептке төмендегідей анықтама беріп өткен. «Концепт – жүйелеу мен концептуалдау үшін орталық болатын негізгі білім бірлігі. Концептуалдау жүйесіндегі концепт – балалық шақтан түрлі іс-әрекет үстінде жиналатын тәжірибе арқылы дүниені тану, мәнді талдап қорыту. Бұл үдеріс ең күрделі концептінің өзін сурет сызбасы секілді қарапайым, әрі оңай қабылдауға мүмкіндік береді. Концептілер лексикалық концепт ретінде белгілі бір тілде кодталуы мүмкін. Сондай-ақ, концептілер тұрақты когнитивтік бірлік саналғанымен де, қалыпты құбылыстар мен қайталанатын тәжірибелерде өзгеріп отырады» [10, 31]. Бұл анықтамадан концептінің

бір қырын анық тануға болады. Сонымен қатар зерттеушінің концептінің уақыт пен жағдайларға байланысты тарихи өзгерістерге ұшырап отыратынын көрсетуі заңды. Мұндай жағдайлардың «отбасы» концептіні талдау барысында да аз кездеспегенін атап өту шарт.

«Шаңырақ», «босаға», «отау», «үйелмен» сөздерінің бастапқы мәні бүтінді бөлшегі арқылы танудан туындай отырып, негізгі мағынасына үстеме мән қосылып, өзіндік құрамымен «отбасы» концептісінің өрісін құрап отырғанын көруге болады. Олар білдіретін балама мәндер «отбасы» концептілік өрісі шеңберінен асып отыратын тұстары да аз емес. Демек бұл дегеніміз сол сөздердің өзіндік концептілік мәнін ашудың жаңа талаптарын қарастыру керектігін көрсетеді. Дегенмен ұғымдар жүйесінде бұл атаулардың көп мағыналылық қыры ашылып зерттелсе көптеген ғылыми жетістіктерге жетуіміз анық.

Қорытынды

«Отбасы» концептінің өрісі қазақ тілінде кең болуымен қатар, олардың қоғамдық санада алар орнының басымдығы да айқын мәселе. Мақалада көрініс тапқан концептілік өрістердің халық тұрмысында, қоғамдық өмірде болып жатқан жағдайларға себепкерлік тұрғыдан қарағанда әлеуметтік және де қоғамдық қатынастардың өзіндік жүйемен дамуы осы халық данылығынан туған, халық тарихымен тығыз байланысты тілдік бірліктерде айқын көрініс табатындығын аңғару қиын емес. Оған зерттеу барысында да көз жеткіздік.

«Отбасы» феномені көпқырлы және көпмағыналылығымен сипатталатындығын, оның бинарлы феномен екендігін, ал оны қарастырудың екі тәсілі (күрделі ішкі құрылымы бар әлеуметтік институт болып келетін макроорганизм ретінде; туыстық, некелік немесе ата-аналық қарым-қатынастардың негізінде құрылатын кіші топ ретінде) барлығы аталды.

Лингвомәдени және когнитивтік зерттеулердің ұштасу нәтижесіндегі «отбасы» концептісін ашудағы рөлі қарастырылып, тіл мен мәдениеттің өзара байланысы лингвомәден-

иеттану атты жаңа ғылымның қалыптасуына, ал тіл мен ойлау үдерісінің өзара байланысын зерттеу когнитивтік лингвистика ғылымының қалыптасуына әкелді. Лингвомәдениеттану мен когнитивтік лингвистиканың методологияларының ұқсастығын аталып, екі ғылыми саланың негізгі бірлігі концепт (лингвомәдени немесе мәдени концепт; когнитивтік концепт) екендігі айқындалды.

Лингвомәдени концепт – дискурста қызмет атқаратын және мәдени ортаға сіңген, көпқұрылымды, полиапелляциялы, тілде вербалданатын ментальді құрылым, ал когнитивтік концепт біршама реттелген ішкі құрылымы бар, дискреттік ментальді құрылым болып табылатындығына талдау жасадық. Концепттің тілдік құралдар арқылы вербалдануы, ментальді құрылым болуы тәрізді белгілері лингвомәдени концепт пен когнитивтік концептті өзара қиылыстыратыны анықталып, сол себептен когнитивтік лингвистиканың біраз деректері лингвомәдени зерттеулерде де қолданыла алатындығы нақтыланды.

Әлемнің тілдік бейнесі біртекті құрылым емес, ол әртүрлі мәндік сипаттамасы бар концептілерден құрылу нәтижесінде белгілі бір концепті бірнеше тұрпаттама шеңберінде қарастыруға мүмкіндік беретіндігі және концепттің әртүрлі типтерінің барлығын детерминдейтінгі дәйектелді. Жиі кездесетін классификациялар бойынша талдау нәтижесінде «отбасы» концептісі әлеуметтік лингвистикалық типтегі дискурстардың барлығында дерлік қызмет атқаратын, эмоционалдық, мәтіндік, біліми, метакәсіби концептілердің қасиетіне ие екендігі айқындалды.

Адам мәдениеті мен санасында ең маңызды да өмірлік концепттер, туыстық компоненттер болып келетін отбасы / үй / шаңырақ / отау / босаға концептері гиперконцепттер екендігі айқындалды.

Сонымен қатар «отбасы» концептінің өрісі негізінде халық тұрмысы мен мәдениетіне біршама шолу жасалынды. Бұл тілдік бірліктердің халық тарихы мен мәдениеті, дүниетанымы мен әлемнің тілдік бейнесіндегі орнын көрсететін факторлар.

Әдебиеттер

1 Момынова Б. Тілдегі жаңа бағыттар мен типтік қатынастар: оқу құралы / толықтырылып екінші басылуы. – Алматы: Арыс, 2012. – 176 б.

2 Байтұрсынов А. Ақ жол. – Алматы: Жалын, 1991. – 464 б.

- 3 Қазақ тілінің түсіндірме сөздігі / жалпы редакциясын басқарған Т. Жанұзақов. – Алматы: Дайк-Пресс, 2008. – 968 б.
- 4 Қазақстан ұлттық энциклопедиясы. – Алматы: Қазақ энциклопедиясы, 9 т. 2007. – 84 б.
- 5 Қазақ әдеби тілінің сөздігі. Он бес томдық. 6-том: Ж-Ж / құрастырғандар: Ж. Қоңыратбаева, Ғ. Қалиев, Қ. Есенова және т.б. – Алматы: Арыс, 2007. – 752 б.
- 6 Кейкін Ж. Қазақы атаулар мен байламдар. – Алматы: Өлке, 2006. – 456 б.
- 7 Гиздатов Г.Г., Шеляховская Л.А. О соотношении концептуальных и языковых структур // Функционирование единиц языка и речи. – Караганда, 1994.
- 8 Байтұрсынов А. Тіл тағылымы: қазақ тілі мен оқу-ағартуға қатысты еңбектері – Алматы, Ана тілі, 1992. – 448 б.
- 9 Кострубина Е.А. Типы концептов: гиперконцепт семья – дом / Вестник Пермского университета, Выпуск 6 (12). – Пермь, 2010.
- 10 Evans V. A Glossary of Cognitive Linguistics. – Edinburgh: Edinburgh University Press Ltd, 2007.

References

- 1 Momynova B. Tildegi zhanga bagyttar men tiptik qatynastar: oqu quraly / tolyqtyrylyp ekinshi basyluy. Almaty: Arys, 2012. 176 p. (In Kazakh)
- 2 Baitursynov A. Aq zhol. Almaty: Zhalyn, 1991. 464 p. (In Kazakh)
- 3 Qazaq tilining tusindirme sozdigi / zhalpy redaksiasyn basqargan T. Zhanuzaqov. Almaty: Daik-Press, 2008. 968 p. (In Kazakh)
- 4 Qazaqstan Ulttyq ensiklopediasy. Almaty: Qazaq ensiklopediasy. 9-tom. 2007. Pp. 84. (In Kazakh)
- 5 Qazaq adebi tilining sozdigi. On bes tomdyq. 6-tom. Zh-Zh. / qurastyrgandar: Zh. Qongyratbaeva, G. Qalieva, Q. Esenova zhane t.b. Almaty. Arys, 2007. 752 p. (In Kazakh)
- 6 Keikin Zh. Qazaqy ataular men bailamdar. Almaty. Olke, 2006. 456 p. (In Kazakh)
- 7 Gizdatov G.G., Sheliahovskaia L.A. O sootnoshenii konceptualnyh i yazykovyh struktur // Funkcionirovanie edinic yazyka i rechi. Karaganda. 1994. (In Russian)
- 8 Baitursynov A. Til tagylymy: qazaq tili men oqu-agartuga qatysty engbekteri. Almaty. Ana tili. 1992. 448 p. (In Kazakh)
- 9 Kostrubina E.A. Tipy konceptov: giperkoncept semia – dom / Vestnik Permskogo universiteta. Vipusk No 6 (12). Perm. 2010. (In Russian)
- 10 Evans V. A Glossary of Cognitive Linguistics. – Edinburgh: Edinburgh University Press Ltd, 2007.

Абдиман Ж.О.,

PhD докторант Казахского национального университета имени аль-Фараби,
г. Алматы, Казахстан, e-mail: abdiman.za@gmail.com

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИНАУГУРАЦИОННЫХ РЕЧЕЙ Н.А. НАЗАРБАЕВА

Исследование политического дискурса независимого Казахстана, в частности, инаугурационных речей Президента является важным предметом современной отечественной политической лингвистики. В статье определяется понятие политического дискурса и рассматривается феномен инаугурационной речи как самостоятельного жанра общеполитического дискурса. В работе излагаются результаты компонентного анализа инаугурационных речей Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева. Основной целью служит выявление основных лексических особенностей инаугурационного дискурса Президента Республики Казахстан и степени влияния жанровой принадлежности на выбор лексики и стилистических средств.

Ключевые слова: политический дискурс, инаугурационный жанр, инаугурационная речь, стилистические приемы, лексические особенности.

Abdiman Zh.O.,

PhD candidate of Al-Farabi Kazakh National University,
Almaty, Kazakhstan, e-mail: abdiman.za@gmail.com

Lexical peculiarities of Inaugural Addresses of N.A. Nazarbayev

The investigation of political discourse of independent Kazakhstan, particularly, the inaugural addresses of the President is one of the most important subjects of modern national political linguistics. The article explains the notion of political discourse and depicts the phenomenon of inaugural address as a self-sufficient genre of political discourse. The paper exposes the results of component analysis of inaugural addresses of the President of the Republic of Kazakhstan N.A. Nazarbayev. The main aim is to identify key lexical peculiarities of the inaugural discourse of the President of the Republic of Kazakhstan and the extent to which the genre belonging influences the choice of lexis and stylistic devices.

Key words: political discourse, inaugural genre, inaugural address, stylistic devices, lexical peculiarities.

Әбдиман Ж.Ә.,

әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің PhD докторанты,
Алматы қ., Қазақстан, e-mail: abdiman.za@gmail.com

Н.Ә. Назарбаевтың ұлықтау сөзіндегі лексикалық ерекшеліктер

Тәуелсіз Қазақстанның саяси дискурсын, оның ішінде, Президенттің ұлықтау сөздерін зерттеу қазіргі отандық саяси лингвистиканың ең маңызды мәселелерінің бірі. Мақалада саяси дискурс ұғым анықталып, ұлықтау сөзінің феномені жалпы саяси дискурстың жеке жанр ретінде қарастырылады. Мақалада Қазақстан Республикасының Президенті Н.Ә. Назарбаевтың ұлықтау сөздеріне жасалған компоненттік талдау нәтижелері баяндалған. Зерттеудің негізгі мақсаты болып Қазақстан Республикасы Президентінің ұлықтау дискурсындағы лексикалық ерекшеліктер мен жанрлық қатыстықтың лексика және стилистикалық тәсілдердің таңдалуына ісер ету дәрежесін айқындау белгіленген.

Түйін сөздер: саяси дискурс, ұлықтау жанры, ұлықтау сөз, стилистикалық тәсіл, лексикалық ерекшеліктер.

Введение

Политический дискурс является социально значимым явлением, которое не поддается однозначному определению. Это позволяет говорить о полисемии данного термина, так как в разных парадигмах знаний его используют в разных значениях.

Так, А.Н. Баранов определяет политический дискурс как «совокупность дискурсивных практик, идентифицирующих участников политического дискурса как таковых или формирующих конкретную тематику политической коммуникации» [1, 245-246]. Такая трактовка термина позволяет ввести в сферу исследования политического дискурса все возможные уровни семиотической системы языка, а материалом являются речи политической элиты на разных официальных, торжественных мероприятиях, а также комментарии политических обозревателей, интервью, статьи в масс-медиа, обсуждения на интернет-форумах, в домашних условиях, то есть во время не институционального общения.

Т. ван Дейк считает, что под политическим дискурсом следует понимать «правительственные обсуждения, парламентские дебаты, партийные программы, речи политиков», то есть «жанры, которые принадлежат сфере политики» [2, 150]. Ученый ограничивает сферу политического дискурса только дискурсом политиков, рассматривая политический дискурс исключительно в институциональных рамках.

Инаугурационная речь – первое официальное обращение новоизбранного президента к своим согражданам, одна из важнейших церемоний в социально-политической жизни страны. Она является «обрядом посвящения, ритуалом перехода, во время которого новоизбранный президент наделяется полномочиями президентства» [3, 282].

Инаугурационная речь формирует особый жанр политического дискурса, который имеет высокую степень институциональности. Е.И. Шейгал понимает его как «действие, отражающее традиционные ценности, и национальные ментальные особенности общества в условиях перехода и легитимизации государственной власти» [4, 207].

Структурируя жанровое пространство политического дискурса согласно базовой семиотической триаде «интеграция – ориентация – агональность», по характеру интенции инаугурационную речь относят к ритуальному или эпидейктическому жанру [5, 270].

Предназначением политического дискурса является внушение адресатам, то есть гражданам, необходимость «политически правильных» действий, борьба за власть, убеждение народа и побуждение их к действиям [6, 38]. Придерживаясь этой цели в инаугурационной речи, президент использует огромный спектр лингвистических и экстралингвистических средств. В данной статье рассмотрены лексические единицы, применяемые Президентом Республики Казахстан Н.А. Назарбаевым.

Характерными чертами лексической особенности политического дискурса является использование политической лексики и терминологии, слов и словосочетаний с эмоционально-оценочным смыслом, «высокого» или книжного стиля, риторических приемов. Употребление данных лексических техник помогает Президенту проявить свои ораторские и лидерские качества, способствует поддержанию торжественного стиля, воздействию на сознание слушателей.

Эксперимент

С целью выявления лексических особенностей инаугурационного жанра Казахстана, нами был произведен анализ пяти инаугурационных речей Президента Н. А. Назарбаева в период с 1991 по 2015 годы.

Анализ инаугурационных речей показал, что характерным для речей Н.А. Назарбаева, является использование местоимения «мы», так как главной целью, отмеченной иностранными и отечественными лингвистами, является объединение народа в момент инаугурации и сплочение его как нации. В общей сложности президент использует данное местоимение на русском языке 101 раз (первая инаугурационная речь – 8, вторая – 9, третья – 25, четвертая – 37, пятая – 22), на казахском языке местоимение «біз» 7 раз (четвертая речь – 4, пятая – 3). Например, во второй инаугурационной речи:

«Да, для кого-то это давно пройденный этап. Да, *мы* еще далеки от идеальной модели выборной демократии. Да, *мы* ясно видим, что нам нужно сделать на этом пути. Но *мы* знаем и то, что наш народ, только что освободившийся от многовекового тоталитаризма, должен выстрадать демократию».

Вместе с тем, президент использует личное местоимение «я», принимая на себя регалии президента, благодаря народу и провозглашая цели, которые он ставит перед собой как президент. Личное местоимение в единственном числе ис-

пользуется 54 раза на русском (первая инаугурационная речь – 6, вторая – 9, третья – 10, четвертая – 15, пятая – 14), а на казахском языке местоимение «мен» 9 раз (четвертая речь – 6, пятая речь – 3).

Например, в своей последней инаугурационной речи он говорит:

«Я предложил 5 институциональных реформ, которые стали моей предвыборной платформой. Результат голосования 26 апреля я воспринимаю как прямой мандат народа на немедленное проведение реформ. И я намерен проявить всю свою волю, решимость, сконцентрировать государственный аппарат и консолидировать усилия общества на выполнение реформ».

В большинстве случаев инаугурационные речи президента обращены к нации, к своему народу, реже он адресует свою речь к присутствующим на церемонии, элите страны и зарубежным гостям.

Одним из важнейших и действенных средств в риторическом арсенале президента является оценочная лексика. Употребление эмоционально-оценочной лексики и высокого книжного стиля производит глубокое влияние на сознание народа и положительно окрашивает речь президента.

В речах Президента были замечены следующие единицы оценочной лексики: «квалифицированный отряд рабочих и крестьян, талантливые ученые и инженеры», «замечательная творческая интеллигенция и молодежь», «великая миссия», «высокое доверие», «огромная ответственность», «высокоразвитая полиэтническая цивилизация», «альтернативные, конкурентные, прямые, демократические выборы», «жесткий и честный сигнал», «высокая оценка», «колоссальная работа», «мирная и спокойная жизнь», «высокий и священный долг», «динамичное развитие», «высочайшая оценка», «честные, патриотичные, верные своему гражданскому долгу казахстанцы», «искренняя поддержка», «теплые слова и добрые пожелания», «ғаламат табыстар», «айрықша бақ», «абыройлы аманат», «жарқын жеңіс», «бақытты өмір», «баянды болашақ», «ардақты әлеумет», «қалтқысыз сенім», «орасан зор жауапкершілік», «ұлы істер», «жарқын болашақ» и т.д.

Во время политической коммуникации, в том числе и в инаугурационных речах, Н. Назарбаевым часто используются высокие книжные слова, способствующие формированию торжественного стиля. Например, «отождествлять»,

«пагубно», «замысел», «чаяния», «знамение», «черпать», «истина», «волеизъявление», «ядерный арсенал», «созидательный труд», «доброе соседство», «уклад» «заветы», «триумфально», «вехи», «упрочение», «государственность», «незыблемо» и т.д.

Тем не менее, в первой инаугурационной речи Н. Назарбаева было замечено снижение регистра и использование слов сниженного стиля, как «дармовые деньги», «дотационное сито», «облаченные властью дилетанты».

Обращаясь к аудитории, Нурсултан Назарбаев использует такие единицы как: «уважаемые/дорогие/мои соотечественники», «соратники/и единомышленники», «уважаемые/дорогие сограждане», «дорогие друзья», «уважаемые/дорогие казахстанцы», «уважаемые народные депутаты», и призывая адресатов на казахском языке: «қымбатты достар», «қымбатты отандастар», «қадірлі халқым».

По отношению к иностранным высокопоставленным гостям президент использует такие формы обращения, как «уважаемые гости», «уважаемые главы государств и делегаций, гости и друзья нашей страны», «мәртебелі меймандар», «ханымдар мен мырзалар».

Характерными для жанра инаугурационных речей Н. Назарбаева являются единицы, прямо номинирующие эмоции и чувства говорящего, то есть Президента («осознаю высокое доверие», «выражаю искреннюю признательность», «чувствую глубочайшую ответственность», «испытываю великую гордость», «верю», «надеюсь», «горд», «признателен», «благодарен» «сердечно благодарю», «священный долг», «огромная честь», «великое доверие», «искренняя поддержка»). Например,

«Вы вновь мне оказали высочайшее доверие, избрав Президентом Республики Казахстан».

Для меня огромная честь быть всенародно избранным Главой государства в год 20-летия Независимости, продолжить миссию Лидера уникальной многонациональной страны.

Я глубоко благодарен всем казахстанцам за искреннюю поддержку, которую мне оказали на этих выборах».

Для жанра инаугурационных речей, свойственны единицы, номинирующие само мероприятие, то есть церемонию инаугурации. В своих речах президент Назарбаев использует для наименования официального действия такие лексемы, на русском языке: «в эту торжественную минуту», «исторический день», а также на казахском языке: «айрықша айшықты

күн», «жаңағана...ақ киіздің үстінде тұрып, салтанатты түрде ант бердім», «мерейлі сәт», «Қазақстан тарихының жаңа беті».

Жанр инаугурационной речи обязует президента использовать стилистические приемы для того, чтобы украсить свою речь и показать свои риторические способности, свои лидерские качества. Среди множества стилистических приемов особо выделяются следующие тропы:

- эпитеты: «столбовая дорога», «по свежим следам», «разбухшие аппараты местных Советов», «облеченные властью дилетанты», «краткая череда лет», «молодая независимость», «твердой поступью», «кровавый век», «бушующий современный мир», «с несгибаемой волей», «алмағайып заман», «ақжүрек жұртым», «кемел келешігіміз», «жарқын болашақ»;

- метафоры: «немало государственных образований ..., которые, как и люди, переживали свое детство, юность, зрелость, претерпевали упадок», «земля мира и согласия», «жемчужина Евразии», «жемчужина степей», «непотопляемый наш государственный корабль», «жерұйық бесігі», «алтын арқауы», «бейбітшілік пен келісімнің киелі кілті», «жасампаз жаңа дәуір»;

- фразеологизмы: «стиснув зубы», «горячая точка», «дольше века длится день», «охота на ведьм», «возрождались из пепла», «рай земной», «черный пиар», «путевка в жизнь», «обрести плоть и кровь», «маңдайына жазылған, пешенесіне бұйырған», «тамырын тереңге тартқан», «көздің қарашығындай сақтау»;

- олицетворения: «история учит», «обнажившиеся границы», «ізгілік нұрын шапқан Астана», «мир не застыл на месте»;

- перифразы: «на руинах распавшейся супердержавы», «семья народов мира», «өмірін халқының бақыты жолына арнаған жан».

Характерными чертами политической коммуникации является использование политической терминологии. Особенностью инаугурационного жанра, с точки зрения использования терминологии, являются весьма широкое использование профессиональной терминологии, что позволяет слушателю окунуться в процесс политической коммуникации. В своих инаугурационных речах, как в политической коммуникации других стран, Н. Назарбаев использует политическую и экономическую, юридическую терминологию.

Например, из сферы экономических наук: «рыночная экономика», «разгосударствление и приватизация», «экономическое сообщество», «валютный фонд», «инфляция», «экономический

кризис», «иностранный капитал», «иностран- ные инвестиции», «душевой доход», «валовый продукт», «антикризисные меры», «форсиро- ванная индустриализация», «финансовый кри- зис», «внутренний валовый продукт», «откры- тая экономика», «бизнес-сектор», из сферы политологии: «автаркия», «суверенитет», «политический плюрализм», «экстремизм», «сепаратизм», «политическая стабильность», «бюрократия», «интернационализм», «демокра- тия», «национальная политика», «мораторий», «политическая стабильность», «многопартий- ность», «государственная политика», «поли- тическая культура», «государственный аппарат», «государственная служба», «меритократия», из сферы юриспруденции: «омбудсмен», «суд присяжных», «мораторий на смертную казнь», «свобода слова», «права граждан», «собствен- ности физических и юридических лиц», «судеб- ная система».

Как было замечено во время анализа, в ина- угурационных речах можно встретить термины и слова, заимствованные из латинского, фран- цузского и греческого языков, способствующие созданию торжественного стиля. Например,

Термины и слова латинского происхождения	Термины и слова греческого происхождения	Термины и слова французского происхождения
Интеллигенция плюрализм экстремизм сепаратизм субъект концессия инфляция мандат реформа конфессия мораторий ликвидация коррупция коллапс конфликт санкционный диверсификация	кризис полемика апатия катаклизм логистический	саботаж парламент саботаж бюрократия гарант колоссальный карт-бланш конфронтация арбитраж бюрократия

В результате анализа было выявлено, что в инаугурационных речах президента Казахстана присутствуют сокращения. Часто выделяют- ся общеизвестные аббревиатуры, как «ВВП», «ОБСЕ», «США», «ИРО», «СМИ», «СВМДА», «ШОС», «ОДКБ», «ОИК», «НАТО», «ЭКСПО», реже сложносокращенные слова: «компро- мат», «госслужба». Это связано со стилистическими особенностями политического дискурса, харак-

терной чертой которого является высокая информативность и сжатость.

Результаты и обсуждение

Таким образом, проанализировав пять инаугурационных речей Президента Н.А. Назарбаева, мы выделили и описали основные лексические особенности инаугурационных речей в казахстанской политической традиции:

Употребление местоимений «мы», «я»:

Использование личного местоимения во множественном числе «мы» подчеркивает, что главной целью инаугурационной речи является объединение страны и концентрация внимания на народе. Тогда как использование местоимения «я» указывает на то, что Президент принимает обязанности своей должности и осознает всю важность его роли в решении насущных проблем в стране.

Использование оценочной лексики и книжной лексики:

Употребление оценочной лексики производит глубокое влияние на сознание народа, и положительно окрашивает речь президента, тогда как книжные слова делают речь высокой и торжественной.

а) Единицы, номинирующие адресатов:

Инаугурационная речь адресована, в первую очередь, многонациональному народу Казахстана («уважаемые/дорогие/мои соотечественники/сограждане/казахстанцы», «қымбатты отандастар», «қадірлі халқым» и т.д.), и только затем, мировому сообществу.

б) Единицы, номинирующие эмоции:

Излагая свои чувства Президент Н. Назарбаев использует эмоционально окрашенные слова, формирующие торжественный стиль («осознаю высокое доверие», «выражаю искреннюю признательность», «чувствую глубочайшую ответственность», «испытываю великую гордость», «великое доверие», «искренняя поддержка» и т.д.)

в) Единицы, номинирующие торжество:

Наименование церемонии в инаугурационной речи («в эту торжественную минуту», «айрықша айшықты күн», «мерейлі сәт») придает церемониальному действию возвышенный

характер и передает важность политического события.

Стилистические приемы:

Президент использует простые лексические единицы (местоимения, оценочную лексику), стилистические средства (эпитеты, метафоры, фразеологизмы, олицетворения, перифразы для того чтобы сплотить народ Казахстана («ақжүрекжұртым», «земля мира и согласия»), напоминая о прошлом страны («алмағайыпзаман», «кровавый век», «на руинах распавшейся супердержавы», «краткая череда лет»), о будущем («кемел келешігіміз», «жарқын болашақ») и о настоящем («бушующий современный мир», «мир не застыл на месте») нашей страны.

Использование профессиональной терминологии:

Использование общественно-политической терминологии является отличительной частью политической коммуникации, в том числе и инаугурационного жанра. Президент Н.А. Назарбаев использует политическую, экономическую и юридическую терминологию, тем самым погружая слушателей в политический дискурс.

Использование аббревиатур и сокращений:

Частое использование сокращений аббревиатур в политической коммуникации детерминировано высокой степенью плотности передаваемой информации. Важно отметить, что в инаугурационных речах Президента Казахстана присутствуют такие сокращения, которые общеизвестны и понятны каждому слушателю. Н. Назарбаев использует буквенные аббревиатуры международных организаций («ОБСЕ», «ШОС», «НАТО»), название стран («США»), термины («ВВП», «СМИ», «ІРО») и мероприятий («ЭКСПО-2017»).

Заключение

Таким образом, проделанный анализ позволяет заключить, что присутствие инаугурационные речи Президента Казахстана обладают всеми конститутивными признаками жанра инаугурации, имея вместе с тем свои лексические особенности, которые определяются культурным, традиционным и социально-политическим своеобразием страны.

Литература

- 1 Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику: Учеб. пособие. – Москва: Едиториал УРСС, 2003. – 360 с.
- 2 Тен А. ван Дейк. Язык. Познание. Коммуникация / Пер. с англ. – Москва: Прогресс, 1989. – 312 с
- 3 Джемс Л., Хорбан Джр. Rhetorical Rituals of Rebirth // Quarterly Journal of Speech. –1980. – №66. – С. 282-283.
- 4 Шейгал Е.И. Инаугурационное обращение как жанр политического дискурса // Жанры речи: Сборник научн. статей. – 2002. – № 3. – С. 205-214.
- 5 Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: Дисс. на соискание уч. степени доктора филологических наук. Волгоградский государственный педагогический университет. – Волгоград, 2000. – 440 с.
- 6 Демьянков В.З. Политический дискурс как предмет политологической филологии // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. – Москва, 2002. – № 3. – С. 32–43.

References

- 1 Baranov A.N. Vvedenie v prikladnuyu lingvistiku: Ucheb. posobie [Introduction to applied linguistics: Handbook]. Moscow: Editorial URSS, 2003. 360 p. (In Russian)
- 2 Teun A. van Deijk. Yazyk. Poznanie. Kommunikaciya. [Language. Perception. Communication]. Moscow: Progress, 1989. 312 p. (transl. from English)
- 3 James L. Horban Jr. Rhetorical Rituals of Rebirth. Quarterly Journal of Speech. 1980. No. 66. Pp. 282-283.
- 4 Sheigal E.I. Inauguracionnoe obrashhenie kak zhanr politicheskogo diskursa. [Inaugural address as genre of political discourse] Genres of Speech: Collection of Sci. Art. 2002. No. 3. Pp. 205-214. (In Russian)
- 5 Sheigal E.I. Semiotika politicheskogo diskursa. [Semiotics of political discourse]. Thesis in candidacy for scientific degree of Dsc. of phil. Sc., Volgograd State Pedagogical University Volgograd, 2000. 440 p. (In Russian)
- 6 Dem'yankov V.Z. Politicheskii diskurs kak predmet politologicheskoi filologii. [Political discourse as a subject of political philology]. Collection of Sci. Art. Political science. Political discourse: History and contemporary investigations. Moscow, 2002. No 3. Pp. 32-43. (In Russian)

Гиздатов Г.Г.¹, Сопиева Б.А.²,

¹д. ф. н. профессор, ²докторант
Казахского университета международных отношений и
мировых языков им. Абылай хана,
г. Алматы, Казахстан, e-mail: gizdat@mai.ru

ДИСКУРС И ИДЕНТИЧНОСТЬ В МЕДИАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ КАЗАХСТАНА

В статье рассматриваются общее и специфическое в казахстанском дискурсе и идентичности на конкретном психолингвистическом и медиальном материале. Данные по современным медиапредпочтениям подкрепляют авторские утверждения о специфике казахстанского массового сознания. В рамках теории медиального анализа в работе выявлены когнитивные стратегии социального познания и восприятия, выраженные в языковом сознании. Тезис об архаизации (советизации) доказывается анализом образцов массовой культуры и риторическими стратегиями казахстанского дискурса. Данные результаты также подтверждены проведенным пилотным ассоциативным экспериментом (приведены полные ассоциативные поля к словам-стимулам: Казахстан, власть, национальный, Россия, Советский и Советский Союз). В работе определена близость молодёжного языкового сознания к архаизированным языковым представлениям. Проведенное исследование выявило новейшие тенденции казахского и русскоязычного медиального пространства: манипулятивность и стереотипность речевого поведения.

Ключевые слова: ассоциативное поле, дискурс, идентичность, медиальное пространство, психолингвистические данные.

Gizdatov G.G.¹, Sopieva B.A.²

¹Doctor of Philological Science, professor, ²doctoral student
of Kazakh University of International Relations and World Languages after Ablai Khan,
Almaty, Kazakhstan, e-mail: gizdat@mai.ru

Discourse and identity in the medial space of Kazakhstan

The article is devoted to the general and specific identity in the Kazakh discourse and on a specific psycholinguistic and medial material. Data on modern media preferences are supported by authorial statements about the specifics of Kazakhstan's mass consciousness. Within the framework of the theory of medial analysis, the work reveals cognitive strategies of social cognition and perception, expressed in linguistic consciousness. The thesis of archaization (Sovietization) is proved by analyzing samples of mass culture and rhetorical strategies of the Kazakh discourse. These results are also confirmed by the conducted pilot associative experiment (full associative fields are given for stimulus words: Kazakhstan, power, national, Russia, Soviet and Soviet Union). The study also showed the proximity of youth linguistic consciousness to archaic linguistic concepts. The study revealed the latest trends in the Kazakh and Russian-speaking medial space: manipulation and stereotyped speech behavior.

Key words: associative field, discourse, identity, medial space, psycholinguistic data.

Гиздатов Г.Г.¹, Сопиева Б.А.²,

Абылай хан атындағы Қазақ халықаралық қатынастар және әлем тілдері университетінің

¹профессоры, ф. ф. д., ²докторанты,
Алматы, Қазақстан, e-mail: gizdat@mail.ru

Қазақстанның медиальдық кеңістігінде дискурс және сәйкестік

Мақалада жалпы және арнайы қазақстандық дискурс пен сәйкестік нақты психолингвистикалық және медиальдық материалда қарастырылады. Қазіргі заманғы медиа-преференциялар туралы мәліметтерге қазақстандық масс-сананың ерекшелігі туралы авторлық мәлімдемелер қолдауға ие. Медиальдық талдау теориясы аясында жұмыс лингвистикалық санасында көрсетілген әлеуметтік таным мен қабылдаудың танымдық стратегияларын көрсетеді. Архаизацияны тезисті (советизация) қазақ тіліндегі дискурстың жаппай мәдениет және риторикалық стратегиясының үлгілерін талдау арқылы дәлелденді. Бұл нәтижелер пилоттық ассоциация экспериментімен расталады (толық ассоциативті өрістер: Қазақстан, билік, ұлттық, Ресей, Советтік және Совет Одағы). Зерттеу жастардың тілдік санасы архаикалық лингвистикалық ұғымдарға жақындығын көрсетті. Зерттеу барысында қазақ және орыс тілдеріндегі медиальдық кеңістіктегі соңғы үрдістер анықталды: манипуляция және стереотипті сөйлеу мінез-құлық.

Түйін сөздер: ассоциативті өріс, дискурс, сәйкестік, медиальдық кеңістік, психолингвистикалық деректер.

Введение

Традиционно срезам общественного и массового сознания фиксируют социологи и культурологи [1]. Есть научная отрасль, которая могла бы практически вмешаться в этот разговор – психолингвистика. Вынуждены заметить, что для многих казахстанских психолингвистических исследований типична следующая ситуация: пересказ российских научных работ, большей частью элементарный повтор чужих теоретических выкладок, неряшливо представленный иллюстративный материал и самоцензура при артикулировании собственных научных обобщений. Симптоматично, что многие казахстанские лингвисты любят находить общность казахской и русской культуры, обязательно противопоставляя ее западным ценностям [2]. В любом раскладе словарь ассоциативных норм любого языка всегда выступает как оригинальный и надежный источник при культурологических и социально-психологических исследованиях. То, как социально-политическая ситуация отражается в языке, помогают понять и немногочисленные психолингвистические исследования в Казахстане. Наибольшую ценность в казахстанской научной практике представляют работы Н.В. Дмитриук. Приведу только один показательный пример: высокая степень присутствия русской лексики в языковом сознании современных казахов подтверждается следующим параметром – среди реакций-ассоциаций общим количеством 2113 употреблено 527 русизмов: 403 у мужчин и 124 у женщин [3, 34].

На наш взгляд, объединяет две страны не столько русский язык, а сколько советская идентичность. Кстати, в бытовую речевую практику вернулись даже забытые клише советской коммуникации: «Езди в такси, если автобус не нравится»; «Можете увольняться, на ваше место всегда есть люди».

Также в унисон говорят о «советизации» казахстанского массового сознания политологи и культурологи или, по крайней мере, они же обозначают очевидный крен к ценностям советского прошлого. Сама социальная природа казахстанского общества оказалась предрасположенной к такому повороту. Одно из возможных объяснений возврата к социально-политической архаике, также очевидно присутствующей и в российском массовом сознании [4] – медиапредпочтения казахстанцев. В значительной мере статистика языковых предпочтений в медиальной сфере подтверждает заявленный тезис о совпадении сознания двух казахстанских групп (казахов и русскоязычных). Необходимо подчеркнуть, что современные масс-медиа особенно интенсивно обращены к эмоциональной, аффективной стороне человека. Ныне казахстанцы (казахи и русскоязычные жители) смотрят на мир глазами российской идеологии, явно ностальгирующей по советскому прошлому.

Еще в 2003 году политолог Берик Абдыгалиев указывал, что подавляющее большинство населения страны смотрит телепередачи только на русском языке (32,9 %) , или, в большинстве случаев, только на русском языке (23,9 %), в равной степени, как на русском, так и на казахском 26,4 % опрошенных. Казахский язык в качестве

основного канала получения информации в 2003 году использовался 3,4-8,0 % населения [5, 94]. Ситуация не изменилась и через 10 лет. Так, по относительно свежим данным (других просто нет) казахстанских лингвистов [6, 22] ответы на вопрос – на каком языке вы смотрите телевизор, читаете книги и осуществляете интернет-общение? – могут быть представлены в следующей таблице (см. таблицу № 1).

Опрошено 224 человека

Таблица 1

Этнический состав	На казахском языке	На русском языке	На русском и казахском языках
Казахи	39	36,4	22,7
Русские	4,1	91,8	0
Другие	9,5	90,5	0

Разделение нынешнего казахстанского общества на два языковых и одновременно информационных пространства (казахскоязычное и русскоязычное) можно принять со следующими уточнениями. Действительно, в свое время, до 2000-х годов, русский язык был и механизмом общения, и средством обмена информацией, прогрессивным языком культуры, политики и власти. Но таким он перестал быть также с начала двухтысячных годов.

Эксперимент

Тезис об архаизации (советизации) казахстанской массовой культуры дискурса требует оговорки: архаизация сознания носит характер не возвращения к старому, а восстановление старого на основе тех знаний и представлений о прошлом, которые пользуются популярностью. Выявляемо это при обращении к образчикам массового сознания. Данные ассоциативных экспериментов, проведенных со студентами нескольких вузов Казахстана, позволяют судить о ментальном климате исследуемого социума. Результаты известного по своей методике лингвистического эксперимента (привести первое слово, которое приходит на ум по отношению к словам-стимулам Казахстан, Власть, Национальный, Россия, Советский и Советский Союз) были одновременно предсказуемыми и неожиданными. Полные ассоциативные поля, полученные от 100 информантов к нескольким

понятиям, приводится ниже, орфография информантов сохранена.

Казахстан – Родина (24), независимость (19), многонациональность (8), президент (6), бешбармак (6), Азия, Астана, баран, бауырсак, благополучие, будущее, герб, гимн, дом, домбра, жара, казахи, коррупция, космодром, кумыс, лошадь, мавзолей, молоко, мясо, Назарбаев, нефть, патриот, республика, Россия, сахар, свобода, семья, сила, солнце, степь, страна, Туркестан, уран, флаг, хлопок, чай, юрта – 1 (общее количество ассоциаций – 100).

Власть – президент (13), деньги (10), Россия (10), государство (8), могущество (8), монархия (8), сила (8), США (8), народ (7), коррупция (5), политика (5), беспорядок, богатство, борьба, влияние, глава, Дональд Трамп, несправедливость, страх, уважение, ханство – 1 (общее количество ассоциаций – 100).

Национальный – костюм (14), народ (8), блюдо (6), нация (6), флаг (6), дух (5), патриотизм (5), традиция (5), банк (4), государство (4), праздник (4), культура (3), символ (3), язык (3), движение (2), Комитет (2), Отечественный (2), беркут, валюта, единство, злой, идея, КазССР, международный, образ, общий, одежда, парк, портал, свободный, собственный, союз, счастье, университет, юрта – 1 (общее количество ассоциаций – 100).

Россия – Путин (25), держава (18), СССР (14), союзник (10), сила (9), федерация (7), медведь (6), Москва (5), армия, борщ, лес, матрешка, преступление, сосед – 1 (общее количество ассоциаций – 100).

Советский – старый (20), союз (19), качественный (12), фильм (7), человек (5), народ (4), бабушка (2), дом (2), дружба (2), лимонад (2), мультфильм (2), образ жизни (2), пролетарий (2), стандарт (2), телевизор (2), шампанское (2), ветеран, герой, Казахстан, многонациональный, одинаковый, пионер, ранний, ретро, рубль, солдат, телефон, улица, труд -1 (общее количество ассоциаций – 100).

Советский Союз – Сталин (19), СССР (11), коммунизм (9), Ленин (6), труд (6), единство (4), пионеры (4), распад (4), война (3), дедушка (3), история (2), Россия (2), серп и молот (2), флаг (2), Хрущев (2), честность (2), 9 мая, время, голод, Горбачев, детство, закон, закрытый купол, звезда, красная звезда, красный телефон, мир, молодежь, нерушимый союз, распад, репрессии, плановая экономика, союз стран, старый, цензура (общее количество ассоциаций – 100).

Результаты и обсуждение

Несмотря на определенную логичность казахстанского «варианта» ассоциативного поля, слово в таком варианте не выражает полного атрибута положения вещей, «идеального» события нет. В них в первую очередь зафиксировано «мышление толп» – стереотипные и повторяющиеся образы. Слова-симулякры в этом случае – в духе идей Ж. Бодрияра [7] – одновременно отражают фундаментальную реальность; они же маскируют и искажают фундаментальную реальность. Казахстанскими социологами предложено объясняющее современное языковое сознание понятие «мещанство» как объединяющая социокультурная общность современного Казахстана. Эта та особая идеология, в которой сохраняются советские идеологемы, в том числе и наиболее явные – догматизм и поверхностность мышления. Пожалуй, наиболее вычисляемо следующее: в казахстанском (в данном случае русскоязычном) массовом языковом сознании нет «мифов»; по сути, нет идеологических и культурологических стереотипов. В первую очередь в языковой практике казахстанского дискурса очевидны процессы обеднения и стандартизации языка. Язык перестает быть феноменом культуры и выступает лишь как средство фиксации и передачи информации. Приведем также для сравнения частотные ассоциации из 100 реакций к слову-стимулу Россия, полученные другим исследователем на казахском языке от носителей казахского языка: *Путин (24), Москва (23), балалайка (8), медведь (7), Пушкин (7), Сибирь (6), СССР – бывший (6), Красная площадь (6), холод (6), Ленин (6)*: ассоциации приводятся по пилотному ассоциативному эксперименту М. Абаевой 2016 [8, 23]. Восприятие России этими информантами также лишено какой-либо положительной эмоциональной составляющей и достаточно стандартизировано.

Что есть сейчас русскоязычный «стиль» в Казахстане? Это ложный пафос, безличность и заурядность авторского выражения. Лишь один образчик, когда сама лексика «обнажает» себя: «Но были, были те, кто шел вразрез с линией партии, потому что пытался отстоять здравый смысл – те, для кого боль народа была не пустой абстракцией, она проходила через их сердце, она заставляла кровоточить их совесть», – так в наши дни современный автор-публицист пишет о партийных деятелях советской эпохи.

Приведем примеры из нашей современной культурологической практики. Какие «знаки»

европейской (а именно французской и немецкой) культуры зафиксированы в языковом сознании молодых казахстанцев? Что конкретно из культурных и социальных «знаков» Франции и Германии отражено в молодежном массовом сознании? Ниже приводятся только высокочастотные ассоциации:

ФРАНЦИЯ – Эйфелева башня (24), Париж (23), романтика (8).

ФРАНЦУЗ – Наполеон Бонапарт (7), романтик (7), усы (5), *ФРАНЦУЖЕНКА* – мода(7), духи (6), красивая (6).

ГЕРМАНИЯ – Берлин 9, Гитлер 8, пиво 7, фашисты 5.

НЕМЕЦ – пиво 12, Гитлер 11, фашист 9, обаятельный 5.

НЕМКА – Меркель 8, актриса 5, красивая девушка 5.

От реальной и настоящей Франции и Германии для казахстанцев существует только красивая и стереотипная картинка в одном случае и в другом – давние советские оценки. Франция в сознании молодых казахстанцев сведена исключительно к сувенирному Парижу и тому романтическому флеру, который передают скорее американские фильмы. Но одновременно с этим, отметим и общий положительный окрас восприятия всего французского (результаты по эмоциональному отношению к словам Россия и Германия отличаются). Далее был проведен опрос по вопросу – как вы понимаете слово «совок», на который, как оказалось, многие информанты не смогли ответить, либо указывали, что слово «совок» имеет значение инструмента для уборки мусора и только 14% опрошенных дали хоть какой-то иной вариант ответа.

Истолкование слова «совок»: не знают (41), инструмент для уборки мусора (38), жаргонное название Советского Союза (10), человек советской закалки (5), выражение негативного отношения, Крым, оскорбительное слово, человек который негативно отзывался о Советском Союзе, Страну нужно заново собирать, терпила (1).

Не обнаруживается самое важное в молодежном социолекте Казахстана – продуманное следование определенной идеологии. В конечном счете, казахстанский молодежный дискурс не есть феномен постмодерновой культуры (как оно зафиксировано во всех странах), он большей частью болезненно спокоен и глубоко провинциален и он же вне этнических и культурологических стереотипов.

Язык и общие социальные шаблоны мысли (в том числе и эстетические пристрастия эпохи)

оказываются в данном случае взаимосвязанными [9]. Язык современных казахских и русскоязычных писателей и блогеров, также как и зафиксированные срезы массового сознания, и есть причудливое соединение разговорных оборотов с книжно-пафосными. Подавляющее большинство публицистических текстов с неизбежной закономерностью будут отличаться резонерством, канцеляритом и антропоцентризмом истолкования. Общая тенденция современных казахстанских медиа – преобладание над аналитическими материалами собственно публицистики. При этом манипулятивность российского и казахстанского журнализма нашего времени стала более агрессивной. Быть может, поэтому в последнее время в казахстанской массовой культуре, также как и в российской практике последних пяти-семи лет, наблюдаемы риторические принципы и приемы манипулирования массовой аудиторией (рекламные тексты, пропагандистские компании и т.п.) с суггестивными принципами речевой терапии. К таковым относится, во-первых, упрощение смысла. Действительно потребительская или избирающая кого-либо масса избавлена от лишних усилий. По отношению к публичному речевому поведению в Казахстане происходит упрощение смысла. В свою очередь казахскоязычная пресса отличается от русскоязычной в тематическом наполнении, но не в осмыслении социально-экономической и общественно-политической действительности. В казахской прессе, по совсем не устаревшему замечанию культуролога Азии Байгожиной: «События описываются как самодостаточные явления, как очередной

случай культуры – вне динамики меняющегося мира, в котором собственно эти события и происходят [10, 36].

Воскрешает в политическом и публицистическом дискурсе казалось напрочь забытая советская стилистика: разговорный стиль, «сниженная» лексика, прямые обращения к аудитории, «совместные» с аудиторией суждения и оценки, лишь формально приближенные к живому межличностному общению. Ситуация в казахском медиадискурсе с **возвратом к традиционной массовой ментальности** напоминает социалистическую коммуникацию 30-х годов прошлого столетия. Происходит подмена советских штампов на национальные, но не более.

Заключение

В чем причина такого самоограничения? На мой взгляд, в желании продлить жизнь прежнего стереотипа общественного сознания. Казахское медиальное пространство отражает одновременно и традиционное сознание (примитивно-групповую идеологию), и советский опыт. На наших глазах складывается пропагандистское общение – социально-ориентированное общение, когда обращаются не личности собеседника, а к обобщенному образу аудитории. Медиальное пространство Казахстана отражает реальную речевую и социальную ситуацию нашего времени. В нем все смешалось и весьма мозаично: от архаичных и советских стереотипов до современных постмодернистских образчиков.

Литература

- 1 Gizdatov G. Soviet Identity in Discourse of Kazakhstan // *Anuari de Filologia. Llengues I Literatures Moderne*. 2015. No. 5. – P. 42 – 47.
- 2 Алимжанова Г.М. Сопоставительная лингвокультурология: взаимодействие языка, культуры и человека. – Алматы: Интер-Пресс, 2010. – 319 с.
- 3 Дмитриук Н.В. Ассоциативная модель анализа лингвистических проблем плюрицентризма // *Вестник Кокшетауского университета. Серия филологическая*. – 2016. – № 3. – С. 36-42.
- 4 Murašov J. *Das unheimliche Auge der Schrift. Mediologische Analysen zu Literatur, film und Kunst in Russland*. – München: Wilhelm Fink, 2016. – 323 p.
- 5 Абдыгалиев Б.Б. Политизация этничности: процессы, механизмы, последствия. – Алматы: ИД, 2003. – 234 с.
- 6 Фазылжанова А. Социолингвистическое исследование языковой ситуации введения трехязычия // *Язык. Культура. Коммуникация*. – Алматы: Елтаным баспасы, 2013. – С. 18-40.
- 7 Baudrillard J. *Simulacres et simulation*. – Paris: Galileo, 1985. – 348 p.
- 8 Абаева М.К. Образ России в языковом сознании современных казахстанских студентов // *Вопросы психолингвистики*. – 2016, № 28. – С. 20-28.
- 9 Titscher, S., Meyer, M., Vetter, E., Wodak Ruth. *Methods of Text and Discourse Analysis*. – London: Sage, 2000. – 278 p.
- 10 Байгожина А. Казахские и русские газеты республики: непересекающиеся миры параллельных культур // *Культура и СМИ: проблемы взаимодействия*. – Алматы: Кредо, 2000. – С. 36-43.

References

- 1 Gizdatov G. Soviet Identity in Discourse of Kazakhstan. *Anuaride Filologia. Llengues I Literatures Moderne*. 2015. No. 5. P. 42-47.
- 2 Alimzhanova G.M. *Sopostavitelnaya lingvokulturologiya: vzaimodeystvie yazyika, kultury i cheloveka*. [Comparative linguoculturology: the interaction of language, culture and man]. Almaty: Inter-Press, 2010. 319 p. (In Russian)
- 3 Dmitryuk N.V. Associativnaya model' analiza lingvisticheskikh problem plyucentrizma. [Associative model of the analysis of linguistic problems of plucentrism]. *Bulletin of Kokshetau University. A series of philological*. 2016. No. 3. Pp. 36-42. (In Russian)
- 4 Murašov J. *Das unheimliche Auge der Schrift. Mediologische Analysen zu Literatur, film und Kunst in Russland*. München: Wilhelm Fink, 2016. 323 p.
- 5 Abdygaliev B.B. Politizaciya etnichnosti: processy, mekhanizmy, posledstviya. [Politization of ethnicity: processes, mechanisms, consequences]. Almaty: ID, 2003. 234 p. (In Russian)
- 6 Fazylzhanova A., Nurgalieva G. Sociolingvisticheskoe issledovanie yazykovoj situacii vvedeniya trekhyazychiya. [Sociolinguistic study of the linguistic situation of the introduction of trilingualism]. *Proc. Sci. "Language.Culture.Communication"*. Almaty: Eltanyimbaspasy, 2013. Pp. 18 – 40. (In Kazakh)
- 7 Baudrillard J. *Simulacres et simulation*. Paris: Galileo, 1985. 348 p.
- 8 Abaeva M.K. Obraz Rossii v yazykovom soznanii sovremennykh kazahstanskih studentov. [The image of Russia in the language consciousness of modern Kazakhstani students]. *Questions of psycholinguistics*. 2016. No. 28. Pp. 20-28. (In Russian)
- 9 Titscher S., Meyer M., Vetter E., Wodak Ruth. *Methods of Text and Discourse Analysis*. London, Sage, 2000. 278 p.
- 10 Bajgozhina A. Kazahskie i russkie gazety respubliki: neperesekayushchiesya miry parallel'nykh kul'tur. [Kazakh and Russian newspapers of the republic: disjoint worlds of parallel cultures]. *Proc. Sci. "Culture and media: problems of interaction"*. Almaty: Credo, 2000. Pp. 36-43. (In Russian)

МРНТИ 81'37; 003; 81'22

Есенова Қ.Ө.,

Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университетінің профессоры, ф. г. д.,
Алматы қ., Қазақстан, e-mail: kalbike_65@mail.ru

ӘЛЕУМЕТТІК-СЕМАНТИКАЛЫҚ КОНЦЕПТІНІҢ МЕДИА КЕҢІСТІКТЕГІ РЕПРЕЗЕНТТЕЛУІ

Мақалада әлеуметтік-семантикалық концептінің семантикалық деңгейде түрлене отырып, қарама-қарсы мәнде жұмсалатын антиқұндылықты маркерлі концептіге айналу факторлары қарастырылады. Сондай-ақ әлеуметтік құбылыстарға байланысты туындайтын жасанды концептілердің қолданыстық ерекшеліктері мен сипаты жан-жақты талданады. Қазіргі таңда концепт ұғымын зерттеу тек тіл білімі саласында ғана емес, сондай-ақ жалпы дүниетанымдық тұрғыда да өзекті мәселеге айналып отыр. Концепт ой елегінде, сезімдік таным жүйесінде, ішкі бейне әлемінде қалыптасады. Қарапайым адамның тіршілігі әлеумет өмірімен тығыз байланыста үйлесімді болса, оның индивидуалды жағдаяттары мен әлеуметтік ақиқатты пара-пар келер еді. Әлеуметтік өмірі ағымы мен адамның өмірлік болмысын сипаттайтын бұқаралық ақпарат тәжірибесінен жалпы әлеуметтік білімді айқындауға болады. Демек, коммуникация ерекшелігі әсіресе масс медиа тілі шынайы өмірді таза қалпында немесе астарлап жеткізудің басты құралы бола алады.

Түйін сөздер: концепт, әлеуметтік-семантикалық концепт, құндылықтар жүйесі, тілдік сана, медиа кеңістік.

Yessenova K.U.,

DSc, Professor of the Kazakh National Pedagogical University Abay,
Almaty, Kazakhstan, e-mail: kalbike_65@mail.ru

The representation of social-semantic concepts in the media texts

Changes at the semantic level of social and semantic concepts, and also factors of their transformation into the antithesis-marked concepts which are used in opposite value are considered in the article. Besides in article features and the nature of use of artificial concepts which reflect the social phenomena of surrounding reality are comprehensively analyzed. The study of concepts at the present time is extremely important both for linguistic science and for a broad general knowledge. The concept arises as a fusion of meaning and sensory perception, an inner image. Correlating the everyday life of a person with the life of a society, the possibility of comparing individual situations and social realities in the forms that media provide to their viewers contribute to the fact that personalized experience is extrapolated into general social knowledge. Specificity of communication, features of the media language can make this process natural and imperceptible to the audience.

Key words: concept, social and semantic concept, value system, language consciousness, media space.

Есенова К.У.,

д. ф. н. профессор Казахского национального педагогического университета им. Абая,
г. Алматы, Казахстан, e-mail: kalbike_65@mail.ru

Репрезентация социально-семантических концептов в медиатекстах

В статье рассматриваются изменения на семантическом уровне социально-семантических концептов, а также факторы превращения их в антиценностно-маркированные концепты, использующиеся в противоположном значении. Кроме этого в статье всесторонне анализируются особенности и характер использования искусственных концептов, которые

отражают социальные явления окружающей действительности. Изучение концептов в настоящее время чрезвычайно актуально как для языковедческой науки, так и в широком общепознавательном плане. Концепт возникает как сращение смысла и чувственного восприятия, внутреннего образа. Соотнесенность обыденной жизни человека с жизнью социума, возможность сопоставления индивидуальных ситуаций и социальных реалий в формах, которые предоставляет своим зрителям масс медиа способствуют тому, что персонифицированный опыт экстраполируется в общее социальное знание. Специфика коммуникации, особенности медиа языка могут сделать этот процесс естественным и незаметным для аудитории.

Ключевые слова: концепт, социально-семантический концепт, система ценностей, языковое сознание, медиапространство.

Кіріспе

Тәуелсіздік кезеңіндегі қазақ тіл білімі жаңа антропоэлекті бағытта дамығаны мәлім. Мұндағы көзге түсетін ерекше басты үрдіс – тіл білімінің бірнеше ғылым салаларымен тоғысуы болды. Атап айтқанда, әлеуметтік лингвистика, психолінгвистика, прагматика және когнитивті лингвистика салалары қарқынды түрде дами бастады. Осындай салааралық бағыттардың бірі – лингвоконцептология аясының барынша кеңеюі 1-ден, қазақ фразеологиялық қорының аса бай екендігімен байланысты болса, 2-ден, қоғам өмірінде орын алып жатқан әртүрлі әлеуметтік өзгерістердің көп болуы дер едік. Жаһанданудың еліміздің әлемдік өркениет көшіне ілесуіне тигізетін оң ықпалынан бөлек ұлттық бірегейлігіміздің сақталуына нұқсан келтіретіндей түрлі әсерінің болуы да шындық. Мәселен, қазақтың сан ғасырлық тарихында болмаған жесір әйел мен жетім баланың қараусыз қалуы, оң жақта отырған қыздардың балалы болуы, некенің бұзылуы, ата-анасын қарттар үйіне өткізуі, жастардың жаңа туған нәрестеден бас тартуы т.б. сияқты келеңсіздіктер осы сөзімізге дәлел. Өкінішке орай, еліміздің жаңа қоғамдық – экономикалық формацияға өтуі социум өмірінің барлық саласына дерлік өзіндік зардабын тигізіп отыр. Әлбетте, ел экономикасы дамудың жаңа сатысына көтерілген кезде тұрмыстағы қиындықтардың ұмытылары сөзсіз. Алайда ұлттық рухани құндылықтарымыз жаңа сатыға көтеріле ала ма? Кейінгі ұрпақ алдыңғы буынның жіберген қателіктерін қалай қабылдай екен? Жарық дүниеге келген сәттен бастап-ақ ананың мейірімін, әкенің қамқорлығын көрмей, мақұрым қалған сәби қандай азамат болмақ?! Бұл бір қарағанда әлеуметтану ғылымының зерттеу нысаны сияқты көрінгенімен күллі гуманитарлық ғылымдардың ортақ мәселесі болатын «тастанды бала» проблемасы тіл білімінде де арнайы қарастыруды қажет етеді. Себебі алғаш кеңес кезінде пайда болған

жалғызбасты ана, жалғыздікті қария сияқты қолданыстар бүгінде сөздік қорымызға берік орныққан десек қателеспейміз. Дәл осылайша «көкек ана», «түнгі көбелек» т.б. сияқты тіркестердің де тұрақты сипат алғаны мәлім. Бұған белгілі дәрежеде жаңалықтар жаршысы қызметін атқаруы тиіс БАҚ-тың да ықпалы зор болғаны рас. Қазіргі ақпараттар тасқыны заманында күнделікті теледидардан таралатын негатив ақпараттың оқырман, тыңдарман санасына тигізетін әсері айрықша болмақ. «Әннің де естісі бар, есері бар» демекші, есер мәтелдердің бірі- «Ұра берсең Құдай да өледі» дегеннің кері ғой бұл. Яғни күн сайын сандаған жамандықтар, кісі өлімі, қылмыстар, адам саудасы т.б. сияқты жайсыз хабарларды ести-ести құлақ, көре-көре көздің де үйренетіні белгілі. Бір ғана мысал, өткен ғасырдың соңында пайда болып, көпті елең еткізген «көкек ана» деген қолданыс әлеумет өміріндегі тосын, жат құбылыс ретінде қабылданғаны белгілі. Алайда оның қоғамдық санаға тигізген зардабының қаншалықты ауыр болғандығын біз кезінде бағамдай алмаған сияқтымыз. Бұлай деуіміздің себебі бар. Бірнеше жыл бойы өзекті проблемалар қатарында тұрған «көкек ана» тақырыбы біртіндеп үйреншікті жағдайға айналды.

Эксперимент

Жетімін жат жұртқа тентіретпеу үшін әмеңгерлікті ойлап шығарған ата-бабаларымыздан келе жатқан салттың бұзылуы, ұрпақтың азғындауы, теріс жүріске салынған әйелдердің өз нәрестесін керексіз затты қоқысқа лақтырғандай етіп, **тастап** кетуі т.б. көптеген ой-тұжырымдар «баламның табанына кірген шөңне менің маңдайыма қадалсын» дейтін **ғазиз ана бейнесін** (образын) кейінге ысырып, бойында *безбүйректік, тасбауырлық, мейірімсіздік* сияқты адамшылықтан алыс, жаман қасиеттер толған «көкек ана» ұғымының қалыптасуына негіз болады.

Бұлжымас, өзгермес, фундаментальді, тек жақсы қасиеттерді қамтитын **ана** ұғымының семантикалық аясына сыйыспайтын, тіркеспейтін (жаман) теріс мағыналы сөздермен еніп, бірте-бірте онымен қатар қолданылады. Мұны ұлт танымында, тілдік ұжым санасында қалыптасып, мықтап орныққан **құндылықтың бұзылуы** деп бағалауға болады. Яғни оқиға – ситуацияларға орай жоғары, биік, асқақ сезімдермен байланыста ассоциацияланатын **рухани құндылықтар жүйесі** әлсіреп, нашарлап, жақсы қасиет-белгілерінен біртіндеп айырыла бастайды. Бұл жалпы халықтық кризиске әкеліп соғуы мүмкін аса қауіпті проблеманы **«Ұрпақтың азғындауы»** деген терминмен таңбалауға болады. Бұл жерде психология ғылымындағы «жеке тұлғаның деградациялануы» деген ұғымды еске түсірген жөн. Адамның когнитивтік санасындағы осындай процестердің нәтижесі тілдік санаға әсер етіп, белгілі бір лексикалық бірліктер семантикасында орын алып, жаңа сөз қолданыстар түрінде тілдік айналымға түседі. Осылайша талдаған **«Ана»** концептісінен **«Көкек ана»** деген жағымсыз ұғым бөлініп шықты.

Бұл жағымсыз мәнді қолданыс қазақ баспасөзінде тұрақты қолданылатын образға айналды деуге болады. Қазақ авторлары көкекті **«көкжалқау, ниеті бұзық құс»** десе, оның балапанын **«жұлымыр»** деп сипаттайды [1, 130].

Осылайша Ана деген ардақты есімге толығымен қарама-қарсы мәндес көкек атауының қосарлануы арқылы жасалған «көкек ана» қолданысы қалыптасып, сөзжасамда да, ұлттық санада да орнығып, қоғам өміріндегі үлкен келеңсіздіктің тілдік маркері ретінде танылды. Арада 5-6 жыл өткенде тағы да сол халықтың құлағы, көзі, һәм тілі болатын газет бетінде «көкек ана» моделімен жасалған тағы бір тосын тіркес «көкек әке» қолданыстық сипат ала бастады. Сөйтіп, енді бұрын-соңды көз көріп, құлақ естімеген «көкек әкелер» пайда болды.

Лингвомәдени концептінің өзге менталдық бірліктерден ең басты айырмасы онда **құндылық элементтеріне** баса назар аударылады. Яғни концептінің өзегін **құндылық** құрайды. Ал құндылықтың көрсеткіші бағалауыштық предикаттың қолдануынан көрінеді. Мысалы, бір феномен туралы бір мәдениеттің өкілдері бұл жақсы, жаман деп баға бере алады, сол феномен белгілі бір мәдениетте концептіні қалыптастырады. Концепті сананың қандай да бір күшті нүктесінің маңайына шоғырланып,

сол нүктеден жан-жаққа ассоциативтік векторлар таралады. Тіл ұстанушылар үшін осы ассоциативтік векторлар таралады. Тіл ұстанушылар үшін осы ассоциациялардың неғұрлым маңыздылары концепт өзегін құраса, мәні төмендеулері шеткері аймақты құрайды. Мұндай концептілерде айқын шекара болмайды. Өзектен алыстаған сайын ассоциациялар әлсірей береді. Осындағы концептінің өзегін (орталық нүктесін) құрайтын сөзжұмсамдық бірлік концептінің атауы болып табылады. Лингвомәдени концептінің құрылымы үш компоненттен тұрады: құндылықтық, фактуалдық және бейнелік. Фактуалдық компоненті санада вербалды түрде сақталып, ал образдық элемент бейвербалдық формада болады. Сондықтан оны тек сипаттауға болады [2, 75-80].

«Әке» әмбебап концептісінің құрамындағы құндылық компоненті бірқатар адамгершілік қасиеттер төмендеп, екінші орынға ысырылған қоғамда пайда болған **«Көкек әке»** туынды концептісінің құрамында біртіндеп көмескіленіп, тасаланып, біржолата жоғалады. Мұндай жаңа туынды концептінің теріс, жағымсыз эмоционалдық әсері күшті болады. Ал құндылық компоненті антиқұндылықпен алмастырылады. Мұндай адамзат қоғамындағы әлеуметтік құбылыстарға байланысты туындайтын жасанды концептілерді шартты түрде әлеуметтік-семантикалық концепті деп атағанды жөн көрдік. Біріншіден, бұл тарихи емес, белгілі бір кезеңде орын алған әлеуметтік құбылыс, екіншіден, әртүрлі семантикалық өрістерде орналасатын Әке және Көкек сөздерінің тіркесуі тілдік дәстүрге қайшы. Өйткені көкек қазақ танымында басқа құстардан тұрақсыздығымен, тиянақсыздығымен ерекшеленеді. Тіліміздегі «Көкек өз атын шақырады», «Аты жоқ құс», «Секектеп жүреді», «Балапанын тастап кетеді» сияқты ассоциациялар мен қолданыстар осыған дәлел. Сондықтан да көкекті концепт құрауға потенциалы жеткілікті бірлік ретінде тануға болады (мысалы, «қарға ана» деген қолданыс жоқ, өйткені концепт жасауға бұл құстың мінез-құлқы сәйкес келмейді, салыстыру үшін «қарға баласын аппағым дейді» деген фразеологизмін еске түсіріңіз). Дегенмен, **«көкек әке»** тіркесі әке сөзінің валенттілік қасиетін теріс, жағымсыз мәнде арттырады. Сөйтіп көнеден келе жатқан позитив мәнді **Әке** концептісіне заман ағымына қарай пайда болған негатив мән үстеледі. Семантикалық деңгейде түрлене отырып, қарама-қарсы мәнде жұмсалатын мұндай ту-

ынды концептілерді антиқұндылықтық маркерлі, әлеуметтік-семантикалық концептілер деген топқа жатқыздық.

Назар аударайық: «Жас Алаш» газетінде «Ұлт пен ұрпақ» айдары бойынша жарық көрген Мағжан Садықанұлының «Көкек әкелер көп, алименті жоқ» атты мақаласында елімізде жүз мың баланың алименттік қаржыдан қағылып отырғаны жайында баяндалады. *Ажырасу көп болатындықтан көкек әкелердің де қатары жыл санап артып келеді. Елімізде 100 мың бала алименттік қаржыға қол жеткізе алмауда. Ажырасу көп болғандықтан, «көкек әкелердің» де қатары жыл санап артып келеді. Статистикалық мәліметтерге қарағанда, алимент өндіру жөніндегі шыққан әрбір төртінші сот шешімі орындалмайды. Туған баласынан безген безбүйрек әкелердің балаларын жастай «тірі жетім» атандырып, өз қанынан жаралған ұрпағына қатігездік көрсетуі көңілге қаяу салады. Осындай қоғамдық ауыр кеселден еліміз бойынша кәмелеттік жасқа жетпеген мыңдаған бала зардап шегіп отыр.*

Сондай-ақ осы аталған проблемаға арналған келесі мақалада көкек әке тіркесі тырнақшасыз, яғни әдеби нормаға тән қолданыс ретінде жұмсалған: «Көкек әкені табуға көмектесіңіздер» («Бір тақырыпқа екі хат» айдары, Кәмила Сепбосынова). Мұнда да 15 жыл бойы 2 баласына алимент төлеуден қашып жүрген еркек жөнінде айтылады. Байқап отырғанымыздай, бауыр еті баласынан безіп адамгершіліктен алыстаған қазақ жігіттерінің бұл мінез-құлқы біртіндеп қоғамдық нормаға айналып бара жатқандай. Бұл әрине, ұлттық сарасанамызға үлкен дақ түсіретін келеңсіздік. Қазақы танымдағы «Әке – асқар тау, ана – мөлдір бұлақ, бала – жағасындағы құрақ» деген стереотиптің бұзылуына себеп болатын мұндай мысалдарды қазіргі БАҚ-тан көптеп кездестіруге болады. Жалпы қазақ тілінің паремиологиялық қорына назар аударсақ, ананың мейірімділігі сияқты әкенің қамқорлығын білдіретін *асыл әке, қамқор әке* сияқты қолданыстармен қатар *әкенің жақсысы жездедей-ақ, әкенің қарғысы-оқ, ананың қарғысы-боқ* сияқты әкенің қаталдығын көрсететін тілдік бірліктердің бар екенін көреміз. Бұлардан бөлек ата-ананың ақ батасымен қатар көңілін қалдырған перзентіне теріс батасын берген әкелердің де тарихта болғаны белгілі. Мысалы Қыз-Жібек жырындағы Төлегенге әкесі Базарбайдың теріс батасын беруі мен оның көп ұзамай мерт болуының арасындағы байланыстың бар екені шындық. Баласының өз

бетімен жасаған таңдауы әкесін қаншалықты назаландырғанымен анасы Төлегенге ақ батасын беріп шығарып салады. Бұл да іштен шыққан перзентін ешбір жамандыққа қимайтын ананың мейірімділігін көрсетсе керек.

Нәтиже мен талқылау

Осы айтылғандардың қоғамдық санада орын алып тұрақтана түсуіне әлбетте БАҚ-тың қосатын үлесі зор. Демек, медиа кеңістік-қоғам мүшелерін күнделікті жаңалықтардан құлағдар ететін ақпарат таратушы ғана емес, сонымен бірге ұжымдық тілдік санада жаңа қолданыстардың пайда болуына, орнығуына, тіпті әдеби норманың бейәдеби нұсқасы ретінде орнығуына ықпал ететін орта деуге негіз бар.

Қазіргі қазақ меди кеңістігінде жиірек қолданылып жүрген келесі тілдік бірлік-*құрсақ ана*. Мазмұны жағынан толығымен негатив мәнде жұмсалатын *көкек ана* тіркесінің моделі бойынша жасалғандығына қарамастан *құрсақ ана* деген қолданыстың семантикалық мазмұнын толықтай жағымсыз, теріс мәнде деуге болмайтын сияқты. Себебі ана адамның бір-ақ рет өмірге келуі қандай ақиқат болса, оны дүниеге әкелетін ананың да біреу-ақ болуы сондай ақиқат. Бір баланы екі ана бірдей табуы мүмкін емес. Сондықтан да баланы тоғыз ай көтеріп табатын әйелді ғана қазақ «Ана» деп атаған. Ал оны босандырып, кіндігін кесіп, жөргекке орап алған әйелді *кіндік шеше* деп атаған. Сондай-ақ тағдырдың жазуымен туған анасынан айырылған баланың әкесі екінші рет үйленген жағдайда анасының орнына келген әйелді *өгей шеше* деп атағаны белгілі. Демек, баланың ең жақын адамы- ананың орнын басытын ешкім жоқ! Алайда қазіргі баспасөз бетінде *құрсақ ана* тіркесі жиі жұмсала бастады. Мысалы «Жас Алаштағы» (21.09.2010) «Бала табу да жұмыс болды», «Жатырды жалға беру- қыпқызыл бизнес көзіне айналып барады» сияқты мақалалар сөзімізге дәлел. Алғаш құлаққа тосындау естілетін бұл қолданыстың оқырман санасына тигізетін әсері екіжақты сипатта болады. Себебі анамен ассоциацияланатын *мейірімділік, сүйіспеншілік, адалдық, нәзіктік* сияқты рухани қасиеттер қазақы танымдағы *құрсақ шашу, құрсақ көтеру, құрсақ той, құрсақтағы тәрбие* сияқты оң, жағымды мәндегі тіркестермен толық сабақтасады. Сондықтан *құрсақ ана* тіркесі *отан ана, асыл ана, жер ана, абзал ана, газиз ана, ақ самайлы ана т.б.* синонимдер қатарынан орын алуына лайық сияқты. Дегенмен, *құрсақ*

ана қолданысының бұл қатарға орнығып кете алмасы анық. Өйткені ол – қазіргі медицинаның үлкен жетістіктерінің бірі саналатын эко тәсілімен бала табуға қатысты қалыптасқан тіркес. Ресми баламасы – *суррогатная мать*. Бұл жасанды қолданыстың семантикалық өрісіне назар аударсақ, мынадай семалар тізбегін көреміз:

- жатырды жалға беру;
- бизнес түрі;
- шарифат бойынша харам;
- ана мен баланың арасындағы табиғи биологиялық және рухани байланыстың үзілуі;
- жат құрсак;
- баланың уызға жарымауы;
- әйелдің психологиялық соққы алуы;
- сәбиді сатып алу;
- құрсак сату;
- ұрпақтың азғындауы

т.б. болуы мүмкін. Бұл – ең алдымен тарихи, табиғи емес, белгілі бір кезеңде орын алған әлеуметтік құбылыс. Яғни әлеуметтік-семантикалық концептінің семантикалық деңгейде түрлене отырып, қарама-қарсы мәнде жұмсалатын антиқұндылықты маркерлі концептіге айналуы. Демек, «ең жақын, туған (родной), мәңгі бірге» семаларының бір мезгілде бөтен, жат, уақытша жақындық семаларымен алмасу құбылысы байқалады. **Құрсак ана** тіркесінің пайда болуына себеп болған экстралингвистикалық фактор-

лар бұл жерде шешуші роль атқарады дей аламыз. Сондықтан **құрсак ана** қолданысы тілдік санамызда теріс мәнге ие күйінде қала бермек.

Қорытынды

Сайып келгенде, **құрсак ана**, **көкек ана** сияқты теріс маркерлі тілдік бірліктер қоғамда бар құбылыстарға берілген атау. Алайда олардың пайда болуы әлеуметтік фактор десек те оған берілген атаудың жиі-жиі қолданылып тілдік айналымға түсуіне, сөйтіп ұжымдық тілдік санада орнығуына біртіндеп әдеби нормадан бейәдеби нұсқасына айналуына елеулі әсерін тигізетін БАҚ және медиа кеңістік болмақ. Бұл үрдістің қоғамдық санаға тигізетін зардабы бірнеше жылдан кейін аталмыш тіркестердің үйреншікті, нормалық тілдік бірліктерге айналып кетуі болмақ. Ар жағында тілдік ұжымның когнитивтік санасынан орын алатын *стереотипке айналудың үрдісі* де алыс емес.

Қорыта келгенде, БАҚ қоғамдық сананы бұрмалаушы да, тузетуші де қуатты құрал болғандықтан онда пайда болып, сөзжұмсамға енетін тұрақты қолданыстардың бірыңғай оң жағымды мәнде болуы өзімізге, яғни қоғам мүшелерінің рухани құндылықтар жүйесін қалай түсінуіне және қалай қабылдауына байланысты екендігін естен шығармағанымыз жөн.

Әдебиеттер

- 1 Есенова Қ.Ө. Қазіргі қазақ медиа-мәтінінің прагматикасы (қазақ баспасөз материалдары негізінде). – Алматы, 2007. – 450 б.
- 2 Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Сб. науч. тр. / Под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: ВГУ, 2001. – С. 75-80.

References

- 1 Esenova Q.O. Qazirgi qazakh media-mätininiñ pragmatikasy [Pragmatics of modern Kazakh media text] (qazakh baspasöz materialdary negizinde). – Almaty, 2007. – 450 b.
- 2 Karasik V.I., Slyshkin G.G. Lingvokul'turnyj koncept kak edinica issledovaniya [Linguo-cultural concept as one of the research] // Metodologicheskie problemy kognetivnoj lingvistiki: Sb. naun. tr. / Pod red. I.A. Sternina. – Voronezh: VGU, 2001. – S. 75-80.

Жабаета С.С.,

к. ф. н. доцент Костанайского государственного университета им. А. Байтурсынова,
г. Костанай, Казахстан, e-mail: zhabayeva_ss@mail.ru

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА «ГОСТЕПРИИМСТВО» В КАЗАХСКОЙ, РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

Данная статья посвящена рассмотрению особенностей реализации концепта «гостеприимство» в казахском, русском и английском языках с точки зрения когнитивной семантики и языковых картин мира данных культур. В статье приведен сопоставительный анализ репрезентации концепта на разных лексических уровнях, позволяющих интерпретировать особенности мировидения, национального менталитета и этнического сознания. Основные методы исследования: метод семантического анализа, метод сплошной выборки из фразеологических, толковых словарей, тезауруса, словарей пословиц и поговорок. Результаты исследования дают возможность представить экспликацию концептуального пространства «гостеприимства» в структуре когнитивных моделей в сопоставительном аспекте.

Ключевые слова: концепт, гостеприимство, концептосфера, языковая картина мира.

Zhabayeva S.S.,

PhD, A/ Professor of A. Baitursynov Kostanay State University,
Kostanay, Kazakhstan, e-mail: zhabayeva_ss@mail.ru

The national-cultural specific features of the concept "hospitality" realization in Kazakh, Russian and British lingua cultures

The given article is devoted to the investigation of the concept "hospitality" realization in Kazakh, Russian and English languages from the point of view of the cognitive semantics and language world perception of the given cultures. The article gives the comparative analysis of the concept representation on different lexical levels, which allows to interpret the specific features of the world perception, national mentality and ethnic consciousness. The main methods of investigation are: the method of semantic analysis, the method of random access from phraseological and semantic dictionaries, thesaurus, dictionaries of proverbs and sayings. The results of the research give possibility to present the explication of "hospitality" in the structure of cognitive models in the comparative way.

Key words: concept, hospitality, concept sphere, language world view.

Жабаета С.С.,

А. Байтурсынов атындағы Костанай мемлекеттік университетінің доценті, ф. ғ. к.,
Костанай қ., Қазақстан, e-mail: zhabayeva_ss@mail.ru

Қазақ, орыс және ағылшын лингвомәдениетінде «қонақжайлылық» концептісін жүзеге асырудың ұлттық мәдени ерекшелігі

Бұл мақала қазақ, орыс және ағылшын тілдерінде «қонақжайлылық» концептісін жүзеге асыру ерекшеліктерін когнитивтік семантика және осы мәдениеттер әлемінің тілдік суреті тұрғысынан қарастыруға арналған. Мақалада әлемді көру, ұлттық менталитет және этникалық сана ерекшеліктерін интерпретациялауға мүмкіндік беретін концептіні түрлі лексикалық деңгейлерде репрезентациялаудың салыстырмалы талдауы берілген. Зерттеудің негізгі әдістері: семантикалық талдау әдісі, фразеологиялық және түсіндірме сөздіктерден, тезаурустан, мақал-

мәтел сөздіктерінен жаппай теру әдісі. Зерттеу нәтижелері «қонақжайлылықтың» концептуалдық кеңістігінің экспликациясын салыстырмалы аспектіде когнитивтік модельдер құрылымында көрсетуге мүмкіндік береді.

Түйін сөздер: концепт, қонақжайлылық, концептосфера, әлемнің тілдік бейнесі.

Введение

Проблема изучения языковой картины мира тесно связана с проблемой концептуальной картины мира, которая отображает специфику человека и его бытия, взаимоотношения его с миром, условия его существования.

Разные культуры и традиции описывают свой мир, но окружающий людей мир не зависит от национальной принадлежности, он устроен по единым для всех законам. В этой связи содержание мышления с когнитивных позиций, а именно совокупность знаний о мире составляет концептосферу языка. Понятие концептосфера, предложенное Д.С. Лихачевым, мы используем в нашей работе для обозначения особого поля, ауры языка, которое связано с запасом знаний, навыков, культурным опытом отдельного человека и народа в целом [1, 14].

Можно говорить как об универсальных, базовых концептах, так и о специфических, этноцентрических концептах. Рассматриваемый нами концепт относится к универсальному, однако, при одинаковом наборе составляющих у каждого народа существуют особые, только ему присущие особенности национального мировидения и оценки мира. Эти составляющие могут быть этническими, этическими, культурологическими, символическими и, в зависимости от создавшейся картины мира, на первый план могут выступать те, которые особенно в ней преобладают.

Концепт «гостеприимство» является универсальным, общечеловеческим, обладает культурной насыщенностью, символичностью. Рассматриваемый концепт занимает важное место в языковом сознании исследуемых этносов, так как он является одним из ключевых концептов, национально-детерминированным и отражающим этнический характер народа. Рассматривая язык как предмет культуры, мы исследовали его культурный слой, в котором зафиксировались отложения культуры, охватывающие картину мира того или иного этноса.

Большой символичностью концепт «гостеприимство» обладает в казахском языке, так как своё главное символическое отражение он нашел в важном символе казахской культуры,

наполненным семиотическим статусом и символизирующим Тюркскую Вселенную – юрте. Суть юрты как модели Вселенной кочевников подразумевает соблюдение многочисленных обрядов и ритуалов, в том числе прием гостей. Не случайно место напротив входа называется «тор» или верхнее место. Казахи говорят: «*Төрге шығыңыз*», «*Төрлетініз!*» букв. «Проходите наверх», то есть «Займите почетное место». Понятие «төр» существует и в современном жилище. В горизонтальном плане юрты «четверичность» системы воспроизводится ролевыми позициями людей: гость (вход) – восток, гостевая половина – юг, семейная – север и позиция хозяина (төр) – запад.

С понятием «гостеприимный» в казахской культуре связаны лучшие качества человека, так как проявление радушия – не единственный смысл гостеприимства. Традиционная культура казахов предполагает соблюдение обрядов, ритуалов, которые необходимо исполнить, так как высшим смыслом жизнепонимания для казахов всегда были уважение и сострадание к ближним, вера в добро, соблюдение традиций.

Концепт «гостеприимство» в русской картине мира связан с этическим концептом «добро». Внутри этической концептосферы русского менталитета мы выделяем в качестве доминирующих следующие концепты: воля, свобода, душа, дом, удаль, истина, правда. Концепт «добро», на наш взгляд, тесно связан с концептом «гостеприимство», так как нравственная сущность русского характера породила такие характеристики моральных качеств гостеприимных хозяев, как добронравие, добродушие, доброхот, добродетель, добрососедство, добряк, доброденствие и т.п. Русский язык зафиксировал доминанту добра в моральном кодексе народа в слове «добродетель», которое можно считать основополагающим в когнитивном пространстве гостеприимства.

В английском языке изучаемый концепт связан со стереотипами поведения, с этикетом, предопределяющим, в том числе и языковое поведение.

Сравнивая концептосферы английского, русского и казахского языков, мы выявили, что языковые сознания данных лингвокультурных со-

обществ отличаются друг от друга, но различия эти детерминированы не только социокультурными условиями, но и набором других признаков, о которых идет речь в диссертации. Вслед за Ю.С.Степановым мы считаем концепт более объемным мыслительным конструктом человеческого сознания по сравнению с понятием. По нашему мнению, концепт – это некое суммарное явление, состоящее из самого понятия и ценностного представления о нём человека. Слово «понятие» применяется в разных науках, прежде всего в философии и логике. Различие между понятием и концептом, по мнению Ю.С.Степанова, заключается в том, что концепт и понятие – это термины разных наук; второе употребляется главным образом в логике и философии, тогда как первое, концепт, является термином в одной отрасли логики – математической логике, а в последнее время закрепилось также в науке о культуре, в культурологии. Концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не творец культурных ценностей – сам входит в культуру, а в некоторых случаях влияет на неё [2, 40].

С.Г.Воркачев дает следующее определение концепту: «Концепт – это единица коллективного знания, сознания, имеющая языковое выражение и отмеченная этнокультурной спецификой» [3, 70]. Нам же ближе определение А.М. Шахнаровича, который считает, что «концепты – это посредники между словами и экстралингвистической действительностью и поэтому значение слов не может быть сведено к образующим его концептам» [4, 215].

Эксперимент

Так как словарная дефиниция является ядром концепта, то мы отмечаем общность в определении понятия «гостеприимство» в казахском, русском и английском языках, которая заключается в характеристике данного явления как радушно-го, дружеского, щедрого приема гостей. Национальная специфика в определении казахского гостеприимства проявляется в мысли о том, что гостеприимный хозяин не пожалеет ничего для гостя.

Сопоставление синонимичных рядов показало, что гостеприимство находится в одном ряду со словами «дружелюбное отношение», «радушный прием», «щедрость». В казахском языке как

особенность мы отметили наличие большого количества производных слов и словосочетаний, связанных со встречами гостей и ритуалами гостеприимства, не имеющего аналогов в русском и английском языках. Это *қонақ асы* – специальное угощение для гостей, *қонақ аяқ* – особый ритуал угощения, *қонақ хақы* – подарки гостей, *қонақ кәде* – исполнение гостями ритуала песнопения, игре на национальных инструментах и др. В казахском языке значение «гостеприимный» передают несколько слов. Это *қонақуар*, *қонақжай*, *мейманышыл*, *қонақшыл*. В корне трех лексем находится слово «қонақ» (гость). Наличие четырех равнозначных синонимов слову «гостеприимный» в казахском языке подчеркивает важность данного концепта для казахского сознания.

Концепт «гостеприимство», по нашему мнению, ассоциативно тесно связан с концептом «гость», поэтому мы проводим его семантический и концептуальный анализ, который направлен на экспликацию семантической структуры, уточнение реализующих данный концепт денотативных значений. В представлении ключевой лексемы, ассоциирующейся с гостеприимством, а именно «гость», обозначилась отличительная особенность в отношении к данному концепту казахского языкового сознания, а именно, выражение терпимости, проявление радушия, актуализированное в понятии «*құдайы қонақ*» (человек, гость от бога). В этом смысле даже мало знакомый человек будет назван гостем и радушно принят. «Гость» у англичан – это специально приглашенный человек. Восприятие понятия «гость» в русском менталитете лучше всего отражено в пословицах: «Гость в дом, а бог в доме», «Напой, накорми, а после вестей поспроси», «Наперед накорми, а там уж поспроси» [5]. В данных пословицах эксплицирован старинный русский обычай не расспрашивать гостя ни даже об имени его, не накормив и упокоив.

Являясь фрагментом языковой картины мира, паремиологическая картина мира дает возможность исследовать концепты, так как в пословицах «в сентенционной форме отражены все категории и установки жизненной философии народа носителя языка» [6, 241]. Опираясь на мнение В.Н. Телия, который относит паремии к источникам культурно-значимой интерпретации фразеологизмов и прескрипциям – стереотипам народного самосознания, мы проанализировали концепт «гостеприимство» в паремиологической картине мира русских, казахов и англичан.

В русских, английских и казахских паремии-

ях концептуализированы все признаки концепта «гостеприимство», а именно: отношение к гостям, поведение гостей, хозяев, концептуализация желанных, нежеланных гостей, званных и незванных, скупых, жадных хозяев. Казахские, русские и английские паремии эксплицируют идею о том, что гостеприимство – хорошая традиция. («Гостю почет, хозяину честь!», «Қонаққа кел демек бар, кет демек жок», «Welcome is the best cheer»).

Отличительной особенностью русских паремий, выражающих гостеприимство, является наличие пословиц примет, эквивалентов которым нет в английском и казахском языках, в которых концептуализировано поведение хозяев, а именно, ожидание гостей согласно приметам («Собака перед домом катается (валяется) – гости будут», «Дрова в печи развалились – к гостям»).

Несмотря на разницу в использовании лексических средств, стилистических приемов, в исследуемых языках наблюдается общность в выражении отношения к незванным гостям («Незванный гость хуже татарина», «An unbidden guest knows not where to sit», «Шақырылмаған қонақ орын талқамас»).

Для усиления образности в русских паремиях широко используются стереотипные имена людей, животных. Образы животных, используемые в паремиях, опираются на национальные стереотипы сознания. Так, злой, грубый человек в русском национальном сознании ассоциируется с образом пса – «Званный – гость, а незванный – пес». Образ волка относится к злым, опасным, вечно голодным, недоверчивым людям: «Помянули волка, а он и тут». Вол является олицетворением силы, выносливости, терпеливости, трудолюбия: «Вола в гости зовут не мед пить, а воду возить»; нечистоплотный, непорядочный, некультурный человек ассоциируется с образом свиньи: «В людях Илья, а дома свинья». Ловкость и сноровка обезьяны запечатлелись в пословице «Не зови обезьяны к орехам». С образом медведя в русском менталитете связаны следующие ассоциации: много спать, жить замкнуто, как отшельник. Жадного, замкнутого хозяина русские сравнивают с медведем, бирюком: «Как бирюк в нору забился», «Как байбак, как медведь в берлоге». Перечисленные образы животных национально маркированы и для русского национального сознания актуальны и понятны. В казахском языке нежеланный гость сравнивается с собакой: «Итті қонақ жараспас», т.е. не гоже вести себя в гостях как собака. Англичане сравнивают загостившегося человека с

протухшей рыбой: «Fish and guests smell in three days», досл.: Рыба и гости портятся через три дня. Вариант – «The best dish smell when they are three days old».

Анализ фразеологизмов позволяет выделить основные признаки концепта «гостеприимство», актуальные как для русской, английской, так и казахской языковых картин мира: *открытость, радушие*: рус.: *от души, всем сердцем*; каз.: *мейманасы асты (тасыды), бейіл құрмет асты, жан аямау, ырза болу, қуанып қарсы алу, артықша құрмет*; англ.: *heartly welcome* (сердечный прием); *щедрое угощение*: рус.: *накормить до отвала, сколько душе угодно*; каз.: *қонақ асы, дам-ауыз тигізу, сыбаға тарту*; *расположение к дому*: рус.: *Чувствуйте себя как дома!*, *принять с распростертыми объятиями*; каз.: *тәрден орын алу, сәлем беру*; англ.: *to make smb. feel at home*; *приверженность к традициям, обрядам, ритуалам*: рус.: *хлеб-соль, милости просим, добро пожаловать*; каз.: *қонақ кәде жасау, қонақ атқару*; англ.: *Welcome!*; *отношение субъекта к объекту*: рус.: *водить хлеб-соль, хлопотать, занимать гостей*; каз.: *қошемет көрсету, қонақ құту* (ухаживать за гостем), *қарсы алу, құрметтеу*; англ.: *to entertain guests* (развлекать гостей), *to show extra hospitality* (проявить чрезмерное гостеприимство); *благодарность гостей хозяевам*: рус.: *благодарить за хлеб-соль, поминать хлеб-соль*; каз.: *риза болу, рахмет айту*.

Анализируя отражение концепта «гостеприимство» во фразеологии, мы отмечаем проявление национально-культурной специфики в использовании ключевых для каждого этноса концептов. Так, использование слов «душа», «сердце» во фразеологизмах русского, английского и казахского языков подчеркивает общность в восприятии гостеприимного человека, т.е. душевного, сердечного, открытого в общении. Концепт «душа» актуален в русской картине мира, так как он концептуализируется как образ «вместилища», включающего в себя теплоту, сердечность, широту русской души, открытость и т.д. Концепт «душа» относится к метафизическим концептам, так как он является ментальной сущностью высокой степени абстрактности. Для обозначения гостеприимства концепт «душа» представлен во фразеологизмах: *душа на распашку, всей душой, от всей души, с открытой душой*. В английском языке русскому «душа» близок концепт «heart» (сердце). Об открытом радушном человеке говорят «open-hearted» (соответствует русскому «душа нараспашку»). Фраза «from the bottom of one's heart» означа-

ет «от души» (досл. с дна сердца). Здесь «дно» ассоциируется с полнотой чувств. Для образной передачи задушевной беседы используется идиома «**heart-to-heart talk**» (**разговор от сердца к сердцу**). Для казахского языка характерна глубокая поэтичность художественных образов, нашедшая отражение в «языке» культуры. О гостеприимном, душевном человеке говорят: *ақ ниетті, ақ жарқын адам, ақ жүректі*. Компонент «ақ» в приведенных идиомах олицетворяет чистую, открытую душу. Фразеологизмы в казахском языке метафоричны. В них реализуется, главным образом, духовный код культуры. Например: *мейманасы асты (тасыды), бейіл құрмет асты, жан аямау, ырза болу, қуанып қарсы алу, қөшемет көрсету, артықша құрмет, қонақуарлық көрсету, қонақжайлылық білдіру*.

Метафорическое моделирование фрагментов языковой картины мира становится возможным благодаря способности метафоры быть универсальным средством номинации и механизмом ассоциативного отождествления. В то же время метафора включает субъективный фактор восприятия действительности: коллективные, социально отфильтрованные, и индивидуальные оценки означаемого. В нашем исследовании мы отметили общность в метафорическом моделировании фрейма «встреча» через лексемы, обозначающие свойства предмета, познаваемые сенсорно, и используемые для дифференциации признаков, относящихся к другому аспекту материи. Например, идентификация атмосферы встречи в русском, казахском и английском языках осуществляется «температурными» словами: тёплый, холодный. Данные предикатные метафоры представлены в следующих сочетаниях: рус.: *теплая встреча, встретить тепло (холодно)*, англ.: *to give a warm welcome, a warm welcome* (тёплый прием); каз.: *жылы қарсы алу* (встретить тепло). Словом «холодный» в английском, казахском, русском языках может характеризоваться негостеприимная встреча, а также поведение нерадушного человека: рус.: *холодная встреча, холодный человек*; англ.: *a cool atmosphere* (холодная атмосфера), *a cold greeting, a cold welcome* (холодный приём); каз.: *салқын қарсы алу* (холодно встретить), *салқын қарау* (не дружелюбно, холодно посмотреть).

Результаты и обсуждение

Таким образом, фреймовая модель «гостеприимный человек – радушный, щедрый на угощение» представлена слотами, представ-

ляющими признаки исследуемого концепта. В русской картине мира гостеприимный хозяин ассоциируется с *хлопотливым, суетливым, хлебосольным*, в казахском менталитете закрепился образ *радушного, щедрого, почтительного хозяина, гостеприимного по отношению к любому пришедшему в его дом человеку*. Англоязычные художественные тексты иллюстрируют поведение *гостеприимного хозяина* через сочетания: *friendly look* (дружелюбный взгляд), *heartly atmosphere* (сердечная атмосфера), *gentle delicacy of manner* (деликатные манеры), *gracious and stately hospitality* (почтительное и изысканное гостеприимство), *vehement friendliness* (неистовое дружелюбие), которые рисуют образ английского хозяина: сдержанного в эмоциях, терпеливого, милостивого. Тезаурус английского языка выстраивает в одном ассоциативном ряду с лексемой «*hospitality*» следующие слова: *affability* (приветливость), *amiability* (любезность), *cheer* (радость), *companionship* (общительность), *comradeship* (товарищеские отношения), *consideration* (уважение), *conviviality* (праздничность), *cordiality* (сердечность), *entertainment* (развлечение), *friendliness* (дружелюбие), *generosity* (щедрость), *geniality* (добродушие), *sociability* (общительность), *obligingness* (любезность), *reception* (прием), *warmth* (теплота) [7, 378].

Во фрейм «гостеприимный человек» мы относим действия, направленные на оказание внимания и проявление радушия. Так, в русском языке данные действия выражены следующими глаголами: *добро жаловать (фольк), угощать, пировать, кланяться (устар.), накормить, напоить, хлопотать, расцеловать, привечать, потчевать, усаживать, подносить, угождать, уважить*. В казахском языке преобладают фразовые глаголы: *дам беру* (угощать), *той беру* (устроить той), *өлен айтқызу* (петь песни), *тәрде отырғызу* (усаждать на почетное место), *қарсы алу* (встретить), *орналастыру* (разместить), *мал сою* (резать скот, чаще барана), *шашу* (осыпание подарками, сладостями), *амандасу, сәлем беру* (приветствие), *қонақ жөнелту, қонаққа тандыру* (проводить гостей), *дастархан жайылу* (накрыть на стол), *құрметтеу* (почитать, чествовать). В английской языковой картине мира действия могут заключаться в следующем: *to keep a good house* (букв. держит хороший дом, зд. хорошо принимать гостей), *to give at homes* (давать званый вечер), *to play host* (хорошо принимать гостей), *to give smb. a hospitable welcome* (оказать гостеприимный прием), *to show, to offer, to extend hospitality* (проя-

вить гостеприимство), *to entertain guests* (развлекать гостей), *to show extra hospitality* (проявить чрезмерное гостеприимство).

Заключение

Таким образом, различия в семантике и способах вербализации концепта «гостеприимство» в казахском, русском и английском языках детерминируют его актуальность в языковом сознании и отражают черты национального характера. Национально-культурная специфика

реализации концепта «гостеприимство» в русском языковом сознании обусловлена особенностями национального характера, а именно: объективизацией понятия «широта русской души». В казахском языке концепт «гостеприимство» наиболее актуален в силу культурных особенностей и национального менталитета. В выражении концепта «гостеприимство» в английском языке эксплицированы стереотипные черты характера англичан: сдержанность, следование этикету, светскость, а также особенности культуры.

Литература

- 1 Лихачев Д.С. Русская культура. – М.: Искусство, 2000. – 440с.
- 2 Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.
- 3 Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. – 2001. – №1. – С. 64-72.
- 4 Шахнарович А.М. Языковая личность и языковая способность / Язык-система. Язык-текст. Язык-способность: Сборник статей. – М.: Институт русского языка РАН, 1995. – С. 213-223.
- 5 Даль В.И. Пословицы русского народа. – М., 1984. – 350 с.
- 6 Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
- 7 Roget's 21 Century Thesaurus in dictionary form. Edited by the Princeton Language Institute, New-York, 1993. – 630 p.
- 8 Кенесбаев І. Қазақ тілінің фразеологиялық сөздігі. – Алматы, 1977.
- 9 Кейкин Ж. Қазақтың 7777 мақалы мен мәтелі. – Алматы.: Өлке, 2002.
- 10 Dictionary of proverbs. – Penguin Books, 1983.
- 11 Девлин Джозеф. Dictionary of synonyms and antonyms. Словарь синонимов и антонимов английского языка. – Москва: Центрполиграф, 2002.

References

- 1 Lihachev D.S. Russkaya kultura. [Russian culture]. M.: Iskustvo, 2000. 440 p. (in Russian)
- 2 Stepanov Y.S. Kostanty. Slovar' russkoi kul'tury. Opyt issledovaniya. [Constants. Dictionary of Russian culture. Experience of the study]. M.: Shkola „Yazyki russkoi kul'tury“, 1997. 824 p. (in Russian)
- 3 Vorkachev S.G. Lingvokulturologiya, yazykovaya lichnost, kontsept: stanovlenie antropotsentricheskoi paradigmy v yazykosnanii [Linguacultural studies, communicator, concept: anthropocentric paradigm in linguistics] // Journal “Filologicheskie nauki”, 2001. №1. P. 64-72. (in Russian)
- 4 Shahnarovich A.M. Yazykovaya l'ichnost I yazykovaya sposobnost' [A communicator and language ability. Language – a system. Language – a text. Language – ability. Collection of articles]. M., Institut russkogo yazyka RAS, 1995. P. 213-223. (in Russian)
- 5 Dal' V.I. Poslovitsy russkogo naroda. [Proverbs of Russian people]. M., 1984. 350 p. (in Russian)
- 6 Teliya V.N. Russkaya frazeologiya. Semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokulturologicheskii aspekty. [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and liguacultural aspects]. M., Shkola «Yazyki russkoi kul'tury», 1996. 288 p. (in Russian)
- 7 Roget's 21 Century Thesaurus in dictionary form. Edited by the Princeton Language Institute, New-York, 1993. 630 p. (in English)
- 8 Kenesbaev I. Qazaq tilinin frazeologiyalyq so'zdigi. [Kazakh dictionary of phraseological units]. –Almaty, 1977. (in Kazakh)
- 9 Keikin J. Qazaqtyn 7777 maqaly men ma'teli. [7777 Kazakh proverbs and sayings]. Almaty, “O'lke, 2002. (in Kazakh)
- 10 Dictionary of proverbs. Penguin Books, 1983. (in English)
- 11 Devlin Joseph. Dictionary of synonyms and antonyms. Moscow: Tsentrpoligraf, 2002. (in Russian)

Makhmetova D.M., Lugovskaiya E.I., Nessipbayeva Z.S.

Assistant Professors of Al-Farabi Kazakh National University,
Almaty, Kazakhstan, e-mail: djamilya_gab@mail.ru

ON THE FUNCTION OF ADJECTIVES IN SCIENTIFIC TEXTS

The article discusses the functions of adjectives in scientific-natural and scientific-technical texts. These functions were studied using the materials of the translation of scientific texts in Russian/English language system. The sentences and phrases with adjectives were classified by two criteria: the syntactic links of adjectives with other words; lexical and semantic peculiarities of adjectives playing the role of an attribute. According to these criteria the utterances with adjectives were divided into three groups: common utterances of a neutral adjective function; terminological phrases in which adjective is syntactically linked with terms; special utterances with adjectives being an emotional component. The methods of linguistic transformations of utterances were developed for a scientific text. According to these transformations neutral function is transforms into informative function. It is a linguistic technique which intensifies the degree of quality of an adjective by introducing adverb of an extent "very". The grammatical transformation of a sentence is the core of the second method. The third method is based on using stylistic technique of comparison. The informative function of an adjective in a scientific text is to evaluate objectively or express more precisely the essence of a scientific phenomenon expressed by a term. The informative function of an adjective is varied by lexical means and stylistic techniques.

Key words: term, adjective, word-characteristic, informative function, of adjective, neutral lexis, expressive lexis, special lexis.

Махметова Д.М., Луговская Е.И., Несипбаева З.С.,
Аға оқытушылар әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінде,
Алматы, Қазақстан, e-mail: djamilya_gab@mail.ru

Ғылыми мәтіндердегі есімдердің функциясы

Бұл жұмыста есімдердің ғылыми-жаратылыстану және ғылыми-техникалық мәтіндерде сөз сөйлеу функциясы зерттелген. Бұл зерттеудің негізінде орыс және ағылшын тіл арасында аудармашылық материалдар жатады. Тіл әдістермен есімдердің мағыналық ренкі шығарылған. Екі лингвистикалық критерий бойынша сөйлемдер дәл солай бөлінеді. 1. Есімдер термин сөздермен тікелей байланысты. Осындай сөз тіркестерге терминологиялық сөйлеу деп ат қоямыз. Есімдерге – термин үшін сипаттама сөз деп ат береміз. 2. Есімдер термин емес, бірақ басқа сөздермен байланыстырып көрсетілген болса, онда сөз тіркестерді әдеттегідей сөз тіркестер деп санаймыз.

Сол себептен есімдердің үш әр-түрлі сөйлеу функциясы айқын анықтанылып табылады: маңызсыз бейтарап функциясы; маңызды терминологиялық функциясы; арнайы, көп мағыналық немесе мәнерлілік (экспрессивті) функциясы. Екінші және үшінші жағдайларда есімдерге информативті сөз деп ат қоямыз. Бұл кезде есімдердің информативті функциясы ғылыми құбылыстарды ең жақсы және дәлдірек бағалайды. Есімдердің информативті функциясы лексикалық құралдармен және стильдік тәсілдермен өзгертіледі. Сондықтан есімдерді орыс тілден ағылшын тілге, немесе керісінше, ауыстырғанда, біріншіден олардың мәтіндердегі информативті функциясын анықтауға керек. Сосын ғана әр сөзге ең дұрыс, эквиваленттілік аудармашылық мағына табылады.

Бұл жұмыста ғылыми мәтіндер үшін бірнеше тіл әдістер арнайы мақсатпен пайдаланған. Көрсетілген, қалай есімдерді бейтарап функциядан информативті функцияға келтіруге болады.

Түйін сөздер: термин, сын есім, сипаттама- сөз, есімдердің информативті функциясы, бейтарап лексикасы, экспрессивті лексикасы, көп мағыналық лексикасы.

Махметова Д.М., Луговская Е.И., Несипбаева З.С.,
Старшие преподаватели Казахского национального университета имени аль-Фараби,
г. Алматы, Казахстан e-mail: djamilya_gab@mail.ru

О функции прилагательных в научных текстах

Речевые функции прилагательных в научно-естественных и научно-технических текстах исследованы с использованием материалов перевода научных текстов в системе контактирующих языков русский/английский. Предложения и словосочетания с прилагательными классифицировали, используя два критерия: синтаксические связи прилагательных с другими словами; лексические и смысловые особенности прилагательных в роли определения. Согласно этим критериям, высказывания с участием прилагательных разделены на три группы: обычные высказывания с нейтральной функцией прилагательного; терминологические обороты речи, в которых прилагательные синтаксически непосредственно связаны с терминами; специальные высказывания с прилагательными. Для научного текста разработаны способы языковой реорганизации высказываний от нейтральной функции прилагательных к информативной функции. Это языковой прием усиления степени качества прилагательного путем введения наречия меры «очень». Грамматическая реорганизация предложения составляет сущность второго способа. Третий способ основан на использовании стилистического приема сравнения. Информативная функция прилагательного в научном тексте заключается в том, чтобы объективно оценить или выразить более точно сущность научного явления, описываемого термином. Информативная функция прилагательных варьируется лексическими средствами и стилистическими приемами.

Ключевые слова: термин, прилагательное, слово-характеристика, информативная функция прилагательного, нейтральная лексика, экспрессивная лексика, многозначная лексика.

Introduction

The adjectives refer to the part of speech that represents the characteristic of the object. In the speech situations, regardless of the field of knowledge, the adjectives are linguistically connected with the words of other speech parts. The features of the speech situations related to natural and technical sciences can be characterized as «stylistic» and «informative». The purpose of denoting a feature is often explained by the need to mark something specific relating to the object of speech, and is a

condition for the correct perception of scientific information. The adjectives have valuable speech qualities. This is primarily due to their grammatical properties. In speech they provide the technique of the comparison by the characteristic and the technique of the characteristic quality. English and Russia have three grammar forms for adjectives: the original positive degree, the comparative degree, the superlative degree [1– 4]. Adjectives grammatical properties of which allow creating speech structures with a comparison function of something by a particular feature are called descriptive adjectives.

Table 1 – Grammatical features of the comparison of descriptive adjectives

№	Language	Grammar form	Grammar techniques
1	Russian	Simple comparative degree	The addition of the suffixes -ee/-ey, -e, -she, -zhe-.
2	Russian	Composite form	The addition of the words «boleee» или «menee».
3	Russian	Superlative degree	Adjectives with “samy”, “naibolee”, “naimenee”
4	English	Simple comparative degree	The addition of the suffixes: er, ier.
5	English	Composite form	The addition of the words “more”, “less”.
6	English	Superlative degree	The adjectives with “the most”, “the least”.

The syntactic function of the composite shape is believed to be wider than that of a simple form. A simple form is the part of a predicate. The composite form of the comparative degree is often used in

the bookish speech in the function of an attribute. The term «characteristic» can express not only the quality of anything in speech communication. There are relative adjectives in grammar. They denote

other characteristic – relation, and this characteristic cannot be exhibited in some degrees. The degree of quality usually involves a subjective assessment of the characteristic intensity. Adjectives are combined

with a wide range of concrete nouns and easily create figurative meanings. Some relative adjectives are used in Russian and in English speech with a figurative high-quality meaning.

Table 2 – Additional lexical meanings of adjectives

№	Bookish speech: direct meaning, expressing the relation to the speech object	Bookish speech: the transfer of the direct meaning to other object to compare by quality and property
1	Barkhat. Barkhatnoe platye.	Barkhatny golos.
2	Salat. Salatnye tarelki.	Salatny tzvet.
3	Zip. Zipper. Zipper bags (a bag with a quick fastener).	Zipper reactions (scientific text: the reaction of rapid addition).
4	Liquid. Liquid soap.	Liquid chromatography (scientific text: the method of measurement).
5	Ring road	Carbon ring structure; ring electrode (scientific text: ring-like structures/ electrode).

In the natural-scientific and technical texts, as in any other text, the grammatical forms of the adjectives are often used. However, there are unique features in the construction of the speech structures with adjectives. The stylistic features of adjectives are related to the situations of communication. Depending on the purposes of communication adjectives may be used as neutral or informative words or words with emotional function [1]. In the aspect of the natural scientific and scientific-technical bookish speech adjectives can be considered as linguistic units, providing the following communication qualities: 1) neutral character of speech patterns: scientifically-developed, cultural language speech, corresponding to the concept of “scientific style”; 2) informative character of speech patterns: use of adjectives as tinting speech units in situations that are ambiguous on the correlation with reality; 3) stylistic features of the speech patterns aimed at the individualization feature: it is often neutral informative, informative and expressive character, emotional function is less used. The present paper is aimed at studying the functions of adjectives in scientific-natural and scientific-technical texts. The significance of this topic is connected with the issues of the equivalent translation of adjectives from Russian into English. The theory of equivalent translation makes a great emphasis on the lexical units which possess the properties of synonyms. When translating an adjective from one language into other language it is necessary to correctly evaluate an adjective function thought the whole text. The right choice of a translation equivalent depends on it. In this

case the author’s intention and main task should be understood. The lack of studies on the given topic determines the novelty of our research. As the scientific speech development is an intermittent process.

Experiment

The natural-scientific and technical texts, adjectives are frequently used in the role of an attribute. Grammar links between words in the speech structures should be noted. They may be different types (forms) of the language units – from phrases to sentences. Three aspects of the role of an attribute should be distinguished. The first aspect is everyday speech; the second aspect is terminological speech. Terminology speech introduces the words from adjective category into linguistic as mandatory components. Adjectives perform an informative function in relation to the term, or words of special scientific vocabulary. One can distinguish in a sentence the phrases that contain «terms» or the words of «special scientific vocabulary», and adjectives from the common lexis with a polysemantic meaning. Adjectives with the function being reduced to the role of an attribute in the form of “words – characteristics of the terms” cannot be removed from the text. They grammatically and stylistically distinguish specific, concrete, particularly important things, due to the use of terms or words of special vocabulary in this situation. This demonstrates the informative function of the adjective. At the same time it can be of a neutral, informative or expressive character.

In everyday speech overloaded by adjectives which is not connected with terminological vocabulary, adjectives can be removed. At that the meaning of the

text will not be affected. We will show this fact in the scientific speech, using different language units taken from the scientific informative texts (Tables 3 and 4).

Table 3 – Language properties of adjectives in scientific texts

№	Language unit	Adjective: type, form, function. Lexical unit.
1	The main thing in the compound sentence: «In order to understand the complex processes of soot formation adequate models are required.»	«Complex»: high-quality, original positive form. Commonly used.
2	Sentence fragment: «The material obtained in the course of the experiment, contains new – two kinds of ribbon structures.»	New»: high-quality, original form. Neutral informative. Commonly used. «Ribbon»: relative. Neutral informative. Commonly used.
3	Word combination: «Free static charges»	«Free»: high-quality, original form. Neutral informative. Commonly used.
4	Word combination: «cellular multiple laminar flamelets»; «a wrinkled laminar flamelet».	«Cellular»: relative. Informative expressive. Commonly used. «Wrinkled»: relative. Informative-Expressive / Informative and emotional. Commonly used.
5	Word combination: «Ring electrode».	Ring»: relative. Neutral informative. Commonly used.
6	Sentence fragment: «the taller laminar cone was still collapsed near the burner head».	«Taller»: a qualitative, comparative degree. Neutral informative / informative and expressive. Commonly used.

Table 4 – Speech function of adjectives in natural – scientific and technical texts

№	Lexical unit	Speech technology: ordinary/terminological speech
1	The main thing in a compound sentence: «In order to understand the complex processes of soot formation adequate models are required»	Ordinary. Syntagma «complex processes».
2	Sentence fragment: «The material obtained in the course of the experiment, contains new – two kinds of ribbon structures.»	Terminological. Syntagma: “new-two kinds of ribbon structures”.
3	Word combination: «Free static charges»	Terminological. Syntagma «free charges»
4	Word combination: «cellular multiple laminar flamelets».	Terminological. Syntagma: «cellular flamelets».
5	Word combination: «Ring electrode».	Terminological. Syntagma: «Ring electrode».

Thus, in the natural – scientific and technical texts the language properties of adjectives acquire communicative informative function, if they are grammatically and stylistically directly related to the essence of the thing which is expressed by terms or words of special vocabulary. Let's explain this conclusion by using modeling method to an uncertain situation, expressed by phrase «complex process». This phrase is shown in table 3. The adjective «complex» in the phrase «complex processes of soot formation» is grammatically agreed with the word «process». The components of the phrase «soot formation», in the context of natural- scientific and technical disciplines, has the status of «Terms»

or the words of «special vocabulary» which are not related to the common lexicon. The sentence is grammatically connected with the verb «to understand.» Therefore, the adjective «complex», which the author of the scientific text uses to express his/her views on the nature of «soot formation» in a scientific experiment, is a stylistically-neutral. The sentence without the adjective «complex» does not lose its scientific sense: – «In order to understand the processes of soot formation adequate models are required.» The adjective «complex» from subjective speech zone can be converted into objective assessment of the phrase “soot formation” if there are necessary adequate language constructions. The

grammatical forms of adjectives, as well as stylistic devices of their usage in speech allow implementing this task. Informative function of the adjective “complex” can be achieved by the following linguistic methods: 1) enhancing the quality of the degree by the introduction of adverb of extent “very”: – «To understand the very complex processes of soot formation adequate models are required.”; 2) grammatical reorganization of the sentence: – «In order to understand the complexity of soot formation adequate models are needed.”; 3) usage of the stylistic device of comparison: soot formation “as “a model of a complex process»: – «In order to understand the processes of soot formation we need *models* which are adequate to *the concept “complex*

process “. The italicized speech patterns show grammatical and stylistic consistency between the phrase «soot formation” and the word “complex”. Under these conditions, the adjective “complex” becomes a word characteristic for the term “soot formation”. The speech pattern is transformed into a terminological speech construction in which the adjective function is to objectively evaluate and more accurately express the essence of the phenomenon of “soot formation”.

The adjectives: important, significant, substantial, great are often used in scientific texts. It is a peculiar feature of the scientific style. This can be illustrated on the following examples from the article in Russian [5, 137; 138]:

Table 5 – Examples from scientific texts

Russian text	English variant
1. Сажеобразование – важный и постоянно изучаемый аспект горения.	1. Soot formation is an important aspect of combustion constantly being studied
2. Исследование образования и окисление сажи имеет особое значение.	2. The study of soot formation and oxidation is of a great significance.
3. Существенное практическое значение (фрагмент предложения)	3. Significant practical value (the sentence fragment)
4. Накоплен значительный экспериментальный материал.	4. The substantial experimental material has been collected.

The study of the dictionary entry has showed that the examples: 1-4 correspond to the speech situation of a polysemantic character [6,7,8]. The authors of the scientific texts frequently use the adjectives: important, significant, substantial, essential, vital, considerable, crucial and primary. These adjectives are used in the cases when it is necessary to show the specific opinion or attitude. Such adjectives as a rule possess synonym families. Their semantic peculiarities can be met in simple sentences in scientific texts. The target information of these sentences is to reflect the special subjective attitude to the problem. So an adjective function is perceived by the readership of a scientific text as factor of emotional impact. Such adjectives often produce an effect of a specific gesture.

Results and discussion

The words of an adjective function have extensive and valuable speech qualities. Various communications, various stylistic criteria, various interlingual relations are capable of revealing different functions of adjectives in oral and written

speech. The structure of scientific information always subordinates a certain goal. To adequately express the idea and write some scientific thesis it is necessary to correctly understand word language context. The language context of a dictionary entry is an initial point in this research. The aspects of new usage of words in scientific texts can be determined based on it. The analysis of scientific texts in the process of their translation from Russian into English and vice versa showed the peculiarities of adjective usage. There were found out the following types of utterances: the common utterances with a neutral function of an adjective; terminological speech structures in which an adjective is syntactically linked with terms; specific that is special utterances in which adjectives are used with an increased intensity of a feature. The informative adjective function is to objectively evaluate and more precisely express the essence of a scientific phenomenon. The informative function is provided by adjectives which refer to different lexical units: neutral common lexis; colored lexis; scientific lexis; synonyms and antonyms, paronyms, homonyms; international words. The results are proved be

concrete examples. Adjectives: “static”, “multiple”, “laminar” in natural and technical sciences are treated as the units of scientific vocabulary, and therefore they are the organizers of the terminological speech. The adjectives “new”, “ribbon”, “free», «cellular», «wrinkled», «ring», «taller», which belong to the common lexis, perform informative function in scientific texts. They are the essential components of speech patterns. These are the word characteristics of the terms in the relation to the words of scientific vocabulary. The category of the word characteristics is expanded by grammatical derivation techniques. At the same time, “the word characteristics” can be classified as adjectives. Here are the examples of the speech patterns of scientific texts. Adjectives are italicized: *onion-like* fullerene nanostructures; *bell-shaped* curve; magnetism of *iron-containing* particles in the quartz matrix; *short-life* radicals; *free* radical mechanism; *the most striking* result; *staged* character of carbon nanostructures. In this case, grammatical techniques and grammatical derivation devices are speech stylistic devices that are typical of different situations, both with neutral and with colored vocabulary. Stylistic components “-shaped”, “containing”, “short”, “staged” are used to assess shape, quality, time, sequence. Stylistically coloured words are “onion-like”, “bell”, “short-life”, «striking”.

Conclusion

Thus it can be concluded that adjectives can perform both informative and stylistic functions in the scientific text. Today many authors of scientific articles prefer to use the words which are typical of every day speech. This situation is clearly seen in

the use of adjectives. For instance, such adjectives as wrinkled, ribbon, onion-like, bell-shaped, short-life, striking, are not typical of scientific speech they are more peculiar for ordinary speech. However in some scientific papers one can face these words used in the combination with the term, for example: ribbon particles, wrinkled flame, and bell-shaped curve. Using these adjectives in scientific speech the author turns scientific word combinations into colored speech patterns.

The main conclusions:

- The linguistic properties of adjectives in scientific-natural and scientific-technical texts acquire an informative function. The recognition of this function provides the equivalence when translating a scientific text from one language into other language.

- The informative function is formed in a scientific text based on linguistic characteristics: grammar of words, lexical parameters, and stylistic features.

- Based on a lexical – stylistic criterion the following functions of adjectives in a scientific text: neutral-informative function; informative-expressive function; informative specific function were found out.

- Based on syntactic links with other words in sentences the types of speech situations: common speech; terminological speech patterns were found out.

- The techniques of forming an informative function of adjectives in scientific texts enabled to chose more precise translation equivalents for Russian words: *osoby*, *znachitelny*, *sushestvenny*. These words are often used in scientific Russian texts.

References

- 1 Kasatkin L.L., Klobukov E.V., Lekant P.A. *Sovremenny Russkii yazyk*. [Modern Russian] Moscow: Prosveshenie, 2004. 304 p. (In Russian)
- 2 Eastwood J. *Oxford Practice Grammar*. Oxford: Oxford University Press, 2006. 440 p. (In English)
- 3 Vince M. *First Certificate Language Practice. English Grammar and Vocabulary*. 4th Edition. Oxford: Macmillan, 2009. 344 p. (In English)
- 4 Swan M. *Practical English Usage*. Oxford: Oxford University Press, 2005. 653 p. (In English)
- 5 Mansurov Z. A. *Sazheobrazovanie v processah goreniya*. (Obzor). [Soot formation in combustion processes (Review)] *Physics of combustion and explosion*. 2005. No 6. V. 4. Pp. 137 – 156. (In Russian)
- 6 Aleksandrova Z. E. *Slovar sinonimov russkogo yazyka*. [Dictionary of synonyms of Russian] Moscow: Sovetskaya enciklopediya, 1968. 600 p. (In Russian)
- 7 Ozhegov S.I. *Slovar russkogo yazyka*. [Dictionary of Russian] Moscow: OGIZ, 1949. 968 p. (In Russian)
- 8 *The Oxford Dictionary of Synonyms and Antonyms*. Second Edition. Oxford: University Press, 2007. 514 p. (In English)

Литература

- 1 Касаткин Л.Л., Клобуков Е.В., Лекант П.А. Современный русский язык. – М.: Просвещение, 2004. – 304 с. (На русском)
- 2 Иствуд. Д. Оксфордская Практическая Грамматика. [Oxford Practice Grammar] Оксфорд: издательство Университета Оксфорд, 2006. – 440 с. (На английском)
- 3 Винс М. Первый Уровень овладения языком. Английская Грамматика и Лексика. [First Certificate Language Practice. English Grammar and Vocabulary] 4 издание. – Оксфорд: издательство: Макмиллан, 2009. – 344 с. (На английском)
- 4 Свон М. Практический Английский. [Practical English Usage] – Оксфорд: издательство Университета Оксфорд, 2005. – 653 с. (На английском)
- 5 Мансуров З.А. Сажеобразование в процессах горения. (Обзор). Физика горения и взрыва. – 2005. – №6, Т. 41. – С. 137 – 156. (На русском)
- 6 Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка. М.: Советская энциклопедия, 1968. – 600 с. (На русском)
- 7 Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: ОГИЗ, 1949. – 968 с. (На русском)
- 8 Оксфордский Словарь синонимов и антонимов. [The Oxford Dictionary of Synonyms and Antonyms] Второе издание. Оксфорд: Издательство Университета Оксфорд, 2007. – 514 с. (На английском)

Orazbekova I.G.¹, Muldagalyieva A.A.², Okusheva G.T.³,

¹PhD, A/Professor, ²PhD, A/Professor, ³PhD, A/Professor
of al-Farabi Kazakh National University,
Almaty, Kazakhstan, e-mail: indiragazizovna@mail.ru

LEXICAL BLENDING IN THE MODERN ENGLISH LANGUAGE

This article looks at blending as a word-formation process which is gaining strength in modern English. According to the method, the formation of new lexical units occurs with impressive dynamism, but the corresponding changes are introduced into the dictionaries with delay and caution. However, many words formed with the help of blending entered the vocabulary of the English language. The number of blends increases every year. The dynamism of the process as an independent word-formation type proves its productivity. Blended words express various concepts and phenomena in the field of science, technology, politics, social phenomena, space research, transport, art, aviation, life, economics and finance, sports, language and linguistics, education, health, agriculture, etc. Due to their unusual and expressive nature they are widely used in mass media.

Key words: blending, word-formation model, telescoping, stem, affixation

Оразбекова И.Г.¹, Молдағалиева А.А.², Окушева Г.Т.³,

әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің
¹доценті, ф. ғ. к., ²доценті, ф. ғ. к., ³доценті, ф. ғ. к.,
Алматы қ., Қазақстан, e-mail: indiragazizovna@mail.ru

Қазіргі заманғы ағылшын тіліндегі кіріккен сөздер

Бұл мақалада қазіргі заманғы ағылшын тілінде көп қолданылатын кіріккен сөздер лексикалық бірлік құраудың әдісі ретінде қарастырылады. Аталған әдістің көмегімен жаңа кіріккен сөздердің таң қалдырарлық динамикамен құралғанымен, бірақ сөздіктерге кеш және сақтылықпен енгізіліп жатыр. Кірігу арқылы жасалған көптеген сөздер ағылшын тілінің сөздік қорына бекем еніп кетті. Кіріккен сөздердің саны жыл сайын артып келеді. Бұл, кірігудің өзіндік нәтижелі сөзжасаушы тип ретінде күш алып келе жатқындығын дәлелдейді. Бүгінгі күні кіріккен сөздердің саны өте көп. Олар ғылым, техника, саясат, әлеуметтік құбылыстар, ғарыштық зерттеулер, көлік, авиация, тұрмыс, экономика және қаржы, спорт, тіл және лингвистика, білім, денсаулық сақтау, ауыл шаруашылығы және т.б. салалардың әртүрлі түсініктерін білдіреді. Өзінің ерекшелігі мен бейнелілігінің арқасында олар бұқаралық ақпарат құралдарында кеңінен қолданылады.

Түйін сөздер: кірігу, сөзжасаушы модель, телескопия, сөздің негізі, аффиксация

Оразбекова И.Г.¹, Молдағалиева А.А.², Окушева Г.Т.³,

¹к. ф. н. доцент, ²к. ф. н. доцент ³к. ф. н. доцент
Казахского национального университета им. аль-Фараби,
г. Алматы, Казахстан, e-mail: indiragazizovna@mail.ru

Лексические слияния в современном английском языке

В данной статье рассматривается слияние как способ образования лексических единиц, который в современном английском языке набирает все большую силу. С помощью данного способа образование новых лексических единиц происходит с впечатляющим динамизмом, но соответствующие изменения вносятся в словари с опозданием и известной осторожностью. Многие слова, образованные с помощью слияния прочно вошли в словарный состав английского языка. Количество слияний с каждым годом увеличивается. Все это доказывает, что слияние все больше набирает силу как самостоятельный продуктивный словообразовательный тип. На

сегодняшний день количество слияний огромно. Они выражают различные понятия и явления в области науки, техники, политики, социальных явлений, космических исследований, транспорта, искусства, авиации, быта, экономики и финансов, спорта, языка и лингвистики, образования, здравоохранения, сельского хозяйства и т.д. Благодаря своей необычности и экспрессивности они широко используются в средствах массовой информации.

Ключевые слова: слияние, словообразовательная модель, телескопия, основа слова, аффиксация.

Introduction

The most vivid and determining process in the development of language is the constant and intensive enrichment of its words stock through new words. This continuous and increasing process of the appearing of new lexical units is carried out in two ways: through borrowing and various ways of word formation. However, borrowing is always limited and affects certain, quite definite categories of lexical units. Therefore, it plays a subordinate and relatively small role, although quite noticeable in certain periods of language development (for example, the borrowing of French words in English during the Norman conquest). The vocabulary of the language is enriched mainly by derivation, that is the formation of new words based on using the lexical material that already exists in the language. The language could not have word stock that would correspond to the development of society without word-building. Following on from this, the enormous importance of word formation is determined in the general system of language [1].

Currently in modern English the word formation method which is called by the term “blending” is gaining in strength. With the help of this method, the formation of new lexical units occurs with impressive dynamism, although the corresponding changes are introduced into the dictionaries with delay and caution. The reason for this situation is the fact that some researchers (Berman, 1959; Shansky, 2005) are not readily agree to distinguish blending as a separate way of word formation, pointing to the peculiar and contradictory nature of this phenomenon. Thus, the relevance of the topic is determined on the one hand by the fact that the use of blends is expanding day by day, on the other hand, this way of word-formation is only just beginning to receive clear scientific coverage and requires increased attention of linguists [1]. The research so far has focused mainly on the structural classification of blends (Arnold, 1986; Algeo, 2010; Plag, 2003; Lehrer, 2007), while their functional-pragmatic potential remained out of sight of linguistic science.

Word-formation models

The word-formation model shows how a word is formed in each particular case and helps to create similar meanings by analogous means. The concept of word formation as a whole includes generalizations, combining different models into groups according to the methods of word formation.

There are different opinions about the number of means of word formation.

Generally, different word formation means change their activity and for a long time can be more or less productive or even freeze. Currently there are six most productive ways of word formation: they are affixation (“stem + affix” model), compounding (stem + stem model), conversion ($V > N$ or $N > V$), reversion (“stem-quasi-affix”), blending (the connection of fragments of the stems) and reduction. Other methods such as (alternation, for example, feed from food, duplication (murmur), as well as unmodified methods – onomatopoeia (cuckoo; splash) and rhymed repetition, for example tip-top; hocus-pocus) are considered to be marginal and unproductive. Sometimes lexico-semantic word-formation is also mentioned, but it rather refers to changing the meaning of an existing word.

Traditionally, three groups of word formation methods are distinguished depending on the result – word production, which includes affixation, reversion and conversion (the result is a derivative word), compounding (the result is a compound word) and abbreviation (the result is abbreviation, acronym and blended words) [8].

Lexical blending (telescoping) as a word-formation method

Lexical blending, also known as telescoping, is a relatively young word-formation method. Unlike other methods, the word-formation unit is not a stem, but its arbitrary fragment (sometimes coinciding with the stem). Moreover, the fragment does not exist in the language but appears only at the time of the coining of the word, which explains the absence

of a single model of blending. There are two basic techniques used in telescoping: they are the connection (amalgamation) of fragments of the stems and the actual fusion (blending) of fragments. Amalgamation takes place when the original fragments do not have common sounds in the composition (Euroshima <Europe + Hiroshima). Fusion occurs when common sounds are presented (motel <motorist + hotel).

Words that appear as a result of telescoping are usually blended words or blends (the English term for this method is blending; new words are called blends or portmanteau words). The process of blending is clearly presented on the example of the word *smog*, formed from fragments of two stems – smoke and fog – by superimposing them on each other. Despite the fact that the morphemes can be easily recognized in the blended word, it represents a simple word not a compound (motel <motorist + hotel; Euroshima <Europe + Hiroshima; etc.). As it has been mentioned, one of the fragments of the stems can coincide in form with the full stem (docudrama <documentary + drama; vidkid <video + kid; etc.). Such blendings resemble semi-reduction in their composition, but there is a significant difference between them in semantics. Semi-reductions actually represent only a formal change sometimes, but not necessarily, leading to a change in the stylistic characteristic of the word [8].

Among the earliest telescopic words recorded by the Oxford English Dictionary: blatterature (1512) – blatter + literature – ‘low-quality literature’; foolosophy (1549) – fool + philosophy – ‘a limited man, pretending to be wise’; universalphabeth (1670) – universal alphabeth – ‘universal writing system’; scraze (1703) – scratch + graze – ‘severely scratch severely’; boldacious (1888) – bold + audacious – ‘desperate and brave, loving risk and danger’.

Blended words are created to verbalize new complex, multidimensional concepts, new artifacts, trade marks, etc.: spamdexing (sp.) – spamming + indexing – ‘repetition of a word within a Web page so that the link to it is at the top of the search results posted by the Internet search server’; Websumer (n.) – Web + consumer – ‘a person carelessly absorbing information on the Internet’; vodcast (p., v.) – video + podcast – ‘broadcast video data over the Internet to digital players’.

A characteristic feature of telescopic formations is the clearly expressed consciousness of their creation. Sometimes even the names of those who created these words are known, as well as the place and time of their first use. This kind of word formation is an inexhaustible source for creating language

puns. The authors of “portmanteau words” are sure that listeners or readers will correctly “unravel” the meaning: hacktivist (p.) – hacker + activist; teleputer (n.) – television + computer; spamouflage (n.) – spam + camouflage.

A unique feature of the phenomenon described is that the process of integration is not accidental or spontaneous, since it is regulated by specific features of the components involved in the fusion. The original components of the telescopic words have to match each other according to several parameters – phonological, grammatical, semantic and have a high linguo-creative potential [9].

Methodology. The structure of blends

The object of the study is lexical telescopic words (“portmanteau words”) of the English language formed by means of blending.

Traditionally, the analysis of the structure of lexical blends was based on taking into account combinatorial features of their morphological composition. John Algeo [10], for example, distinguishes the following groups of blends:

1. Blends with phonemic overlapping

Units with the complete or partial overlapping of elements of the original components. Blends with overlapping usually overlap the ending part of one word with the first part of the next word. As a result, the end of one word and the beginning of the second word will overlap and therefore facilitate the blend. The overlap can be one phoneme or several.

strimmer = string + trimmer

slanguage = slang + language

broast = broil and roast / cook (food) by a combination of broiling and roasting.

anecdottage = anecdote + dotage / garrulous old age, anecdotes collectively.

backronym = back + acronym / reverse acronym.

cartune = cartoon + tune / musical cartoon.

coopetition = cooperative + competition / Collaboration between business competitors, in the hope of mutually beneficial results.

croning = crone + crowning from crown / (especially among feminists in the US and Australasia) a celebration or ceremony to honour older women.

2. Blends with Clipping

Blends with clipping have no overlapping. The shortening of two words and then compounding them, so one part or more is omitted. There are different patterns that are used when creating these kinds of blends.

Blends created by using the first part of the first word, the last bit of the second one:

aprium= apricot+ plum/ the combination of the two fruits.

cosmeceutical= cosmetic + pharmaceutical/ a cosmetic that has or is claimed to have medicinal properties, esp. anti-aging ones.

Telematics = telecommunications + informatics

Tigon = tiger + lion

Cineplex = cinema + complex

cama= camel+ llama/ A hybrid animal produced by breeding a camel and a llama.

Webzine = web + magazine

Blends which keep the whole part of the first word and the last part of the second word:

deskfast= desk+ breakfast/ Breakfast eaten at work.

foodoholic= food+ alcoholic /a person having an excessive, often uncontrollable craving for food.

jazzercise= jazz+ exercise/ a type of fitness training combining aerobic exercise and dancing to jazz music.

staycation=stay+ vacation/a vacation spent in one's home country rather than abroad.

Blends which keep part of the first word plus whole of the second one:

architourism=architecture + tourism/ tourism involving seeing buildings and other architectural works.

automagic= automatic + magic/ A process carried out automatically in such a clever way that the result appears to be magic.

Cheaster= Christmas + Easter/ An individual who attends religious services only twice a year, at Christmas or Easter.

dup= do + up/ to open.

Eurasia =Europe + Asia/ the land mass formed by the continents of Europe and Asia.

Blends created by using the first parts of two words:

avgas = aviation + gasoline/ gasoline fuel for aircraft.

famicom = family + computer/ The Nintendo Entertainment System is an 8-bit video game console that was developed and manufactured by Nintendo.

pokémon = pocket + monster /a video game, card game, or other toy featuring certain Japanese cartoon characters.

Blends created by using the last parts of two words:

podcasting= ipod+ broadcasting/ a program (as of music or talk) made available in digital format for automatic download over the Internet.

3. Blends with Clipping And Overlapping:

Bollywood = Bombay + Hollywood

codec= code(r) + dec(oder) /A device or computer program capable of performing.

eclection = eclectic(c) + (se)lection/An eclectic selection.

glamazon = glam(orous) + amazon / A glamorous woman.

glocal = glo(bal) + local / being both global and local.

Hungarican= Hungari(an) + (Ame)rican.

motel= moto(r) + (h)otel / a hotel for people who are travelling by car.

mockumentary= mock+ (do)cumentary / motion picture or television program that takes the form of a serious documentary in order to satirize its subject.

potato= po(t)ato+ (to)mato/ A graft hybrid produced initially by Luther Burbank (1849–1926), U.S. horticulturist, by grafting tomato scions on to potato roots; the edible fruit of such a plant, resembling a white-fleshed tomato.

Silastic = silicone + plastic

traficator= trafic+ (ind)icator/a blinking light on a motor vehicle that indicates the direction in which the vehicle is about to turn.

Results

English blends, collected from electronic dictionaries (English Oxford living dictionaries <https://en.oxforddictionaries.com/>; Dictionary.com <http://www.dictionary.com>; Thesaurus.com <http://www.thesaurus.com/>) and internet sites (<https://en.wikipedia.org>; <https://www.thoughtco.com>) compose the practical material of the study. As a result of the conducted research and analysis of various linguistic facts, three main groups of formation of blends were identified (overlapping, clipping, blends with clipping and overlapping).

The study of the derivational system of modern English language makes it possible to establish certain rules and patterns of constructing words. The ability to define word-forming elements in a word, to determine the way it is formed and the word-formation model by which it was created, contributes to the conscious and profound acquisition of the language and ultimately results in higher level of mastering a foreign language.

Conclusion

A unique feature of the phenomenon described is that the process of blending is not accidental or spontaneous, since it is regulated by specific features of the components involved in the fusion. The

original components of the telescopic words have to match each other according to several parameters – phonological, grammatical, semantic and have a high linguo-creative potential.

Many words formed with the help of telescoping firmly entered the vocabulary of the English language. The number of blends increases every year. On the whole, the blending is gaining strength as

an independent productive word-formation type. Blended words express various concepts and phenomena in the field of science, technology, politics, social phenomena, space research, transport, art, aviation, life, economics and finance, sports, language and linguistics, education, health, agriculture, etc. Due to their unusual and expressive nature, they are widely used in the mass media.

Литература

- 1 Мурзаков А.А. Функционально-прагматические аспекты слияния в английском языке: автореф. канд. филолог. наук: 10.02.04. – Санкт-Петербург, 2013 // <http://www.dissercat.com/content/funktsionalno-pragmaticheskie-aspekty-sliyaniya-v-angliiskom-yazyke> [date 11.10.2017].
- 2 Берман И.М. О «вставочном» типе словообразования. – Вопросы языкознания. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1959. – № 2. – С. 104-107.
- 3 Шанский Н.М. Очерки по русскому словообразованию – URSS, 2005. – 333 с.
- 4 Арнольд И.В. Лексикология современного английского языка: учеб. для институтов и факультетов иностранных языков – М.: Высшая школа, 1986. – 295 с.
- 5 Algeo J. The Origins and Development of the English Language. – Wadsworth: Cengage Learning, 2010. – 347 p. (In English).
- 6 Lehrer A. Blendalicious. Lexical Creativity, Texts and Contexts. – Amsterdam / Philadelphia: John Benjamin's Publishing Company, 2007. – Pp. 115-133. (In English).
- 7 Plag I. Word-formation in English Text. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – 254 p. (In English).
- 8 Елисеєва В.В. Лексикология английского языка. – СПб, 2003 – С. 35-39.
- 9 Князев Н.А. Слова-слитки в современном английском языке. // https://www.pglu.ru/upload/iblock/5a9/uch_2012_ii_00005.pdf [date 11.10.17].
- 10 Algeo J. Blends, a structural and systemic view. – American Speech. 1977. No 52. Pp 47-64. (In English).

References

- 1 Murzakov A.A. Funktsionalno-pragmaticheskie aspekty sliyaniya v angliiskom yazyke: avtoref. kand. filolog. nauk: 10.02.04. – Sankt-Peterburg, 2013 [Functional and pragmatic aspects of blending in English]. <http://www.dissercat.com/content/funktsionalno-pragmaticheskie-aspekty-sliyaniya-v-angliiskom-yazyke> [date 11.10.2017] (In Russian).
- 2 Berman I.M. O «vstavochnom» slovoobrazovanii ['Inserted' forms of word formation]. Voprosy yazykoznaniya. M.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1959. No 2, Pp. 104-107. (In Russian).
- 3 Shanckiy N.M. Ocherki po russkomu slovoobrazovaniyu [Essays on Russian word formation]. URSS. 2005. 333 p. (In Russian).
- 4 Arnold I.V. Leksikologiya sovremennogo angliiskogo yazyka [Lexicology of modern English]. Moscow, Vysshaya shkola. 1986. 295 p. (In Russian).
- 5 Algeo, J. The Origins and Development of the English Language. Wadsworth: Cengage Learning, 2010. 347 p. (In English).
- 6 Lehrer, A. Blendalicious. Lexical Creativity, Texts and Contexts. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamin's Publishing Company, 2007. Pp. 115-133. (In English).
- 7 Plag, I. Word-formation in English Text. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 254 p. (In English).
- 8 Eliseeva V.V. Leksikologiya angliiskogo yazyka [Lexicology of the English language]. SPb, 2003. Pp. 35-39. (In Russian).
- 9 Knyazev N. Slova-slitki v sovremennom angliiskom yazyke [Blends in modern English]. https://www.pglu.ru/upload/iblock/5a9/uch_2012_ii_00005.pdf [date 11.10.17]. (In Russian).
- 10 Algeo, J. 1977. Blends, a structural and systemic view. American Speech. 1977. No 52. Pp 47-64. (In English).

4-бөлім
**ТІЛ МЕН ӘДЕБИЕТТІ
ОҚЫТУДЫҢ ӘДІСТЕМЕСІ**

Раздел 4
**МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ
ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ**

Section 4
**METHODS OF TEACHING LANGUAGE
AND LITERATURE**

Абузарли С.З.,

старший преподаватель (диссертант) Азербайджанского университета языков,
Азербайджан, г. Баку, e-mail: sevdaabuzerli@yahoo.com

ПРАВИЛЬНОЕ ПРОИЗНОШЕНИЕ КАК ОСНОВА ДЛЯ РАЗВИТИЯ У СТУДЕНТОВ НАВЫКОВ УСТНОЙ РЕЧИ, ОРИЕНТИРОВАННОЙ НА КОММУНИКАЦИЮ

В статье исследуется развитие разговорных навыков студентов, а также рассматривается практическая значимость преподавания иностранных языков, что тесно связано с правильным произношением.

В статье говорится о том, что тот урок считается эффективным, где в ходе занятий осуществляемые работы в области развития у студентов навыков устной речи, ориентированное на коммуникацию отвечали требованиям поставленной цели. Таким образом, преподаватели английского языка должны стараться создать на уроках языковую атмосферу, вдохновить студентов и во время уроков и вне уроков говорить на английском языке.

С первого дня обучения общение учителя со студентами на английском языке положительно влияет на развитие у студентов навыков устной речи, ориентированное на коммуникацию.

Ключевые слова: устная речь, правильное произношение, навыки и привычки, комплексный подход, фонетические упражнения.

Abuzarli S.Z.,

Assistant Professor (Ph D Student), Azerbaijan University of Languages,
Azerbaijan, Baku, e-mail: sevdaabuzerli@yahoo.com

Proper pronunciation as a basis for developing students' oral communication skills

The article explores the importance of improving students' speaking skills which is considered to be the most difficult part of language teaching. The development of speaking skills is directly connected with the correct pronunciation, lexical items (i.e. words and phrases) and grammar.

In the article, it has been noted once again that the lesson is considered effective when the students' oral communication skills are improved and meet the requirements of the stated goal. Thus, English teachers should try to create a language atmosphere in the classroom, inspire students to speak English during lessons and outside the classroom.

From the first day of teaching the teacher's communication with students in English will positively affect the students' oral communication skills.

Key words: oral speech, correct pronunciation, skills and habits, complex approach, phonetic assignments

Абузарли С.З.,

Әзірбайжан тілдер университеті, аға оқытушы (диссертант),
Әзірбайжан, Баку қ., e-mail: sevdaabuzerli@yahoo.com

Дұрыс айту – студенттердің қатысымға бағытталған ауызша сөйлеу дағдыларын дамытудағы негіз ретінде

Мақалада студенттердің ауызша сөйлеу дағдыларын дамыту, сонымен қатар дұрыс айтумен тығыз байланысты шет тілдерді оқытудың практикалық маңыздылығы сөз болады. Сабақ кезінде қатысымға бағытталған ауызша сөйлеу дағдыларын дамытудағы жұмыстар алға қойылған мақсат талаптарына сай болатындығы, осы сабақтардың тиімділігі туралы айтылады. Сондықтан

ағылшын тілінің оқытушылары сабақ уақытысында тілдік жағдай орната білу керек. Студенттерде қызығушылық тудырып, сабақ кезінде және сабақтан тыс уақытта да олармен ағылшын тілінде сөйлесу керек.

Оқытушының студентпен оқытудың алғашқы күндерінен-ақ ағылшын тілінде сөйлесуінің олардағы қатысымға бағытталған ауызша сөйлеу дағдыларын дамытуға оңтайлы әсері бар.

Түйін сөздер: ауызша сөйлеу, дұрыс айту, дағды мен әдеттер, кешенді әдіс, фонетикалық жаттығулар.

Введение

В то время когда наша республика расширяет и укрепляет связи с зарубежными странами во всех областях, развитие у студентов навыков устной речи, ориентированная на коммуникацию, имеет особое значение в обучении иностранных языков. Растущие изо дня в день политические, экономические и культурные связи с зарубежными странами, повышенный интерес к нашей стране, открытие посольств зарубежных стран в Азербайджане, представление независимой республики в зарубежных странах, сотрудничество иностранных компаний и фирм с нашей страной, богатый туристический поток и др. факты требуют более углубленного и практического изучения иностранных языков. Помимо вышесказанного на фоне интеграционного процесса происходящего в мире изучение иностранных языков позволяет людям общаться с представителями иных народов, поближе познакомиться с их традициями, дает возможность установить дружеские отношения, а также создает условия познакомиться с образцами литературы и искусства других народов. Все это говорит о том что, преподавание иностранных языков носит практический характер и служит развитию навыков общения у студентов. В деле развития у студентов навыков устной речи одна из самых важных задач – это развитие устной речи, ориентированной на коммуникацию.

Даже в советские времена, важное направление в методике обучения языка была устная речь, и для этой цели особо подчеркивалась целенаправленность проводимых экспериментальных работ, нахождение и применение новых методов [6, 137].

Эксперимент

Как известно, в процессе обучения, особенно на уроках иностранного языка, студентам дают не только знания, но в тоже время им прививают соответствующие навыки и привычки.

А навыки и привычки, в основном, приобретаются, как результат неоднократного повторе-

ния одних и тех же действий. Следует отметить, что эта задача на уроках иностранного языка имеет более серьезное значение. Потому что изучение любого иностранного языка наряду с получением определенных знаний о лексической составляющей, о фонетической и грамматической структуре данного языка, также требует приобретения ряда навыков и привычек по обучаемому языку. Без этого изучения любого иностранного языка невозможно представить.

Изучение иностранного языка повышает уровень гуманитарного образования, что создает большие возможности для формирования личности. Как сказала В.Р. Мухтарова: «Независимо от того, на каком языке люди говорят, язык отражает историю и культуру говорящего на этом языке народа. А изучая дополнительный язык, помимо родного языка изучающий приносит пользу обществу» [4, 140]. По этой причине, статус иностранного языка, как учебного предмета повышается, требуется большая ответственность от преподавателей специальности.

Начиная с начального этапа обучения учителя иностранного языка должны следить за развитием навыков студентов, по предмету иностранного языка, беря за основу требования развития устной речи, и формирования навыков общения студентов должны помочь формированию других навыков. Также должны обогатить словарный запас студентов, освоить наиболее важные грамматические понятия и языковые конструкции, развить навыки слушать и понимать, развивать чтение, технику письма и письменной речи.

Конечно, не смотря на то, что студенты еще в школе приобретают навыки устной речи (имеется в виду монологическая и диалогическая речь) в этой сфере проблемы все еще остаются. Таким образом, продемонстрированные знания грамматики у большинства студентов многократно превосходит навыки устной речи. А навыки студентов слушать и понимать состоит только из понимания предложений простой конструкции и постоянно повторяющихся легких слов. «Опыт показывает, что такая ситуация в этой сфере не является удовлетворительной. Несмотря на то, что недавно поступившие в Университет студен-

ты знают грамматическую структуру английского языка, имеют в определенной мере словарную базу, у них навык выражать свою мысль на английском языке на очень низком уровне” [1, 12].

Это говорит о том, что в средних школах у школьников до сих пор имеются проблемы в задаче освоения привычек устной речи, и в особенности привычек устной речи, ориентированной на коммуникацию. Исследования доказывают, что эта проблема не является проблемой образования сегодняшнего дня, эта проблема давних лет. Например, Ф.А. Сеидов затронув развитие навыков устной речи у школьников, отмечает: “Для того чтобы овладеть устной речью не достаточно знать только слова, школьник должен, используя выученные слова, уметь составлять предложения и согласовать эти слова в предложении. Практика показывает что, не смотря на наличие у школьников достаточного словарного запаса, они чаще всего не могут свободно выражать свою мысль на иностранном языке, то есть не могут правильно произносить слова и составлять из этих слов предложения” [5, 68].

В этой же книге Ф.А. Сеидов показывает пути решения этой проблемы: “Поэтому, для лучшего усвоения школьниками навыков и привычек устной речи уже на начальном этапе образования, направляя к практическим занятиям данное им знание в сфере фонетики, словаря и грамматики эти знания превращаются в навыки и привычки устной речи” [5, 68].

Действительно, для того чтобы говорить на каком либо иностранном языке не достаточно знания грамматических правил и наличия определенной словарной базы. Научить и в тоже время выучить стили выражения этих правил и слов трудный процесс. Для правильного обучения этого процесса и для прививания студентам навыков устной речи учителя должны применять разные методы и приёмы.

Известный в истории языкознания как основатель философской школы лингвистики и общего языкознания, немецкий философ, филолог, языковед Вильгельм Гумбольдт (1767-1835) воспринимал язык, как целую систему. Он имел виду, что язык это целое в форме органического единства. Он относил этого всем уровням языка, от звука до речи [2, 22]. Если мы это применим к преподаванию языка, то можем прийти к такому выводу, что изучение какого либо иностранного языка тоже имеет, целую систему. То есть обучение фонетики, лексики, грамматики плюс речи должно быть как единое целое. Другой немецкий языковед Август Шлейхер (1821-1868),

имеющий большие заслуги в создании школы натурализма в языкознании уделял особое внимание фонетике, называя это филологией. Звуковую составляющую слова он ставил в один ряд с формой и задачей [2, 27]. Следовательно, полное удаление любого элемента или яруса, или отсутствие серьезного внимания на этот элемент в обучении языка, создает проблемы в освоении иностранного языка студентами. Таким образом, студенты, которые не могут правильно произнести звуки, испытывают трудности в понимании, когда слышат эти звуки.

Так как изучение иностранных языков имеет практическую значимость, то и развитие у студентов навыков устной речи, ориентированной на коммуникацию, ставиться как основная цель. А развитие навыков устной речи, ориентированное на коммуникацию, непосредственно связано с развитием навыков правильного произношения. “Произношение является неотъемлемой частью изучения языка. Потому что это оказывает значительное влияние на коммуникативную компетенцию студентов и умению применять язык”. [7, 155] Навыки произношения – это не только изучение звуков. В тоже время, они охватывают ударение слова, ударение предложения, интонацию, связывание слов.

Следовательно, ошибка и своевременно не исправленные привычки (некоторые авторы это называют “установкой”) в результате усиливает процесс интерференции. “Установка, порожденная под воздействием неправильных и ненужных раздражителей, отрицательно влияет на будущую деятельность студентов в процессе языковой подготовки”. [3, 26] Например, слово bathroom[‘ba:θru:m] произносят [‘ba:sru:m] или [‘bʌsru:m]. И вообще, такие случаи как произношение звука [θ] как [s], звука [ð] как [z] постоянно встречающаяся проблема. Проблема, встречающаяся вовремя обучения учебного материала о фонетике, наблюдается в основном при изучении звуков, которые не встречаются в родном языке.

Звуки [θ] и [d], которые называются зубные согласные, поскольку не существуют на нашем родном языке и имеют специфическую особенность азербайджанским школьникам осваивать эти звуки намного сложнее. Затрудняются произносить эти звуки и допускают ошибки. При изучении звуков [θ] и [d] учителя должны правильно объяснить места артикуляции этих звуков. Эти звуки называются интердентальными, то есть во время произношения язык находится между нижними и верхними зубами. Кончик

языка осторожно располагается между зубами, и при помощи появившейся впадины звук произносится. Произношение звука [θ] как [s], звука [ð] как [z] или [d] недопустимо и эти моменты учителя должны держать в центре внимания с начального периода изучения английского языка.

Кроме того, студенты и звук [r] произносят как на азербайджанском языке, что тоже неприемлемо.

Как мы видим, искоренить привычку неправильного произношения в речи школьника на начальном этапе, появившуюся под влиянием длительного времени, до того, как он станет студентом, и создать привычки правильного произношения возможно, но очень сложно. Этот процесс, как для учителей, так и для студентов превращается в долгий и утомительный процесс и требует с обеих сторон больших усилий и энергии.

Изучение языка проходит через осваивания фонетики, лексики и грамматики этого языка. В принципе, в преподавании языка важно понять разницу между изучением языка и изучением науки о языке. Во время преподавания родного языка направление идет от речи к языку. Потому что каждый школьник, придя в школу, практически знает родной язык. Речь и знание родного языка школьников имеет большое значение и является основой науки о языке. Опираясь на язык, который знает школьник и языковую практику, его учат науке, которая носит теоретический характер. В отличие от родного языка, в преподавании иностранного языка направление идет от языка к речи. То есть, как отмечено выше, обучая фонетике, лексике и грамматике иностранного языка, вначале у школьника формируется, а потом происходит процесс развития устной речи на иностранном языке.

А для этого учитель, умело используя разные методы, должен достичь формирования правильных привычек в сознании учащихся.

Известно, что фонетические события являются чисто языковым событием, так как в материальном мире нет ничего подходящего. Лексическое событие же внеязыковое событие, то есть для каждого слова есть подходящий объект, находящийся вне языка. Лексическое значение материального существа связано с человеком или событием.

Поэтому, при представлении лексического материала, эти слова или значения этих слов можно визуальным образом показать при помощи наглядных пособий, мимики, и жестов. Например, как

мы имеем возможность показывать слова, существующие в объективной действительности в виде изображения или сам предмет, также и мимикой и жестами можем выразить абстрактные понятия (счастье, печаль и т.д.). Но показывать фонетические звуки невозможно. И грамматическое значение слова выражает логические категории, которые непосредственно не связаны с языком, а так же связи и отношения между объектами и событиями. Следовательно, обучение иностранного языка это обучение лексики, грамматики, а самое главное фонетики данного языка. Самая большая трудность, с которой сталкиваются студенты первого курса, связана с произношением фонетических символов. В средней школе им или не были привиты эти навыки или же основательно не обучены. Невыполнение фонетических упражнений, не уделявшееся этому должного внимания, может вызвать только сожаление. По этой причине на плечи учителей, преподающих на первом курсе, ложится тяжелое бремя. Для развития у студентов навыков устной речи, ориентированную на коммуникацию, в первую очередь, учителя должны уделять особое внимание правильному произношению фонетических символов и привить навыки правильного произношения. В. Ахмедов ссылаясь на книгу Л.П. Федеренко. "Принципы и методы обучения русскому языку" пишет: "Для хорошего знания языка можно довольствоваться знанием фонетики на 100 процентов, грамматики на 50 процентов, а слова знать на 1 процент" [3, 33]. Основываясь на мнение двух авторов, можно сделать вывод, что лексическое и грамматическое значение непосредственно связано не с языком, а с объективным существом, фонетика же связана с самим языком.

Развивать устную речь, ориентированную на коммуникацию более благоприятно при комплексном изучении языка.

Известно что, материалы устной речи состоят из фонетических, лексических и грамматических материалов и современные учебники, например, такие как New English File составлены именно на этой основе.

Нецелесообразно принимать эти материалы изолированно друг от друга. Если не дополнять эти материалы друг другом, то развитие будет происходить в одном направлении, а развитие устной речи, ориентированная на коммуникацию перейдет в задний план. Иногда учителя уделяя больше времени упражнениям по лексике и грамматике, упражнения по фонетике оставляют без внимания. Нельзя забывать, что фонети-

ческие упражнения обогащает навыки произношения, а так же наряду с чтением и узнаванием слов обеспечивает слушание и понимание слова. Развитие навыков произношения напрямую связано с умением слушать и понимать. "...слышать и понимать является решающим моментом, так как студенты не могут произносить звуки, которые не услышали. Описание звуков и положение ротовой полости помогает студентам чувствовать тонкое различие между звуками" [7, 156]. А в этом деле нужно отметить в первую очередь большую роль педагога и учебных материалов (диск, кассета).

Помимо этого в соответствии с требованиями комплексного подхода важно выделить время на фонетические упражнения, потому что в отличие от студентов Педагогического факультета студентам факультета Регионоведения и Международных Отношений урок фонетики не преподается как отдельный предмет.

Учитывая эту сторону вопроса на уроках иностранного языка важно выполнение упражнений, направленных на развитие произношения. Такие упражнения в деле практического изучения иностранного языка имеют исключительное значение, потому что цель, именно этих упражнений создать навыки правильного произношения у студентов и сформулировать автоматизированность этих навыков.

Как отметили выше, учителя должны уделять особое внимание развитию речевых навыков студентов. Организованная работа по устной речи языковых навыков для студентов составляет основу, как рецептивных (receptive), так и продуктивных (productive) навыков. Известно что, языковые навыки делятся на такие две группы как рецептивный (receptive) и продуктивный (productive). К рецептивным навыкам относятся навыки чтение (reading) и слушание (listening), а к продуктивным навыкам – навыки письма (writing) и речи (устная речь) (speaking). Очень важно развитие навыков устной речи, которая является одним из направлений речевой деятельности. Цель, при развитии речевых навыков на уроке, с одной стороны, подробно отвечая на вопросы, составленные на основе пройденного материала по лексике и грамматике облегчить усвоение новых слов, а с другой стороны -использовать новые слова в речи. Именно поэтому в обучении иностранного языка развитие навыков устной речи всегда сохраняет свою актуальность и посей день.

Результаты и обсуждение

Как было отмечено выше, в нашей Республике уделяется большое внимание и забота о науке и образованию, и в частности, изучению иностранных языков. Особенно, в Азербайджанском Университете Языков с особым вниманием и заботой относятся к обучению иностранных языков. Центры нашего университета оснащены современными технологическими оборудованием, а так же есть все технические принадлежности отвечающие современным требованиям. Другими словами, созданы все условия для проведения уроков качественно и в современном стиле. Кроме этого, наши педагоги участвуют в международных и республиканских конференциях, программах и тренингах. Естественно, что участие в таких мероприятиях должно положительно отражаться на результатах проводимых уроков, и мы верим, что так оно и есть. Азербайджан – это страна, которая эффективно сотрудничает со странами международного сообщества во всех сферах общественной жизни. Именно поэтому одна из главных задач образования, наряду с другими видами деятельности, воспитать личности способные общаться на нескольких языках, с сформированными навыками коммуникации.

Заключение

В конце статьи еще раз хотим отметить что, тот урок считается эффективным, где в ходе занятий, осуществляемые работы в области развития у студентов навыков устной речи ориентированное на коммуникацию отвечали требованиям поставленной цели. Таким образом, преподаватели английского языка должны стараться создать на уроках языковую атмосферу, вдохновить студентов и во время уроков и вне уроков говорить на английском языке.

С первого дня обучения общение учителя со студентами на английском языке положительно влияет на развитие у студентов навыков устной речи, ориентированное на коммуникацию.

Подтверждение нашей мысли мы можем найти в книге "Методика преподавания английского языка в средней школе" авторами, которого являются А. Тахиров и А. Салаева: "Не зная фонетику языка невозможно устно говорить на этом языке. Фонетические материалы, в конечном счете, являются устной речью". [6, 27]

Литература

- 1 Abuzarli S.Z. Tələbələrin lüğət ehtiyatının zənginləşdirilməsi və şifahi nitqin inkişafı. / Xarici Dilin Tədrisində İnnovativ Metodlardan İstifadə Yolları: Respublika Elmi-Praktiki Konfransının Materialları. – Bakı: Bakı Biznes Universiteti, 23 fevral, 2016. – S.11-13.
- 2 Axundov A. Ümumi dilçilik. – Bakı: Maarif, 1979. – 254 s.
- 3 Əhmədov B. Azərbaycan dili təliminin qanunları, prinsipləri və metodları. – Bakı: Maarif, 1974. – 116 s.
- 4 Muxtarova V.R. İngilis dilinin xarici dil kimi öyrənilməsinin əhəmiyyəti. Orta və Ali Məktəblərdə Xarici Dillərin Tədrisinin Aktual Problemləri Respublika Elmi Konfransının Materialları. – Bakı: Azərbaycan Dillər Universiteti, 30-31 oktyabr, 2008. – S. 36-38.
- 5 Seyidov F. Şagirdlərin şifahi nitqinin inkişaf etdirmə yolları. [Səkkizillik məktəbdə xarici dillərin tədrisi. Müəlliflər heyəti.] – Bakı: Maarif, 1967. – 170 s.
- 6 Təhirov A., Salayeva A. Orta məktəbdə ingilis dilinin tədrisi metodikası. – Bakı: Maarif, 1978. – 224 s.
- 7 İsmailova D.A. Teaching English as a Foreign Language. (Textbook). – Baku: Moutarjim, 2011. – 320 p.

References

- 1 Abuzarli S.Z. Telebelerin luget ehtiyatının zenginleshdirilmesi ve shifahi nitqin inkishafi. [Enriching of Students' Vocabulary Stock and Improvement of Oral Speech] // Materials of Scientific-Practical Conf.: Ways of Using Innovative Methods in Teaching Foreign Languages. Baku: Baku Business University, 23 feb., 2016. Pp.11-13 (In Azerbaijani)
- 2 Axundov A. Umumi dilchilik [General Linguistics]. Baku: Maarif, 1979. 254 p. (In Azerbaijani)
- 3 Ahmadov B. Azerbaydjan dili teliminin qanunlari, prinsipleri ve metodlari. [Rules, Principles and Methods of Teaching Azerbaijani]. Bakı: Maarif, 1974. 116 p. (In Azerbaijani)
- 4 Mukhtarova V.R. Ingilis dilinin khariji dil kimi oylanilmasinin ehemiiyyeti. [Importance of learning English as a Foreign Language] // Materials of Republican Scientific Conf.: Actual Problems of Teaching Foreign Languages at Secondary and High Schools. Baku: Azerbaijan University of Languages, 30-31 oct., 2008. Pp. 36-38 (In Azerbaijani)
- 5 Seyidov F. Shagirdlerin shifahi nitqinin inkishaf etdirme yollari. [Ways of improving students' oral speech] // [Teachng Foreign Languages in a eight-year school. Staff of authors]. Baku: Maarif, 1967. 170 p. (In Azerbaijani)
- 6 Tahirov A., Salayeva A. Orta mektebde ingilis dilinin tedrisi metodikası. [Methods of Teaching English at Secondary Schools]. Bakı: Maarif, 1978. 224 p. (In Azerbaijani)
- 7 Ismailova D.A. Teaching English as a Foreign Language. (Textbook). Baku: Moutarjim, 2011. 320 p. (In English)

Adilbayeva U.B.,

Ph.D, senior lecturer of Al-Farabi Kazakh National University,
Almaty, Kazakhstan, e-mail: adilbayeva11@gmail.com

CASE STUDIES IN ENGLISH LANGUAGE LEARNING

The article is dedicated to the analysis of the application of the case studies method, which for a rather long period of time has been used for teaching business, managers, lawyers, doctors and in the sphere of social sciences, for teaching English language, with the aim of defining to what extent students use the material learned previously, in real situations. At the present stage of the development of higher education, one of the most pressing problems requiring new solutions is the need for a qualitative improvement in the knowledge of the English language of students. Successful mastering of a foreign language today is a necessary prerequisite for obtaining interesting work in the country and abroad, strengthening friendship with representatives of different countries, continuing education in international higher education institutions and professional growth in the chosen field of specialization. Teachers of English need to develop and use new approaches and technologies aimed at increasing the motivation of students, and, accordingly, the level of language proficiency. And active teaching methods meet these requirements, as their essence lies in the interest of students, making it an active participant in the educational process. The modern teacher should not only perfectly master the subject, methods, means and forms of the organization of the educational process, but also he must apply modern teaching technologies in his work. Recently, the method of projects, business games and case study are actively used in higher educational institutions. Case method can be successfully used in foreign language classes, since this method is complex and contains all kinds of speech activity: reading, speaking, writing, listening.

Key words: English language, higher school, innovation training methods, case studies method.

Адилбаева У.Б.,

әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің
аға оқытушысы, ф. ғ. к., Алматы қ., Қазақстан, e-mail: adilbayeva11@gmail.com

Ағылшын тілін оқытудағы кейстер

Мақалада бизнес жүргізу, менеджмент, заң, медицина және әлеуметтік ғылымдарды оқытуда көптен бері қолданылған, нақты жағдайларда оқытын материалдарды қалай пайдаланатындығын анықтау үшін ағылшын тілін үйрету үшін қолданылған мысалдардың әдістерін талдауға арналған. Жоғары білім беруді дамытудың қазіргі кезеңінде жаңа шешімдерді талап ететін ең өзекті мәселелердің бірі – студенттердің ағылшын тілін білу сапасын жақсарту қажеттілігі. Шет тілін сәтті меңгеру елімізде және шетелде қызықты жұмыстарды алудың, әртүрлі елдердің өкілдерімен достық қарым-қатынасты нығайтуға, халықаралық жоғары оқу орындарында үздіксіз білім алуына және таңдалған мамандандырылған саладағы кәсіби өсуге қажетті алғышарт болып табылады. Ағылшын тілі мұғалімдері студенттердің ынталандырылуын арттыруға бағытталған жаңа тәсілдер мен технологияларды әзірлеуге және қолдануға, сәйкесінше, тіл білу деңгейін арттыруға тиіс. Оқытудың белсенді әдістері осы талаптарға сәйкес келеді, өйткені олардың мәні студенттердің қызығушылығын тудырады және оны оқу үдерісіне белсене қатысады. Қазіргі заманғы мұғалім білім беру үрдісін ұйымдастырудың пәнін, әдістерін, құралдарын және формаларын жетік меңгеріп қана қоймай, сонымен қатар өз жұмысында заманауи оқыту технологияларын қолдануы тиіс. Жоғары оқу орындарында жобалар, бизнес-ойындар және кейстерді зерттеу әдісі белсенді қолданылады. Осы әдіс шет тілдер сабақтарында сәтті қолданылуы мүмкін, себебі бұл әдіс күрделі және сөйлеу әрекетінің барлық түрлерін қамтиды: оқу, сөйлеу, жазу, тыңдау.

Түйін сөздер: ағылшын тілі, жоғары мектеп, инновациялық оқыту әдістері, кейс-стади әдісі.

Адилбаева У.Б.,

к. ф. н., ст. преподаватель Казахского национального университета им. аль-Фараби,
г. Алматы, Казахстан, e-mail: adilbayeva11@gmail.com**Кейс-стадииз в изучении английского языка**

Статья посвящена анализу использования метода case studies, который уже довольно долгое время используется при обучении бизнесу, менеджменту, юриспруденции, медицине и в сфере социальных наук, английскому языку с целью определить, насколько студенты используют изученный материал в реальных ситуациях. На современном этапе развития высшего образования одной из наиболее актуальных проблем, требующих новых путей решения, является необходимость качественного улучшения знания английского языка студентов. Успешное овладение иностранным языком сегодня – это необходимая предпосылка для получения интересной работы в стране и за рубежом, укрепления дружбы с представителями различных стран, для продолжения обучения в международных высших учебных заведениях и профессионального роста в избранной области специализации. Преподавателям английского языка необходимо разрабатывать и использовать новые подходы и технологии, нацеленные на повышение мотивации студентов, а соответственно и уровня владения языком. И активные методы обучения отвечают этим требованиям, так как суть их заключается в том, чтобы заинтересовать студентов, сделать его активным участником образовательного процесса. Современный преподаватель должен не только в совершенстве владеть предметом, методами, средствами и формами организации учебного процесса, но также он должен применять в своей работе и современные технологии обучения. В последнее время в высших учебных заведениях активно применяются метод проектов, деловые игры и case – study. Кейс-метод, может быть успешно использован на занятиях по иностранному языку, поскольку данный метод комплексный и содержит все виды речевой деятельности: чтение, говорение, письмо, аудирование.

Ключевые слова: английский язык, высшая школа, инновационные методы обучения, метод кейс-стади.

Introduction

At the present stage of the development of higher education, one of the most pressing problems requiring new solutions is the need for a qualitative improvement in the knowledge of the English language of students. Successful mastering of a foreign language today is a necessary prerequisite for obtaining interesting work in the country and abroad, strengthening friendship with representatives of different countries, continuing education in international higher education institutions and professional growth in the chosen field of specialization.

Teachers of English need to develop and use new approaches and technologies aimed at increasing the motivation of students and the level of language proficiency. Active teaching methods meet these requirements, as their essence lies in the interest of students, making it an active participant in the educational process. Nowadays students are interested in acquiring English proficiency. The case study method is an active learning method, which requires participation and involvement from the student in the classroom.

The purpose of the article is to analyze the possibility of using case technology in English lessons. Objectives: to study the history of the emergence of case technology; to study methods of case-technol-

ogy; to analyze the application of methods of case-technology on the fragments of lessons; Object: the process of forming the communicative competence of students in the teaching of English.

Experiments

Case-study technology as a means of developing the communicative competence of students in teaching of English. A modern teacher should not only perfectly master the subject, methods, means and forms of the organization of the educational process, but also he must apply modern teaching technologies in his/her work. Recently, the method of projects, business games and case study are actively used in higher educational institutions. The homeland of case-study method is the United States of America, namely the Harvard Business School. In 1910, the Dean of the Harvard Business School advised teachers to introduce in the educational process in addition to traditional classes – lectures and workshops – additional, held in the form of discussions with students. This method is very popular in the west.

In the social sciences and life sciences, a case study is a research method involving an up-close, in-depth, and detailed examination of a subject of study (the case), as well as its related contextual conditions [1].

In the scientific literature, you can find various definitions of the method of case-study, and there are different appellations for this method. Thus, A.P. Panfilova considers the method of situational training and how its method distinguishes the method of case analysis [2]. TN. Gorbatoва and S.V. Rybushkin notes: “In the absence of a language environment, this method provides a real opportunity to use active oral practice, which is necessary for future specialists to form a professional communicative competence in a foreign language” [3]. M.V. Zolotova believes that “this method is an integrated professional approach that develops the skills of reading, speaking and listening” [4].

Case-method is a method of active learning based on real situations. The term “case-method”, “case-technology” means:

- the description of a specific practical situation, the methodical reception of training on the principle of “from typical situations, examples – to the rule, and not vice versa”, assumes an active method of instruction based on the examination of specific (real) situations from the practice of the future activity of students, use of the situational learning methodology “case study”;

- a set of specially developed teaching materials on various media (printed, audio, video and electronic materials) issued to students (students) for independent work.

The advantage of cases is the ability to optimally combine theory and practice, which seems to be quite important in the training of a specialist. The case method promotes the development of the ability to analyze situations, evaluate alternatives, choose the best option and plan its implementation. And if during the training cycle such an approach is applied repeatedly, the trainee develops a stable skill in solving practical problems. The majority of scholars affirm that students can learn more effectively when actively involved in the learning process [6, 7, 8, 9, 12, 13]. The case study approach is one way in which such active learning strategies can be performed in technical universities. There exist a number of definitions for the term «case study». As many researchers we define «case study» as student-centred activities based on description of an actual situation, commonly involving a decision, a challenge, an opportunity, a problem or an issue faced by a person or persons in an organization [8, 13, 17, 20]. An important point to be emphasized here is that a case is not a problem. A problem usually has a unique, correct solution. A decision-maker faced with the situation described in a case can choose between several alternative courses of action, and each of these alternatives may plausibly

be supported by a logical argument. Undoubtedly, case studies are an increasingly popular form of teaching and have an important role in developing skills and abilities in students.

Why Use Cases? Many students are more inductive than deductive reasoners, which means that they learn better from examples than from logical development starting with basic principles. The use of case studies can therefore be a very effective classroom technique [8].

Results and discussion

One of the new forms of effective learning technologies is problem-situational learning using case studies. The introduction of study cases into the practice of education is currently a very urgent task. Cases in foreign language lessons can be used to complete the study of the topic, giving students the opportunity to use lexico-grammatical material in their speech.

Increases the level of knowledge of a foreign language in general.

The use of terms and their understanding is more effective than simply memorizing them, as it requires the ability to use them.

Develops creative thinking, forcing to think in language.

Develops presentation skills (ability to present his work in a foreign language).

Develops to formulate various types of questions.

Develops the ability to conduct a discussion, argue the answers, which contributes to the development of speech without reliance on the finished text. We use the case for description of a concrete real situation (Education in Master’s degree in Kazakhstan and abroad, What motivates you? etc.), prepared in a specific format and designed to teach students the analysis of different types of information, its generalization, the skills of formulating the problem and developing possible solutions to it in accordance with established criteria.

Organization of training on the basis of the method of concrete situations

1. Preparatory stage (before classes start).

The purpose of the stage: to specify goals and develop a specific situation and course of the session.

2. Introductory stage (during the lesson)

The purpose of the stage: involvement in the analysis of the real situation, the choice of the optimal form of presenting the material for review.

3. Analytical stage (the beginning of the discussion of the case).

The purpose of the stage: to analyze the case in the group and to work out a solution.

4. The final stage (presentation of group decisions).

After class. Evaluates the work of student.

Students prepare a presentation on a given topic and they are given instructions:

1. You will have to choose 2 countries and do research on the given theme.

2. Use any materials available in libraries and the Internet. Do not forget to make a list of references.

3. Prepare a presentation based on your research findings showing the similarities and differences of two countries' in terms of education systems or motivating work. The work can be done individually.

4. Prepare a 3 – 5 minute presentation and presenters will report to the whole class.

5. Presenters should show the results of their study in the Power Point.

6. Students in the class are welcome to ask questions and involve in the discussion related to the topic under study.

Evaluation criteria:

1. <i>Assessment scale</i>	Number of points	
	Max	Yours
1) Content / critical analysis with special emphasis on organizational behavior, values, beliefs, norms, and communication patterns	4	
2) Language accuracy / organization, time/ time usage vocabulary, versatile grammar, intelligible pronunciation, fluency	2	
3) Visual support / graphs, charts, logo, letterhead, pictures, photos where possible	2	
4) List of references	1	
5) Time management, body language, interaction with audience and overall impression	1	
Overall	10	

Conclusion

In conclusion we would like to say that the use of case studies is very useful and helpful in teaching. A major advantage of teaching with case studies is that the students are actively engaged in figuring out the principles by abstracting from the examples. This develops their skills in:

1. Problem solving

2. Analytical tools, quantitative and/or qualitative, depending on the case

3. Decision making in complex situations

Case studies can be especially effective if they are paired with a reading assignment that introduces/ explains a concept or analytical method that applies to the case.

The amount of emphasis placed on the use of the reading during the case discussion depends on the complexity of the concept or method. Case studies allow students to see real-life examples of issues in a classroom situation. In other words, the use of a case study allows the student to see how organizations operate and avoids the need for them to have to visit or work in an organization which is often impossible or time consuming. Case-method, can be successfully used in foreign language classes, since this method is complex and contains all kinds of speech activity: reading, speaking, writing, listening. Students have a real opportunity to communicate in a foreign language in the process of interaction with other group members and the teacher. The success of the case method depends on three main components: the quality of the case, the preparedness of the students and the readiness of the teacher himself to organize the case and conduct the discussion.

References

- 1 Case study From Wikipedia, the free encyclopedia.
- 2 Panfilova A.P. Innovatsionnye pedagogicheskie tehnologii: [Innovative pedagogical technologies:] Aktivnoe obuchenie: uchebnoe posobie dlya studentov vuschkh uchebnich zavedenii. M.: Isdatel centr "Academya " 2009. P 192. (In Russian)
- 3 Gorbatova T.N., Rybuchkina S.V. Ispolzovaniye metoda keisov pry obuchenii inostrannomu yasiku v ramkakh professionalnoi yasikovoi podgotovki v neyasikovom vuze. [The use of the case method for teaching a foreign language in the context of professional language training in a non-linguistic institution.] molodoi uchony. 2015. No. 7. p. 741-743. (In Russian)
- 4 Zolotova M.V., Demina O.A. O nekotorykh momentakh ispolzovaniya metodov keisov obuchenii inostrannomu yaziku. Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. [On some aspects of the use of case studies in teaching a foreign language. Theory and practice of social development.] 2015. No. 4. (In Russian)
- 5 Casanave C.P. Writing games: Multicultural case studies of academic literacy practices in higher education. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum, 2002. (In English)
- 6 <http://www.bu.edu/ceit/teaching-resources/using-case-studies-to-teach>
- 7 Kuimova M.V. The use of case study method in teaching English as a foreign language in technical university. Molodoi uchenyj. 2010. №1-2. T. 2. S. 82-86. (In English)

- 8 Gass S.M., Selinker L. Second language acquisition (2nd ed.). Hills-dale, NJ: Lawrence Erlbaum, 2001. (In English)
- 9 George A.L., Bennett A. Case studies and theory development in the social sciences. Cambridge, MA: MIT Press, 2005. (In English)
- 10 Hamel J., Dufour S., Fortin D. Case study methods. Qualitative research methods (Vol. 32). Newbury Park, CA: Sage, 1993. (In English)
- 11 Kreber C. Learning Experientially through Case Studies? A Conceptual Analysis Teaching in Higher Education, 2001. Vol. 6 № 2 pp 217-228. 7) Lantolf J.P. (Ed.) Sociocultural theory and second language learning. New York: Oxford University Press, 2000. (In English)
- 12 Lardiere D. Ultimate attainment in second language acquisition: A case study. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum, 2006. (In English)
- 13 McKay S. Researching second language classrooms. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum, 2006. (In English)
- 14 Merriam S. Case study research in education: A qualitative approach. San Francisco: Jossey-Bass, 1988. (In English)
- 15 Merriam S. Qualitative research and case study applications in education (2nd ed.). San Francisco: Jossey-Bas, 1998. (In English)
- 16 Mitchell R., Miles F. Second language learning theories (2nd ed.). London: Edward Arnold, 2004. (In English)
- 17 Sivan A, Wong Leung R, Woon C. and Kember D. An Implementation of Active Learning and its Effect on the Quality of Student Learning Innovations in Education and Training International, 2000. Vol. 37 № 4. Pp. 381-389. (In English)
- 18 Stake R. Case studies. In N.K. Denzin, Y.S. Lincoln (Eds.), Handbook of qualitative research (2nd ed., pp. 435-454). Thousand Oaks, CA: Sage, 2000. (In English)
- 19 van Lier L. Case study. In E. Hinkel (Ed.), Handbook of research in second language teaching and learning (pp. 195-208). Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum, 2005. (In English)
- 20 Yin R. Applications of case study research (2nd ed.). Thousand Oaks, CA: Sage, 2003. (In English)

Литература

- 1 Case study From Wikipedia, the free encyclopedia.
- 2 Панфилова А.П. Инновационные педагогические технологии: Активное обучение: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Изд. центр «Академия», 2009. – 192 с.
- 3 Горбатова Т.Н., Рыбушкина С.В. Использование метода кейсов при обучении иностранному языку в рамках профессиональной языковой подготовки в неязыковом вузе. – Молодой ученый. – 2015. – № 7. – С. 741-743.
- 4 Золотова М.В., Демина О.А. О некоторых моментах использования методов кейсов в обучении иностранному языку. Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 4.
- 5 Casanave C.P. Writing games: Multicultural case studies of academic literacy practices in higher education. – Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum, 2002.
- 6 Сайт [электронный ресурс]. <http://www.bu.edu/ceit/teaching-resources/using-case-studies-to-teach>
- 7 Куимова М. В. The use of case study method in teaching English as a foreign language in technical university. Молодой ученый. – 2010. – №1-2. Т. 2. – С. 82-86
- 8 Gass S.M., Selinker L. Second language acquisition (2nd ed.). – Hills-dale, NJ: Lawrence Erlbaum, 2001.
- 9 George A.L., Bennett A. Case studies and theory development in the social sciences. – Cambridge, MA: MIT Press, 2005.
- 10 Hamel J., Dufour S., Fortin D. Case study methods. Qualitative research methods (Vol. 32). – Newbury Park, CA: Sage, 1993.
- 11 Kreber C. Learning Experientially through Case Studies? A Conceptual Analysis Teaching in Higher Education, 2001. – Vol. 6. – № 2. – Pp. 217-228. 7. Lantolf J.P. (Ed.) Sociocultural theory and second language learning. – New York: Oxford University Press, 2000.
- 12 Lardiere D. Ultimate attainment in second language acquisition: A case study. – Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum, 2006.
- 13 McKay S. Researching second language classrooms. – Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum, 2006.
- 14 Merriam S. Case study research in education: A qualitative approach. – San Francisco: Jossey-Bass, 1988.
- 15 Merriam S. Qualitative research and case study applications in education (2nd ed.). – San Francisco: Jossey-Bas, 1998.
- 16 Mitchell R., Miles F. Second language learning theories (2nd ed.). – London: Edward Arnold, 2004.
- 17 Sivan A, Wong Leung R, Woon C. and Kember D. An Implementation of Active Learning and its Effect on the Quality of Student Learning Innovations in Education and Training International, 2000. – Vol. 37. – № 4. – Pp. 381-389.
- 18 Stake R. Case studies. In N.K. Denzin, Y.S. Lincoln (Eds.), Handbook of qualitative research (2nd ed., pp. 435-454). – Thousand Oaks, CA: Sage, 2000.
- 19 van Lier L. Case study. In E. Hinkel (Ed.), Handbook of research in second language teaching and learning. – Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum, 2005. – Pp. 195-208.
- 20 Yin R. Applications of case study research (2nd ed.). – Thousand Oaks, CA: Sage, 2003.

Atabayeva F.K.¹, Atabayeva G.K.²,

¹Candidate of pedagogical sciences, Docent of University “Turan”,

²Magister of social sciences of Kazakh National University named after Al-Farabi,
Almaty, Kazakhstan, e-mail: a_farida@inbox.ru; atabaeva.g@mail.ru

INTERCULTURAL COMMUNICATION IN FOREIGN LANGUAGE TEACHING

The article deals with the intercultural communication in foreign language teaching. Intercultural communication plays an important role in the learning process of a foreign language. It means that students should not only have a good command of a foreign language, but also correctly understand the national culture of the country of the studied language, the mentality of the speakers of this language, the features of their daily life, traditions and customs, both verbal and non-verbal. Customs and traditions are an integral part of the spiritual culture of each people. As an intermediate link, they find expression in the act of communication in speech intentions, for example, in congratulations or in non-verbal means expressing traditional norms of behavior in a particular situation.

Key words: intercultural communicative competence, informational and educational environment, foreign language education, media education, electronic educational resources, content, technology.

Атабаева Ф.К.¹, Атабаева Г.К.²,

¹«Туран» университетінің доценті, п. ғ. к.,

²Әл-Фараби Қазақ ұлттық университетінің аға оқытушысы, магистр,
Алматы, Қазақстан, e-mail: a_farida@inbox.ru; atabaeva.g@mail.ru

Шетел тілін оқытуда интерактивті коммуникация

Бұл мақалада шет тілдік ақпараттық-білім беру ортасы: мазмұны, біліктілік талаптары, ұйымдастыру механизмдері қарастырылады. Мәдениетаралық коммуникативті біліктілікті жетілдіру барысында шет тілінде ақпараттық қоршаған ортаны қалыптастыру және білім беру құралдары ретінде тұлғалық-бағытталған шетел тіліндегі электронды білім беру ресурстары айқындалады. Тұлғалық-бағытталған оқу ортасы бағдарланған білім беру жүйесін құру құралы ретінде оның тиімділігін жетілдіру мақсатында білім беру үрдісінде ақпараттық-коммуникациялық технологияларды, жүйелік интеграция құралдарын қамтамасыз ету, электрондық білім беру ресурстары компоненттерінің жиынтығы болып табылады.

Түйін сөздер: мәдениетаралық коммуникативті біліктілік, ақпараттық білім беру, қоршаған орта, шет тілі білім беру, электрондық білім беру ресурстары, мазмұн, технология.

Атабаева Ф.К.¹, Атабаева Г.К.²,

¹к. п. н. доцент Университета «Туран», ²магистр ст. преподаватель

Казахского национального университета им. аль-Фараби,

Алматы, Казахстан, e-mail: a_farida@inbox.ru; atabaeva.g@mail.ru

Межкультурная коммуникация в обучении иностранному языку

В статье рассматривается межкультурная коммуникация в обучении иностранному языку. В условиях формирования межкультурной коммуникативной компетенции иностранный язык является информационной и образовательной средой, формирующей личностно-ориентированные иноязычные электронные образовательные ресурсы. Образовательная среда представляет собой набор компонентов электронных образовательных ресурсов, обеспечивающих интеграцию систем, инструментов информационных и коммуникационных

технологий в образовательном процессе с целью повышения его эффективности и выступает в качестве средства построения образовательной системы личностно-ориентированного подхода.

Ключевые слова: межкультурная коммуникативная компетентность, информационная и образовательная окружающая среда, иностранный язык, медиаобразование, электронные образовательные ресурсы, содержание, технологии.

Introduction

In the context of globalization, successful business requires not only knowledge of foreign languages, but also cultural characteristics of representatives of a particular country. Today there is a real need for specialists who know a foreign language, capable of carrying out foreign-language intercultural and interpersonal communication both in professional and non-professional spheres of activity.

They young specialists should possess the skills of intercultural, professional and personal communication with foreign colleagues, representatives of countries with other social traditions, social structure and language culture.

In modern conditions, educational institutions take on the functions of cultural succession and cultural creation, ensuring national identification and self-realization of the individual in the process of getting acquainted with the multicultural space of the world and mastering the ways of interpersonal and intercultural interaction. Ensuring cultural self-realization of the individual requires the educational institution to include cultural aspects both in the content of teaching and in the content of the educational process.

A special role in the process of personal adaptation to the sociocultural diversity of the world is played by foreign languages. The development of a foreign culture involves the acquisition of knowledge about various areas of the country's life of the language being studied, the education of an interested and tolerant attitude towards the country and its people, the development of intercultural communication skills and the formation of motivation for further mastering the language.

The students' access to the culture of the representatives of the studied language makes it possible to better understand their literature, everyday life, and also causes students to take an interest in the origins of their culture. This means that, in addition to didactic goals, it also fulfills an educational function. In addition, learning through the cognition of the culture of another people makes it possible to feel a sense of belonging to the world cultural heritage.

The main part

Learning a foreign language in modern society goes beyond the process of forming the ability to understand the interlocutor speaking a foreign language, express his thoughts, and extract information from the text read. Learning a foreign language should be considered, first of all, as teaching a means of interethnic and intercultural communication in order to realize the communicative and cognitive needs of a specialist. The concept of "teaching languages" is gradually replaced by the notion of "teaching language and foreign culture" [1].

Intercultural communication plays an important role in the learning process of a foreign language. It means that students should not only have a good command of a foreign language, but also correctly understand the national culture of the country of the studied language, the mentality of the speakers of this language, the features of their daily life, traditions and customs, both verbal and non-verbal. Customs and traditions are an integral part of the spiritual culture of each people. As an intermediate link, they find expression in the act of communication in speech intentions, for example, in congratulations or in non-verbal means expressing traditional norms of behavior in a particular situation.

Communication presupposes the availability, first of all, of the ability to communicate (the ability to listen to the interlocutor, to enter into communication, to support it, etc.). The process of forming this skill in teaching students a foreign language in basic parameters is adequate to the actual process of communication due to the interaction of two phenomena: transfer, which is ensured by the awareness of the adequacy of the learning environment, and the motivation that is provided by how fully the character of communication is modeled in the learning process [2].

In this regard, it is necessary to encourage students to want to share with their teammates their knowledge, their own life position, their attitude to the phenomena of reality or the behavior of people.

Communicative-oriented training in an economic institution provides for the creative use of language material in professionally – oriented

situations, dialogues, discussions, role-playing and business games, debates, projects, etc. Its effectiveness, in addition to knowledge of the language, depends on many factors: the conditions and culture of communication, the rules of etiquette, the knowledge of non-verbal forms of expression (facial expressions, gestures), the presence of deep background knowledge, consideration of the mentality of native speakers and much more.

In the lessons of a foreign language, communication conditions are created through the use of collective, pair and group forms of communication, as they facilitate interaction between students mediated by the learning task, their joint coordinated activities. These forms of communication allow students to learn to state their point of view reasonably, to conduct a civilized conversation, to take part in disputes; educate in the spirit of tolerance, that is, they form the ability to perceive the opposite point of view, find compromises, respect their traditions; instill interest and respect for the culture, history of another country [3].

The effectiveness of this training activity depends on the personal characteristics of students, the level of their knowledge, on their relationship with each other and with the teacher, the general atmosphere in the class.

With the help of the Internet, students have the opportunity to communicate with native speakers both in their country and in the country of the studied language. Thus, a unique situation is created in the natural language environment, which has an indisputable advantage, because neither a teacher who knows a foreign language well nor authentic means of education can compensate for the lack of direct interaction with native speakers.

Each lesson in a foreign language is a crossroads of cultures; this is the practice of intercultural communication. While mastering the foreign language, students not only acquaints with the culture of the countries of the studied language, but also compares the features of their national culture by comparison, acquaints them with universal human values.

Formation of skills of intercultural competence among students should take place at all stages of teaching a foreign language and in all spheres of communication. Organization of the learning process in accordance with the requirements of communication will contribute to the fact that in the classrooms important for students will become not only the language knowledge, but also the realized need for their application in practice. In this

regard, we believe that the formation of intercultural communication skills among students in the process of teaching foreign languages will be effective if the content of professional educational programs will provide for the study of real situations of intercultural communication oriented toward the communicative orientation of teaching a foreign language having personal significance for students.

The realization of the process of intercultural education of students and the formation of their intercultural competence requires the consideration of the provisions of the cultural, humanistic, communicative and activity approaches to education and orientation to general pedagogical principles – a cultural-oriented principle that presupposes teaching a foreign language in the context of a dialogue of cultures and civilizations, person-oriented, -oriented, the principle of naturalness. In addition, it is necessary to take into account professionally oriented interests and needs of students in intercultural communication [4].

In connection with the need to build a didactic structure of the process of intercultural education, we outlined the following private-methodological principles of teaching students a foreign language on the basis of a dialogue of native and foreign culture:

- the principle of personal-oriented learning and communication in the conditions of group interaction (humanization of relations between subjects of the educational space, the integration of group forms and personality-oriented methods of instruction aimed at developing interpersonal interaction skills in the educational dialogue);

- the principle of integration in education (interaction and interpenetration of cultures and systems of native and foreign languages with the purpose of creating conditions for speech development, the integration of the subjects studied, additional education and personal experience of trainees to establish the connection between everyday knowledge and classroom work and satisfaction of cognitive interests in any of the spheres of activity);

- the principle of development of speech activity and independence of students in mastering foreign culture on the basis of situations as a system of relationships (teaching a foreign language in parallel with the formation of thought processes in the context of an integrative dynamic system of social status, role, activity and moral relationships);

- the principle of interrelation between the formation of intercultural competence and the improvement of the creative abilities of students (their intellectual and foreign speech development

in the process of forming the ability to consciously develop the creative world around).

The main goal of language education in a non-linguistic institution of higher education – professionally directed personal improvement of students – requires the solution of the following tasks in the context of their intercultural education:

1) development and improvement of communicative skills and abilities in group interaction and development of relevant personal qualities of the student (emotional, creative, social, cognitive and speech);

2) formation of an appropriate communicative level in a foreign language;

3) formation of cultural identification of students (awareness of themselves as the bearer of a certain national culture in the context of intercultural education);

4) the formation of a tolerant consciousness of students (rejection of the ego and ethnocentric position in the face of differences both at the interpersonal and intercultural level, the education of a person capable of perceiving different cultures on the basis of equitable, equivalent constructive relations).

5) knowledge of foreign culture and corresponding elements of the native culture, assimilation of universal values;

6) formation of positive perception and attitude to the culture of the country of the studied language and its people;

7) formation of interest and motivation for further study of a foreign language and independent mastering of foreign professional culture.

Achieving such a result requires the creation of a didactic system of intercultural language education that implements the interaction of the processes of education, upbringing and development of the individual in the cultural and educational spaces. With a view to realizing this idea, we believe it expedient to create an appropriate methodology for teaching a foreign language based on the above principles, taking into account all the functions performed, which would contribute both to the solution of communicative tasks and the formation of analytical forms of thinking on the material of studying native and foreign languages; the development of the skills of conscious creative analysis of linguistic phenomena, the ability to linguistic generalization, as well as involving students in a foreign culture. For this it is important to understand the language not only as a system of signs, a set of grammatical rules and syntactic constructions, but also as an element of the national culture, reflecting it and, at

the same time, allowing penetrating its depths [5].

In connection with this, we have identified the following requirements for the selection of the content of teaching a foreign language on the basis of a dialogue of cultures:

– cultural content (the inclusion of professionally oriented texts reflecting the professional interests of representatives of the country of the language being studied, as well as culturally-oriented cognitive texts containing the aspects of foreign culture that are being studied);

– educational value (the possibility of selected didactic material in the intercultural education and development of students by means of a foreign language: the education of emotional, creative, social, cognitive, speech personal qualities, positive attitude towards the country of the studied language and its representatives, in the formation of empathy);

– correspondence to professional interests of students, their life and speech experience and creation of conditions for development of new interests and motivation for further study of a foreign language;

– possibility of using the text as a source of cultural information, its correlation with a similar element of the culture of its country, and problems for discussion, creating communicative situations.

Language is learned by students as a means of communication, therefore the main way to mastering a foreign language is communicative. Ensure the creation of communicative motivation for students can be, by showing at the beginning of the class or before the performance of any task a specially designed type of external visibility. The means of creating communicative motivation, that is, the initiative participation of the student in communication, in the manual are specially selected authentic materials. The more interesting is the content of the students' intellectual activity, the more intensive the student's need for self-expression, so the diversity of the plot-compositional construction of classes, the selection of material that provokes interest among students and activates the thought processes, was of particular importance in the creation of methodological aids.

The use of authentic texts of cultural content in the process of teaching a foreign language allows students, as subjects of a certain culture, to enter into a dialogue with another culture, comparing it with their own. The selected texts are an interesting story material, enrich the vocabulary of students, have the potential to create a communicative situation, provide an opportunity for a gaming learning

organization (lexical, grammatical, role-playing, theatrical games).

This is the variable content component of these benefits. Depending on the area of emerging interests, personal characteristics of students, their life experience, the specifics of the institution, the available texts can be replaced with other material.

Conclusion

Education and personal development is possible only in activities based on the principles of cooperation, which consist in the dialogic interaction of subjects of the educational process. In practice, this requires the selection of certain

methods, techniques, forms of organization of the educational process. Authentic didactic material in our manuals is combined with a set of specially designed exercises, selected taking into account the goals, objectives and principles of intercultural language education.

The formation of intercultural competence allows participants in intercultural communication to comprehend the feelings and thoughts of another people, helps to overcome negative attitudes towards a different national culture. In addition, intercultural competence promotes a better understanding of oneself, a deeper awareness of one's own culture in comparison with the culture of the language being studied.

Литература

- 1 Пассов Е.И. Основы коммуникативной методики обучения иноязычному обучению. – М.: Русский язык 1989. – С. 276.
- 2 Садохин. А.П. Введение в теорию межкультурной коммуникации. – М.: Высшая школа, 2005.
- 3 Кунанбаева С.С. Теория и практика современного иноязычного образования. – Алматы, 2010.
- 4 Атабаева Ф.К. Барьеры межкультурной коммуникации в иноязычной среде // Вестник КазНПУ. Серия филологическая. – № 2. – 2015 г. – С. 15-23.
- 5 Чакликова А.Т. Научно-теоретические основы формирования межкультурной компетенции в условиях информатизации иноязычного образования: Автореферат докторской дисс. пед. наук: 13.00.02 – Теория и методика обучения и воспитания. – Алматы, 2008. – С. 60.
- 6 Атабаева Ф.К. Методы использования ИКТ в иноязычном образовании в неязыковых вузах. – Алматы, 2010.
- 7 Евдокимов М.Ж. Теория и практика ИКТ в обучении иностранным языкам. – М.: МИЕТ, 2004.
- 8 Рубцов В.В. Коммуникационная ориентированная образовательная среда // Психология дизайна: сборник статей. – М., 2006.
- 9 Угольников О.В. Дистанционное обучение на базе междисциплинарного подхода // Материалы межвузовской научной конференции «Проблемы улучшения высшего дистанционного образования». – М.: РЗИТЛП, 1999.

References

- 1 Passov E.I. Osnovy kommunikativnoy metodiki obucheniya inoyazyichnomu obscheniyu. [Fundamentals of communicative methods for teaching foreign-language instruction] M.: Russkiy yazyik, 1989. 276 s. (In Russian)
- 2 Sadokhin. A.P. Vvedenie v teoriyu mezhkul'turnoy kommunikatsii. [Introduction to the theory of intercultural communication.] M.: Vyssh. shk., 2005. (In Russian)
- 3 Kunanbaeva S.S. Teoriya i praktika sovremennogo inoyazyichnogo obrazovaniya [Theory and practice of modern foreign language education.] Almaty, 2010. (In Russian)
- 4 Atabayeva F.K. Bareryi mezhkulturnoy kommunikatsii v inoyazyichnoy srede. [Barriers of intercultural communication in a foreign language environment.] Vestnik KazNPU. Seriya Filologicheskaya. No 2, 2015. S. 15-23. (In Russian)
- 5 Chaklikova A.T. Nauchno-teoreticheskie osnovy formirovaniya mezhkulturnoy kompetentsii v usloviyah informatizatsii inoyazyichnogo obrazovaniya: [Scientific and theoretical basis for the formation of intercultural competence in the context of informatization of foreign language education:] Avtoref.dis.dokt.ped.nauk: 13.00.02. Teoriya i metodika obucheniya i vospitaniya. Almaty, 2008. 60 s. (In Russian)
- 6 Atabayeva F.K. Metody ispol'zovaniya IKT v inoyazyichnom obrazovanii v neyazykovykh vuzakh. [Methods of using ICT in non-language education in non-linguistic universities.] Almaty, 2010. (In Russian)
- 7 Yevdokimov M.G. Teoriya i praktika IKT v obuchenii inostrannym yazykam. [Theory and practice of ICT in teaching foreign languages.] M.: MIET, 2004. (In Russian)
- 8 Rubtsov V.V. Kommunikatsionnaya orientirovannaya obrazovatel'naya sreda. [Communication-oriented educational environment.] Psychology of design: a collection of articles, edited. M., 1996. (In Russian)
- 9 Ugolnikov O.V. Distantsionnoe obuchenie na baze mezhdisciplinarnogo podhoda. [Distance learning based on an interdisciplinary approach.] Abstracts of Interuniversity scientific conference "Problems of improvement of higher distance education." M.: RZITLP, 1999. (In Russian)

Zhanadilov T.,

Senior Lecturer, KIMEP University,
Almaty, Kazakhstan, e-mail: zhanadilov56@mail.ru

TENSIONS POSSIBLY APPEARING BETWEEN BELIEFS OF SYLLABUS DEVELOPERS

The author generalizes some data from the secondary research of world well-known syllabus designers as well as some information from his own teaching experience, then, suggests some recommendation on solving the dilemmas and difficulties which occur during culture related syllabus designing process. Thus, the article examines the importance of teachers' sociocultural beliefs and values and how they influence the development of a course. In the sphere of world higher education, it is noticed that there are different cultural values between teachers and students, as well as different values between teachers. It also looks into why there are sometimes discrepancies between the beliefs of teachers of the same profession, even the same teaching experience and almost the same age. This work examines what types of tension there can be, why they can exist and how they can be overcome. The focus of this paper is on the differences in the values and beliefs between teachers as course developers who are experienced in curriculum and syllabus developing for courses, mainly in the area of studying culture in the field of education.

Key words: culture; tension; beliefs; course design; course developer; ESP (English for Specific Purposes); CTC (Culture, Traditions and Customs).

Жанадилов Т.А.,

ст. преподаватель Университета КИМЭП,
г. Алматы, Казахстан, e-mail: zhanadilov56@mail.ru

Возможные напряженности, возникающие между составителями курса

Автор обобщает некоторые данные из вторичного исследования трудов всемирно известных разработчиков учебных планов, а также некоторую информацию из своего собственного опыта преподавания, затем предлагает некоторые рекомендации по решению дилемм и трудностей, которые возникают в процессе разработки учебных планов, связанных с культурой. Таким образом, в этой статье рассматривается вопрос о важности социокультурных убеждений и ценностей преподавателей и о том, как они влияют на разработку курса. В сфере высшего образования мирового масштаба замечено, что между преподавателями и студентами существуют разные культурные ценности, так же как и разные ценности между преподавателями. Поэтому здесь рассматривается, почему иногда возникают расхождения между убеждениями преподавателей одной профессии, даже одного и того же опыта обучения и почти одного возраста. Данная работа изучает, какие виды напряженности могут быть, почему они могут существовать и как их можно преодолеть. Основное внимание в данной статье уделяется различиям между ценностями убеждениями преподавателей как разработчиков курсов, которые имеют опыт в составлении программ и курсов, в основном в области изучения культуры в сфере образования.

Ключевые слова: культура; напряжение; убеждения; дизайн курса; разработчик курса; АСЦ (английский язык для специальных целей); КТО (культура, традиции и обычаи).

Жанадилов Т.А.,

КИМЭП Университетінің аға оқытушысы,
Алматы қ, Қазақстан, e-mail: zhanadilov56@mail.ru**Силлабус әзірлеушілердің нанымдары арасындағы
пайда болуы мүмкін қайшылықтар**

Автор танымал силлабус құрастырушылардың еңбектеріне жасаған өзінің екінші деңгейлі зерттеуінен алынған деректерді, сондай-ақ өзінің оқытушылық тәжірибесінен алынған кейбір мәліметтерді қорыта келе, мәдениетпен байланысты силлабустарды жасау кезіндегі пайда болуы мүмкін дилеммалар мен қиындықтарды шешу бойынша әлдебір жаңа ойларын ұсынады. Демек, бұл мақалада оқытушылардың әлеуметтік мәдени нанымдары мен құндылықтарының маңыздылығы және олардың курс бағдарламасын жасауға қалай әсер ететіні қарастырылады. Әлемдік жоғары білім беру саласында мұғалімдер мен оқушылар арасында, сондай-ақ, өзара мұғалімдер арасында әртүрлі мәдени құндылықтардың бар екені байқалады. Бір кәсіптері мұғалімдердің көзқарасында, тіпті бірдей тәжірибелі және бірдей жастағы оқытушылардың нанымдары арасындағы айырмашылықтардың неліктен болатындығын анықтауға тырысқан. Осы мақалада алғашқы қайшылықтардың қандай түрлері болатынын, неге болатынын және оларды қалай жеңуге болатынын қарастырады. Мақаланың басты көңіл бөліп отырғаны, ол – білім беру саласындағы, ең алдымен, мәдениетті зерттеп оқыту бағдарламасын, силлабусын әзірлеп дайындаушы ретіндегі тәжірибелі мұғалімдер арасындағы құндылықтар мен нанымдардың айырмашылықтары.

Түйін сөздер: мәдениет; қайшылықтар; нанымдар; курс дизайны; курсты әзірлеуші; АМАТ (арнайы мақсаттағы ағылшын тілі); МСД (мәдениет, салт-дәстүрлер).

Introduction

For a while, assume that you are assigned to design a course on English for Specific Purposes (ESP) on Culture, Traditions and Customs (CTC) of a local nation at a university with other two or three of your colleagues. The reason to design that kind of course may be different, for instance, the university may have foreign students including exchange students to be introduced to the national culture or there is a necessity for the local multinational students to get easier integrated into the world of business after graduation. The institution may require the course syllabus to have some types of approaches included in teaching, for example, a communicative approach. In the process, the course designers may experience tensions and challenges because of differences between their attitudes towards the culture of the local society, its values, and the needs of the students [1]. It may be beyond comprehension why there are discrepancies sometimes between opinions of teachers of one profession, even the same teaching experience and almost the same age. The author examines the importance of teachers' sociocultural beliefs and values and how they influence the development of a course. In the sphere of world higher education, it is noticed that there are different cultural values between teachers and students, as well as different values between teachers. It is not so clear yet why there are sometimes discrepancies between the beliefs

of teachers of the same profession, even the same teaching experience and almost the same age. This work examines what types of tension there can be, why they can exist and how they can be overcome. The focus of this paper is on the differences in the values and beliefs of teachers as course developers who are experienced in curriculum and syllabus developing for courses, mainly in the area of studying culture in the field of education. Notions of *culture*, *tension* and *beliefs*, *course design* and *development* will always be going along the example of *CTC ESP* (mentioned above) through the paper. Possible recommendations for syllabus designing will be offered as a conclusion.

Method: secondary research. General requirements for syllabus designing

“Any syllabus is primarily a plan of *what is to be achieved through teaching and learning*” so, according to Breen [2, 82), “it has to have six requirements which will influence designer decisions”. If Breen's further thoughts are conveyed in details by paraphrasing, they will sound as follows. First, the plan should provide an accessible framework of the knowledge and skills on which teachers and learners will teach and study. Second, the plan should provide continuity for its users, that is, teachers and learners are possibly to know the orders of the materials to be covered within certain period of time. Third, it has to have a record of what has been achieved, that is, pre-requisites for another

level if it is a language course. In other words, if it is for a specific discipline the content of the syllabus must clearly show what other subject should be taken prior to this one. Fourth requirement is that it should have clear objectives through which a learner's progress could be evaluated. Fifth, it should be appropriate to the purposes of the users. The users of the syllabus are the teachers, usually the course developers themselves and the students. Sixth, it should be sensitive to the educational environment which means that it has to meet the requirements of the context where the language or the subject is going to be taught. By the context, it is meant to be the participants of the classroom where the language or the subject will take place, the students' needs and the purposes and ideologies deriving from the curriculum of the educational institution and the needs of the society.

When a designer plans the objectives and the content of a syllabus for a certain course of a discipline, they have to look for the alternatives among the influences of theory, classroom practice and demands of the local educational bodies. In order to meet these requirements, the designer will most probably create a syllabus on the basis of some particular principles. These principles could be a reflection of the views of the designer and the collaborators. The principles may reflect the view upon the language. The attitude to the content subject taught by the medium language may also be reflected in the syllabus designer's principles. These principles in the syllabus could also reflect how the teaching and the learning will work in the socio-cultural discourse or the educational context. While designing syllabuses, designers are supposed 'to take into account these views in the decision-making process' [3, 157] which usually happens before the course program is launched. Use of English as a medium in the content of a discipline to explore the culture of the learners in other countries, for example, Kazakhstan, might cause some misunderstandings, first of all, among course designers. Just going back to our ESP CTC example, the first disagreement may take place in relation to the vocabulary which is to be used in the students' discourse community in the classroom. The reason for that is quite explainable because the words of one language may not be able to express the exact meaning of the notion in the alien culture. It may lead to a clash of cultures, misunderstandings between people which may result in psychological tension about which is discussed in the next section.

Discussion: Dilemmas and difficulties appearing during syllabus designing process

Sometimes a syllabus designer might undergo some sorts of psychological tension, like difficulties while 'combining the learners' foreign language competence and their knowledge of their own culture' [4] cited in [5, 149]. It means that the learners are supposed to be communicating in English about the culture in their own context.

Rather than relying on expertise, methodology, and materials controlled and dispensed by Western ESL countries, EFL countries should strive to establish their own research contingents and encourage methods specialists and classroom teachers to develop language teaching methods that take into account the political, economic, social, and cultural factors and, most important of all, the EFL situations in their countries [6, 604].

There are many dilemmas and difficulties appearing in front of the teacher as a syllabus designer who tries to adjust the Western methodologies into the construction of the locally designed syllabus. Those dilemmas and other contradictions seem to entail some tensions between the teacher beliefs and the teaching practice. For example, the teacher who is to use the ready CTC ESP syllabus would have to balance between the communicative confidence of the fourth year student and the low language competence of a freshman. Saying about the learners' language competence, it is the case when there is no prerequisite to a course, i.e. any student from any year of study can be registered. It may be the demand of an institution which puts the course developers in front of a dilemma. On the one hand, in order to fit the institutional demand the syllabus should be adjusted to a student with average knowledge of English which is usually high intermediate level, on the other, it is to meet the needs of the last-year students whose English speaking skills are normally an advanced level. Again this contradiction during the course design has to be overcome by compromising with your beliefs.

As it is seen from the demands required of the syllabus, the syllabus designers have to work within a number of constraints. Curriculum designing or syllabus constructing for language learning or any other subject is as a challenging, tiring at the same time interesting process as the learning of a language itself. Syllabus designing is difficult because it requires many things to be considered, for example, the culture of a whole nation in the

broad understanding with its material heritage and traditions and culture in a narrower view, as Holliday [7] defines them in a smaller, more precise way. He identifies everyday habits and behavior of a teacher and student groups as cultures. Trying to avoid the stereotypical national definitions and lovingly describing the educational environment, he admits that

... Cultures of individual classrooms and of an individual teacher and student groups are entities which are close to us, in which we participate and about which we know a great deal. They are more tangible and definable than an 'Arab culture' or a 'Western culture'. In this micro-cultural landscape of teachers, students and classes, one can begin to see, too, dynamics of change and interaction in what amounts to a cultural market place, where new ideas or practices are traded between different groups according to their needs [7, 6].

If the above quotation is simplified, then one can see that the challenging feature of the syllabus designing job identifies the interesting and unknown side of the subject for the program developers. In the case of CTC ESP, one of the contradictions that may appear is the way how the course developers want to integrate the national culture that is the discipline itself into those micro-cultures of students. As my teaching practice shows that before the syllabus is implemented into practice in the classroom as an educational working program it goes through many interactions around the classroom. The curriculum developers have to compromise with their individual culture and conciliate their own teaching beliefs in order to meet the needs of the learners who are representatives of classroom cultures. In the case of CTC ESP, there may be an additional contradiction which is a difference between the designers' perception of cultural values depending on what area – urban or rural one – each of the participants was brought up. The designers also have to take into account the requirements of the institution in order to fit their syllabus into the whole socio-educational environment of a country by adjusting the syllabus to 'the culture of the classroom which is an amalgam and permutation of different and often conflicting social contexts for the different types of people involved'.

There is a tension between the 'internal world of the individual and the social world of the group' [8, 129].

Conflict of interests seems to be a recurring point between different professional groups, between curriculum developers and teachers, and between teacher and students, especially where there are

cultural differences. And, differences in syllabus designers' perception of cultural values which is the case of CTC ESP mentioned above. The curriculum developers might be insiders that is a collaborating group of teachers working in the same institution, and outsiders that is, for example, a group of researching scientists authorized by the Ministry of Education of a certain country. The group of outsiders even might come from another country, for example, in the case of Egypt where, as Holliday [9, 54-63] reports and warns about Western and Eastern cultural differences when in his experience a group of curriculum developers for English learning decided to implement the communicative approach in the local schools in the 1980s. At first their project did not go well because the adjustment of the program to the local teachers' beliefs and students' needs was not taken into account in full.

As CTC ESP is a syllabus for a pure course of culture and traditions, a similar situation may happen among the course developers. One of the difficulties in the process of creation of that course may appear if one of the course developers is brought up in a large city where the cultural and traditional values are not so highly esteemed as in the villages. Because of the ideology held during the person's childhood and adolescent time large cities may have used to be multinational consequently being more cosmopolitan. As a result, there may appear a tension between the teachers – course developers' understanding of the local culture as a whole. Nevertheless, as the job of an English language teacher is considered to be an international profession, Holliday appeals that conflicting interests are a fact of life which must be addressed if we are to come anywhere near solving important professional problems. Also, conflict does not have to be destructive. When a curriculum developer or a teacher is confronted by teachers, students or an institution which seem to go against the new, 'modern' methodology, it is *not* time for each side to close ranks and become more extreme in their defense against the other [7, 6].

If I dare to support this view by a teacher's general practice, I would say that firstly, even though the syllabus is not going to be designed as a new one, the program developers may have different professional and cultural views to the matter and they have to solve any existing conflicts of interests among themselves beforehand. Secondly, if the syllabus is not similar to those which have been designed in the old familiar canons, it can definitely raise quite a large number of questions among the users that is the teachers and the students. All the more, if

the syllabus is absolutely new one, it might raise a great deal of doubts among the teaching community of an institution and among the participants of the classroom. According to my teaching experience, sometimes designers might need a whole semester to defend their own “child”. The first meeting of introducing a new course syllabus may become a theatre of a battle which may end in a fiasco for the course developers. So instead of immediately rejecting the newly created document, it is better to have a constructive dialogue and mutual learning which would be healthy and productive. This conflict might occur because of inconsistency of beliefs of the curriculum developers and the users.

Recommendations on local context syllabus designing and Culture

Beliefs are not necessarily something that teachers can easily articulate or are completely aware of [10] cited in [11, 26]. Some teachers may not be able to say about their own beliefs from their own teaching experience simply because of different reasons. For example, some teachers who have a well-paid job in private schools would not like to show their beliefs because of the danger of losing their jobs. Another example, some of the teachers working in Kazakhstan may belong to the group of people who may have been educated before 1991, during the Communist Era when nobody took account of teachers’ beliefs. Owing to the fact that, most of the English language teachers are women who have had the Asian family education which, too, may restrict teachers from expressing their beliefs openly. I believe that every teacher has their own beliefs, either personal or professional.

Beliefs can arise from work experience and the discourses of the workplace, from your view of language, your view of the social context of language, your view of learning and learners and your view of teaching. Your ongoing professional development – readings, presentations, or courses can influence your beliefs. All of these influences – as a learner, as a teacher, as a colleague – provide the basis for your understanding of how languages are taught and learned and the beliefs that guide your choices [11, 26].

However, beliefs may change or undergo some alterations. For instance, before I have gained some experience as a teacher I used to have a belief that learners must only follow directions taken from a teacher. First, I was taught to think so myself at the secondary school even in some cases at the pedagogical university of initial training. Secondly,

I assume, it must, too, be something cultural which is peculiar to that part of the world where I come from. In spite of being an Asian country citizen, I have gradually reconsidered my views and beliefs according to the new needs of my students. A bright example for the differences in the world cultures of obtaining knowledge can be the following:

Over a thousand years ago in Al-Azhar, one of the oldest universities in the world, one learned man would sit under a pillar with a surrounding group of disciples eagerly hanging on every word he uttered, doing their best to understand his ideas and follow them [12, 55].

But there are some principles or habits, teaching ones as well as personal ones, which may stay with a teacher lifelong, which a teacher may try to incorporate into any micro – culture of a class he or she teaches. For example, starting always with a warming-up exercises; ending a lesson with a small game; finishing a class with a tricky question to make students think outside of the classroom; or finishing a lesson with producing a question in small groups to sum up the theme which has been taken in that class.

The role of culture in language learning and using a language in exploring one’s own culture seems to be increasing. It is noticeable especially in those countries that have recently got independence and are going through self-identification process. Graves [13, 186] saying that ‘culture may provide a broader and deeper context for how one knows or determines what is valued, appropriate, or even feasible and why’, cites Damen [14] who calls culture “the fifth dimension of language teaching”. Kramsch [15], cited in Graves [13, 186] asserts that ‘culture is not just a fifth skill or even an aspect of communicative competence but the underlying dimension of all one knows and does’. It is seen that a teacher compiling a syllabus should view the culture, the local national culture as well as the target language culture, as the integral part of the program. Doing so, a program developer enables the syllabus users, other teachers and learners to be aware of the role of culture in everyday communication. Further, the users understanding the cultural aspects of the target language might in practice behave themselves in culturally proper ways additionally having had knowledge of their own culture. In this way, a learner becomes prepared to evaluate and respect the values of his or her own culture and probably will not have at their work place such constraints as the course designers have had during the development of the imaginary CTC ESP syllabus.

Conclusion

The difficulties do not seem to end with the implementation of the syllabus into the classroom. Syllabus construction may also raise pedagogical difficulties if the program developers do not consider the larger context around the classroom. As Nunan and Lamb [16, 33] identify that the context and environment of the learning process, including the curriculum plans that should drive the pedagogical action, are critically important. In other words, classroom decisions cannot be made without reference to structures operating outside of the classroom, at the level of the curriculum.

Above the needs of students and the institutional requirements, those 'structures operating outside of the classroom' might be looking over the ways how the teaching and learning currently are going on. These supervising views may be influenced by the changes in the educational area happening around

the world. In their turn, the changes may concern the differences in teaching and learning from the perspectives of the content of the syllabus, activities and materials or technologies as well as teaching approaches to be included into the teaching and learning environment. Thus, apart from minding the structures operating outside the classroom the course designers should first of all think of the context and environment of the learning process. The learning process involves the framework of the knowledge and skills to be taught and studied. Materials to be covered within a certain period and language learning levels of students are also to be included in the syllabus. Objectives of the course and evaluation of a learner's progress are to be considered. Finally, the syllabus should be designed taking into account the learners' needs, demands of the local society and peculiarities of the national culture as well as micro-cultures of the school.

References

- 1 Riviere J., Picard D. R. & Coble R. Syllabus Design Guide . [Online] 2016. Retrieved on 22 October, 2017 from <http://cft.vanderbilt.edu/guides-sub-pages/syllabus-design>
- 2 Breen M. P. Contemporary paradigms in syllabus design. Part I. Language Teaching. (20). 1987. No. 2. P. 81 – 92.
- 3 Breen M. P. Contemporary paradigms in syllabus design. Part II. Language Teaching. (20). 1987. No. 3. P. 157 – 74.
- 4 Bachman L. F. Fundamental considerations in language testing. Oxford: Oxford University Press, 1990. 420 p. P. 149.
- 5 Defeng Li. Teachers' perceived difficulties in introducing the communicative approach in South Korea. Hall D. R. and Hewings A. (Collection of articles). Innovation in English Language Reaching. A Reader. New York: Routledge and the Taylor & Francis Group, 2001. 289 p. P. 149-168.
- 6 Daoud M. English language development in Tunisia. TESOL Quarterly. (30). 1996. No. 3. P. 598 – 605.
- 7 Holliday A. Appropriate Methodology and Social Context. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. 237 p.
- 8 Breen M. P. The social context for language learning: a neglected situation? Candlin C. N. and Mercer N. (Collection of articles). English Language Teaching in its Social Context. A Reader. London: Routledge and the Taylor & Francis Group, 2001. 345 p. P. 122 – 146.
- 9 Holliday A. Achieving cultural continuity in curriculum innovation. Hall D. R. and Hewings A. (Collection of articles). Innovation in English Language Reaching. A Reader. New York: Routledge and the Taylor & Francis Group, 2001. 289 p. P. 169 – 177.
- 10 Johnson K. Understanding language teaching: Reasoning in action. Boston: Heinle & Heinle, 1999. 149 p.
- 11 Graves K. Designing Language Courses: A Guide for Teachers. Boston, MA.: Heinle & Heinle. 2000. 308 p.
- 12 El-Araby, Sallah A. Instructional technology in the preparation of foreign language Teachers. Teacher Education for TEFL: Proceedings of the 3rd National Symposium on English Teaching. Egypt: CDELT, Ain Shams University, 1984. 847 p.
- 13 Graves K. A framework of course development processes. Hall D. R. and Hewings A. (Collection of articles). Innovation in English Language Reaching. A Reader. New York: Routledge and the Taylor & Francis Group, 2001. 289 p. P. 178 – 96.
- 14 Damen L. Culture learning: The Fifth Dimension in the Language Classroom. Reading, Mass: Addison Wesley, 1987. 304 p.
- 15 Kramsch C. Context and Culture in Language Teaching. Oxford: Oxford University Press, 1993. 295 p.
- 16 Nunan D. and Lamb C. Managing the Learning Process. Hall D. R. and Hewings A. (Collection of Articles). Innovation in English Language Reaching. A Reader. New York: Routledge and the Taylor & Francis Group, 2001. 289 p. P. 28 – 45.

Mussanova G.A.,

Assistant Professor of al-Farabi Kazakh National University,
Almaty, Kazakhstan, e-mail: gulnazik241985@gmail.com

DEVELOPING STUDENTS' LISTENING SKILLS WITH THE USE OF AUTHENTIC MATERIALS

This article under review focuses on the importance of authentic materials in developing students' listening skills in the language classroom. Listening in fact is one of the most important keys to language learning. It is also one of the purposes of learning English. Listening skills are very important in building a student's cognitive, behavioral and affective aspects. It is important to know that listening skills develop this ability to interact and communicate with the world efficiently. There are many advantages when students in the language classroom correctly use these skills. Students also commonly learn through listening and paying attention to what they see and hear around them. Authentic materials help them to gain more knowledge and experience in listening, and they develop their own ideas, interests and preferences. After gaining such experiences, students filter important facts and opinions through different listening activities. Understanding such things helps them to guide and discover their individual possibilities. This article also explains a pivotal role of authenticity in teaching listening skills, and the correct usage of authentic materials and graded texts which are suitable to help our students improve their listening and increase their motivation in a bit more detail.

Key words: listening skills, an authentic listening material, an authentic approach, graded texts, comprehension, motivation, specific information.

Мусанова Г.А.,

әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің аға оқытушысы,
Алматы қ., Қазақстан, e-mail: gulnazik241985@gmail.com

Түпнұсқалық материалдарды пайдалана отырып, студенттердің тыңдап түсіну іскерліктерін дамыту

Бұл мақалада студенттерге шетел тілін үйретуде түпнұсқалық материалдарды дұрыс пайдалана отырып, олардың тыңдап түсіну іскерліктерін дамыту жолдары қарастырылады. Тыңдап түсіну – сөз әрекетінің бір түрі бола отырып, шетел тілін оқытуда және оны меңгеруде маңызды орын алады. Тыңдап түсіну әрекетін дұрыс меңгеру – шетел тіліне оқытудың басты мақсаттарының бірі болып табылады. Сөз әрекетінің бұл түрін меңгеруде түпнұсқалық материалдарды дұрыс қолдана білу де маңызды. Тыңдап түсіну іскерліктерін дамыту когнитивті және аффективті аспектілерді қалыптастыру үшін де маңызды. Тыңдап түсіну іскерліктерінің дұрыс қалыптасуы студенттердің сыртқы ортамен тиімді қарым-қатынас жасауына септігін тигізеді. Шетел тілін үйреніп жатқан студенттер осы іскерліктер мен дағдыларды дұрыс пайдалану арқылы көп нәрсе үйренеді. Түпнұсқалық материалдар және мәтіндер студенттердің тыңдап түсіну іскерліктерін жоғары деңгейде қалыптастыруға, білім мен тәжірибе жинауға көмегін тигізеді. Студенттер тыңдап түсіну жаттығуларын жасауда түпнұсқалық материалдардан керекті ақпараттарды немесе негізгі ойды нақты анықтай алатын болады. Сонымен қатар, бұл мақалада түпнұсқалық материалдардың және мәтіндердің дұрыс таңдалып алынып, қолданылуы, олардың студенттердің тыңдап түсіну іскерліктерін дамытуда және шетел тілін меңгеруге деген қызығушылықтарын арттыруда алатын негізгі ролі де қарастырылады.

Түйін сөздер: тыңдап түсіну іскерлігі, тыңдап түсіну әрекетін дамытуға арналған түпнұсқалық материалдар, түпнұсқалық амал-тәсілдер, жеке топтарға бөлінген мәтіндер, түсіну, мотивация, арнайы ақпарат.

Мусанова Г.А.,

ст. преподаватель Казахского национального университета им. аль-Фараби,
г. Алматы, Казахстан, e-mail: gulnazik241985@gmail.com**Развитие навыков аудирования студентов
используя аутентичные материалы**

В данной статье рассматривается актуальность аутентичных материалов для аудирования в обучении иностранному языку. Аудирование – это основная часть и вид речевой деятельности. Также аудирование – основная цель в обучении английскому языку. Навыки аудирования очень важны для построения когнитивных, поведенческих и аффективных аспектов. Важно знать, что навыки аудирования развивают эту способность эффективно взаимодействовать и общаться с миром. Есть много преимуществ, когда студенты в языковом классе правильно используют эти навыки. Студенты также обычно учатся, слушая и обращая внимание на то, что они видят и слышат вокруг них. Аутентичные материалы помогают студентам получить больше знаний и опыта при аудировании, и они разрабатывают свои собственные идеи, интересы и предпочтения. Получив такой опыт, студенты фильтруют важные факты и мнения с помощью различных аутентичных материалов для аудирования. Эта статья также объясняет основную роль аутентичности в обучении навыков аудирования и правильного использования аутентичных материалов и классифицированных текстов, которые подходят и помогают нашим студентам улучшить свои навыки и увеличить их мотивацию.

Ключевые слова: навыки аудирования, аутентичные материалы для аудирования, аутентичный подход, классифицированные тексты, понимание, мотивация, специальная информация.

Introduction

Language learning process is very essential in foreign language teaching. In order to know the language, students should gain all the important speech activities of the foreign language. Listening is one of the important speech activities. Listening skills are so important for learning since they enable language learners to acquire insight of the language and the information, and to aspire and achieve success in communicating with other people. In general, listening implies the minimum of two people talking to each other. It is a process of matching of the mental faculties of the sender of the information and the receiver.

Listening is the communication method that requires the listener to understand, interpret, and assess what they hear. The ability to listen actively can improve personal interaction through reducing problems, increasing cooperation, and fostering understanding.

When communicating with other people, students often are not listening carefully. Sometimes they may be unfocused, thinking about other interesting things, or thinking about what they are going to say next. Listening is a planned way of listening and responding to others, focusing attention on the speaker. There are three basic elements that comprise listening: comprehending, retaining, and responding.

In order to develop students' listening skills, teachers mostly focus on the process of listening

rather than its product: they develop students' awareness of the listening process and listening strategies by asking students to think and talk about how they listen in their native language; they allow students to practice listening strategies by using authentic listening materials and tasks; teachers behave as authentic listeners by responding to student communication as a listener rather than as a teacher; they show students the strategies that will work best for the listening purpose and the type of an authentic text. [1, 4]

There are two main areas of improving students' listening skills: 1) The type of listening activities we choose for them; 2) the way we prepare our students before listening. We would like to challenge some accepted beliefs about the way we prepare our students to listen to the given material and the types of tasks and materials we give them in an effort to encourage teachers to adopt an approach to dealing with listening texts that approximates to an authentic experience.

The most common type of tasks for listening our students are given in language learning classroom is comprehension questions. We may look at almost any language course book listening activity and we will find these. Sometimes listening tasks in the textbook will be True/ False statements, sometimes multiple-choice questions and open *wh*-question. In many ways there is nothing wrong with this, but how often do we really do these types of tasks and activities in our everyday lives? Do you sit down to watch TV or listen to the radio with a set of

questions in front of you? We very much doubt it. As such kinds of tasks, activities and exercises are not developing our students' abilities to understand and process what they have heard in any meaningful kind of way.

Over many years of teaching foreign language (English Language), we have taught lessons that so thoroughly prepared students to listen for the sole purpose of getting the correct answers to a set of prescribed questions that they could hardly fail to get a question wrong. We prepared the students by thoroughly pre-teaching all possible unknown words, word-combinations, phrases and idioms, checked that the language learners understood the context of the listening, and then made sure that they had predicted the possible answers to all the questions. Results were generally good, so what's wrong with this?

Well the problems begin the moment the language learners go out the classroom into the real world. They are surrounded by a vast range of unpredictable, unknown, and even spontaneous language. They have no control over the range of vocabulary they may encounter or the kind of things they will hear or need to respond to. This is why many times; even students who have higher language level do very well in the classroom find it so difficult to cope when faced with a "real" situation. It means, we simply have not taught them in a way that will help students cope with this [2, 1].

Experiment

Before writing this article, firstly, we selected tasks and activities that are "authentic", by which we mean real tasks those real native speakers would do if they were listening to a similar text. In the course of our daily life we never listen to anything for the main purpose of answering true/false questions or multiple-choice questions or any other kinds of questions. These are all sound means of testing ability, but we do not improve our students' ability and skills by testing it, we only ascertain their level of development in listening. As we said "authentic" tasks and activities should be ones that resemble as much as possible the original purpose for which the text was intended. For example, if we listen to a train announcement we do so in order to make sure we know the time of the train we want to catch; if we listen to someone giving directions we do so in order to be able to find a destination. As teachers, selectors and designers of teaching material for listening, we should try to bear this in mind when we set tasks for our students. The key purpose of the authentic

text should define the task we assign our students and in so doing we develop our students' abilities to understand and process what they hear rather than just achieving a score.

After all, using authentic material in the language classroom is the purpose of learning English: to use it in situations outside the classroom environment. What is authentic material? Is it any text produced by native speakers? The definition of authentic texts comes closer to considering any text produced for use outside the classroom, either from native or non-native speakers. The use of graded texts would help more language learners develop their listening skills and work as a motivational factor. Some teachers would say grade the task or activity, not the text. How successful would listening be if you fell don't understand a word? We think a combination of authentic and graded texts would be more suitable to help our students develop their listening skills and increase their motivation to learn the language [3, 2].

Results of the experiment and discussion

We asked our students who were in the language classroom to listen to a recording without any visual clues, let alone any clues that a normal "listener" would have because they were involved in the context by interacting, with the speaker. But most real life listening is done with the speaker in front of us so surely video would be a more appropriate medium for delivering listening to students. Also sometimes we used songs as an authentic material, and they were very effective in developing listening skills in the language classroom. It is very essential to teachers to make students get to like English music and it really helps out a lot. English texts are important too, but we definitely believe that listening alongside with speaking are vital to success in this language learning.

For example, in our practice teaching English in the classroom, sometimes we use authentic songs. One day we had a topic "Music" with Intermediate level students. We prepared John Lennon's song "Imagine" for the students. When the song was played, it got immediate appraisal in the class, and all of the students were able to understand and got interested. According to the topics which we have in the main textbook (New English File Intermediate), we found simple songs in which singer's language clearly attracts our students and they are getting interested in English songs. In a community where people do not imagine listening to English songs, our students started listening to it, and we have also

found that it is improving their listening skills too. We also used English dialogues and role-plays as practice in our lessons. In this way the lesson can go without hassle and over-burden over students.

Language is a constantly developing form and when we listen in our native language we still hear words that are new to us or that we may not fully understand. This doesn't however lead us to check lists of unknown words in dictionaries or learn word list before we listen. We have evolved a process of deducing the meaning of new words. This is a process we also need to develop in our students. By constantly pre-teaching and preparing students we are undermining the development of this process. Students need to be challenged and to struggle to find meaning for themselves, with our guidance and support, in order to develop this ability. [4, 6]

To make this happen we need to do less pre-teaching and more developmental and post-listening work so that students' first listening to a text is as close as possible to an "authentic" experience. We can then use this first listening experience diagnostically to assess the problems that they are having and what we need to do to overcome those problems. We can also gauge the degree to which they are succeeding with their listening and build on this.

But there are some problems with an authentic approach to listening. Students can easily be demotivated when faced by tasks or activities that are very difficult, particularly the first few times, but if you show them that you will gradually lead them

to an understanding of the authentic text, they will gradually start to relax more about dealing with more difficult texts. And once you have shown students a few times that they can gradually understand a challenging text, then, in the long run they will develop a much greater sense of achievement and experience far less stress when dealing with difficult situations in the real world. In the classroom many students expect us as their teachers to make things easy for them and to help them. This is also our instinct on seeing our students struggling, but we must try to resist this urge to do the work for them and help students to see that by doing the work for them we undermine their potential to achieve for themselves. [5, 4]

Conclusion

In conclusion, to learn a skill we need to bring all of ourselves to the task and we need to be in charge as much as possible so we search for what we need to do in order to master what we want to do. We have for some time been adopting this authentic approach in developing students' listening skills which is mentioned above, and while it does have its initial drawbacks for students that come from an educational culture that puts emphasis on testing and teacher dependence. If as teachers of English language we are prepared to persevere, in the long term we have found that the students do understand, appreciate and benefit from a more authentic listening experience.

References

- 1 Ireland J. The kinds of listening skills. *Livestrong.com*. Retrieved from <http://www.livestrong.com/article/82419-kinds-listening-skills>, 2011. P. 4.
- 2 Peachey N. Making listening an authentic experience. *Articles. The British Council*, 2004. P. 1.
- 3 Gilmore A. Authentic materials and authenticity in foreign language learning. *Language Teaching*, 2007. P. 2.
- 4 Hoppe M.H. *Active listening: Improve your ability to listen and lead*. e-book. – Greensboro, NC, 2006. P. 6.
- 5 Rothwell J.D. *In the company of others: an introduction to communication*. New York: F. Watts, 2010. P. 4.

5-бөлім
МӘДЕНИЕТ

Раздел 5
КУЛЬТУРА

Section 5
CULTURE

Туякбаева А.Ш.,

Т. Жургенов атындағы Қазақ ұлттық өнер академиясы, доктор PHD 3 курс студенті,
Қазақстан, г. Алматы, e-mail: maulet74@mail.ru

ЗАМАНАУИ КИНО ДРАМАТУРГИЯСЫ ЖӘНЕ ҚАҺАРМАНДАР

Бұл мақалада қазақ киносында ұлттық салт-дәстүрдің, оның ішінде кез келген кино мамандарының көрсетуге жүрегі дауалап, жиі бара бермейтін тақырып – бақсылық өнері тақырыбының көрініс табуы туралы сөз болады. Бақсы фильміндегі басты кейіпкердің сирек өнер иесі екеніне екпін жасай отырып, авторлар аталған туындының ұлттық құндылықтарды дәріптеуге ерекше үлес қосып отырғанын айрықша атап өтеді.

Түйін сөздер: Драматургия. Кино. Салт-дәстүр. Бақсы. Ем-дом.

Tuyakbayeva A.S.,

T. Zhurgenov Kazakh National Academy of Arts, doctoral student PHD 3 courses
Kazakhstan, Almaty, e-mail: maulet74@mail.ru

Dramaturgy of modern cinema and its heroes

This article describes and raises one of the rare problems on which masters of cinematography do not often stop is "shamanism". Shamanism was rarely practiced and only by people who possessed this ability. In the movie "Baksy" the director was able to show in detail and in all its glory the main character the owner of the talent of a healer, hypnotist and woman who could communicate with otherworldly forces. In addition, the authors of the film narrate about the people's methods of treatment, their benefits, spiritual and moral values.

Kew words: dramaturgy, cinema, customs. Rituals, shamanism.

Туякбаева А.Ш.,

докторант PHD 3 курса обучения Казахской национальной академии искусств
имени Т. Жургенова, Казахстан, г. Алматы, e-mail: maulet74@mail.ru

Драматургия современного кино и его герои

В данной статье описывается и поднимается одна из редких проблем, на которой не часто останавливаются мастера кинематографа – это «шаманизм». Шаманизмом занимались редко и только те люди, которые обладали этим даром. В фильме «Баксы» главную героиню, обладательницу таланта лекаря, гипнотизера, человека, который мог общаться с потусторонними силами режиссер сумел показать в подробностях и во всей красе. Кроме того авторы фильма повествуют о народных методах лечения их пользе и духовно-нравственных ценностях.

Ключевые слова: драматургия, кино, обычаи, обряды, ритуалы, шаманизм.

Кіріспе

Рухани-идеологиялық қуатты қару болып табылатын 100 жылдық тарихы бар кино өнері – біздің елімізге кешеуілдеп жеткені мәлім. Қазақ киносының алғашқы төл туындысы – «Лен-фильм» студиясында түсірілген «Амангелді»

көркем фильмінен бастау алады. Бұдан кейін елімізде талай ұлы тұлғалар мен ұлт бейнесін, қазақ тағдырын, бүгіні мен өткенінен сыр шертетін ірі кинотуындылар үлкен экранға жол тартты. Тәуелсіздігімізді алғаннан кейін жаңаша көзқарастағы фильмдер жарық көре бастады. Мұндай фильмдердің бірқатары көрермен

жүрегіне жол тауып, ұмытылмас әсер қалдырды. Олар өмірге, киноға деген жаңашыл көзқарастар тудырды. Талғамы биік қазақ көрермендеріне «Қызғалдақ», «Қарой», «Бақсы», «Балалық шағымның аспаны», «Шал» іспетті драматургиясы ширақ фильмдер кеңінен тарала бастады.

Фильмнің көркем шығуы – драматургия пен режиссуралық шешімнің тығыз ұштасуы, актерлық шеберліктің айқын көрініс табуына тікелей тәуелді. Негізгі кейіпкерлер сол фильмнің мақсаты мен міндетіне қол жеткізуіне арқау болуы керек. Фильмдегі негізгі ой мен кейіпкер бейнесінің сабақтастығын «Қыз Жібек» фильміндегі мөлдір махаббат, «Менің атым Қожа» фильміндегі бейкам балалық, «Көшпенділер» фильміндегі батырлық, «Бақсы» фильміндегі наным-сенім қуатынан тануға болады. Әр фильмнің көтерген мәселесі басты қаһармандар көмегімен ашыла түседі. Балалықтың бейкам шағы, тәтті қылығын Қожа арқылы танысақ, сонау тарихымыздағы ерлік пен елдікті, Отанға деген кіршіксіз махаббатты хан Абылай бейнесі арқылы бағамдаймыз. Халықтың наным-сенімін, тылсым күштің, бақсылық қасиеттің ерекшеліктерін Бақсы Айдай әже бейнесінің шебер сомдалуынан байқауға болады.

Қазақ кино өнерінің «жаңа толқын» режиссері «Сүйрік» фильміндегі сүйкімді, нәзік қызды сомдау арқылы танылған Гүлшад Омарованың 2008 жылы алғашқы фантастикалық драма бағыты бойынша түсірілген «Бақсы» фильміне жеке тоқталсақ. Шет елдікбайқауларда «Бақсының» атағы аспандап тұр. Олай дейтініміз, Гонгконгта өткен халықаралық «Asia pacific award» фестивалінде «Бақсы» екі бірдей жүлде жеңіп алды. Оның бірі – үздік әйел рөлі, екіншісі – үздік монтаж үшін берілді. Сондай-ақ, АҚШ-тағы «The Women's International Films and TV showcase» фестивалінде де жүлделі орынға ие болды. Енді осы «Бақсы» фильміндегі «бақсы» – деген, кім? Фильм авторлары бақсылық қасиеттің қыр сырларын аша алды ма? – деген, сұрақтарды қарастыратын боламыз. Бұл жаңашыл фильм елімізде және Германия мен Ресей елдерінде өз көрсетілімдерін өткізген. Жалпы фильмде қазақ даласында өмір сүрген бақсы әже туралы баяндалады. Ата – бабасынан дарыған ерекше қасиетінің арқасында, жұртқа танылған – Айдай әже, мұқтаж жандарға барынша өз көмегін аямайды.

Фильм таң сәріден аспанға қарап «әулие», «аруақтарды» шақырып, ата-бабасына сыйынып, күш қуатының артуын тілеп, зікір салған Айдай әжені көрсетумен басталады. Киелі жер,

киелі топырақта өз ем шараларын жүргізетін бақсыға ағылып келген халықты түрлі халықтық ем-дом күтіп тұрады. Аяғын басып жүре алмаған әйелді жаңа сойған қойдың жылы қанына жуындырып аяғынан тік тұрғызады. Із түссіз кеткен адамның қайтып келмейтінін айтып, артына үлкен байлық қалдырғанын болжайды, жоғалған мал-жанды тауып беріп, елді қуанышқа бөлейді. Еріктілердің денсаулық жағдайына қарай балшықпен емдеп дұға қылып, қасиетті суды шашып жамандықты қуалайды, дұрыс жолдан тайған пенделерді зынданға қамап жазалап, тәубелеріне келтіреді. Фильмнің шарықтау шегі бақсының болжамымен дүниеге келген бала Хасан, оның әкесінің бақсыға деген разылығы үшін сыйлаған қасиетті жерден айырылуына ұштасады. Осыған орай, бақсы дұға оқи отырып, өз-өзіне клиникалық өлім жасайды. Бақсының ескертуіне құлақ салмаған кәсіпкердің және басқа да адамдардың бақытсыздыққа жолығуымен шиеленіседі. Фильмнің соңына орай Түркістанға кеткен Айдай әжені іздеп тауып елге қайтарады. Бұл барлық істің оңалуы мен қалыпқа келуін аңғартады.

Фильмнің негізгі қаһарманы, бастапқы ой мен идеясының негізі болып табылатын «Бақсы» сөзі нені білдіреді? Қазақ халқы тылсым әлеммен байланыс жасай алатын, бойына тәуіптік, балгерлік, сәуегейлік, сиқыршылық қасиеттер қонған адамды «бақсы» деп атайды. Шағатай тілінде оның атауы – бақшы. Бақсы — әлгі тылсым әлеммен байланысқа еніп, ондағы түрлі рухтарды өз қызметіне пайдалана алатын адам. Бақсының “жын-рухтарының” аты болады. Жекелеген индивидуум ретінде қажетті кезде олар өз бақсысының алдында әйел, шал, қыз, т.б. бейнелерде тізіліп тұрады-мыс. Бақсы сол шақырған жындарының “көмегімен” гипноздық өнер де көрсете алады. Қай жаққа қолын сілтесе, сол жақта 5 — 10 қадам жерде тұрған заттар қылышпен шапқандай кесіліп кете береді. Қылыштың жүзімен жүріп, шоқ темірді қолымен ұстап, тіліне қариды, өткір пышақпен өз мұрнын өзі “кесіп” тастайды. Ақыр аяғында денесінде бір де бір жара, не сызат, белгі қалмайды. Бақсылық қасиеттің тылсым күші тек таңдаулы адамдарға өз ата-бабаларынан тікелей немесе белгілі бір жағдайларда қонатын болған. Бақсылықпен әйелдер де айналысқан, оларды «елті» деп атаған. Жалпы шығу тарихы отқа табыну мен шамандықпен тығыз байланысты бақсылардың ерекшелігі – сырқат адамдарды сол елдің салт-дәстүр, таным-түсінігіне сәйкес психологиялық тәсілмен емдеу болып саналады.

Ал «Бақсы» фильміндегі Айдай деген кім? – деген, сауал – фильмнің бүкіл ойы мен идеясын ашатын арқау. Биографиялық фильм жанрындағы «Бақсы» фильмінің идеясы Алматы төңірегіндегі Ұзынағашта елді мекенінде дүниеге келген деп пайымдалады. Дәлірек айтсақ, фильм сценарийінің жазылуы Үңгіртас деген жерді әулие тұтатын, шырақшы, емші ретінде көптен бері мекендеп келе жатқан елге танымал Бибіфатима ханымның өмірінен бастау алған. Бибіфатиманы бүгінгі күннің «бақсысы» деуге де болады. Дертіне дауа, жанына жылу, бесігіне перзент, отбасына бақыт тілеген наным-сенімнің жетегінде жүрген кәрі-жастың бәрі осында ағылады. Ал, осы Бибіфатима тағдырының негізінде түсірілген Айдай бақсының бейнесін сомдау Жамбыл облыстық қазақ драма театрының әртісі Несіпкүл Омарбековаға бұйырыпты. Айдай рөлін сомдау үшін Бибіфатима ханымды көріп, мінез-құлқын, іс-әрекетін, сөз саптасын, емдеу тәсілдерін, бақсыға тән елде жоқ ерекшеліктерін өз бетінше зерделеген Несіпкүл Омарбекова өзінің дебюттық рөлін өте жақсы орындап шыққан. Ондағы іс әрекеті, мінез құлық ерекшелігі шынайы бейнеленді.

Қазақ бақсылары ешқашан сұранып кісі емдеген, үйінде сырқаты бар адамның өтінішімен ғана келген және де, оларды қобызда ойнап, зарлы не қаһарлы үн, әуендер шығару, түсініксіз жыр жырлау, “жынын шақырып” зікір салу немесе гипноздық, жонглерлік, т.б. “керемет” көрініс, әрекеттер жасау арқылы жүйке жүйелеріне әсер ету арқылы емдеген. Бақсылық емінің кең тараған түрлері – ауру тудырған қаскөй жындарды қайырымды жындардың көмегімен қуу, солармен байлау, сондай-ақ адастыру, көшіру, өткір жүзді суық қарулармен және қыздырылған темір құралдармен шошыту, немесе ұшықтау (кетпен ұшық) және т.б. тәсілдер қолданып, емдік шара жүргізген. Ауру тудырушы бейнелердің сұлбасын қуыршақ түрінде жасап, оны малдың бас сүйегіне көшіру – кең таралған ем түрі. Сонымен қатар аурудың барлық түріне жын шақырып, ойнай бермеген. Бақсы жеңіл-желпі ауруларды үшкіру, ұшықтау, қактыру, көшіру, отпен аластау, иесін шақыру арқылы да емдейтін болған. Фильмде бақсы де өз күш – қуатын арттыру мақсатында табиғи құдіретті күштерге жүгінеді. Мұндай көріністерді таңсәріде жота басында бақсының зікір саған кезінен байқасақ, одан бөлек, фильмнің шарықтау шегіндегі негізгі оқиғаға себепші гипноздық клиникалық өлім жасау кезіндегі эпизодтардан аңғаруға бо-

лады. Ал, фильмдегі бақсылық ем-дом шаралары мүлдем өзгеше, қойдың жылы қанымен жуындыру, балшықпен сылау, қанмен сурет салу және ожаумен беттеріне, денелеріне суды шашу сияқты ерекше тәсілдермен атқарылады.

Фильмде қыз баланы сүт құйылған балшықпен сылап емдейді. Мұндай ем түрі дұғалау, тіл-көз, безгек ауруларын емдеуде де пайдаланылды. Балшық салынған ыдысқа сүт құйса, бұл қоймалжың заттың температурасы жоғары күйінде сақталып, өз қасиеттерін жоғалтпай керісінше, еселене түсетін көрінеді. Ал, сумен емдеу түріне келсек, бұнда бейқам тұрған адамдарға су шашу арқылы шошытып жамандықтан аластайды, ұшықтайды, ауруды қуалайды. Жалпы су шашу процесі кезінде адам серпіліп, жүйке жүйесі және қан тамырлардың жұмыс жақсарады екен. Фильмнің соңғы кадрларында бақсы қатты шошынған баланы шошыту, айқайлау, арқылы емдегені бейнеленген.

Бақсылар емшілікпен қатар балгерлікпен де шұғылданған. Олардың келешекті болжайтынына, адамның тағдырын шешіп, оның ойын сезіп тұратынына, өткен өмірін де ашық айтып бере алатынына ел-жұрт күмәнсіз сенген. 5 ғасырдағы ғұн патшасы Еділдің айналасында көптеген даңқты бақсылар болған. Олар әрбір күрделі оқиғаларды күні бұрын болжап, патшаға жеткізіп отырады екен. 451 жылғы Каталаун шайқасының тағдырын бақсылар құмалақ ашып, бірнеше күн бұрын айтып берген. Болжам дәл келген. Сол сияқты фильмдегі Айдай бақсы жоғалған малдың қай жерде екенін айтып, іс-түссіз кеткен әйелдің күйеуі туралы болжамдар айтады, ол болжамдар дәл келеді. Бұл іс – әрекет арқылы фильмнің негізгі кейіпкері – бақсының образын толығырақ аша түскен.

«Бақсы» фильмі Ресейдің бірінші телеарнасындағы «Закрытый показ» ток-шоуында көрсетілді. Бұл бағдарламада ерекше назарға ілінген кинотуындыларды көрсетіп, артынан оны мамандардың талқысына салады. Киносыншылар мен режиссерлер фильмнің идеясынан бастап, актерлердің шеберлігі және техникалық сапасына дейін талқылап, сараптайды. Фильмнің көркемдік жағына, актерлердің шеберлігіне, образ-дардың өзара байланысына қатысты түрлі пікірлер қозғайды. Осы кезде «Бақсы» фильміне түрлі көз – қарастар мен пікірлер айтылды. Кино мамандары фильмнің негізгі сюжеттері азиялық мәдениеттің төңірегінде өрбісе де, оның ерекшеліктері ескерілмегенін және бұл туынды жартылай орыс тілді болғанына қарамай, орыс көрерменіне лайықталмағанына қынжылыс

білдірді.

«Бақсыда» ойнаған актерлер сөзінің жансыз, нәрсіз диалогтарға құрылғаны, оның үстіне сөздерге екпін дұрыс түсірілмегені, бақсыны, жалпы Шығыс еуропалықтар қалай елестетсе, сондай етіп түсірілгені жайында айтылды. Бұл тек сол арадағы Ресей киносыншылардың ғана пікірі. Біздің пікірімізше, фильмдегі ем-шара жүргізу барысында ер адамдар мен әйел затын бірге емдеу режиссерлық сәтті шешім деп айта алмаймыз. Ол жерде жартылай жалаңаш әйел адамдар ештеңеден де қысылмастан жүре береді. Ал, Айдай бақсы қайтыс болғанда, оны жерлеген қазақ жігіттері «Апашка жақсы адам еді, сол үшін алып қоялық» деп тост көтереді. Қазақ қаралы қазаның үстінде арақ ішпеген. Туындыдағы осы ұят көріністер халқымыздың рухани ұстанымы мен діни наным-сеніміне қатысты теріс пікір туғызбасына кім кепіл?!

Жалпы қазақ халқында бақсылар ертеден үлкен мәртебеге ие адамдар болған. Аңыздарда да, тарихи шығармаларда кездесетін қазаққа қадірі жоғары, атақты бақсы, таңғажайып тәуіп, керемет көріпкел, теңдесі жоқ қобызшы болған – Қыпшақ Қойлыбай Әбураханұлын мысалға алуға болады. Ұлтымыздың ұлы ғалымы Шоқан Уәлиханов Қойлыбайды «бақсылардың бақсысы, әрі пірі» деп бағаласа, Әлкей Марғұлан: «Қорқыттың қобызын, оның сарынын ең алғаш рет мирас еткен кісі – Қойлыбай бақсы. Ол Қорқыттың шәкірті болып саналады» деп жазады. Кезінде Мағжан Жұмабаев Шоқанның зерттеулерін негізге ала отырып «Қойлыбайдың қобызы» атты дастан да жазып қалдырған. Енді мінеки, Қойлыбайдың есімі Қазақстанның ұлттық энциклопедиясының 6-томына еніп отыр. Әубәкір Диваевтың хатқа түсірген «Бақсы» жырындағы аңыз бойынша, қыпшақ Қойлыбай бақсының төрт батыр ұлы, бес мың жыны болған көрінеді. Бақсылар туралы жазылған естелік, әңгімелерді оқып отырсақ, ол қылыштың жүзімен жүреді, шоқта қып-қызыл болып балқыған темірді тілімен жалайды, жұрттың көзінше құлақ, мұрынын кесіп тастаса, көп ұзамай денесінің ол мүшелері еш сызатсыз орнында тұрады, қобызын сарнатса, бозторғай шырылдаған тып-тыныш дала төсінде дауыл тұрғызып, найзағай ойнатып, жаңбыр жауғызады. Қойлыбай бақсы әулиелілігі мен

қасиеті күшті болғандықтан, тірі пенде оған дауыс көтере алмаған. Ондай өресіздер болса, халықтың өзі оларды тәртіпке шақырып, жазасын берген. Ел аузында Тойшан деген әдепсіз бір байдың Қойлыбайды менсінбей, елден қумақшы болғанында, оның ата-мекенімен қобыз тартып қоштасқаны, оған ет-жүрегі елжіреген халықтың әлгі байдың өзін ауылдан қуып жібергендігі жөнінде аңыз әңгіме бар. Торғайлық ақын Хамитбек Мұсабай өзінің «Қойлыбайдың қоштасу күйі» деген дастанында бабамыздың тәңір берген киелі қасиеттері туралы толыққанды жыр толғайды. Міне, осындай тарихи деректерге сүйенсек халыққа танымал, мықты бақсыларды сыйлап, құрметтеп, оларға қарсы келмеген. Оларды пір тұтқан. Бақсы – тек бақсылық қасиетімен шектелмеген, жан – жақты, халқына рухани дем беруші, емші, тәуіп, көріпкел бола білген. Міне, нағыз бақсы – фильм сюжетіне сай кейіпкер, қаһарман.

Заманауи кино мен телеарнаның драматургиясы уақыт көшіне қарай өз қаһармандарын бейнелейді. Сондықтан да, бүгінгі таңда идеологиямыздың ажырамас бөлігі саналатын кино саласы – халыққа рухани дем беру жолындағы күшті қару деп саналады. Осы Отандық төл туындыларымыз арқылы ұлттық мүддеміз бен намысымызды жоғары дәрежеге көтерер болсақ, бұл кино өнеріндегі жеткен елеулі жетістіктердің бірі болары хақ. Кино, ең алдымен, өз ұлты үшін түсірілуі қажет. Сонда ғана ұлттық өрнегі қанық, халыққа айтары анық, жетер жетістігі мен мұраты биік болады. «Біткен іске сыншы көп» демекші, талай сыннан өткен бұл фильмге әлі де талай пікір айтылары анық. Дегенмен, түсірушілер тобы елімізде әлі көтерілмеген, әлі көрсетілмеген жұмбақ әрі қызықты тақырып – бақсылық өнердің тылсым құпиясын терең ой, драматургиясымен, өзіндік ерекшеліктермен жеткізе білген. Негізгі кейіпкердің тағдырындағы ең маңызды тұстарын ықшамдап, бейнесін жеріне жеткізе ашып көрсетуге ұмтылыс жасаған.

Бұл режиссер мен оператордың бірлесе ізденген еңбегінің нәтижесі. Түйіндеп айтар болсақ, «Бақсы» фильмі өзіндік табиғи өрнегі, режиссердің халыққа айтқысы келген негізгі ойының тың да, шынайылығымен басқалардан дара тұр.

Әдебиеттер

- 1 Қазақ әдебиеті. Энциклопедиялық анықтамалық. — Алматы: «Аруна Ltd.» ЖШС, 2010 жыл.
- 2 Қазақтың этнографиялық категориялар, ұғымдар мен атауларының дәстүрлі жүйесі. Энциклопедия. — Алматы: DPS, 2011.
- 3 «Қазақстан»: Ұлттық энциклопедия / Бас редактор Ә. Нысанбаев — Алматы Бас редакциясы, 1998
- 4 Диваев А. Баксы // Этнографические материалы. Вып. V. Ташкент. 1896;
- 5 Тронов В.Д. Материалы по антропологии и этнологии киргиз // ЗЗООИРГО. СПб.. 1891. Т. XVII. Вып. 2
- 6 Отырар. Энциклопедия. — Алматы. «Арыс» баспасы, 2005

References

- 1 Kazakh adebieti. Enziklipedialik aniktamalik. — Almaty: «Aryana Ltd.» GSC, 2010 gil.
- 2 Kazaktin etnografialik kategorialar, ygimdar men ataylarinin dastyrlı jyiesi. Enziklopedia. — Almaty: DPS, 2011.
- 3 «Kazakhstan»: Ylttik enziklopedia / Bas redaktor A. Nisanbaev — Almaty Bas redakziyasi, 1998
- 4 Divaev A. Bakzy // Ethnografiheskie materialy. Tashkent. 1896;
- 5 Tronov B.D. Materialy po antropologiyi and ethnologiyi kirgizov // ZZOOIRGO. SPB.. 1891. T. XVII. Bıp. 2
- 6 Otyrar. Enziklopedia. — Almaty. «Arys» baspasi, 2005

СОДЕРЖАНИЕ – МАЗМУНЫ

1-бөлім Раздел 1 Аударма теориясы Теория перевода

<i>Аллахвердиева Р.З.</i>	
Переводы русских драматических произведений для азербайджанской сцены	4
<i>Бейсембаева С.Б.</i>	
Невербальные компоненты коммуникации в произведениях казахских писателей и особенности их перевода.....	10
<i>Тен Ю.П.</i>	
Тема разделенной нации в современной прозе Кореи и проблемы художественного перевода.....	16

2-бөлім Раздел 2 Әдебиеттану Литературоведение

<i>Алиева Г.Т.</i>	
Признаки магического реализма в малых прозах и романах Ф. Кафки	24
<i>Базылова Б.К., Базылов Т.К.</i>	
Место личности в истории и ее художественное воссоздание.....	30
<i>Ibrayeva D.S.</i>	
The autobiography in the works of Gerold Belger	35
<i>Нуриева Н.М.</i>	
Ориентализм в творчестве Вашингтона Ирвинга.....	42
<i>Отарбаева Г.Н.</i>	
Қазіргі қазақ поэзиясындағы метаморфозалардың концептуалдық бейнесі	49
<i>Эйвазова В.Н.</i>	
Новые формы социальной сатиры в романе «Меч почета».....	54
<i>Ашимханова С.А.</i>	
Проблема интертекстуальности и эстетические позиции Питера Акройда.....	
<i>Велиева С.М.</i>	
“Пропасть” в жизни и смерти	
<i>Нурмаханова М.К.</i>	
Доминантные жанры в творчестве литературного критика К. Нурмаханова: афоризмы	
<i>Сафронова Л.В., Жанысбекова Э.Т.</i>	
Мифологема Нарцисса и мотив первотворения в рассказе И. Одегова «Пуруша»	
<i>Таттимбетова К.О., Джолдасбекова Б.У.</i>	
Казахские устные тексты как один из интертекстов в русской прозе И.П. Щеголихина.....	

3-бөлім Раздел 3 Тіл білімі Языкознание

<i>Алимжанова Г.М.</i>	
Лингвокультурологический анализ ритуализованной коммуникативной ситуации – «свадьба» (на материале русской, британской и американской культур).....	60
<i>Бижкенова А.Е., Султанбекова С.А.</i>	
К вопросу об этимологии суффикса -ман/-мен в казахском языке и о его возможном родстве с германским -man (-mann)	67
<i>Жұбаева О.С.</i>	
«Етіс» грамматикалық концепті: когнитивті аспект	73
<i>Мажит Б.</i>	
Понятие «семья» на казахском языке и концептуальное поле.....	82
<i>Абдиман Ж.О.</i>	
Лексические особенности инаугурационных речей Н.А. Назарбаева.....	

<i>Гиздатов Г.Г., Сопиева Б.А.</i>	
Дискурс и идентичность в медиальном пространстве Казахстана	
<i>Есенова Қ.Ө.</i>	
Әлеуметтік-семантикалық концептінің медиа кеңістіктегі репрезенттелуі	
<i>Жабаева С.С.</i>	
Национально-культурная специфика реализации концепта «гостеприимство» в казахской, русской и английской лингвокультурах	
<i>Makhmetova D.M., Lugovskaiya E.I., Nessipbayeva Z.S.</i>	
On the function of adjectives in scientific texts	
<i>Orazbekova I.G., Muldagalyieva A.A., Okusheva G.T.</i>	
Lexical blending in the modern English language.....	

4-бөлім	Раздел 4
Тіл мен әдебиетті	Методика преподавания
оқытудың әдістемесі	языка и литературы

<i>Абузарли С.З.</i>	
Правильное произношение как основа для развития у студентов навыков устной речи, ориентированной на коммуникацию	94
<i>Adilbayeva U.B.,</i>	
Case studies in English language learning.....	
<i>Atabayeva F.K., Atabayeva G.K.</i>	
Intercultural communication in foreign language teaching	
<i>Zhanadilov T.</i>	
Tensions possibly appearing between beliefs of syllabus developers.....	
<i>Mussanova G.A.</i>	
Developing students' listening skills with the use of authentic materials.....	

5-бөлім	Раздел 5
Мәдениет	Культура

<i>Туякбаева А.Ш.</i>	
Заманауи кино драматургиясы және қаһармандар	102

CONTENTS

Section 1 The theory of translation

<i>Allahverdiyeva R.Z.</i> Translations of russian dramatic works of literature for the Azerbaijani scene	4
<i>Beissembayeva S.B.</i> , Non-verbal components of communication in the works of kazakh writers and peculiarities of their translation	10
<i>Ten Yu.P.</i> The title of divided nation in modern prose of Korea and problems of literary translation	16

Section 2 Literary Criticism

<i>Aliyeva G.T.</i> , Characteristics of Magic Realism in F.Kafka's Short Stories and Novels.....	24
<i>Bazylova B.K., Bazylov T.K.</i> Place in the history of the person and his artistic reconstruction.....	30
<i>Ibrayeva D.S.</i> The autobiography in the works of Gerold Belger	35
<i>Nuriyeva N.M.</i> Orientalism in Washington Irving's Creativity	42
<i>Otarbayeva G.N.</i> Conceptual images of metamorphosis in modern Kazakh poetry	49
<i>Eyvazova V.N.</i> , New forms of Social satire in the novel "Sword of Honour"	54
<i>Ashimkhanova S.A.</i> The problem of intertextuality and aesthetic positions of Peter Acroid.....	
<i>Veliyeva S.M.</i> "Abyss" in life and spirituality	
<i>Nurmakhanova M.K.</i> Dominant genres in the work of literary critic K. Nurmakhanov: aphorisms	
<i>Safronova L.V., Zhanyzbekova E.T.</i> Complex of Narcissus in I. Odegov's story "Purusha"	
<i>Tattimbetova K.O., Dzholdasbekova B.U.</i> The Kazakh oral texts as one of intertekst in the Russian to I.P. Shchegolikhin's prose.....	

Section 3 Linguistics

<i>Alimzhanova G.M.</i> , Linguocultural analysis of ritualized communicative situation - «wedding» (on the basis of Russian, British and American cultures)	60
<i>Bizhkenova A.E., Sultanbekova S.A.</i> To the issue of etymology of the suffix -ман/-мен in the kazakh language and its possible relations to german -man (-mann)	67
<i>Zhubaeva O.S.</i> , The grammatical concept of «voice»: cognitive aspect.....	73
<i>Mazhit B.</i> The concept of «family» in the Kazakh language and conceptual field	82
<i>Abdiman Zh.O.</i>	

Lexical peculiarities of Inaugural Addresses of N.A. Nazarbayev	
<i>Gizdatov G.G., Sopieva B.A.</i>	
Discourse and identity in the medial space of Kazakhstan.....	
<i>Yessenova K.U.</i>	
The representation of social-semantic concepts in the media texts	
<i>Zhabayeva S.S.</i>	
The national-cultural specific features of the concept “hospitality” realization in Kazakh, Russian and British lingua cultures.	
<i>Makhmetova D.M., Lugovskaiya E.I., Nessipbayeva Z.S.</i>	
On the function of adjectives in scientific texts	
<i>Orazbekova I.G., Muldagalyieva A.A., Okusheva G.T.</i>	
Lexical blending in the modern English language.....	

Section 4 Methods of teaching language and literature

<i>Abuzarli S.Z.</i>	
Proper pronunciation as a basis for developing students’ oral communication skills	94
<i>Adilbayeva U.B.</i>	
Case studies in English language learning.....	
<i>Atabayeva F.K., Atabayeva G.K.</i>	
Intercultural communication in foreign language teaching	
<i>Zhanadilov T.</i>	
Tensions possibly appearing between beliefs of syllabus developers.....	
<i>Mussanova G.A.</i>	
Developing students’ listening skills with the use of authentic materials.....	

Section 5 Culture

<i>Tuyakbayeva A.S.</i>	
Dramaturgy of modern cinema and its heroes	102